

ISSN 2542-0488 (Print) • ISSN 2541-7983 (Online)

Т. 10, № 2 • 2025
**ОМСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК**

Серия Общество. История.
Современность

**OMSK
SCIENTIFIC
BULLETIN**

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10 № 2 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgту.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgту.ru/
general_information/
media.omgту/
journal_of_omsск_research_journal/](http://www.omgту.ru/general_information/media.omgту/journal_of_omsск_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Сёмина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 13.05.2025 г.
Дата выхода в свет 26.05.2025 г.

Формат 60x84 1/8.
20,23 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1-100).

Заказ 23
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сушко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартышина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
пути сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published since July 2016
4 Times per Year

Volume 10 No. 2 2025

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПН No. ТУ55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgту.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgту.ru/
general_information/media.omgту/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgту.ru/general_information/media.omgту/journal_of_omsk_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 13.05.2025
Date of Publication 26.05.2025

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 20.23. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 23
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- А. В. Антошин.** Кризис политики перестройки М. С. Горбачева в оценках журналов «третьей волны» эмиграции из СССР 5
- С. А. Бражников.** Деятельность органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в России конца XX века 14
- А. В. Долгова.** От кризиса государства к кризису социума: общественно-политическая и повседневно-бытовая жизнь Пермской губернии в первой половине 1919 г. 22
- М. С. Новиков.** Развитие российского федерализма в 1990-х гг. (на примере Алтайского края) 32
- И. С. Сильченко.** Социально-демографический портрет офицерского состава 7-го Камышловского (27-го Камышловско-Орвайского) горных стрелков полка 42
- Н. А. Чиканова.** Дореволюционный образ Омска: фотоаналитическая реконструкция 49
- А. А. Кожаева.** Дети «лишенцев» сельских районов Западной Сибири в борьбе за восстановление в избирательных правах (на примере районов Новосибирской и Томской областей) 58
- Т. С. Кулепанова-Шугайло, Р. В. Кулепанов.** Русская эмигрантская пресса о пограничном конфликте на острове Даманский в 1969 г. 67

Vivant professōres!

- А. В. Сушко.** К юбилею Руслана Григорьевича Гагкуева 74

Имя в истории

- А. А. Чемакин.** В. Ф. Кирей: «украинский генерал» во врангелевском Крыму 79

ФИЛОСОФИЯ

- В. В. Оглезнев.** Эпистемологический прагматизм Уильяма Нила как альтернатива строгому верификационизму 88

Критики и реплики

- А. М. Кардаш.** Экстернализм и знание: как следовать правилам 94

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

- С. А. Московец.** К реконструкции онтологии Ницше 104
- А. У. Зоммер.** Ницшевское прочтение Спинозы. Контекстуалистское исследование, посвященное в том числе рецепции Куно Фишера = A. U. Sommer Nietzsche's readings on Spinoza. A contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer / пер. с англ. С. А. Московца 111

ПРОВОКАЦИИ

- Ф. Моро.** Ханна Арендт: Эрос к свободе мышления и любовь к политической свободе = F. Moreault Hannah Arendt: Erôs de la liberté de penser et amour de la liberté politique / пер. с фран. С. А. Жаринова 132

IN MEMORIA CLASSICA

- Дж. О. Урмсон.** Полиморфные понятия = J. O. Urmson Polymorphous Concepts / пер. с англ. А. В. Нехаева, И. Н. Нехаевой 144

ЭКОНОМИКА

- Ю. В. Баранов, Д. Ю. Филиппов.** Роль и влияние федерального контроля (надзора) на обеспечение безопасности труда и оборудования на современном этапе развития экономики (на примере Омской области) 153
- Н. В. Боровских.** Виды, платформы размещения и тренды развития контекстной рекламы как инструмента маркетинга в условиях цифровизации 160
- А. Е. Миллер.** Ценовая политика в условиях технологического взаимодействия: сценарный подход 166

CONTENTS

HISTORY

- A. V. Antoshin.** Crisis of M. S. Gorbachev's perestroika policy in the journals' assessments of the «third wave» of emigration from the USSR 5
- S. A. Brazhnikov.** Activity of social protection authorities in preventing neglect and homelessness of minors in Russia at the end of the twentieth century 14
- A. V. Dolgova.** From the crisis of the state to the crisis of the society: socio-political and routine life of Perm province in the first half of 1919 22
- M. S. Novikov.** Development of Russian federalism in the 1990s (on the example of the Altai Territory) 32
- I. S. Silchenko.** Socio-demographic portrait of the officers of the 7th Kamyshlovsky (27th Kamyshlovsko-Orovaysky) mountain rifles regiment 42
- N. A. Chikhanova.** Pre-revolutionary image of Omsk: photoanalytical reconstruction 49
- A. A. Kozhaeva.** Children of persons deprived of voting rights in rural areas of Western Siberia during the process of restoring voting rights (on the example of the districts of Novosibirsk and Tomsk regions) 58
- T. S. Kulepanova-Shugaylo, R. V. Kulepanov.** Russian emigrant press about the border conflict on Damansky Island in 1969 67

Vivant professōres!

- A. V. Sushko.** For the Anniversary of Ruslan Grigorievich Gagkuev 74

History Name

- A. A. Chemakin.** Vasily Kirey: «Ukrainian General» in Wrangel's Crimea 79

PHILOSOPHY

- V. V. Ogleznev.** Epistemological pragmatism of William Kneale as an alternative to strict verificationism 88

Critical Notices and Comments

- A. M. Kardash.** Externalism and knowledge: how to follow rules 94

Pros and Cons

- S. A. Moskovets.** Towards a reconstruction of Nietzschean Ontology 104
- A. U. Sommer.** Nietzsche's readings on Spinoza: a contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer / trans. from Engl. S. A. Moskovets 111

PROVOCATION

- F. Moreault.** Hannah Arendt: Eros for freedom of thought and love for political freedom / trans. from Fr. S. A. Zharinov 132

IN MEMORIA CLASSICA

- J. O. Urmson.** Polymorphous concepts / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev, I. N. Nekhaeva 144

ECONOMY

- Yu. V. Baranov, D. Yu. Filippov.** Role and influence of Federal control (supervision) on ensuring labour and equipment safety at the current stage of economic development (on the example of the Omsk region) 153
- N. V. Borovskikh.** Types, placement platforms and trends in the contextual advertising as a marketing tool in the digitalization conditions 160
- A. E. Miller.** Pricing policy in the context of technological interaction: a scenario approach 166

УДК 94

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-5-13

EDN: XRQIDL

А. В. АНТОШИН

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

КРИЗИС ПОЛИТИКИ ПЕРЕСТРОЙКИ М. С. ГОРБАЧЕВА В ОЦЕНКАХ ЖУРНАЛОВ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР

Статья посвящена периоду кризиса политики перестройки, начатой М. С. Горбачевым. Цель статьи — проанализировать восприятие социально-экономических и политических процессов развития СССР в 1990–1991 гг. представителями антикоммунистической эмиграции. Источниковая база статьи — материалы эмигрантской прессы (журналы «Континент», «Страна и мир» и т. д.), а также неопубликованные источники из фондов архива бывшего Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал». Автор приходит к выводу, что антикоммунистическая эмиграция, внимательно следившая за развитием событий в СССР, не испытывала иллюзий в отношении перспектив демократизации в стране. К 1990 г. ведущие эмигрантские периодические издания пришли к заключению о провале стратегии М. С. Горбачева и сползании страны в состояние хаоса и анархии.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, перестройка, советское общество, СССР, эмигранты, «Континент», «Страна и мир».

Постановка проблемы. Эпоха перестройки М. С. Горбачева вызывает ожесточенные дискуссии как в современном российском обществе, так и в исторической литературе. Особое внимание традиционно привлекает период кризиса политики перестройки и распада СССР. За развитием событий в 1990–1991 гг. пристально следили за рубежом, в том числе эмигранты «третьей волны» из СССР. Они объединялись вокруг печатных изданий, ведущими из которых были «Континент», «Синтаксис», «Страна и мир», «Форум». Эти журналы представляли различные по взглядам группировки антикоммунистической эмиграции.

«Континент» был основан в 1974 г. в Париже под редакцией известного писателя В. Е. Максимова. Журнал стремился выступать от имени антикоммунистической эмиграции всей Восточной Европы: наряду с эмигрантами из СССР в нем сотрудничали выходцы из Югославии, Болгарии, Польши и т. д. Средний тираж номера составлял 3 тыс. экземпляров, параллельно с изданием на русском языке он выходил на английском, немецком, голландском, греческом языках. Как отмечает П. Н. Базанов, «Континент» «традиционно имел

большую читательскую аудиторию в СССР, главным образом среди интеллигенции» [1, с. 23]: его номера еще в доперестроечный период удавалось нелегально переправлять в Советский Союз. В 1990 г. было достигнуто соглашение с кооперативом «Аверс» о выпуске тиража «Континента» в СССР. Журнал стал печататься в Московской типографии № 4, в выходных данных место издания теперь указывалось «Париж – Москва». Цена одного номера в 1991 г. составляла 6 рублей 95 копеек. Редакция журнала отстаивала праволиберальные взгляды. Она весьма критически относилась к духовной атмосфере, существовавшей в обществах стран Запада, полагая, что будущее посткоммунистической России не следовало идти по их пути.

Оппонентами «Континента» выступали руководители редакций журналов «Синтаксис», «Страна и мир» и «Форум», которые придерживались леволиберальных взглядов. Они исходили из представления о том, что наша страна должна была развиваться в русле универсальных моделей либеральной демократии.

Журнал «Синтаксис» выходил в Париже в 1978–2001 гг. под редакцией известных деятелей

культуры «третьей волны» эмиграции А. Д. Синявского и М. В. Розановой и издавался на деньги этой семьи. Средний тираж журнала составлял 1200 экземпляров, цена номера в 1990–1991 гг. — 75 франков. На заключительном этапе перестройки «Синтаксис» имел своего официального московского представителя — известного писателя Т. Толстую.

Журнал «Страна и мир» печатался в Мюнхене в 1984–1992 гг. Во главе редакции стоял видный правозащитник К. А. Любарский. Официальная цена одного номера составляла в 1990–1991 гг. 12 немецких марок. Подписка на данное издание принималась в Европе, США, Канаде, Израиле, Австралии, Новой Зеландии и на Тайване. В 1991 г. у журнала «Страна и мир» уже был свой официальный представитель в Москве — С. Лезов.

Выпуск журнала «Форум» осуществлялся в Мюнхене в 1982–1990 гг. Его издавала украинская эмигрантская организация «Сучасність». Главным редактором журнала был деятель Украинской Хельсинкской группы В. Д. Малинкович. Цена одного номера в Германии составляла 15 марок. Журнал имел официальных представителей в Великобритании и в Израиле.

Данных о тиражах журналов «Страна и мир» и «Форум» нет. Как и «Синтаксис», они печатались за рубежом, поэтому имели более ограниченное влияние на аудиторию в СССР, чем «Континент». Тем не менее на заключительном этапе перестройки, когда барьеры между советским обществом и эмиграцией были фактически сняты, эти издания читались и в Советском Союзе.

Еще в 1987 г. в «Синтаксисе» появились статьи, присланные из СССР (сначала подписанные лишь инициалами, без указания фамилий авторов). В 1990–1991 гг. на страницах эмигрантских периодических изданий таких материалов стало все больше. Их авторами являлись представители советской интеллигенции, позиции которых были близки точке зрения редакций журналов. Нередко эти люди пользовались псевдонимами, в выходных данных отсутствовала информация об их социальной принадлежности, роде занятий. Их материалы выделялись в общей массе статей эмигрантских журналов способностью авторов взглянуть на политические процессы в СССР «изнутри». Чаще всего они были лишены тех иллюзий в отношении перспектив перестройки, которые были присущи некоторым эмигрантским аналитикам. Последние в этот период также получили возможность регулярно посещать Советский Союз, однако большинство из них приезжали в страну лишь в качестве туристов или гостей.

Цель статьи — проанализировать оценки социально-экономической и политической ситуации в СССР, которые делались на страницах эмигрантских периодических изданий.

Проблематика идейно-политических установок советской эмиграции 1970–1980-х гг. сравнительно редко привлекает внимание исследователей. Следует упомянуть труд Л. М. Алексеевой, третье издание которого вышло в 2012 г. под эгидой Московской Хельсинкской группы [2]. В своей работе она характеризует те кружки и произведения самиздата, в которых, так или иначе, отстаивались альтернативные официальной идеологии установки. Во многом именно они стали той средой, в которой формировались взгляды эмигрантов «третьей волны». Среди работ, посвященных данной теме, можно выделить также статьи Е. Ю. Скарлыгиной

и А. А. Федина, в которых анализируется место литераторов, принадлежавших к «третьей волне», в истории отечественной культуры XX в. [3, 4]. К сожалению, пока довольно редко исследователи ставят вопрос о воздействии эмигрантов на советское общество. Примером такого подхода является статья А. Б. Горянина [5].

Среди трудов западных исследователей, на наш взгляд, выделяется монография преподавателя Университета Кента (Великобритания) Ф. Буббайера, который анализирует роль морально-этических проблем в мировоззрении и идейно-политических установках советских диссидентов. Нельзя не согласиться с Ф. Буббайером в том, что нередко, когда оппозиционеры говорили о морали, «за глянец их слов на определенном уровне скрывалась политическая борьба» [6, с. 128].

Проблема восприятия эмигрантами процессов развития советского общества эпохи перестройки редко привлекает внимание исследователей. Здесь можно выделить статьи Т. С. Шугайло [7, 8]. Спецификой ее трудов является опора на позиции редакций эмигрантских газет, выходивших в США: «Нового русского слова» (Нью-Йорк), «Русского голоса» (Нью-Йорк) и «Русской жизни» (Сан-Франциско). Анализируя высказывания эмигрантских аналитиков 1985–1991 гг., автор приходит к выводу, что «перестройка начала расшатывать стереотипы образа России, сформировавшиеся в представлениях антикоммунистически настроенной русской эмиграции в Америке в период холодной войны» [8, с. 240]. Однако вопрос о том, как оценивали ситуацию в СССР эпохи перестройки сотрудники крупнейших журналов, издававшихся в Европе эмигрантами «третьей волны», пока еще не становился объектом специального исследования, что обуславливает значимость данной статьи.

Основная часть. В трудах российских исследователей уже было неоднократно показано, как происходила радикализация общественно-политических настроений в СССР эпохи перестройки. Так, на материалах Горьковской области эти процессы были проанализированы в работах А. А. Фоменкова. Характеризуя «неформальный бум» 1986–1988 гг., усиление «уличной активности» в 1989–1990 гг. и другие процессы тех лет, исследователь справедливо отмечает: «Дистанция от разрозненных активистов с размытыми, в сущности, политическими убеждениями до массовой политической активности в условиях гласности и демократизации была пройдена за несколько лет» [9, с. 7].

К 1990 г. подавляющему большинству аналитиков, как в СССР, так и за рубежом, стало очевидно, что политика перестройки переживала кризис. Каковы были причины этой ситуации? По мнению американского историка У. Таубмана, в основе провала политики М. С. Горбачева лежала ущербность самой концепции демократизации: до самого конца «архитектор перестройки» «настаивал на своей вере в социализм и на том, что в основе его должна лежать демократия». Однако попытка «построить социализм путем демократизации советской модели» привела к краху не только социализм, но и Советский Союз [10, с. 630].

В данном случае, бесспорно, исследователь выходит на общую проблему, связанную с самим феноменом гуманного, демократического социализма, о необходимости движения к которому говорил М. С. Горбачев. Насколько реалистичен был этот проект? Можно ли утверждать, что его неудача

была связана лишь со слабостью М. С. Горбачева как политического деятеля?

Однозначно отрицательные ответы на эти вопросы фактически давал оппонент М. С. Горбачева Б. Н. Ельцин. Уже после распада СССР, выступая, как победитель, в конфликте с М. С. Горбачевым, первый Президент России заявлял: «Всеми известно, что Горбачев был и остается приверженцем социализма с человеческим лицом. В теории это выглядит красиво. А на практике — бывший генеральный секретарь настолько боялся болезненной ломки, резкого поворота, был человеком, настолько укорененным в нашей советской системе, пронизанным ею до мозга костей, что поначалу сами понятия «рынок», «частная собственность» приводили его в ужас» [11, с. 39]. Следует отметить, что и в кругах русской антикоммунистической эмиграции в целом доминировало представление о нежизнеспособности самой концепции «социализма с человеческим лицом». Очевидно, здесь необходимо было учитывать не только личные качества М. С. Горбачева и реальные условия, сложившиеся в СССР ко второй половине 1980-х гг., но и особенности менталитета нашего народа, специфику политической культуры России.

Значительная часть эмигрантских аналитиков весьма скептически оценивала, как реформаторский потенциал М. С. Горбачева, так и его личные качества как политического лидера. Так, на страницах журнала «Континент» Е. Вертлиб заявлял: «Горбачев не ищет демократической альтернативы коммунистической системе властвования... Все это: перестройка, гласность и демократические посулы — производят впечатление грандиозного спектакля, рассчитанного на зрителей Запада» [12, с. 190]. Высказывания такого рода были нацелены на то, чтобы избавить советскую интеллигенцию от иллюзий в отношении намерений «архитектора перестройки».

В этих условиях альтернативой М. С. Горбачеву выступали деятели демократической оппозиции. Именно к этому времени, как показано в трудах А. А. Фоменкова, относится возникновение структур «Демократической России», в состав которых в ряде регионов вошли активисты движения неформалов предшествующих лет [13, с. 31]. Фактически эмигрантская пресса стала своеобразной трибуной для этой части оппонентов политике М. С. Горбачева, местом, где они могли свободно высказывать свои взгляды. Характерно, что журнал «Страна и мир» опубликовал даже интервью с Б. Н. Ельциным под характерным названием: «Мы тушим пожар тогда, когда он уже разгорелся» [14].

На заключительном этапе перестройки особую остроту в СССР приобрел национальный вопрос, поэтому закономерно, что эмигрантские издания уделяли ему особое внимание. По мнению антикоммунистической эмиграции, предложения М. С. Горбачева по реформированию Советского Союза не были адекватны той ситуации, которая складывалась в стране. Эта часть эмиграции полагала, что «архитектор перестройки» слишком поздно понял: для спасения Союзного государства необходимы были радикальные меры. «Горбачев — как и во всем прочем — опоздал, — заметил К. А. Любарский в 1990 г. — Еще два года назад решительно проведенная реформа Союза, заключение нового Союзного договора, как это предлагали А. Сахаров и другие, могли бы спасти конфедерацию. Теперь невозможно даже это. Единственное, о чем нуж-

но сейчас думать: не опоздать еще раз, отпустить республики, добивающиеся независимости, как можно быстрее и как можно более мирно — пока не начала литься кровь» [15, с. 12].

Журнал «Страна и мир» с большим интересом относился к тем политическим силам, которые были связаны с движением республик Прибалтики к независимости. Так, на страницах мюнхенского издания было опубликовано интервью с деканом факультета журналистики Университета Тарту М. Лауристин, которая в январе 1990 г. вышла из КПСС и начала создавать Социал-демократическую партию независимости Эстонии [16]. К. А. Любарский и его товарищи восторженно приветствовали провозглашение независимости Литвы. На этом пути было очень много препятствий, поскольку, по их мнению, в СССР многое делалось для того, чтобы исчезла литовская национальная идентичность. Однако, заявляла редакция мюнхенского журнала, «снова наступил Момент истории и оказалось — литовский народ жив!» [17, с. 1].

На наш взгляд, в этих строках передовицы № 2 журнала «Страна и мир» за 1990 г. было немало преувеличений. Безусловно, и в советской Литве были возможности для изучения родного языка, сохранения литовской культуры, во многих сферах искусства творили представители национальной интеллигенции, чьи произведения становились широко известны во всем Советском Союзе. Очевидно, подобные оценки редакции мюнхенского журнала были обусловлены восприятием процессов суверенизации в качестве наиболее яркого признака того, что коммунистическая система СССР находится на грани крушения.

Главный редактор журнала «Форум» В. Д. Малинкович впоследствии совершенно иначе, чем публицисты журнала «Страна и мир», относился к советской политике в Прибалтике. «Нельзя согласиться с тем, — подчеркивал он, — что присоединение Прибалтики к СССР имело лишь одни негативы... В Эстонии, Латвии и Литве появились новые предприятия с достаточно высоким, по советским, разумеется, меркам, уровнем развития технологий. Балтийские порты могли достаточно эффективно работать лишь потому, что были морскими воротами всего огромного Советского Союза, а не только маленьких прибалтийских республик ... На самых крупных предприятиях этого региона большинство работников составляли русские, украинцы и белорусы. Их трудом создавалась значительная доля производимых в Прибалтике материальных благ, часть которых оставалась и перераспределялась в республиках, и рассматривать их только в качестве оккупантов было бы несправедливо. Также некорректно считать, что русская культура ничего хорошего в Литву, Латвию и Эстонию не принесла. Достаточно вспомнить, хотя бы, о всемирно известной школе Юрия Лотмана в Тартуском университете или о несомненных творческих достижениях Русского театра Риги» [18, с. 226 — 227]. Ретроспективно оценивая ситуацию тех лет, В. Д. Малинкович отмечал, что представители радикально-демократической оппозиции были «шовинистами наизнанку», которые поддерживали сепаратистов. «Они так и не увидели, — заметил он, — что этнический национализм нации угнетенной при смене политической ситуации легко трансформируется в национализм нации угнетающей, в национал-экстремизм и даже фашизм. А ведь все это можно было бы предотвратить, если б еще до распада СССР они диффе-

ренцированно отнеслись к действиям тех, кто защищал национальные права человека, и тех, кто национальные ценности ставил превыше всего» [18, с. 335]. Он отмечал, что позиция Межрегиональной депутатской группы была предельно проста: «поддерживать все национальные движения нерусских республик во всех их требованиях, не вникая в подробности» [18, с. 336]. Сам В. Д. Малинкович считал такую позицию ошибочной, не учитывая острой национальных противоречий в СССР.

Как показывает Т. С. Шугайло, национал-патриотическая часть русской эмиграции восприняла провозглашение независимости Литвы как угрозу национальной безопасности России. По мнению редактора газеты «Русская жизнь» (Сан-Франциско) Н. Н. Петлина, страны Запада могли воспользоваться данной ситуацией, чтобы «превратить отдельные регионы РСФСР в свои колонии» [7, с. 113].

Следствием обострения межнациональных отношений в СССР стало прекращение издания в 1990 г. журнала «Форум». В течение восьми лет он выходил под эгидой украинского издательства «Сучасність», которое неожиданно для многих решило его закрыть. Уже в 1989 г. в журнале стало печататься все больше статей лидеров Народного Руха Украины, а № 1 за 1990 г. фактически целиком состоял из их материалов. Этот номер стал последним в истории «Форума». Прощаясь с читателями, его редактор В. Д. Малинкович отметил: «Атаковали «Форум» и справа, и слева — за леволиберальное направление, за последовательную защиту принципа самоопределения народов, за антиимперские и антинационалистические тенденции». При этом он особо подчеркнул, что «первым из всех эмигрантских изданий «Форум» открыто поддержал перестройку» [19, с. 237].

В целом, на наш взгляд, причиной закрытия этого политического проекта стало то обстоятельство, что в 1990 г. лидеры украинской политической эмиграции окончательно сделали ставку на идею независимости Украины. Их перестала устраивать позиция сотрудников журнала, которые выступали за преобразование СССР в Союз советских суверенных республик. Так прекратил существование важный центр консолидации демократической эмиграции.

Атмосфера перестройки, едва ли не ежедневных преобразований в стране, которая начинала приводить к абсолютному релятивизму ценностей, лишь первоначально вызывала восторг у значительной части советской интеллигенции. К 1990 г. стала приходиться усталость от бесконечных разоблачений и митингов, постепенно вызывавшая отторжение от политики. Об этом свидетельствовали и некоторые материалы, которые поступали в редакции эмигрантских журналов из СССР. Так, один из авторов «Синтаксиса», ленинградец В. Новиков, обращаясь к М. В. Розановой и объясняя, почему он отправил свою статью именно в данное издание, заметил: «Пишу в Ваш Синтаксис, дорогая Мария Васильевна, поскольку к нему у меня душа лежит, а перед другими изданиями она как-то вскакивает и ежится. Сейчас, по сути, не стало разницы между тамиздатом и тутиздатом, и в «Литгазету» можно что угодно прокричать, но хочется не прокричать, а спокойно проговорить» [20, с. 4].

Какие варианты выхода из кризиса предлагались в 1990 г. эмигрантами-антикоммунистами? Как ими прогнозировалось развитие политических процессов в стране? Лидеры Народно-трудового со-

юза российских солидаристов (НТС) — наиболее известной эмигрантской политической структуры эпохи холодной войны — занимали жесткую непримиримую позицию, полагая, что единственным выходом из той сложной ситуации, в которой оказалась наша страна, являлась полная ликвидация коммунистического режима. Характерно название резолюции, принятой Советом НТС в феврале 1990 г.: «Спасать страну, а не социализм». Проведение реформ в рамках социализма солидаристы считали «мифом» [21, л. 23]. В марте 1990 г. один из лидеров НТС Е. Романов констатировал, что «монополия КПСС на власть подходит к концу». По его мнению, наступило время перехода к политической свободе и правовому государству [21, л. 3].

Заметим, что в этот период открытые сторонники НТС и их отдельные группы появляются уже в некоторых регионах СССР. Так, например, в Нижегородской области первым о своей принадлежности к Союзу заявил А. А. Мазырин, редактировавший местную газету демократической ориентации [13, с. 31]. Как показано в трудах М. С. Новикова, именно с НТС в идеологическом и организационном отношении были нередко связаны структуры «Демократического союза» (ДС), возникавшие в различных городах СССР. В частности, Новосибирская организация ДС активно распространяла литературу НТС, члены НТС были активистами ДС [22, с. 69]. Вместе с тем историк доказывает, что Совет НТС фактически не контролировал группы Союза в России, поэтому каждый сторонник солидаристов «поступал, как считал необходимым» [23, с. 41]. Данное обстоятельство существенно снижало реальное влияние резолюций, принимавшихся Советом НТС, на те политические процессы, которые развивались в СССР.

Некоторые авторы журнала «Континент» уже в 1990 г. предрекали скорый крах режима М. С. Горбачева. Характерно, что проживавший в СССР С. Зверев назвал свою статью «Как и кто придет к власти в СССР к концу 1990 года». На наш взгляд, результаты его анализа ситуации были, хотя и печальными, но адекватно отражавшими реальную ситуацию в стране. С. Зверев подчеркивал, что в Советском Союзе отсутствовало «развитое общество как основа демократии», были исключительно сильны тяга к авторитаризму и «общинная психология». Все это, бесспорно, вытекало из особенностей российской государственности, которые, к сожалению, нередко игнорировали демократы, как в СССР, так и в эмиграции.

С. Зверев доказывал: даже в том случае, если бы удалось избежать хаоса и диктатуры, в течение переходного периода власть должна была принадлежать «одной организации-движению». Во главе последнего должен был стоять харизматический лидер. Именно подобная модель власти, понимал С. Зверев, адекватна особенностям политической культуры нашей страны. В качестве такой организации, определявшей политическое пространство, теоретически могли выступить и реформированная КПСС, и новые Советы. С. Зверев допускал и модель плебисцитарной демократии М. Вебера, в рамках которой глава государства противостоял бюрократии и олицетворял единство нации. При этом интересно, что даже в 1990 г. публицист «Континента» допускал: «Стать Главным Реформатором все еще может Горбачев» [24, с. 213]. Однако есть ощущение, что в глубине души С. Зверев не верил в эту возможность.

И С. Зверев, и большинство эмигрантских публицистов в 1990 г. понимали: гораздо больше шансов на пессимистичный сценарий развития ситуации в СССР. «Продолжается распад существующих структур: КПСС, империи... Страна продолжает двигаться в сторону войны всех против всех, за которой последует восстановление диктатуры» [24], — с этим прогнозом были согласны в тот момент многие аналитики. Несмотря на некоторые неточности, в целом политический прогноз С. Зверева оказался вполне корректным.

Леволлиберальная эмигрантская пресса, как и ее оппоненты — авторы «Континента», с нескрываемой тревогой вглядывалась в процессы, протекавшие в СССР в 1990 г. Ситуация не только вышла из-под контроля М. С. Горбачева и его команды: она стала развиваться совершенно непредсказуемо. Характерно, что № 1 журнала «Страна и мир» за 1990 г. открывался редакционной статьей, которая начиналась с поистине трагических вопросов: «Куда мы идем, вырвавшись из клетки тоталитаризма? Как применить внезапно освобожденные силы, когда нет навыков пользования свободой?» [25, с. 1]. Руководство редакции данного издания прямо признавало, что первые шаги, пройденные по новому пути, «особого оптимизма не внушают». Оказалось, указывали К. А. Любарский и его соратники, что тоталитаризм — это «не только внешняя поработившая нас сила, но, прежде всего, мы сами». Выяснилось, что «мы и демократизируем себя по-тоталитарному»: «Неожиданно стало выходить на поверхность не только то, что оставило в нас недавнее прошлое, но и более глубинные темные силы — вплоть до средневековья» [25, с. 1]. Нельзя не отметить тот исключительно жесткий, но точный диагноз, который был поставлен журналом «Страна и мир».

По мнению самого М. С. Горбачева и его окружения, введение поста Президента СССР могло помочь укрепить распадавшуюся союзную государственность. Интересно, что весьма критически относившийся ко многим инициативам советского лидера публицист журнала «Страна и мир» Р. Б. Шапиро в данном случае полагал, что определенный смысл в этой реформе высших органов власти в СССР был. «Доводы в пользу введения в СССР президентской формы правления лежат на поверхности, — полагал он. — Развал экономики, кровавые национальные конфликты, рост преступности, общая безответственность — все это требует сильной власти. Сильная власть нужна и для того, чтобы преодолеть сопротивление консервативных сил и осуществить перестройку» [26, с. 27].

Признавая справедливость всех этих замечаний Р. Б. Шапиро, заметим, однако, что возникали вопросы: насколько М. С. Горбачев, даже заняв новый пост, был способен установить сильную власть в стране? Насколько он в 1990 г. был настроен на решительную борьбу с консервативными силами? Ответов на эти вопросы эмигрантский публицист не давал. Понимая опасения, что М. С. Горбачев может воспользоваться дополнительными возможностями, которые давал ему пост Президента, для борьбы против демократических сил, Р. Б. Шапиро, однако, подчеркивал: «Институт президентства опасен, но необходим» [26].

1991-й год стал последним в истории СССР. М. С. Горбачев пытался сохранить единое государство и свою власть, но ситуация давно вышла из-под его контроля. Проведенное А. С. Пученковым ис-

следование, основанное на большом массиве интервью автора с участниками событий, позволило ему сделать вывод о провале политики Генерального секретаря ЦК КПСС. К весне 1991 г. М. С. Горбачев «находился на грани отставки: политика лавирования между правокоммунистическим и демократическим лагерями привела Президента СССР к тому, что его поддержка сократилась до минимума» [23, с. 455].

Эмигрантские публицисты с тревогой вглядывались в события, происходившие в Советском Союзе. Они уже в начале 1991 г. осознавали масштаб того, что происходило и на Родине, и в мире в целом, понимали, что речь идет о кардинальной ломке всех общественных и государственных устоев. Нельзя сказать, что данные процессы встречались, например, К. А. Любарским с радостью. Обыгрывая название своего журнала, он и его соратники замечали: «Страна» переживает один из самых критических моментов своей истории, да и «мир» вновь начали потрясать кризисы. Пожалуй, только с 1917 годом можно сравнить наступивший 1991 год: те же «невиданные перемены, неслыханные мятежи», та же непредсказуемость будущего» [27, с. 1].

В этой драматической ситуации, полагали лидеры леволиберальной эмиграции, М. С. Горбачев уже не выступал ни как «архитектор перестройки», ни как лидер реформаторов внутри партийного руководства. Ситуация в стране давно вышла за пределы тех целей, которые ставил когда-то Генеральный секретарь ЦК КПСС, что объективно отбрасывало его в лагерь консерваторов. Объясняя причины того, что в 1991 г. М. С. Горбачев скорее воспринимался как лидер «охранительного» направления, Р. Б. Шапиро указывал: «Страна дошла до того рубежа, за которым движение вперед, к рыночной экономике, повлечет за собой уже не ослабление, а гибель системы. Именно потому, что это последний рубеж, что отступить дальше некуда, на его защиту собралась вся рать. Горбачев и недавние противники, председатели колхозов и лидеры профсоюзов, талантливые конструкторы нового оружия и обыкновенные бездельники, армейские генералы и главарь банд» [28, с. 21]. Фактически в данном случае эмигрантский публицист предвосхищал некоторые контуры того блока консервативных сил, которые через несколько месяцев объединятся вокруг ГКЧП. Он подчеркивал, что единственным шансом всех этих разнородных социальных элементов было установление в стране политической диктатуры. При этом попытки М. С. Горбачева сохранить единое государство, подписав новый Союзный договор, происходили в условиях, когда он и его окружение имели весьма ограниченные ресурсы для того, чтобы противостоять центробежным тенденциям. В частности, А. С. Пученков показывает, что летом 1991 г. М. С. Горбачев «с трудом, но сдавал позиции республикам» [29, с. 459].

В этих условиях остро встал вопрос о том, какой, в случае распада страны, будет судьба системы социальных гарантий, существовавшей в СССР. Видный публицист журналов «Страна и мир» и «Форум» В. В. Белоцерковский выступал решительно против «партийно-государственно-мафиозного капитализма», против приватизации, результатом которой была передача предприятий в руки «разбогатевшим партаппаратчикам и мафиози». «Нельзя идти к рабочим с капитализмом за пазухой, с предложением подставить шею под новых наезд-

ников» [30], — заявлял он. В качестве альтернативы В. В. Белоцерковский выдвигал идею передачи государственных предприятий в собственность трудовых коллективов.

Однако развитие политических процессов пошло по иному пути. Лето 1991 г. закончилось событиями, связанными с созданием ГКЧП. Они совпали с организацией в Москве I Конгресса соотечественников. Представители разных «волн» эмиграции воочию наблюдали за тем, как на улицах столицы решались судьбы страны. Среди них был и редактор журнала «Страна и мир» К. А. Любарский, который оставил об этих событиях достаточно обстоятельные мемуары [31]. Их название — «Августовская революция» — стало весьма распространенным обозначением того, что случилось в СССР в те дни. Подчеркивая революционный характер событий и неизбежность применения насильственных методов при ликвидации «старого порядка» («революция тем и отличается от реформ, что начинается с разрушения»), К. А. Любарский подчеркивал: «Нам есть чем гордиться. По румынскому пути Россия не пошла». Ему не казались основательными упреки новых властей в «вандализме» и «охоте на ведьм», которые раздавались уже в те дни. По мнению эмигрантского публициста, только полный разрыв с прошлым обеспечивал возможность начала строительства новой России [31, с. 81].

Однако редакции других ведущих эмигрантских журналов «третьей волны» гораздо более осторожно подходили к оценке событий 19–21 августа 1991 г. Весьма характерна статья М. В. Розановой, которая была написана сразу же после разгрома ГКЧП. «Три дня переворота, три дня эйфории, а затем начались сомнения: а демократы ли победители? — указывала она. — Может быть, они не демократы, а всего-навсего партийные консерваторы, что, конечно, лучше, чем партийные реакционеры, но за что боролись? И насколько свердловская мафия прогрессивнее днепропетровской? И можно ли грабить награбленное? И не восходят ли все эти вопросы к самой природе советского государства, способного, даже разрушаясь, еще множество раз воспроизводить себя?» [32, с. 191]. Такая оценка ситуации отражала начало процесса разочарования значительной части демократической интеллигенции в возглавлявшейся Б. Н. Ельциным группой партийно-государственной бюрократии, захватившей власть в результате событий августа 1991 г. В 1990-е гг. этот процесс будет развиваться все более активно.

Особенно характерно то обстоятельство, что редакция журнала «Континент» вообще не сочла нужным посвящать отдельную статью событиям ГКЧП, фактически не откликнувшись на них. Очевидно, для В. Е. Максимова значительно важнее был распад СССР, ставший практически необратимым после августа 1991 г. Редактор «Континента» и в ситуации осени 1991 г. продолжал настаивать на том, что мгновенное исчезновение единого союзного государства было нецелесообразным. «Невозможно, если употребить здесь пенитенциарную терминологию, добиться свободы в условиях лагеря в отдельно взятом бараке, как невозможно освободиться одному отдельно взятому галернику на общей галере, — доказывал В. Е. Максимов. — Политическое освобождение должно, на мой взгляд, стать не началом, а результатом освобождения экономического» [33, с. 326]. Однако идея известного писателя — добиться экономического прогресса в рамках едино-

го народно-хозяйственного комплекса, а затем уже расходиться по «национальным квартирам» — в конкретных условиях осени 1991 г., скорее всего, была нереализуемой.

Совершенно иначе, чем В. Е. Максимов, отнеслась к распаду СССР редакция журнала «Страна и мир». Подписание Беловежских соглашений было воспринято К. А. Любарским и его соратниками как объективный процесс. Считая Советский Союз «последней империей», либеральные эмигрантские публицисты «третьей волны» заявляли: «На горизонте не усматривается никакого нового интегратора, способного привести к новому возрождению имперской традиции» [34, с. 3].

Выводы и дискуссия. Таким образом, антикоммунистическая эмиграция внимательно следила за теми процессами, которые протекали в Советском Союзе. На страницах издаваемых ею журналов был представлен, хотя и пристрастный, но весьма интересный анализ ситуации в СССР. Безусловно, следует учитывать то обстоятельство, что делавшиеся эмигрантами оценки детерминировались их идеологическими установками. Тем не менее важно отметить, что эмигранты «третьей волны» точно уловили тот факт, что к 1990 г. М. С. Горбачев потерял контроль над ситуацией в стране. Они справедливо фиксировали политическое «запаздывание» советского лидера, его безуспешные попытки «догнать» своими решениями ушедшие далеко вперед процессы в обществе и государстве.

Анализируемые в данной статье материалы дают основания говорить о том, что некоторые эмигранты «третьей волны» не только адекватно характеризовали ситуацию в СССР, но и оказались неплохими прогнозистами, верно угадавшими основные тенденции дальнейшего развития страны. Они справедливо указывали, что нет оснований рассчитывать на успешность «демократического транзита» в СССР: уже в 1990–1991 гг. им было очевидно, что гораздо больше шансов на то, что в стране будут развиваться процессы политической хаотизации, «войны всех против всех». К сожалению, оказалось обеснованным и сделанное В. В. Белоцерковским предупреждение относительно возможности наступления в посткоммунистической России эпохи «партийно-государственно-мафиозного капитализма», который позднее получил название «олигархического».

Конечно, некоторые высказанные в данных статьях идеи оказались нереализуемы на практике. Так, например, политическая ситуация 1990-х гг. сделала невозможной воплощение в полном объеме предложенной М. Вебером модели плебисцитарной демократии, о потенциале которой писал С. Зверев. Тем не менее заметим, что ее элементы впоследствии пытался использовать в политической борьбе против оппозиционного Верховного Совета Президент Б. Н. Ельцин.

Безусловно, в данном случае эмигранты-антикоммунисты выступали не столько как активные участники политических процессов в СССР (следует признать, что их реальное влияние на развитие ситуации на Родине было минимальным), сколько как внимательные наблюдатели. Однако данное обстоятельство не делает их оценки событий менее интересными: как показывает проведенный в данной статье анализ, уровень некоторых экспертно-аналитических эмигрантских материалов был достаточно высок. На наш взгляд, своеобразная «ла-

боратория эмигрантской мысли», представленная на страницах газет и журналов «третьей волны», еще не раз привлечет внимание историков.

Список источников

1. Базанов П. Н. Очерки истории периодических изданий русской эмиграции (1945–1988 гг.). Санкт-Петербург: ИТИД, 2013. 113 с.
2. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период. 3-е изд. Москва: Московская Хельсинкская группа, 2012. 384 с.
3. Скарлыгина Е. Ю. Третья русская эмиграция и отечественная культура 1960–1980-х гг.: проблемы взаимодействия // Нансеновские чтения-2008: материалы Второй Междунар. конф., 27–28 октября 2008 г. Санкт-Петербург: ИКЦ «Русская эмиграция», 2009. С. 456–463.
4. Федин А. А. Третья волна: творчество советских писателей в эмиграции // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 456–458. EDN: OZGRMZ.
5. Горянин А. Б. Воздействие русской эмиграции на СССР в 1930–1950-е гг.: к постановке вопроса // Нансеновские чтения 2008: материалы Второй Междунар. конф., 27–28 октября 2008 г. Санкт-Петербург: ИКЦ «Русская эмиграция», 2009. С. 427–442.
6. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. Москва: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 367 с.
7. Шугайло Т. С. Обострение межнациональных отношений в СССР и распад советского государства на страницах русской эмигрантской прессы в США (1986–1991 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 106–118. EDN: WWWSAP.
8. Шугайло Т. С. Опыт перестройки в СССР: взгляд русской эмигрантской периодики в Америке (1985–1989 гг.) // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИиА ДВО РАН, 2015. С. 236–242. EDN: UOKZOV.
9. Фоменков А. А. От разрозненных активистов к массовой политической активности: к истории горьковского политического неформалитета в годы перестройки // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 5–8. EDN: ZVRFJR.
10. Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 768 с.
11. Ельцин Б. Н. Записки Президента: Размышления, воспоминания, впечатления. Москва: АСТ, 2006. 447 с.
12. Вергалиб Е. Генезис и пути политического сознания при Горбачеве // Континент. 1990. № 63. С. 189–224.
13. Фоменков А. А. История движения «Демократическая Россия» в Нижегородской области: политическое поражение было логичным // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 31–35. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-31-35. EDN: EILQFJ.
14. Мы тушим пожар тогда, когда он уже разгорелся // Страна и мир. 1990. № 1. С. 48–54.
15. Любарский К. Начало конца // Страна и мир. 1990. № 2. С. 12–15.
16. Второе дыхание социал-демократии. Интервью с Марью Лауристин // Страна и мир. 1990. № 1. С. 65–70.
17. Битва за независимость // Страна и мир. 1990. № 2. С. 1–3.
18. Малинкович В. Три революции и две перестройки. Этюды на темы советской истории. Москва: ИГПИ, 2008. 368 с.
19. Малинкович В. До свидания, «Форум» // Форум. 1990. № 22. С. 236–237.
20. Новиков В. Неуместное // Синтаксис. 1990. № 28. С. 4–10.
21. Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
22. Новиков М. С. «Демократический Союз», его новосибирские и омские функционеры и сторонники во время перестройки и в последующие годы // Человек и общество в нестабильном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2021. С. 69–72. EDN: MSPMIP.
23. Новиков М. С. Отношение Народно-Трудового Союза российских солидаристов и его дочерних организаций к национально-административному строительству в 1987–1998 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 40–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-40-48. EDN: QMANZH.
24. Зверев С. Как и кто придет к власти в СССР к концу 1990 года // Континент. 1990. № 64. С. 187–216.
25. К читателю // Страна и мир. 1990. № 1. С. 1–2.
26. Бахتامов Р. (Шапиро Р. Б.). Президент // Страна и мир. 1990. № 2. С. 25–30.
27. Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 454–484. DOI: 10.21638/11701/srbu24.2019.210. EDN: RPCTMN.
28. К читателю // Страна и мир. 1991. № 1. С. 1–2.
29. Бахتامов Р. (Шапиро Р. Б.). Дороги, которые нам выбирают // Страна и мир. 1991. № 2. С. 15–25.
30. Белоцерковский В. Придет ли интеллигент к рабочим? // Литературная газета. 1991. 1 мая.
31. Любарский К. Августовская революция // Страна и мир. 1991. № 5. С. 1–82.
32. Розанова М. Переворот... // Синтаксис. 1991. № 31. С. 189–191.
33. Колонка редактора // Континент. 1991. № 68. С. 325–327.
34. Мир без страны // Страна и мир. 1992. № 1. С. 1–3.

АНТОШИН Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
SPIN-код: 6285-4494
AuthorID (РИНЦ): 261273
ORCID: 0000-0002-6093-2219
AuthorID (SCOPUS): 57194726801
ResearcherID: F-9881-2019
Адрес для переписки: alex_antoshin@mail.ru

Для цитирования

Антошин А. В. Кризис политики перестройки М. С. Горбачева в оценках журналов «третьей волны» эмиграции из СССР // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 5–13. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-5-13. EDN: XRQIDL.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024 г.
© А. В. Антошин

CRISIS OF M. S. GORBACHEV'S PERESTROIKA POLICY IN THE JOURNALS' ASSESSMENTS OF THE «THIRD WAVE» OF EMIGRATION FROM THE USSR

The article is devoted to the period of crisis of the perestroika policy initiated by M. S. Gorbachev. The purpose of the article is to analyze the perception of the socio-economic and political processes of the USSR development in 1990–1991 by representatives of the anti-communist emigration. The source base of the article is materials of the émigré press (journals «Continent», «Strana i Mir», etc.), as well as unpublished sources from the funds of the Archive of the former St. Petersburg Research Center «Memorial». The author comes to the conclusion that the anti-communist emigration, closely following the developments in the USSR, has no illusions about the prospects for democratization in the country. By 1990 the leading émigré periodicals concluded that M. S. Gorbachev's strategy had failed and the country was sliding into chaos and anarchy.

Keywords: M. S. Gorbachev, perestroika, Soviet society, USSR, emigrants, «Continent», «Strana i Mir».

References

1. Bazanov P. N. Ocherki istorii periodicheskikh izdaniy russkoy emigratsii (1945–1988 gg.) [Essays on the history of Russian emigration periodicals, 1945–1988]. Saint Petersburg, 2013. 113 p. (In Russ.).
2. Alekseyeva L. M. Istoriya inakomyслиya v SSSR: noveryshiy period [History of dissent in the USSR: the latest period]. 3rd ed. Moscow, 2012. 384 p. (In Russ.).
3. Skarlygina E. Yu. Tret'ya russkaya emigratsiya i otechestvennaya kul'tura 1960–1980-kh gg.: problemy vzaimodeystviya [The third Russian emigration and the Russian culture of the 1960s and 1980s: problems of interaction]. Nansenovskiye chteniya 2008. *Nansen Readings 2008*. Saint Petersburg, 2009. P. 456–463. (In Russ.).
4. Fedin A. A. Tret'ya volna: tvorchestvo sovetskikh pisateley v emigratsii [The third wave: the works of soviet writers in exile]. Mir nauki, kultury, obrazovaniya. *The World of Science, Culture, Education*. 2018. No. 4 (71). P. 457–459. EDN: OZGRMZ. (In Russ.).
5. Goryanin A. B. Vozdeystviye russkoy emigratsii na SSSR v 1930–1950-e gg.: k postanovke voprosa [Impact of Russian emigration on the USSR in the 1930s and 1950s: towards an issue]. Nansenovskiye chteniya 2008. *Nansen Readings 2008*. Saint Petersburg, 2009. P. 427–442. (In Russ.).
6. Bubbayer Ph. Sovest', dissidentstvo i reformy v Sovetskoj Rossii [Conscience, dissent and reform in Soviet Russia]. Moscow, 2010. 367 p. (In Russ.).
7. Shugaylo T. S. Obostreniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SSSR i raspad sovetskogo gosudarstva na stranitsakh russkoy emigrantskoy pressy v SShA (1986–1991 gg.) [The aggravation of interethnic relations in the USSR and the collapse of the soviet power on the pages of the Russian emigrant press in the united states (1986–1991)]. Rossiya i ATR. *Russia and the Pacific*. 2016. No. 3 (93). P. 106–118. EDN: WWWSAP. (In Russ.).
8. Shugaylo T. S. Opyt perestroyki v SSSR: vzglyad russkoy emigrantskoy periodiki v Amerike (1985–1989 gg.) [The Perestroika Experience in the USSR: Viewpoint of the Russian Emigrant Periodicals in the USA (1985–1989)]. V Zerkale Perestroyki: k Osmysleniyu Rossiyskoy Transformatsii. *In the Mirror of Perestroika: to Understanding the Russian Transformation*. Vladivostok, 2015. P. 236–242. EDN: UOKZOV. (In Russ.).
9. Fomenkov A. A. Ot razroznennykh aktivistov k massovoy politicheskoy aktivnosti: k istorii gor'kovskogo politicheskogo neformaliteta v gody perestroyki [From scattered activists to mass political activity: to the history of Gorky political informality in years of perestroika]. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2017. No. 4. P. 5–8. EDN: ZVRFJR. (In Russ.).
10. Taubman U. Gorbachev. Ego zhizn' i vremena [Gorbachev. His life and times]. Moscow, 2019. 768 p. (In Russ.).
11. Eltsin B. N. Zapiski Prezidenta: Razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya [Notes from the President: Reflections, memories, impressions]. Moscow, 2006. 447 p. (In Russ.).
12. Vertlib E. Genezis i puti politicheskogo soznaniya pri Gorbacheve [Genesis and ways of political consciousness during Gorbachev's reign]. *Kontinent. Continent*. 1990. No. 63. P. 189–224. (In Russ.).
13. Fomenkov A. A. Istoriya dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» v Nizhegorodskoy oblasti: politicheskoye porazheniye bylo logichnym [The history of the democratic Russia movement in the Nizhny Novgorod region: political defeat was logical]. Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. *Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 31–35. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-31-35. EDN: EILQFJ. (In Russ.).
14. My tushim pozhar togda, kogda on uzhe razgorelsya [We put out the fire when it has already started]. *Strana i Mir*. 1990. No. 1. P. 48–54. (In Russ.).
15. Lyubarskiy K. Nachalo kontsa [The beginning of the end]. *Strana i Mir*. 1990. No. 2. P. 12–15. (In Russ.).

16. Vtoroye dykhaniye sotsial-demokratii. Interv'yu s Mar'yu Lauristin [The second breath of social democracy. Interview with Maria Lauristin]. *Strana i Mir*. 1990. No. 1. P. 65–70. (In Russ.).
17. Bitva za nezavisimost' [Struggle for Independence]. *Strana i Mir*. 1990. No. 2. P. 1–3. (In Russ.).
18. Malinkovich V. Tri revolyutsii i dve perestroyki. Etyudy na temy sovetskoy istorii [Three revolutions and two perestroika. Etudes on the themes of Soviet history]. Moscow, 2008. 368 p. (In Russ.).
19. Malinkovich V. Do svidaniya, «Forum» [Goodbye «Forum»]. *Forum*. 1990. No. 22. P. 236–237. (In Russ.).
20. Novikov V. Neumestnoye [Inappropriate]. *Sintaxis*. 1990. No. 28. P. 4–10. (In Russ.).
21. Arkhiv NITs «Memorial» (Sankt-Peterburg) [Archive of the Memorial Scientific Information Center (Saint Petersburg)]. File: 1/1/1. (In Russ.).
22. Novikov M. S. «Demokraticeskii Soyuz», ego novosibirskiy i omskiye funktsionery i storonniki vo vremya perestroyki i v posleduyushchiye gody [«Democratic Union», its Novosibirsk and Omsk functionaries and supporters during perestroika and following years]. *Chelovek i Obshchestvo v Nestabil'nom Mire. Man and Society in an Unstable World*. Omsk, 2021. P. 69–72. EDN: MSPMIP. (In Russ.).
23. Novikov M. S. Otnosheniye Narodno-Trudovogo Soyuza rossiyskikh solidaristov i ego dochernikh organizatsiy k natsional'no-administrativnomu stroitel'stvu v 1987–1998 gg. [The attitude of the People's Labor Union of Russian Solidarists and its subsidiaries to National administrative construction in 1987–1998]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 40–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-40-48. EDN: QMANZH. (In Russ.).
24. Zverev S. Kak i kto pridet k vlasti v SSSR k kontsu 1990 goda [How and who will come to power in the USSR by the end of 1990]. *Kontinent. Continent*. 1990. No. 64. P. 187–216. (In Russ.).
25. K chitatel'nyy [To the reader]. *Strana i Mir*. 1990. No. 1. P. 1–2. (In Russ.).
26. Bakhtamov R. (Shapiro R. B.). Prezident [President]. *Strana i Mir*. 1990. No. 2. P. 25–30. (In Russ.).
27. Puchenkov A. S. Avgustovskiy putch 1991 g.: vzglyad na sobytiya iz zdaniya TsK (po pokazaniyam ochevidtsev) [The August Coup in 1991: a View From the Central Committee Building and Eyewitness Accounts]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9, no. 2. P. 454–484. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.210. EDN: RPCTMN. (In Russ.).
28. K chitatel'nyy [To the reader]. *Strana i Mir*. 1991. No. 1. P. 1–2. (In Russ.).
29. Bakhtamov R. (Shapiro R. B.). Dorogi, kotoryye nam vybirayut [The roads we take]. *Strana i Mir*. 1991. No. 2. P. 15–25. (In Russ.).
30. Belotserkovskiy V. Pridet li intelligent k rabochim? [Will the intellectual come to the workers?]. *Literaturnaya Gazeta*. 1991. May 1. (In Russ.).
31. Lyubarskiy K. Avgustovskaya revolyutsiya [August Revolution]. *Strana i Mir*. 1991. No. 5. P. 1–82. (In Russ.).
32. Rozanova M. Perevorot... [Coup...]. *Sintaxis. Syntaxis*. 1991. No. 31. P. 189–191. (In Russ.).
33. Kolonka redaktora [Editor's column]. *Kontinent. Continent*. 1991. No. 68. P. 325–327. (In Russ.).
34. Mir bez strany [World without a country]. *Strana i Mir*. 1992. No. 1. P. 1–3 (In Russ.).

ANTOSHIN Alexey Valerievich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Oriental Studies Department, Ural Federal University named after the first President B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.
 SPIN-code: 6285-4494
 AuthorID (RSCI): 261273
 ORCID: 0000-0002-6093-2219
 AuthorID (SCOPUS): 57194726801
 ResearcherID: F-9881-2019
 Correspondence address: alex_antoshin@mail.ru

For citations

Antoshin A. V. Crisis of M. S. Gorbachev's perestroika policy in the journals' assessments of the «third wave» of emigration from the USSR. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 5–13. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-5-13. EDN: XRQIDL.

Received July 12, 2024.

© A. V. Antoshin

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И БЕСПРИЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ КОНЦА XX ВЕКА

Статья посвящена изучению работы органов социальной защиты населения по профилактике детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности в конкретно-исторических условиях, складывавшихся в Российской Федерации в 1991–1999 годы. Всесторонний анализ совокупности привлеченных к исследованию источников позволил показать картину модернизации системы социальной защиты в период становления новой российской государственности. Полученные в итоге исследования результаты характеризуют на общегосударственном уровне место и роль органов социальной защиты населения в системе профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, отражают степень эффективности и проблемные аспекты их функционирования, в том числе в рамках реализации Федеральной программы «Дети России».

Ключевые слова: Российская Федерация, органы социальной защиты населения, несовершеннолетние, безнадзорность, беспризорность, профилактика.

Введение. В настоящее время в Российской Федерации в рамках Десятилетия детства (2018–2027), объявленного указом Президента Российской Федерации В. В. Путина, широкомасштабно решается задача обеспечения благополучного и безопасного детства [1]. Комплекс мероприятий, запланированных для реализации в этот период, включает, в том числе, разработку и осуществление мер по совершенствованию профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [2]. Правительством Российской Федерации определена перспективная цель дальнейшего формирования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которая состоит в обеспечении соответствующих условий для социализации и ресоциализации детей, подростков, юношей; их саморазвития и воспитания на базе социокультурных, духовных, нравственных ценностей, традиционных для российского общества правил и норм; формирования у них чувства патриотизма и уважения к закону [3]. В связи с этим разноаспектное исследование накопленного опыта деятельности различных субъектов, вносящих вклад в профилактику безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в разное время, имеет особую значимость, поскольку позволяет получить научно обоснованные результаты для со-

ответствующего использования в современных условиях.

Следует отметить то, что тему настоящей статьи отличает недостаточная исследованность с позиций исторической науки. Результаты анализа массива научной литературы показали наличие единичных работ ученых историков: М. В. Брянцевой [4], Е. О. Лифановой [5], Н. М. Минниковой [6], Г. В. Самохиной [7], А. Г. Филиповой [8], имеющих отношение к изучаемой проблеме. Однако деятельность органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних рассмотрена ими фрагментарно в контексте реализации государственной политики в области охраны детства, поскольку выступала лишь частью предмета исследования. Все это мотивировало автора на подготовку данной работы.

Целью исследования стало изучение места и роли органов социальной защиты населения в системе государственной поддержки семьи и детства в период с конца 1991 по 1999 годы, проблемный анализ их работы по превентивному воздействию на социально негативные явления в виде детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности, в том числе в рамках применения программно-целевого подхода.

Источниковая база исследования включает как опубликованные материалы в ряде печатных изданий, так и материалы, находящиеся на архивном хранении. Характеризуя привлеченные к исследованию источники, следует выделить среди них наиболее ценные материалы выступлений должностных лиц Минсоцзащиты России и Минтруда России в средствах массовой информации, содержащие аналитические данные о развитии и результативности работы органов социальной защиты населения с детско-подростково-юношеским контингентом, так и информационные материалы, подготовленные в рамках выявления, обобщения и распространения положительного опыта их деятельности в сфере профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Исследование проведено с применением метода причинно-следственного анализа, метода ситуационного анализа, историко-генетического метода, хронологического метода.

Основная часть. В 90-е годы XX века в Российской Федерации ситуация с детско-подростково-юношеской безнадзорностью и беспризорностью развивалась неблагоприятно. Органами государственной статистики фиксировался рост числа несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, а также детей, подвергавшихся негативному воздействию со стороны родителей и иных лиц, имевших асоциальную направленность (проституток, потребителей наркотиков, алкозависимых) [9]: 1991 год — 414,5 тыс., 1992 год — 426,2 тыс., 1993 год — 460,4 тыс., 1994 год — 496,3 тыс., 1995 год — 533,1 тыс., 1996 год — 572,4 тыс., 1997 год — 596,9 тыс. [10]. Таким образом, за 1992 — 1997 годы прирост данного показателя составил 182,44 тыс. человек, или 44 %.

К концу рассматриваемого периода ситуация с безнадзорностью и беспризорностью в среде несовершеннолетних не претерпела позитивных изменений. В качестве главных причин роста детско-подростково-юношеской безнадзорности Минтруд России выделил следующие: снижение уровня жизни населения; нарастание социального неблагополучия в семье и обществе; серьезные недостатки в системе образования; рост числа беженцев и вынужденных переселенцев [11].

В этих условиях высшими органами государственной власти предпринимались определенные меры, направленные на снижение уровня детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности. Минсоцзащиты России проводило активную работу в данном направлении. Так, рабочей группой под руководством председателя Комитета социальной помощи семье и детям Минсоцзащиты России А. М. Панова был разработан и 9 сентября 1993 года одобрен Советом министров — Правительством Российской Федерации — проект Федеральной программы «Дети России», направленный на улучшение положения подрастающего поколения [12]. В дальнейшем Минсоцзащиты России осуществляло координацию деятельности министерств и ведомств при реализации программных мероприятий.

В результате работы, проведенной органами социальной защиты населения Российской Федерации совместно с заинтересованными структурами, из числа детей, подростков и юношей без родительского попечения были устроены в установленном порядке: в 1992 году — 66 731 чел., в 1993 году — 80 721 чел. (рост данного показателя составил 20,96 %) [10].

В феврале 1994 года на страницах журнала «Социальное обеспечение» выступили начальник управления проблем детей, нуждающихся в особой социальной защите департамента проблем семьи, женщин и детей Минсоцзащиты России Н. И. Вшанов и начальник отдела управления проблем детей, нуждающихся в особой социальной защите департамента проблем семьи, женщин и детей Минсоцзащиты России М. Н. Мирсагатова, которые отметили, что в 1992 — 1993 годах во многих регионах были созданы социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних и социальные приюты для детей и подростков. Активная работа в этом направлении велась в г. Санкт-Петербурге, Кемеровской и Челябинской областях, Краснодарском, Красноярском и Ставропольском краях. При этом инициаторами создания таких учреждений в ряде случаев выступали общественные фонды и организации, частные фирмы и предприятия, религиозные организации. В рамках оказания финансовой поддержки специализированным учреждениям для несовершеннолетних Минсоцзащиты России было направлено: в 1992 году — 4,85 млн руб., в 1993 году — 1 млрд руб. Вместе с тем становление и развитие новых социально-защитных детских учреждений было осложнено множеством проблем, главной из которых являлась слабая материальная база. Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних и социальные приюты для детей и подростков располагались в наспех переоборудованных помещениях (около 60 %) или в непригодных помещениях, требовавших капитального ремонта и переоборудования (около 40 %). Во многих социально-защитных детских учреждениях отсутствовали медицинские, психологические, психотерапевтические кабинеты, а также помещения для игр и занятий спортом. Были очень бедны книжные фонды библиотек данных учреждений. Дети и подростки ненадежным образом обеспечивались одеждой и обувью. Непросто решались и кадровые проблемы. В социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и социальных приютах для детей и подростков не хватало квалифицированных психологов, психоневрологов, наркологов, сексологов [13].

Положительную оценку Минсоцзащиты России получил опыт организации работы социальных приютов для детей и подростков «Альмус», «Дом Астрид», «Дом милосердия», «Селена», созданных в г. Санкт-Петербурге. В 1993 году в этих учреждениях содержалось 123 ребенка в возрасте от 4 до 18 лет [14].

14 апреля 1994 года Минсоцзащиты России утвердило Примерное положение о территориальном центре социальной помощи семье и детям. В задачи данных учреждений входило проведение мероприятий по установлению во взаимодействии с заинтересованными структурами причин детского и семейного социального неблагополучия, адресатов для оказания необходимой социальной поддержки, а также участие в профилактике безнадзорности детей, подростков, юношей и защите их прав. Они осуществляли работу с семьями, в которых имело место быть неблагоприятное психологическое воздействие на детей, конфликтные взаимоотношения, педагогическая безграмотность родителей, ненадлежащее обращение родителей с детьми, а также с семьями, в составе которых находились лица антиобщественной направленности. Кроме того, осуществлялись мероприятия по

поддержке детей, подростков и юношей, ставших сиротами, не имевших родительского попечения, нуждавшихся в устройстве, ставших беспризорными, допускавших противоправное и асоциальное поведение, проживавших с родителями, которые по объективным и субъективным причинам не выполняли обязанности по их содержанию и воспитанию [15].

Начальник управления развития территориальных социальных служб помощи семье и детям департамента проблем семьи, женщин и детей Минсоцзащиты России Н. Н. Стрельникова, анализируя работу по созданию и обеспечению функционирования территориальных центров социальной помощи семье и детям, отметила, что наиболее результативно она велась в г. Красноярске и Красноярском крае, г. Кургане, г. Магнитогорске, г. Махачкале, г. Пскове, г. Тюмени [16].

6 мая 1994 года Минсоцзащиты России утвердило Примерные положения о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних, о социальном приюте для детей и подростков, о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних проводили комплексную работу с социально дезадаптированными детьми, подростками, юношами, у которых фиксировались различные разновидности асоциального, аморального, противоправного поведения. Работники данных учреждений устанавливали факторы, способствовавшие социальной дезадаптации несовершеннолетних, осуществляли их психолого-медико-педагогическое сопровождение, подготавливали программы социальной реабилитации для каждого несовершеннолетнего, контактировали с семьями дезадаптированных несовершеннолетних в процессе реализации необходимых коррекционно-реабилитационных мероприятий по месту жительства. Социальные приюты для детей и подростков имели статус учебно-воспитательных учреждений, которые создавались для обеспечения необходимой социальной поддержки безнадзорных детей, подростков, юношей, в рамках которой им предоставлялась возможность временного проживания, правовая помощь, медицинские услуги, психологическая помощь, прорабатывались возможности их дальнейшего устройства. С несовершеннолетними, находившимися в данных учреждениях, велась учебная работа в соответствии с законодательством об образовании. Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, являлись учебно-воспитательными учреждениями и обеспечивали социальную адаптацию, а также устройство детей и подростков, не имевших родительского попечения. Несовершеннолетние, находившиеся в данных учреждениях, были охвачены учебным процессом с учетом видов и степеней их социальной и школьной дезадаптации. Для достижения надлежащей эффективности своей деятельности социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей и подростков и центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, поддерживали на постоянной основе контакты с иными субъектами социальной защиты населения, учреждениями образования, здравоохранения, органами внутренних дел, различными общественными организациями и отдельными гражданами [17].

Заведующий сектором Научно-исследовательского института семьи Минсоцзащиты России М. М. Плоткин в своей статье «Педагогические

условия социальной реабилитации подростков», опубликованной в журнале «Педагогика» в мае 1994 года, при оценке значения социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и социальных приютов для детей и подростков, отметил то, что в условиях осложнения социально-экономической обстановки в стране данные учреждения выступали прибежищем для дезадаптированных детей и подростков, где они получали первый опыт нравственных отношений и надежду на выход из кризиса [18].

Комплекс мероприятий, реализованных органами социальной защиты населения Российской Федерации во взаимодействии с заинтересованными структурами в 1994 году, позволил устроить 100 808 детей, подростков и юношей, не имевших родительского попечения, — больше на 24,88 %, чем в 1993 году [10].

Значимым событием в области юридического сопровождения деятельности органов социальной защиты населения по профилактике детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности стало вступление в силу с 11 декабря 1995 года Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Он закрепили в качестве принципа социального обслуживания приоритетность оказания социальных услуг несовершеннолетним, находившимся в трудной жизненной ситуации (ст. 5). На органы социальной защиты населения была возложена обязанность по оказанию помощи в соответствующей реабилитации подросткам-правонарушителям (ст. 14) [19].

Меры, предпринятые органами социальной защиты населения Российской Федерации совместно с заинтересованными структурами в 1995 году, позволили устроить 110775 малолетних и несовершеннолетних, не имевших родительского попечения, — больше на 9,89 %, чем в 1994 году [10].

В январе 1996 года в рамках освещения положительного опыта социальной реабилитации несовершеннолетних в журнале «Народное образование» была размещена информация о работе центра реабилитации детей и подростков «Сириус», созданного в г. Надыме осенью 1993 года на основе наработок, имевшихся в г. Москве, г. Санкт-Петербурге и г. Екатеринбурге. В отношении детей и подростков, принятых на обслуживание, данным учреждением обеспечивалось проведение мероприятий по оказанию социальной и другой необходимой помощи, поддержке в реализации и защите законных прав и интересов, профилактике отклоняющегося поведения, развитию познавательной и социальной активности. Структурным подразделением центра реабилитации детей и подростков «Сириус» являлся социальный приют, в котором за время его работы проживало более 120 детей и подростков. Чаще всего в приют поступали дети, подвергшиеся жестокому обращению. Они проходили комплексное медицинское и психологическое обследование, получали помощь социальных педагогов и воспитателей. Несовершеннолетним, находившимся на обслуживании в центре реабилитации детей и подростков «Сириус», оказывалась реальная помощь в трудоустройстве. Многие из них работали на транспорте, а также в коммерческих структурах [20].

В феврале 1996 года в журнале «Социальное обеспечение» были опубликованы обобщенные данные о положительном опыте работы органов социальной защиты населения Краснодарского края по про-

филаксии безнадзорности несовершеннолетних. В информационном материале отмечено то, что на территории Краснодарского края проживало около 992 тыс. детей и подростков, из которых свыше 38 % воспитывались в семьях, нуждавшихся в постоянной поддержке государства и общества. В этой связи возникла объективная необходимость создания системы социальных служб и учреждений, оказывавших постоянную (экстренную и долгосрочную) поддержку семье и детям. В период с 1992 года по 1995 год в Краснодарском крае был создан 21 территориальный центр, обеспечивавший оказание психолого-педагогической, медико-социальной и реабилитационной помощи, а также консультативных и бытовых услуг. В 24 районах Краснодарского края действовали службы экстренной психологической помощи по телефону. За первое полугодие 1995 года семьям с детьми была оказана финансовая помощь на сумму свыше 2,2 млрд рублей. По инициативе органов социальной защиты населения были учреждены ежемесячные стипендии детям-сиротам, обучающимся в высших и средних учебных заведениях. В 1994–1995 годах такую стипендию на сумму 77,68 млн рублей получили около 400 студентов. В 1995 году социально-реабилитационные центры Краснодарского края обслужили около 10 тыс. человек. Работники этих учреждений совместно с представителями органов внутренних дел, прокуратуры, общественности занимались выявлением неблагополучных семей, безнадзорных и беспризорных детей и подростков. Значительное внимание уделялось профилактике социального сиротства. Оперативно выявлялись и незамедлительно устраивались в учреждения профилактики и реабилитации дети, не имевшие родительского попечения. В ряде случаев органы социальной защиты населения выступали инициаторами лишения родительских прав тех родителей, которые не занимались воспитанием детей на должном уровне. Под контролем работников социальных служб находились подростки, отчисленные из школ и профессионально-технических училищ. В г. Армавире был создан центр психолого-педагогической коррекции и социальной реабилитации таких подростков, который обеспечивал получение ими общего среднего образования и основ профессии. Работа социальных служб и учреждений по профилактике социального сиротства, предупреждению безнадзорности положительно отразилась на состоянии криминальной обстановки. В 1994 году в Краснодарском крае общий массив уголовно-наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, по отношению к уровню предыдущего года сократился на 16,8 %, а количество подростков, принимавших участие в совершении преступлений, уменьшилось на 11,7 %. Положительный опыт работы органов социальной защиты населения Краснодарского края по профилактике безнадзорности несовершеннолетних получил одобрение Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации и был рекомендован для внедрения в других регионах Российской Федерации [21].

13 сентября 1996 года Правительство Российской Федерации утвердило Примерное положение о специализированном учреждении для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. Этот документ регламентировал деятельность социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, социальных приютов

для детей и подростков, центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Для данных учреждений были определены следующие основные задачи: профилактическая работа по предупреждению детско-подростково-юношеской безнадзорности, оказание необходимой помощи по устранению трудной жизненной ситуации в семье, обеспечение детям и подросткам временного проживания до решения вопроса об их устройстве, оказание несовершеннолетним медицинской и социальной помощи [22].

В результате совместной работы органов социальной защиты населения Российской Федерации и других заинтересованных структур в 1996 году 112814 детей, подростков и юношей, не имевших родительского попечения, были устроены в установленном порядке, — больше на 1,84 %, чем в 1995 году [10].

23 апреля 1997 года Правительство Российской Федерации утвердило Положение о Министерстве труда и социального развития Российской Федерации, в котором Минтруд России был наделен соответствующими функциями в сфере разработки и осуществления мер по устранению детской безнадзорности, социального сиротства несовершеннолетних, профилактике асоциального поведения детей и подростков, созданию нормальных условий для их жизнедеятельности [23].

В сентябре 1997 года Правительство Российской Федерации рассмотрело промежуточные итоги реализации Федеральной программы «Дети России» и отметило то, что в результате проделанной работы деятельность по социальному обслуживанию семьи и детей начала осуществляться по отраслевому принципу, была сформирована система профилактики детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [24]. В 1997 году в Российской Федерации было введено в эксплуатацию 60 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и 114 социальных приютов для детей и подростков [25].

Органами социальной защиты населения Российской Федерации совместно с иными заинтересованными структурами в 1997 году 105 353 малолетних и несовершеннолетних, не имевших родительского попечения, были устроены в установленном порядке — меньше на 6,61 %, чем в 1996 году [10].

В июне 1998 года заместитель министра труда и социального развития Г. Н. Карелова дала интервью журналу «Народное образование», в котором осветила работу по выполнению Федеральной целевой программы «Развитие социального обслуживания семьи и детей» на 1998–2000 годы. Она отметила то, что реализованные комплексные мероприятия были направлены на формирование системы учреждений социального обслуживания семей и детей, пребывавших в сложной жизненной ситуации, а также на создание нормативно-правовой, научно-методической и материально-технической базы деятельности таких учреждений. В рамках социального обслуживания была оказана помощь более чем 1,3 млн чел., в числе которых около 500 тыс. несовершеннолетних. Все большее распространение получали территориальные центры социальной помощи семье и детям, которые были созданы в 55 субъектах Российской Федерации и ежегодно оказывали социальные услуги примерно 270 тыс. семей [26].

Комплекс мер, реализованных органами социальной защиты населения Российской Федера-

ции во взаимодействии с иными заинтересованными структурами в 1998 году, позволил устроить 103 256 детей, подростков и юношей, не имевших родительского попечения, — меньше на 1,99 %, чем в 1997 году [27].

Важнейшим событием в деле правовой регламентации деятельности органов социальной защиты населения стало вступление в силу 28 июня 1999 года Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который впервые в Российской Федерации на законодательном уровне закрепил их полномочия по профилактике безнадзорности несовершеннолетних, осуществлению индивидуальной профилактической работы с безнадзорными и беспризорными детьми и подростками, а также с родителями (законными представителями) несовершеннолетних, не исполняющими обязанности по воспитанию, содержанию своих детей и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними [28].

В результате совместной работы, проделанной органами социальной защиты населения Российской Федерации и иными заинтересованными субъектами в 1999 году, было устроено 104 359 малолетних и несовершеннолетних, не имевших родительского попечения, — больше на 1,07 %, чем в 1998 году [27].

Выводы. Проведенное исследование позволяет аргументированно утверждать следующее.

1. В России конца XX века органы социальной защиты населения являлись одним из основных субъектов профилактики детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности.

2. Проблема повышения эффективности деятельности органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних находилась в поле зрения Правительства Российской Федерации и руководства Минсоцзащиты России (Минтруда России). Уделялось внимание нормативно-правовому обеспечению их функционирования, выявлению, обобщению и тиражированию в практику социальной защиты населения на федеральном уровне положительного опыта работы с безнадзорными и беспризорными. Но должного эффекта это не приносило, поскольку деятельность специализированных социально-защитных учреждений для детей, подростков и юношей осуществлялась в условиях дефицита материально-технического и кадрового обеспечения.

3. Важная роль в становлении и развитии системной работы отечественных органов социальной защиты населения по профилактике детско-подростково-юношеской безнадзорности и беспризорности принадлежит федеральной программе «Дети России», позволившей обеспечить создание на территории Российской Федерации сети специализированных социально-защитных учреждений для несовершеннолетних, удовлетворительный уровень их финансирования и взаимодействие с иными заинтересованными структурами.

4. В целом, в период с конца 1991 по 1999 год органы социальной защиты населения по объективным и субъективным причинам не реализовали в полной мере имевшийся у них потенциал превентивного воздействия на социально негативные явления в виде безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Наблюдалось явное запаздывание в их деятельности, отсутствие наступательно-

сти в реализации имевшихся полномочий по работе с детско-подростково-юношеским контингентом и семьями, что способствовало выдвиганию на передний план не мер профилактики безнадзорности и беспризорности, а мероприятий по устройству несовершеннолетних, уже являвшихся беспризорными и безнадзорными. При этом работу по передаче безнадзорных и беспризорных под опеку (попечительство), на усыновление, в соответствующие детские воспитательные и учебные учреждения также нельзя считать в полной мере результативной, поскольку официальная статистика свидетельствует о некотором снижении количества устроенных в конце исследуемого периода на фоне непрерывного роста числа лишившихся родительского попечения.

Список источников

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Российская газета. 30 мая 2017.
2. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 5. Ст. 914.
3. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 14. Ст. 2088.
4. Брянцева М. В. Социальная политика государства в отношении несовершеннолетних в условиях трансформации социальной системы России (конец XX — начало XXI веков): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 299 с.
5. Лифанова Е. О. Профилактика безнадзорности и беспризорности как основа формирования системы защиты детства в России (1985 — 2005 гг.) (историко-социальный аспект): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2007. 205 с.
6. Минникова Н. М. Государственная социальная политика в отношении беспризорных детей Российской Федерации в 90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 197 с.
7. Самохина Г. В. Государственная политика в сфере борьбы с детской безнадзорностью и преступностью (1992 — 1999 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2007. 205 с.
8. Филипова А. Г. Политика государства по социальной защите детей, оставшихся без попечения родителей: региональный аспект (на материалах Хабаровского края. 80 — 90-е годы XX века): дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 202 с.
9. Преступность и правонарушения: стат. сб. Москва: Финансы и статистика, 1992. 176 с. ISBN 5-279-00944-X.
10. Российский статистический ежегодник: стат. сб. Москва: Госкомстат РФ, 1998. 267 с.
11. Ложкин Д. Как бороться с безнадзорностью // Социальное обеспечение. 1999. № 12. С. 18 — 19.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10200. Оп. 1. Д. 88. Л. 49 — 50.
13. Мирсагатова М. Н., Вшанов Н. И. Лучше строить школы и приюты, чем тюрьмы // Социальное обеспечение. 1994. № 2. С. 14 — 15.
14. Мирсагатова М. Н., Иващенко Г. М., Плоткин М. М. Ничейные дети? Нет, наши // Социальное обеспечение. 1994. № 3. С. 15 — 19.
15. Об утверждении Примерного положения о территориальном центре социальной помощи семье и детям: Приказ Минсоцзащиты России от 14 апреля 1994 г. № 47. URL: <http://>

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=E59C9EA4E6A026C7A7ABD2BA4233D645&BASENODE=50&ts=128026015908580929860711701&base=EXP&n=277873&rnd=1AA62F1DCC8066547E95F4187D5B9018#087556226236154 (дата обращения: 10.07.2024).

16. Стрельникова Н. Н. Центры разные нужны, центры разные важны // Социальное обеспечение. 1994. № 8. С. 13–17.

17. Об утверждении примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации: Приказ Минсоцзащиты России от 6 мая 1994 г. № 64. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=68044EC0336FFB2511B17911562B320B&BASENODE=50&ts=42566408207590584225280175&base=EXP&n=302119&rnd=1ED37EB1EE4A151EA00FDE877C91C458#05891660029946286> (дата обращения: 10.07.2024).

18. Плоткин М. М. Педагогические условия социальной реабилитации подростков // Педагогика. 1994. № 3. С. 37.

19. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 1995. 19 декабря.

20. Куртиян А. В. Дом, где согреваются сердца // Народное образование. 1996. № 1. С. 43–47.

21. Подростковые проблемы регионов // Социальное обеспечение. 1996. № 2. С. 15–16.

22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10200. Оп. 1. Д. 282. Л. 64–68.

23. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социального развития Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1997 г. № 480 // Российская газета. 1997. 15 мая.

24. Программы будут продлены // Социальное обеспечение. 1997. № 9. С. 16–17.

25. О парламентском запросе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Председателю Правительства Российской Федерации В. В. Путину «О Фе-

деральных целевых программах по улучшению положения детей в Российской Федерации»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 7 апреля 2000 г. № 251-III ГД // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. 2000. № 11. Ст. 478.

26. Фирстова Р. Дети страдать не должны // Народное образование. 1998. № 6. С. 19–22.

27. Российский статистический ежегодник: стат. сб. Москва: Госкомстат РФ, 2002. 690 с.

28. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

БРАЖНИКОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж.
SPIN-код: 6196-3646
AuthorID (РИНЦ): 691202
ORCID: 0000-0002-8583-9942
Адрес для переписки: s.a.brazhnikov@yandex.ru

Для цитирования

Бражников С. А. Деятельность органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в России конца XX века // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-14-21. EDN: ITTWYM.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024 г.

© С. А. Бражников

ACTIVITY OF SOCIAL PROTECTION AUTHORITIES IN PREVENTING NEGLECT AND HOMELESSNESS OF MINORS IN RUSSIA AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the study of the work of social protection agencies for the prevention of child, adolescent and youth neglect and homelessness in the specific historical conditions prevailing in the Russian Federation in 1991–1999. A comprehensive analysis of the totality of the sources involved in the study allowed us to show a picture of the modernization of the social protection system during the formation of the new Russian statehood. The results obtained as a result of the study characterize at the national level the place and role of social protection agencies in the system of prevention of neglect and homelessness of minors, reflect the degree of effectiveness and problematic aspects of their functioning, including within the framework of the implementation of the Federal program «Children of Russia».

Keywords: Russian Federation, social protection agencies, minors, neglect, homelessness, prevention.

References

1. Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii Desyatiletiya detstva: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2017 g. № 240 [About the announcement of the decade of childhood in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 240 dated May 29, 2017]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2017. May 30. (In Russ.).
2. Ob utverzhdenii plana osnovnykh meropriyatiy, provodimykh v ramkakh Desyatiletiya detstva, na period do 2027 goda: Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 23 yanvarya 2021 g. № 122-r [On approval of the plan of main events carried out within the framework of the decade of childhood for the period until 2027: Decree of the Government of the Russian Federation of January 23, 2021 No. 122-r]. *Sobraniye Zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2021. No. 5. Art. 914. (In Russ.).
3. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh na period do 2025 goda: Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 22 marta 2017 g. № 520-r [On approval of the concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period until 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of march 22, 2017 No. 520-r]. *Sobraniye Zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2017. No. 14. Art. 2088. (In Russ.).
4. Bryantseva M. V. Sotsial'naya politika gosudarstva v otnoshenii nesovershennoletnikh v usloviyakh transformatsii sotsial'noy sistemy Rossii (konets XX – nachalo XXI vekov) [Social policy of the state to minors in the context of the Russian social system transformation (late XX – early XXI centuries)]. Moscow, 2009. 299 p. (In Russ.).
5. Lifanova E. O. Profilaktika beznadzornosti i besprizornosti kak osnova formirovaniya sistemy zashchity detstva v Rossii (1985–2005 gg.) (istoriko-sotsial'nyy aspekt) [Prevention of neglect and homelessness as the basis for the formation of the child protection system in Russia (1985–2005) (historical and social aspect)]. Moscow, 2007. 205 p. (In Russ.).
6. Minnikova N. M. Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii besprizornykh detey Rossiyskoy Federatsii v 90-e gody XX veka [State social policy to homeless children of the Russian Federation in the 90s of the XX century]. Moscow, 2006. 197 p. (In Russ.).
7. Samokhina G. V. Gosudarstvennaya politika v sfere bor'by s detskoy beznadzornost'yu i prestupnost'yu (1992–1999 gg.) [State policy in the sphere of combating child neglect and crime (1992–1999)]. Slavyansk-on-Kuban, 2007. 205 p. (In Russ.).
8. Filipova A. G. Politika gosudarstva po sotsial'noy zashchite detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditeley: regional'nyy aspekt (na materialakh Khabarovskogo kraya. 80–90-e gody XX veka) [State policy on social protection of abandoned children: regional aspect (on the materials of Khabarovsk Region. 80–90s of the XX century)]. Komsomolsk-on-Amur, 2006. 202 p. (In Russ.).
9. Prestupnost' i pravonarusheniya [Crime and delinquency]. Moscow, 1992. 176 p. ISBN 5-279-00944-X. (In Russ.).
10. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian statistical yearbook]. Moscow, 1998. 267 p. (In Russ.).
11. Lozhkin D. Kak borot'sya s beznadzornost'yu [How to deal with neglect]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1999. No. 12. P. 18–19. (In Russ.).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. File: 10200/1/88/49–50. (In Russ.).
13. Mirsatogova M. N., Vshanov N. I. Luchshe stroit' shkoly i priyuty, chem tyur'my [It is better to build schools and shelters than prisons]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1994. No. 2. P. 14–15. (In Russ.).
14. Mirsatogova M. N., Ivashchenko G. M., Plotkin M. M. Nicheynnye deti? Net, nashi [Nobody's children? No,

ours]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1994. No. 3. P. 15–19. (In Russ.).

15. Ob utverzhdenii primernogo polozheniya o territorial'nom tsentre sotsial'noy pomoshchi sem'ye i detyam: Prikaz Minsotszashchity Rossii ot 14 aprelya 1994 g. № 47 [On approval of the approximate regulations on the territorial center for social assistance to families and children: Order No. 47 of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated April 14, 1994]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=E59C9EA4E6A026C7A7ABD2BA4233D645&BASENODE=50&ts=128026015908580929860711701&base=EXP&n=277873&rnd=1AA62F1DCC8066547E95F4187D5-B9018#087556226236154> (accessed: 10.07.2024). (In Russ.).

16. Strelnikova N. N. Tsentry raznyye nuzhny, tsentry raznyye vazhny [Different centers are needed, different centers are important]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1994. No. 8. P. 13–17. (In Russ.).

17. Ob utverzhdenii primernykh polozheniy o spetsializirovannykh uchrezhdeniyakh dlya nesovershennoletnikh, nuzhdayushchikhsya v sotsial'noy rehabilitatsii: Prikaz Minsotszashchity Rossii ot 6 maya 1994 g. № 64 [On approval of the approximate provisions on specialized institutions for minors in need of social rehabilitation: Order No. 64 of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated May 6, 1994]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=68044EC0336FFB2511B17911562B320B&BASENODE=50&ts=42566408207590584225280175&base=EXP&n=302119&rnd=1ED37EB1EE4A151EA00FDE877C91C458#05891660029946286> (accessed: 10.07.2024). (In Russ.).

18. Plotkin M. M. Pedagogicheskiye usloviya sotsial'noy rehabilitatsii podrostkov [Pedagogical conditions of social rehabilitation of adolescents]. *Pedagogika*. 1994. No. 3. P. 37. (In Russ.).

19. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 10 dekabrya 1995 g. № 195-FZ [On the basics of social services in the Russian Federation: Federal Law No. 195-FZ of December 10, 1995]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1995. December 19. (In Russ.).

20. Kurtiyan A. V. Dom, gde sogrevayutsya serdtsa [The house where hearts are warmed]. *Narodnoye Obrazovaniye*. 1996. No. 1. P. 43–47. (In Russ.).

21. Podrostkovyye problemy regionov [Adolescent problems of the regions]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1996. No. 2. P. 15–16. (In Russ.).

22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. File: 10200/1/282/64–68. (In Russ.).

23. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve truda i sotsial'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 23 aprelya 1997 g. № 480 [On Approval of the Regulations on the Ministry of Labor

and Social Development of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 480 dated April 23, 1997]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1997. May 15. (In Russ.).

24. Programmy budut prodleny [Programs will be extended]. *Sotsial'noye Obespecheniye*. 1997. No. 9. P. 16–17. (In Russ.).

25. O parlamentskom zaprose Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii Predsedatelyu Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinu «O Federal'nykh tselevykh programmakh po uluchsheniyu polozheniya detey v Rossiyskoy Federatsii»: Postanovleniye Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 7 aprelya 2000 g. № 251-III GD [On the parliamentary request of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation to the Chairman of the Government of the Russian Federation V. V. Putin «On Federal targeted programs to improve the situation of children in the Russian Federation»: Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 251-III of April 7, 2000]. *Vedomosti Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii*. 2000. No. 11. Art. 478. (In Russ.).

26. Firstova R. Deti stradat' ne dolzhny [Children should not suffer]. *Narodnoye Obrazovaniye*. 1998. No. 6. P. 19–22. (In Russ.).

27. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. Moscow, 2002. 690 p. (In Russ.).

28. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: feder. zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ [On the fundamentals of the system for preventing neglect and juvenile delinquency: Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1999. No. 26. Art. 3177. (In Russ.).

BRAZHNIKOV Sergey Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies Department, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh. SPIN-code: 6196-3646 AuthorID (RSCI): 691202 ORCID: 0000-0002-8583-9942 Correspondence address: s.a.brazhnikov@yandex.ru

For citations

Brazhnikov S. A. Activity of social protection authorities in preventing neglect and homelessness of minors in Russia at the end of the twentieth century. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-14-21. EDN: ITTWYM.

Received July 23, 2024.

© S. A. Brazhnikov

ОТ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВА К КРИЗИСУ СОЦИУМА: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПОВСЕДНЕВНО-БЫТОВАЯ ЖИЗНЬ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

В статье анализируется общественно-политическая и повседневно-бытовая жизнь Пермской губернии в первой половине 1919 г. Особое внимание в исследовании уделено проблеме восстановления земств и народной милиции, не получившей должного освещения в историографии. Цель работы — изучить результаты влияния управленческой деятельности указанных органов власти на жизнь общества, опираясь на впервые вводимые в научный оборот неопубликованные источники из фондов Государственного архива Пермского края: сводки Пермской городской милиции, рапорты начальника Екатеринбургской милиции, ведомости о происшествиях, рапорты управляющих уездами Управляющему Пермской губернией, приказы по гарнизону города Перми. Теоретическая основа работы — сочетание институционального и антропологического подходов с методами контент-анализа, проблемно-хронологическим и статистическим. По итогам исследования отмечена особая роль Управляющего Пермской губернией Н. П. Чистосердова в общественно-политической жизни региона в изучаемый период, выделены противоречия правовой базы и кадровой политики местных властей; подчеркнута взаимосвязь острого кризиса повседневно-бытовой жизни на фоне политической дестабилизации государства и морального разложения общества.

Ключевые слова: Пермская губерния, А. В. Колчак, Е. Н. Сумароков, местное самоуправление, земства, милиция, уголовные преступления, суицид.

Постановка проблемы. После занятия 24 декабря 1918 г. Перми войсками 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Р. Гайды в городе и на прилегающей территории губернии возобновлялась деятельность земств, народной милиции, восстанавливался институт губернских комиссаров, учрежденный еще Временным правительством.

В тот же день начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Б. М. Зиневич объявил приказ № 1 по гарнизону города Перми, по которому комендантом назначался полковник Георгий Сергеевич Николаев [1, л. 3]. 28 декабря Г. С. Николаев, в свою очередь, утвердил в должности губернского комиссара М. В. Кукаретина. 10 января 1919 г. Постановлением Совета министров Российского правительства должность переименовали в управляющего губернией [2, л. 8], а Кукаретина сменил Н. П. Чистосердов [3]. В конце ноября 1918 г. «омское» правительство учредило должность главного начальника Уральского края. Им 16 декабря стал С. С. Постников, одновременно являвшийся товарищем министра торговли и промышленности [4].

Упомянутый приказ Зиневича поделил город Пермь на 9 районов с подчинением каждого коменданту. Запрещалось носить оружие, выходить

на улицу с 19 до 7 ч., предпринимать попытки к агитации, грабежам и иным преступлениям. Зиневич выразил надежду, что «граждане Перми, после унижений и обид, перенесенных от большевиков, серьезно и с полным доверием отнесутся к выполнению этого приказа и не заставят прибегать к репрессивным мерам» [1, л. 4]. Параллельно органами местного самоуправления — городскими думами и земствами — принимались меры для перехода на мирные рельсы, несмотря на близость фронта и регулярные объявления о мобилизациях в Сибирскую армию, а также имевшие место расстрелы за попытку перейти на сторону красных [1, л. 87].

В Пермскую губернию входило шесть уездов: Осинский, Оханский, Усольский (Соликамский), Чердынский и Пермский. До официального раздела 15 июля 1919 г. к ней относились уезды Екатеринбургской губернии: Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Верхотурский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Серебрянский район Кунгурского уезда. Деятельность антибольшевистских властей в этих географических рамках вызывает интерес со стороны историков, что объясняется возможностью привлечения широкого корпуса источников, с одной стороны, а с другой — недостаточной изученностью Уральского региона, находившегося

под властью правительства Колчака. Общую историографическую линию сегодня задают оригинальные труды, освещающие аспекты функционирования военно-политической сферы белой Сибири и личности Верховного правителя [5 – 10].

Новизну нашего исследования определило обращение к неопубликованным источникам из фондов Государственного архива Пермского края. Применительно к проблеме это позволило прийти к пониманию общей картины общественно-политической жизни в губернии, оценить последствия влияния большевиков на развитие внутривластной обстановки при белых властях, обратив внимание на такие частности, как характеристики криминальной обстановки и социально-негативных явлений в контексте аспектов повседневности и др. При работе с источниками был выявлен ряд уникальных документов за подписью известного историка Е. Н. Сумарокова¹. Находка не случайна: в первой половине 1919 г. он занимал пост Управляющего Шадринским уездом, а в июле успел поработать помощником Управляющего Пермской губернией. Документы содержат его суждения о мерах борьбы с пьянством, о необходимости ограничить полномочия волостных земств, о прекращении выдачи удостоверений о мобилизации и, в целом, помогают охарактеризовать его как личность. Полученной информации достаточно, чтобы высоко оценить его заслуги перед Отечеством.

Основная часть. Полученный эмпирический материал был сформулирован по проблемным блокам, в рамках которых проведен анализ.

Съезд управляющих уездами и попытки нормализации местного самоуправления. К важнейшим документам эпохи следует отнести «Журнал заседания съезда управляющих уездами Пермской губернии» (13 страниц машинописи и рукописи). Организация данного мероприятия была вызвана необходимостью установить контроль над территорией губернии, а также оценить масштабы разрушенной экономики и принять необходимые меры в условиях восстановления земств и народной милиции. Источник представляет собой хаотично написанные рукописи с большим количеством исправлений; машинописный текст — только первые четыре листа. Очевидно, что участники съезда были сильно ограничены во времени, готовясь к приезду Верховного правителя А. В. Колчака.

Кемеровский историк С. П. Звягин указывает, что съезд управляющих уездами назначили на 12 февраля 1919 г., «важное для губернии мероприятие», которое, как он предположил, не состоялось по причине поездки на Урал Колчака — Н. П. Чистосердов обязан был его всюду сопровождать [13]. Но съезд все же открылся 16 февраля, а Колчак прибыл в Пермь 19-го. Заседания шли с 16 по 18 февраля. На июнь 1919 г. подобное мероприятие запланировали в Шадринском уезде, но открыться ему уже было не суждено.

Съезд был действительно весьма значимым событием: его конечной целью стал доклад для представления Верховному правителю. Текст документа отсутствует, но на основании обсуждаемых вопросов ясна его суть.

16 февраля в 14:30 Чистосердов объявил съезд открытым, на нем присутствовали 10 из 12-ти управляющих уездами (не были представлены Оханский и Осинский уезды). Обсуждали захват церковных и частновладельческих земель при большевиках, затем в 17:30 объявили перерыв до 20:00. Заседание

продолжили выступления управляющих уездами о политических настроениях, организации милиции, необходимости средств на восстановление учебных заведений, текущих делах. Но самым обсуждаемым вопросом стали ограничения полномочий волостных земств. Управляющие сетовали, что земцы не соответствуют своему назначению [14, л. 2].

На следующий день членом Губернского присутствия Н. П. Черняевым в 12:00 была зачитана телеграмма Временного правительства от 29 апреля 1917 г. «Об организации уездных съездов». Далее управляющий Кунгурским уездом А. И. Юшков предложил «дать более широкое право наблюдения за деятельностью и делопроизводством волостных земств путем ревизий, а также и удаления служащих, не соответствующих своему назначению» [14, л. 5]. Управляющий Шадринским уездом Е. Н. Сумароков заявил, что «в настоящее, в особенности, время управляющие уездами должны принять самое деятельное участие в работе съезда» [14, л. 5].

Действительно, все воссозданные органы власти были заинтересованы в обеспечении порядка, но нельзя утверждать, что в Пермской губернии милиция находилась в подчинении комиссаров [15, с. 46]. На последнем заседании 18 февраля рассматривался вопрос о взаимоотношениях управляющих губерниями с милицией и органами сельского управления, где Чистосердов подчеркнул: «Съезд признает, что право административного взыскания, принадлежащее начальникам милиции, принадлежит и управляющим уездами, коим непосредственно подчинена милиция в уезде. В отношении права административного взыскания по отношению к органам сельского управления — сельским старостам, а этих последних — подведомственным им лицам — съезд считает необходимым <...> разъяснение <...> Что же касается отношения уездных комиссаров к городским и уездным земским самоуправлениям, то в законе не имеется на этот предмет никаких указаний» [14, л. 6–6 об.].

Таким образом, в «Журнале...», а также в других документах, как мы увидим и далее, неоднократно поднимался вопрос о наделении исключительными полномочиями управляющих уездами. В тексте говорится об управляющих уездами и уездных комиссарах, как о совершенно разных понятиях, но речь, скорее всего, шла об одном и том же. Объяснением тому является указанное выше Постановление Совета министров, в соответствии с которым губернский и уездные комиссары стали называться управляющими [3].

Далее Н. П. Чистосердов перешел к аграрному вопросу: «Съезд считает необходимым ввиду сложных и запутанных отношений на Урале и необходимости ясного и твердого его разрешения в ближайшее время, когда возможны всякие эксцессы, скорейшее утверждение предлагаемого законопроекта о передаче земель, изъятых из пользования владельцев, в общественный фонд и о возвращении земель, захваченных у крестьян-собственников... до разрешения земельного вопроса в законодательном порядке — общегосударственным представительным органам» [14, л. 6–6 об.].

Управляющий подчеркнул, что земства изменили свой характер как органы самоуправления, являясь административным аппаратом, выполняющим милицейские функции, следовательно, необходимо «распространить надзор управляющих уездами на весь круг деятельности волостных самоуправлений» [14, л. 7]. При этом управляющим уездами

предоставлялось право ревизии всех органов земского самоуправления, а в отношении «каких-либо неправильных действий служащих» они могли применить меры воздействия на основании 29 ст. Положения об уездных комиссарах. Вопрос же об удалении от должностей или иных лиц мог решить исключительно начальник края по представлению управляющего губернией [14, л. 7].

Управляющий губернией руководствовался Положением Временного правительства от 29 апреля 1917 г., на основании которого уездный комиссар, «действуя в качестве ближайшего помощника губернского комиссара в уезде», осуществлял надзор за точным и повсеместным соблюдением законов органами управления и самоуправления в уезде» [16]. Земства и милиция были подотчетны управляющим уездами, находящихся в ведении Чистосердова, чем и объясняется наличие их отчетной документации в архивном фонде Управляющего Пермской губернией.

18 февраля, на том же съезде, управляющий Шадринским уездом Е. Н. Сумароков высказался за то, чтобы все постановления губернских и уездных земских самоуправлений, представленные по закону управляющему губернией на рассмотрение, направлялись бы через управляющих уездами, «которые будут не только иметь широкое наблюдение за деятельностью самоуправлений, но и давать подробные заключения по тем или иным постановлениям, как лица ближе знакомые с местными условиями жизни и обстоятельствами, вызвавшими издание данного постановления. Этим самым будет пресечена возможность проведения в жизнь тех постановлений, которые могут остаться не опротестованными в законный срок управляющим губернией...» [14, л. 7].

Член Губернского присутствия Н. П. Черняев подчеркнул, что «в особо важных случаях управляющие уездами могут своею властью временно устранять от должностей служащих волостных управ, но с тем, чтобы об этом доводилось до сведения волостных земских собраний и управляющего губернией» [14, л. 8].

С января 1919 г. начался сложный и долгий процесс по восстановлению работы уездных и волостных земских учреждений, подчинявшихся управляющему губернией. Другим болезненным вопросом, как на тот момент казалось, стал земельный, поскольку он вызывал много противоречий. При всех последствиях разрушительной продовольственной политики, красного террора и реквизиций имущества, идея отчуждения земель бывших владельцев если и вызывала сомнения у пермских крестьян в ее правомерности и возможности реализации, то воспринята ими была не без энтузиазма. Понадобилось немногим больше года с момента обнародования большевистского декрета, чтобы земельные угодья стали считаться государственными. Поэтому с восстановлением в правах на землю бывших собственников сельские власти не спешили, да и обратный порядок прописан не был. А раз не было соответствующего закона — значит, можно было и не возвращать. Именно на этой почве возник конфликт между земствами и сельскими обществами, так как происходящее являлось, по сути, захватом земли собственников, как, например, известных предпринимателей Строгановых.

Материальный ущерб, нанесенный большевиками, белые власти оценивали в сотни тысяч рублей. Тем не менее нельзя утверждать, что население

Пермской губернии было на грани голода. Состояние железной дороги и водных торговых путей по реке Кама еще позволяло обеспечивать уездные центры и волости продовольствием. Проблема нехватки посевного хлеба должна была решиться привозом его из Сибири и с помощью кредитования.

Согласно «Ведомости грузов, подлежащих отправке разными фирмами и потребительными обществами в продовольственный отдел Пермской городской управы» за июнь 1919 г., были получены следующие объемы продовольствия: 2 вагона семян и 3 вагона кренделей из Шадринского уезда, 3 вагона сала из Иркутска, 10 вагонов овса из Ялуторовского уезда (Тобольская губерния), 3 вагона крупчатки из Екатеринбурга, 10 вагонов муки из Петропавловска, 48 вагонов масла из Славгорода, Омска и Барнаула, 9 вагонов сыра из Бийска. Владивосток поставил на станцию Пермь-1 20 вагонов риса, 5 вагонов спичек, 2 вагона свечей, 2 вагона какао, подошвенной кожи 5 вагонов. Более 200 вагонов муки поставлялось из Сибири (список продолжается). В общей сложности 871 вагон прибыл на станцию Пермь-1 [17, л. 236–236 об.].

Данный документ наглядно показывает, насколько хорошо была налажена система обеспечения необходимыми продуктами. Однако длилось это недолго. Уже в июле 1919 г. с восстановлением советской власти в губернии продолжится продразверстка, а вместе с ней красный террор, жертвами которого станут и последние пермские предприниматели. Их имущество будет разграблено, а имена надолго останутся в советской истории как «эксплуататоры и кровопийцы трудового народа». Нежелание основной части населения — крестьян служить в Красной армии выльется в массовое дезертирство.

Рост преступности и социально-негативных явлений. Сколько бы ни старались губернские и уездные власти навести порядок, опираясь на правовую систему существовавших до и после революции норм, в 1919 г. это было сделать невозможно. Нерешенность аграрного вопроса сыграла ключевую роль в поддержке подавляющего большинства крестьян Красной армии. Это стало камнем преткновения, ибо нельзя было только «частично» признать советскую власть в плане передачи земли государству, что устроило бы многих. Не способствовали популярности власти Колчака регулярно издаваемые генералом Пепеляевым приказы о мобилизации и о формировании партизанских отрядов. Это создавало атмосферу непрекращающейся войны и подрывало тыл. Присутствие солдат Сибирской армии в Перми усугубило и без того проблему высокого уровня преступности, на фоне которой насущные вопросы — аграрный и политический — отошли на второй план, таким образом, на правоохранительные органы легла чрезмерная нагрузка.

На 8 января 1919 г. штат пермской милиции был следующим: начальник, 2 помощника, 4 старших милиционера, 24 пеших милиционера, конный отряд в 30 человек. Состав 1-го участка: начальник, 2 помощника, 6 старших и 69 младших милиционеров. Бюро уголовного розыска: начальник милиции, 2 помощника, 6 старших агентов, 12 младших агентов. При 3-м участке: начальник, 2 помощника, 5 старших и 55 младших милиционеров. Состав 4-го участка: начальник, 2 помощника, 4 старших и 33 младших милиционера. На 55 милицейских городских постов приходилось: 25 старших мили-

ционеро́в, 250 старших, конный отряд из 30 человек [18, л. 27–27 об.]. Начальником пермской милиции в тот период был П. И. Данилов, затем — Н. А. Ключников. Отчеты с мест направлялись в губернский город Н. П. Чистосердову.

Из рапорта исполняющего обязанности начальника народной милиции Екатеринбургa Кабанова: «28 апреля у И. Н. Носова, проживающего по Покровскому проспекту, в доме № 91 из квартиры во время обыска, производившегося военным контролем, были похищены золотые часы стоимостью 1500 рублей. Установлено, что кражу совершил солдат отряда особого назначения при Уполномоченном командующего Сибирской армией Михаил Партин» [19, л. 111].

В Екатеринбургском уезде произошел инцидент: 16 мая около 2 часов дня, в лесу, в 14 верстах от деревни Кержаки Ревдинской волости, на берегу реки Безымянки гражданине П. Мамонов, В. Мамонов «выстрелом из ружья нанесли огнестрельную рану в затылочную часть головы сельскому старосте Г. Л. Коминову, 77 лет, за то, что он не дал Петру Мамонову на масленице производить буйство и за отданное приказание вести принадлежащую ему лошадь на мобилизационный пункт. Убийцы скрылись в лесу. Василий Мамонов — дезертир, солдат 2-го ударного батальона 2-й роты, росту выше среднего, волосы на голове, бровях и усах русые, одет в черное полинявшее стеганое полупальто, шаровары из серого солдатского сукна, фуражка защитного цвета, сапоги» [20, л. 100].

Из суточных рапортов начальника пермской милиции П. И. Данилова: 4 марта в 12 часов ночи, около дома № 171 по Петропавловской улице прапорщиком 6-го Мариинского полка С. Я. Блохиным-Ксенофонтовым была убита 18-летняя В. Г. Четверикова. Убийство совершено «на романтической подкладке, в пьяном виде» [17, л. 78 об.].

Разумеется, об этом пермские военные власти не могли не знать, но и обвинять их в полном бездействии было бы несправедливо. 5 апреля 1919 г. был обнародован приказ генерала Пепеляева за № 138 по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу, в котором, в частности, говорилось: «За последнее время с прибытием пополнения и различных команд наблюдаю распущенность среди частей гарнизона города Перми. Много без дела военнослужащих бродят по улицам. Команды ходят в беспорядке <...> Категорически приказываю: из казарм увольнять по запискам, согласно уставу внутренней службы <...> только дисциплинированных солдат <...> Всем офицерам и солдатам найти на головных уборах бело-зеленую ленточку, установленную для Сибирской армии» [1, л. 65]. Позже издавались приказы, запрещающие появление военнослужащих в нетрезвом виде.

В целом было принято различать и вести статистику по следующим видам преступлений: религиозные, государственные, служебные, против порядка управления, похищение правительственных актов, против нравственности, лжесвидетельство и ложный донос, подделка денег, против законов о воинской повинности, нарушение уставов казенных управлений, нарушение законов о печати, стачки в промышленных предприятиях, стачки среди сельских рабочих, угрозы, оскорбление чести, поджоги, разбой и грабежи, похищение лошадей и кража домашнего скота, против народного здоровья и общественного порядка, бродяжничество, изготовление, хранение и сбыт взрывчатых веществ

[21, л. 110]. Но круг реально совершаемых преступлений был гораздо уже.

На первом месте числились кражи, затем поджоги и убийства, причинение увечий и нанесение смертельных ран. Лишь краж было минимум три вида: простая, с взломом, с подбором ключа. Отмечались также разбойное нападение, вооруженное ограбление группой лиц, убийство с целью ограбления.

Стоит допустить, что не все преступления в силу разных причин попали в милицейские рапорты. Но статистика уголовных преступлений и социальных негативных явлений по городу Перми за февраль—июнь 1919 г. была такова: более 100 краж (из них только 35 приходится на июнь), 20 случаев отравления военнослужащих суррогатным алкоголем, 2 суицида, 10 случаев подкидышей, 2 несчастных случая вследствие неосторожного обращения с оружием, 1 самострел. Выявлено 13 случаев дезертирства и 14 случаев задержания лиц, ведущих антиправительственную пропаганду и сотрудничающих с коммунистами-большевиками [Подсчет по: 17].

А 23 апреля в Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда у ватерклозета на базаре была наклеена записка со строчками из популярной песни: «Верно! Хорошо! Нас давит, товарищи, власть капитала, царящего мощно повсюду. Довольно, товарищи, время настало проснуться голодному люду» [19, л. 21].

Милиции были известны и другие случаи пробольшевистской агитации, антиправительственных высказываний. 5 марта в Перми был задержан неизвестный, который агитировал против власти Временного правительства: «Не нужно идти по призыву в войска» [18, л. 144 об.]; 29 марта был задержан гражданин Ново-Паинской волости Оханского уезда Илья Пирожков, «коммунист, проявлял действия в пользу советской власти» [18, л. 163].

Статистика по Шадринскому уезду: 14 пожаров, 20 краж, 14 убийств, 10 несчастных случаев, 16 случаев нанесения ран со смертельным исходом, 3 изнасилования, 8 суицидов, 2 подкидыша [Подсчет по: 22].

В Верхотурском уезде только с февраля по апрель было выявлено 168 случаев самогеноварения («кумышки»), 60 преступлений «против общественного спокойствия» [19, л. 80–84].

По городу Чердыни: 14 случаев «присвоения и растраты чужого имущества», 86 краж, 12 «прочих преступных деяний». Итого «самых разных преступлений»: 156. При этом была подсчитана стоимость возвращенного имущества владельцам. Она составила всего лишь 1509 руб. [19, л. 70].

Статистика по Екатеринбургскому уезду: 22 кражи, 10 убийств (для сравнения: 14 умерли своей смертью), 9 несчастных случаев, 7 разбойных нападений, 14 пожаров, 3 самоубийства, 3 разбойных нападения, 10 случаев нанесения ран со смертельным исходом, 1 увечье [Подсчет по: 20].

По Екатеринбургскому уезду за апрель—июнь 1919 г.: 34 кражи, 11 пожаров, 1 подкидыш, 4 изнасилования, 2 несчастных случая, 3 суицида, 11 алкогольных отравлений, 4 убийства, 4 случая нанесения ран со смертельным исходом [Подсчет по: 21].

В Екатеринбургском уезде имели место кражи платинового песка на Авроринском и Павловском приисках. С момента открытия месторождений платины на Урале (с 1824 по 1922 гг.) было добыто около 250 т металла и 70–80 т расхищено [23,

с. 99]. Самовольная добыча платины зафиксирована в сводках милиции Екатеринбурга: «8 мая 1919 г. на прииске Нижне-Туринской волости был задержан гражданин Загафаров, у которого при обыске было обнаружено 9 золотников² 63 доли³ платины»; «19 мая на Авроринском прииске Черноисточинской волости задержаны граждане Бушин и Тебельков, хищнически промывавшие платиносодержащие пески, причем отобрано от них намытой платины 6 долей» [21, л. 43 об., 46].

Анализ милицеских сводок за январь — июнь 1919 г. приводит к выводу о том, что больше всего краж и убийств произошло в Перми, в то время как в уездах получили распространение другие виды преступлений. При этом солдаты и офицеры Белой армии не были единственными виновниками криминального неблагополучия. Рост преступности, а также негативных социальных явлений в тот период, во многом, был спровоцирован моральным разложением общества вследствие ослабления власти, безработицы, перебоев с хлебом и топливом и ряда других проблем.

Социально-негативные явления. Распространенными социально-негативными явлениями были: самострелы, пьянство, отравления суррогатным алкоголем, суициды [24 — 25].

Отдельно следует выделить несчастные случаи. В отчетных документах милиции отмечены случаи тяжелых ранений, когда по незнанию или из любопытства люди подрывались, пытались разобрать боеприпасы, найденные на чердаках, в чуланах или погребах. Известно, что среди раненых были и дети. Стоит полагать, что в ожидании очередной смены власти оружие прятали как для военных целей, так и для самозащиты.

Так, 25 мая в Екатеринбурге «около 5 часов вечера в доме № 99 по Васнецовской улице произошел взрыв бомбы. Осмотром места взрыва установлено, что в четырех окнах дома выбиты стекла и силой взрыва на расстояние трех саженей вышиблены 5 досок у сеней, расщепан косяк и входная дверь. Опрошенная Ошева показала, что, возвратясь из леса в свою квартиру, она стала перебирать имущество, находящееся в чулане, где с полки свалилась на пол какая-то бутылкообразной формы жестянка. Ошева взяла ее в руки и, выйдя в сени, стала рассматривать, держа в правой руке, а левой по незнанию надавила капсулю, от чего и получился взрыв. Ошева получила ранения правого предплечья, с отрывом всей кисти руки, области правой грудной железы, безымянного и указательного пальцев левой руки с отрывом ногтевых фалангов, роговицы правого глаза» [20, л. 101].

10 апреля в деревне Большой Исток Арамилской волости Екатеринбургского уезда чинами милиции при обыске квартиры Н. Мишарина было обнаружено 8 фунтов динамита, 55 капсулей, 3 круга фитиля [20, л. 23 об.]. 20 апреля в селе Косулинском Бобровской волости, «во время совершения утренней Святой Пасхи, при стрельбе из пушки у церкви гражданином Д. И. Слепухиным, 38 лет, осколком от разрыва пушки причинило ему тяжелую рану в голову, от каковой он вскоре и умер» [20, л. 26 об.]. В Екатеринбурге утром 29 апреля в отделении Русско-Азиатского банка, где была расквартирована воинская часть, «одним солдатом нечаянно была обронена бомба. Взрывом двое убито и свыше 10 солдат ранено» [20, л. 83].

Суициды. Возрастает количество суицидальных случаев, что позволяет судить об их обуслов-

ленности военным временем. Такие факторы, как потеря кормильца, лишение права собственности, безработица, являлись непреодолимыми в жизни городского и сельского обывателя. В то время существование отдельного человека всецело зависело от социальной среды и определенных жизненных условий, нарушение хотя бы одного из них ставило задуматься о смерти. Принятие решения об уходе из жизни сопровождалось желанием изложить мотивы такового в предсмертных записках. Это говорит об одиночестве человека и одновременно о его закрытости, глубокой душевной драме, толкнувшей на отчаянный шаг. Уход из жизни понимался как лучший способ вырваться из реальности из-за невозможности разрешить тупиковую ситуацию.

Оставление предсмертных записок было характерно самым разным категориям населения. У каждого самоубийцы был свой повод свести счеты с жизнью: несчастная любовь, межличностные конфликты [См. подр.: 26], безработица, неудачная карьера, ликвидация власти советов, невозможность прокормить детей, разочарование в жизни. В источниках можно встретить формулировку «удавился на своем дворе в состоянии ненормальных умственных способностей» [21, л. 46].

В рапортах Екатеринбургской городской милиции зафиксирован случай: «Около 7 часов вечера главным врачом дивизионного лазарета 1-й ударной дивизии Русских заявлено в милицию, что около 6 часов вечера в своей квартире, находящейся по Тимофеевской набережной, в доме № 13, покончила жизнь самоубийством, выстрелив из револьвера системы «Бульдог» в область нижней части грудной клетки Серафима Никитина, 39 лет от роду. Покойная оставила две записки, написанные собственноручно. Первая записка: «Простите все мне. Жить больше не могу. Устала. Благословляю детей. Целую крепко всех. Серафима. 5 июня 2 часа ночи, 1919 г.». Вторая записка: «Моя просьба. Прошу брата Лелю не оставить моих мальчиков. Леночку прошу за меня приласкать иногда Кону — бедняжку. Все мое, все вещи пусть будут Жене. Она остается очень одинокая. Прошу меня одеть в черное поплиновое платье. Я приготовила на комод. Там же белье, чулки и туфли. Чистое белье одела сама. Простите. Серафима. 5 июня, 5.30 дня». Причина самоубийства: трудное существование с семьей в 4 человека без средств» [19, л. 110].

11 мая врач Архипов, живший на Васнецовской улице, в доме № 159, заявил в городскую милицию Екатеринбурга, что его прислуга М. И. Мартюшева, 22 лет, пытаясь отравиться уксусной эссенцией, которой выпила чайную чашку. Девушку отправили в городскую больницу для оказания помощи [19, л. 97 об.].

Согласно рапортам Екатеринбургской милиции, в ночь с 23 на 24 января 1919 г. в д. Калинке Слободской волости, в собственном доме, «удавился на проволочной петле, привязанной к брусу палатей, Г. М. Костромин, 60 лет. Причина самоубийства — отчаяние от потери зрения» [19, л. 1]; «26 января в д. Макаровой Билимбаевской волости, выстрелом из револьвера в голову лишила себя жизни гражданка Вятской губернии Глазовского уезда Поломской волости Л. Н. Дьяконова, 20 лет. Причина самоубийства не известна [20, л. 1 об.]»; в деревне Фоминой Бобровской волости Н. П. Щетинкин, 43 лет, «будучи в нетрезвом виде, нанес тяжкие побои сожительнице своей П. П. Яковлевой,

от каковых она вскоре умерла. После этого Щетинкин покончил с собой, «удавившись в своем доме на петле» [20, л. 30 об.]; «30 мая около двух часов дня в кладовой отделения Петроградского столичного ломбарда, находящегося на Покровском проспекте, в д. № 39, удавился рабочий Екатеринбургга В. М. Плотников, 46 лет» [20, л. 36].

25 мая в Екатеринбурге в доме № 42 по улице Успенской расстался с жизнью штабс-капитан 4-го Чистопольского полка Н. В. Полуэктов. Дознание установило, что «покойный покончил с собой выстрелом из револьвера системы «Бульдог» в правый висок. При осмотре обнаружены две записки, написанные покойником собственноручно, в которых он просил после смерти тело «не потрошить». Причины, побудившие покончить жизнь самоубийством, якобы разжалование покойного из офицерского звания за усиленное пьянство»; «29 мая около 8 часов утра был обнаружен <...> удавившийся статский советник Д. М. Павлинов, 79 лет» [19, л. 104].

Алкоголизм. Самогонование и пьянство стали самыми распространенными негативными явлениями в Пермской губернии, во многом порождая иные социальные девиации и происшествия, описанные выше. Больше всего распитие кумышки и спиртосодержащих жидкостей (древесный спирт, политура) отменялось в Верхотурском и Шадринском уездах. В суточных рапортах милиции по городу Перми нередко фигурируют рядом самострелы и массовые алкогольные отравления. Так, в ночь на 4 февраля в здании общественного собрания прапорщик 6-го Мариинского полка Феоктистов выстрелом из револьвера ранил себя в грудь навывлет [18, л. 14 об.]. 5 февраля солдат Барнаульского полка Харитонов ранил себя выстрелом из винтовки в левую руку [18, л. 14 об.]. В Александровскую больницу 4 февраля доставили «в бессознательном состоянии» с признаками отравления денатурированным спиртом 11 солдат Ново-Николаевского пехотного полка, «найденным ими в вагоне станции Пермь-2. Двое умерли» [18, л. 16 об.]. 6 февраля 1919 г. отравились древесным спиртом: Т. С. Журавлева, 30 лет, красноармеец Григорий Девятьяров, рядовые Енисейского полка Власов и Петраков, ефрейтор Енисейского полка Баландин, военнопленный красноармеец Шушаков, партизан Вожегов, фельдшер Енисейского полка Николаев, военнопленный красноармеец Пинаев, пожарные Овсянников и Дружинин [18, л. 19 об.].

О проблеме повального пьянства свидетельствует и выписка из журнала собрания Шадринской городской думы 14 апреля. Гласный Астафьев тогда заявил, что «Правительство махнуло рукой на борьбу с пьянством», и «он не может допустить, что Россию надо возвращать к пьяному состоянию», и предложил гласным ходатайствовать перед Правительством о предоставлении права городам запрещения продажи крепких напитков [27, л. 212]. Гласные Седов и Казнин предложение поддержали. Казнин высказался о необходимости принять «более энергичные мера против выделывания самогонки» [27, л. 212 об.]. В ходе полемики дума единогласно постановила: «Признавая нежелательным открытие заведений с крепкими напитками, виноградными винами и пивом, просит Правительство о предоставлении права городам запрещения продажи вышеперечисленных напитков» [27, л. 212 об.].

Это постановление подписал городской голова А. С. Машуков, который до революции был пре-

успевающим предпринимателем и политическим деятелем. Он имел собственную паровую мельницу, пряничный магазин. Важно помнить, что Шадринск был развитым в экономическом отношении уездным центром, с высоким уровнем жизни. После ухода белых было национализировано 297 домов площадью 982,2 м², переданных на социально-хозяйственные нужды (устройство детдомов, обеспечение жильем коммунистов) [28, с. 15]. Логично, что заметное число обеспеченного населения города (в том числе вхожего в местное самоуправление) было встревожено без того беспокойной повседневной ситуацией, которую распространение алкоголизма и иных социальных девиаций лишь усугубляло.

17 мая Машуков направил представление Управляющему Пермской губернией о запрете продажи крепких спиртных напитков в Шадринске: «Шадринская городская дума, обсуждая вопрос о разрешении продажи пива и виноградных вин и признавая нежелательным открытие заведений с крепкими напитками, постановила просить Правительство о предоставлении городам права запрещения продажи вышеперечисленных напитков <...> Управа просит Вас войти в сношение с Министерством финансов и о последующем Управу уведомить» [27, л. 210–210 об.].

Данное предложение вызвало критику со стороны управляющего Шадринским уездом Е. Н. Сумарокова, который усмотрел нецелесообразность запрещать продажу крепких напитков и 17 июня внес свои предложения Н. П. Чистосердову: «Обращаясь к самому существу запретительных мер продажи вина и пива, надлежит признать их полную несостоятельность в деле укрепления и насаждения трезвости. Доказательством чему могут служить факты прошлого времени, когда торговля была запрещена. В городах к услугам желающих достать спиртные напитки были аптеки, москательные лавки, доставляющие политуру, лак и т.п. вещества, когда же то было кончено, то появилась самогонка. Факт появления из народа самогонки как раз служит доказательством, во-первых, в потребности в вине, а во-вторых, распространительности того факта по всей России, несмотря на целый ряд запретительных мер, действовавших особенно сурово до переворота, указывают на несостоятельность мер в борьбе с пьянством. Запретительные меры не только не принесли какую-либо пользу, но в виду кустарного изготовления опьяняющих напитков, всевозможных примесей одурманивающего характера, часто ядовитых по своему составу — принесло значительный вред населению. Если же учесть тот расход хлеба и полезных продуктов, тратившихся на изготовление кустарного вина, то вред тот можно измерять уже государственными масштабами. Крестьянство и рабочие городов были главными потребителями самогонки. В силу сказанного, полагал бы не соглашаться с ходатайством городской думы от 14 апреля» [27, л. 209–209 об.]. По вопросу о необходимости борьбы с проявлениями пьянства Сумароков отметил, что «таковая в городе и уезде может осуществляться с помощью милиции, которая в настоящее время окрепла и является подготовленной в том деле» [27, л. 210–210 об.].

Могла ли разрешиться данная проблема, неизвестно. Пермским земствам оставалось находиться у власти менее месяца. Но Сумароков планировал открыть в Шадринске уездный съезд. 17 июня он писал Чистосердову: «Многу были посланы Вам два

представления о назначении Помощника Управляющего по Шадринскому уезду. Покорнейше прошу, возможно скорее, или назначить из представленных, или по Вашему усмотрению. Работы очень много, и мне приходится только вести бумажную работу, количество же переписок и дел все увеличивается. Предполагаемое открытие Уездного съезда еще в значительной степени увеличит делопроизводство» [27, л. 198].

Выводы и дискуссия. Прделанный анализ позволяет сделать вывод о глубоком общем кризисе социума, который брал истоки от политической дестабилизации в стране, последовавшей за военно-революционными катаклизмами после 1917 г. Первостепенно страдала здесь региональная власть и местное самоуправление. В Пермской губернии в условиях Гражданской войны шел сложный процесс институционализации на уровне руководства региона. Во избежание ненужного разрастания кадров и параллелизма в губернских и уездных административных органах власти комиссары стали именоваться управляющими, что, по сути, означало и передачу исключительных полномочий последним, а значит, неизбежно влекло за собой расширение функций. Это решение было хорошо продумано. Находившемуся в Омске адмиралу Колчаку нужны были грамотные управленцы, которые смогли бы удержать под контролем ситуацию в являвшемся прифронтовой зоной самом западном регионе тогдашнего белого востока России.

Как видно, обращение к неопубликованным источникам официального характера проливает свет на картины повседневно-бытовой жизни Пермской губернии в условиях ожесточенного разгара Гражданской войны. Стоит согласиться, что на протяжении всего периода Н. П. Чистосердову, пытавшемуся координировать усилия для стабилизации ситуации на местном уровне, отчасти удавалось контролировать общественно-политические и социально-экономические процессы в регионе. Однако властные полномочия реализовать в полной мере у него не было возможности. Прежде всего, здесь играл роль неумолимо приближающийся фронт. Но управленцы региона не владели в полной степени всей информацией о политической обстановке в губернии и в зоне боевых действий. Сказывалось и присутствие военных, чьи начальники издавали параллельные приказы и распоряжения, подчас абстрактно фокусируя усилия населения на борьбе с большевиками и сохранении спокойствия. Но просоветская пропаганда не прекращалась, подрывая тыл и авторитет властей.

Присутствие в органах местного самоуправления и милиции достаточно квалифицированных кадров в некоторой степени помогало обеспечить проведение в жизнь восстановительных мер. Низкий уровень раскрываемости преступлений имел место в силу большого количества правонарушений и значительного увеличения вызванного ими объема оперативно-следственной работы. Чтобы побороть первопричины развития преступности и многочисленных социальных девиаций, у властей, фактически работавших по наитию, не хватало отчасти нужной практики, но в большей части — правовых полномочий. Не отвечавшее текущим запросам устаревшее законодательство сковывало действия управленцев. Имевшие место попытки перемен здесь попросту не успели принести плоды за короткий срок восстановления антибольшевистской власти в регионе.

Примечания

¹ Как и у многих русских эмигрантов, судьба Евгения Николаевича Сумарокова была трагична. Получив образование на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, он начал карьеру адвоката. В Шадринске проживал с сентября 1918 г. После занятия Пермской губернии частями Сибирской армии был назначен с 1 января 1919 г. (по всей видимости, приказом А. В. Колчака) на должность управляющего Шадринским уездом. В июле того же года стал помощником Управляющего Пермской губернии, а затем уполномоченным МВД Российского правительства по устройству беженцев в Забайкалье. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. Посвятил себя служению науке и сохранению русской православной культуры. Даже находясь в изгнании и тяжелейших условиях, он продолжал исследования, а также был певчим в Свято-Сергиевской церкви в Имяньпо. В 1946 г. был выдан китайскими властями советским спецслужбам. Приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях за шпионаж. Отбывал срок в Дубравлаге, затем переведен в Степлаг. Умер в заключении [11–12].

² 1 золотник = 96 долям = 4,25 г.

³ 1 доля = 0,044 г.

Список источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 8.
2. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 4.
3. Предисловие к фонду Р–746 «Управляющий Пермской губернией МВД Временного Всероссийского правительства Колчака (1918–1919)». ГАПК. Ф. Р–746.
4. Рынков В. М. Между дирижизмом и этатизмом: новации государственно-экономического строительства в Сибири в контексте российского опыта (1914–1920) // ЭКО. 2018. № 2. С. 155–173. EDN: YODYOC.
5. Гагкуев Р. Г. Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени — последний резерв адмирала А. В. Колчака // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH.
6. Тетерин В. И. Органы местного самоуправления Пермской губернии в условиях мобилизации служащих в 1919 году // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2018. № 1. С. 132–139. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.14. EDN: YVHVIO.
7. Васильченко Д. А. Деятельность милиции Российского правительства А. В. Колчака в городе Омске // Оперативно-розыскное право. 2017. № 1. С. 58–65. EDN: UYPFNK.
8. Назырова В. В., Петин Д. И. «В славные дни нашего освобождения»: освещение годовщины выступления Чехословацкого корпуса в прессе белой Сибири // Исторический вестник. 2024. № 47. С. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005. EDN: EEAXAB.
9. Хандорин В. Адмирал Колчак, вопрос о единстве России и союзники // Родина. 2013. № 12. С. 63–65. EDN: RQRHZR.
10. Шишкин В. И. Создание Совета верховного правителя А. В. Колчака (20–21 ноября 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 96–99. EDN: PEBFHR.
11. Рубан Н. А. Труды православного историка Евгения Сумарокова, изданные в Харбине в 1940-е годы // Аллея науки. 2020. Т. 2, № 12. С. 341–345. EDN: BABQYS.
12. Веретенников М. Харбинский церковный историк // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 2. С. 103–140. EDN: WBSLIJ.

13. Звягин С. П. Управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов: штрихи биографии // Гражданская война на Востоке России: материалы Всерос. научн. конф. (Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Тип. Астер, 2008. С. 101–108. EDN: CWPYZC.
14. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 14.
15. Домовитова П. Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г.–апрель 1919 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 2. С. 42–50. EDN: SZZMUT.
16. Положение о губернских и уездных комиссарах (Постановление Врем. правительства. 19 сент. 1917 г.). Петроград: Гл. упр. по делам мест. хоз-ва М-ва вн. дел, 1917. 35 с.
17. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 29.
18. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 68.
19. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 50.
20. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 59.
21. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 48.
22. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 67.
23. Халяева О. В. Уральская платина глазами очевидцев на рубеже XIX–XX веков // Всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В. О. Полякова. 2011. № 12. С. 98–109.
24. Безгин В. Б. Суицид в среде крестьянской молодежи (конец XIX–начало XX века) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 198–204. DOI 10.7256/2409-868X.2016.3.19039. EDN: WDOKHX.
25. Безгин В. Б., Жеребчиков Д. П. Суицид в городе и деревне Российской провинции конца XIX–начала XX веков // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. Т. 18, № 4. С. 1121–1130. EDN: PRGJAR.
26. Долгова А. В. «Да здравствует товарищ Ленин и Троцкий!» — предсмертные записки военнослужащих в годы Гражданской войны // Граница как историко-психологическое явление: материалы LV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г.). Санкт-Петербург: ООО Полторацк, 2024. С. 123–127.
27. ГАПК.Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 28.
28. Перунов В. К. Краеведческие очерки: сборник статей и очерков по истории Шадринска и уезда. Шадринск, 2012. 104 с.

ДОЛГОВА Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.
 SPIN-код: 2804-1380
 AuthorID (РИНЦ): 594831
 ORCID: 0000-0001-7859-3596
 ResearcherID: A-8542-2017
 Адрес для переписки: angela_dol@mail.ru

Для цитирования

Долгова А. В. От кризиса государства к кризису социума: общественно-политическая и повседневно-бытовая жизнь Пермской губернии в первой половине 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 22–31. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-22-31. EDN: IFDVIB.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.
 © А. В. Долгова

FROM THE CRISIS OF THE STATE TO THE CRISIS OF THE SOCIETY: SOCIO-POLITICAL AND ROUTINE LIFE OF PERM PROVINCE IN THE FIRST HALF OF 1919

The article analyzes the socio-political and routine life of the Perm province in the first half of 1919. Particular attention in the research is given to the restoration of local authorities and the people's militia, which has not received full coverage in historiography. The purpose of the work is to study the results of the influence of the administrative activities of these authorities on the life of society, relying on unpublished sources from the funds of the State Archives of Perm Region, introduced into scientific circulation for the first time — reports of the Perm city police, reports of the chief of the Ekaterinburg police, incident reports, reports of district managers to the Governor of Perm province, orders for the Perm garrison. The theoretical basis of the research is a combination of institutional and anthropological approaches with methods of content analysis, problem-chronological and statistical. Based on the results, a special role of the Governor of Perm province N. P. Chistoserdov in the socio-political life of the region in the studied period is noted, contradictions of the legal framework and personnel policy of local authorities are highlighted; the relations between the acute crisis of the routine life against the background of the state political destabilization and the moral decay of society is emphasized.

Keywords: Perm province, A. V. Kolchak, E. N. Sumarokov, local government, zemstvo, police, criminal offenses, suicide.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraia (GARK) [State archive of the Perm Region (SAPR)]. File: R-746/2/8. (In Russ.).
2. GARK [SAPR]. File: R-746/2/4. (In Russ.).
3. Predisloviye k fondu R-746 «Upravlyayushchiy Permskoy guberniyey MVD Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva Kolchaka (1918–1919)» [Preface to the R-746 fund «Manager of Perm Province of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional All-Russian Government of Kolchak (1918–1919)»]. GARK [SAPR]. File: R-746/1. (In Russ.).
4. Rynkov V. M. Mezhdru dirizhizmom i etatizmom: novatsii gosudarstvenno-ekonomicheskogo stroitel'stva v Sibiri v kontekste rossiyskogo opyta (1914–1920) [Between dirigisme and etatism: innovations of state-economic development in Siberia within the context of Russian experience (1914–1920)]. *EKO*. 2018. No. 2. P. 155–173. EDN: YODYOC. (In Russ.).
5. Gagkuyev R. G. Druzhiny Svyatogo Kresta i Zelenogo Znameni – posledniy rezerv admirala A. V. Kolchaka [Squads of the Holy Cross and the Green Banner — the last reserve of Admiral A. V. Kolchak]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. P. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH. (In Russ.).
6. Teterin V. I. Organy mestnogo samoupravleniya Permskoy gubernii v usloviyakh mobilizatsii sluzhashchikh v 1919 godu [Local self-government of perm province in conditions of office employees' mobilization in 1919]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Culture, History, Philosophy, Law*. 2018. No. 1. P. 132–139. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.14. EDN: YVHVIO. (In Russ.).
7. Vasil'chenko D. A. Deyatel'nost' militsii Rossiyskogo pravitel'stva A. V. Kolchaka v gorode Omske [Activities of the militia of the A. V. Kolchak's Russian government in Omsk]. *Operativno-rozysknoye Pravo*. 2017. No. 1. P. 58–65. EDN: UYPFNK. (In Russ.).
8. Nazyrova V. V., Petin D. I. «V slavnnyye dni nashego osvobodzheniya»: osveshcheniye godovshchiny vystupleniya Chekhoslovatskogo korpusa v presse beylo Sibiri» [«In the glorious days of our liberation»: coverage of the anniversary of the performance of the Czechoslovak Corps in the press of White Siberia]. *Istoricheskiy vestnik. Historical Reporter*. 2024. No. 47. P. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005. EDN: EEAXAB. (In Russ.).
9. Khandorin V. Admiral Kolchak, vopros o yedinstve Rossii i soyuzniki [Admiral Kolchak, the question of Russia's unity and the allies] // *Rodina. Motherland*. 2013. No. 12. P. 63–65. EDN: RQRHZR. (In Russ.).
10. Shishkin V. I. Sozdaniye soveta verkhovnogo pravatelya A. V. Kolchaka (20–21 noyabrya 1918 g.) [Creation of the Council of the Supreme Ruler A. V. Kolchak (November 20–21, 1918)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri. Humanitarian Sciences in Siberia*. 2012. No. 3. P. 96–99. EDN: PEBFHR. (In Russ.).
11. Ruban N. A. Trudy pravoslavnogo istorika Evgeniya Sumarokova, izdannyye v Kharbine v 1940-e gody [Works of the orthodox historian Yevgeny Sumarokov published in Harbin in the 1940s]. *Alleya nauki. Alley of Science*. 2020. Vol. 2, no. 12. P. 341–345. EDN: BABQYS. (In Russ.).

12. Veretennikov M. Kharbinskiy tserkovnyy istorik [A Church historian from Harbin]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2016. No. 2. P. 103–140. EDN: WBLSIJ. (In Russ.).
13. Zvyagin S. P. Upravlyayushchiy Permskoy guberniyei N. P. Chistoserdov: shtrikhi biografii [Perm province governor N. P. Chistoserdov: biographical details]. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii*. Perm, 2008. P. 101–108. EDN: CWPYZC. (In Russ.).
14. GARK [SAPR]. File: R–746/2/14. (In Russ.).
15. Domovitova P. Ya. Problema «dvoyevlastiya» na Urale v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka (dekabr' 1918 g. – aprel' 1919 g.) [The problem of «Dual Power» in the Urals under the regime of Alexander Kolchak (December 1918–April 1919)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. Perm University Herald. History*. 2014. No. 2. P. 42–50. EDN: SZZMUT. (In Russ.).
16. Polozheniye o gubernskikh i uyezdnikh komissarakh (Postanovleniye Vrem. pravitel'stva. 19 sent. 1917 g.) [Regulations on provincial and district commissars (Resolution of the Provisional Government. September 19, 1917)]. Petrograd, 1917. 35 p. (In Russ.).
17. GARK [SAPR]. File: R–746/2/29. (In Russ.).
18. GARK [SAPR]. File: R–746/2/68. (In Russ.).
19. GARK [SAPR]. File: R–746/2/50. (In Russ.).
20. GARK [SAPR]. File: R–746/2/59. (In Russ.).
21. GARK [SAPR]. File: R–746/2/48. (In Russ.).
22. GARK [SAPR]. File: R–746/2/67. (In Russ.).
23. Khalyayeva O. V. Ural'skaya platina glazami ochevidtsev na rubezhe XIX–XX vekov [Ural platinum by eyewitnesses at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vserossiyskiye nauchnyye chteniya pamyati il'menskogo mineraloga V. O. Polyakova*. 2011. No. 12. P. 98–109. (In Russ.).
24. Bezgin V. B. Suitsid v srede krest'yanskoy molodezhi (konets XIX – nachalo XX veka) [Suicide among peasant youth (the end of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya. Genesis: Historical Research*. 2016. No. 3. P. 198–204. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.19039. EDN: WDOKHX. (In Russ.).
25. Bezgin V. B., Zhrebchikov D. P. Suitsid v gorode i derevne Rossiyskoy provintsii kontsa XIX – nachala XX vekov [Suicide in Town and Villages of Russian Province in Late 19th – Early 20th Centuries] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Transactions of the Tambov State Technical University*. 2012. Vol. 18, no. 4. P. 1121–1130. EDN: PRGJAR. (In Russ.).
26. Dolgova A. V. «Da zdravstvuyet tovarishch Lenin i Trotskiy!» — predsmertnyye zapiski voyennosluzhashchikh v gody Grazhdanskoy voyny [«Long live comrade Lenin and Trotsky!» — suicide notes of military personnel during the Civil War]. *Granitsa kak istoriko-psikhologicheskoye yavleniye*. Saint Petersburg, 2024. P. 123–127. (In Russ.).
27. GARK [SAPR]. File: R–746/2/28. (In Russ.).
28. Perunov V. K. Krayevedcheskiye ocherki: Sbornik statey i ocherkov po istorii Shadrinska i uyezda. Shadrinsk [Local history essays: a collection of articles and essays on the history of Shadrinsk and its county]. Shadrinsk, 2012. 104 p. (In Russ.).

DOLGOVA Anzhela Valeriyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.
 SPIN-code: 2804-1380
 AuthorID (RSCI): 594831
 ORCID: 0000-0001-7859-3596
 ResearcherID: A-8542-2017
 Correspondence address: angela_dol@mail.ru

For citations

Dolgova A. V. From the crisis of the state to the crisis of the society: socio-political and routine life of Perm province in the first half of 1919. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 22–31. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-22-31. EDN: IFDVIB.

Received September 25, 2024.

© A. V. Dolgova

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В 1990-х гг. (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Опираясь на научные исследования, аналитические разработки, справочные издания, материалы архивных фондов и периодической печати, автор работы ставит цель — выявить особенности развития федерализма в регионе и зависимость социально-экономических отношений от решений, принятых в области административно-национального строительства, имевшего место на Алтае и в субъекте Федерации — Алтайском крае в 1990-е гг.

По итогам проведенного анализа исследователь приходит к выводам, что выбор административно-национальных решений поставил точку в создании на базе Катунской ГЭС горнодобывающей и перерабатывающей промышленности и не принес инвестиций в экономику края. Развитие политических отношений с доминированием в региональных законодательных органах Аграрной партии России и КПРФ предопределило более сбалансированный, в отличие от радикальных реформ, социально-экономический курс во второй половине 1990-х гг. и позволило региону приобрести статус всероссийской житницы, производящей экологически чистое продовольствие.

Ключевые слова: российский федерализм, регионализм, политическая борьба, национальная автономия, экономические реформы, Алтай, В. Ф. Райфкишт, А. А. Суриков.

Алтай в современной топонимике — территория современного Алтайского края и Республики Алтай. При этом Алтайский край до июля 1991 г. — субъект РСФСР, вбирающий в себя Горно-Алтайскую автономную область, а Алтайский край с июля 1991 г. — субъект Российской Федерации, не включающий в себя территорию Горного Алтая, конституированную в качестве самостоятельного субъекта Федерации. Опыт проходивших на Алтае административно-национальных преобразований актуален в текущий период, являющийся временем расширения Российской Федерации.

Специальные исследования по обозначенной теме — развития федеративных отношений на Алтае в целом, и в Алтайском крае в частности, в 1990-е гг. отсутствуют. Однако имеют место исследования по отдельным её составляющим.

Вопросы повышения статуса Горного Алтая и его выделения в субъект Российской Федерации в 1990-е гг. рассмотрены в работе Н. С. Модорова и Р. В. Мезенцева, воссоздание Немецкого национального района освещено в статьях А. А. Дрондина и С. В. Новикова [1–3].

Общественно-политическая обстановка в Алтайском крае в период проведения экономических реформ характеризуется в материале А. Н. Логинова, В. А. Рыжкова, Д. В. Негреева [4]. Особенности партийно-политических процессов в Алтайском крае попытка осветить Г. П. Шейда [5]. Роль СМИ в указанном процессе исследована А. Ф. Ляпуновым и Д. В. Негреевым [6, 7]. А. Ю. Малышевым охарактеризовано участие сибиряков, в том числе и представителей Алтайского края, в избиратель-

ной кампании 1993 г. [8]. Своеобразную точку в вопросах партийного строительства и роли партийных организаций и печатных СМИ в субъектах Западной Сибири, включая Алтайский край, в избирательных кампаниях ставит в своей монографии М. С. Новиков [9, с.76–77, 80–81, 113, 147, 243–244].

Вопросы формирования постсоветской административно-политической системы в западносибирских субъектах РФ, включая Алтайский край, рассматривает в своей работе А. В. Кашкин [10]. Характеристики представительной власти даны в издании «Представительная власть в Алтайском крае: время, люди, территории» [11].

Характеристика социально-политического развития края невозможна без оценки экономики и вытекающих из её состояния социальных показателей в конкретно-историческом аспекте. Исследования в этой области были проведены В. А. Кундус, И. С. Шаркевич, А. В. Радоновой [12–14].

Однако, как указывалось выше, специальных исследований проблемы не проводилось. Отсюда цель статьи — выявление особенностей развития федерализма и зависимости социально-экономических отношений от решений, принятых в области административно-национального строительства, имевшего место на Алтае. Эти особенности отразились на последующих социально-экономических и общественно-политических процессах в субъекте Российской Федерации — Алтайском крае.

При реализации заявленной цели автор использовал дневники Алтайской школы политических исследований (АШПИ), материалы и документы

Сибирского кадрового центра и Новосибирского отделения Российского общественно-политического центра, размещенные в информационно-аналитическом вестнике «Полихрон» (Политическая хроника Сибири), справочные издания, электоральную статистику, периодическую печать, расположенные в сети Internet или хранящиеся в архивных фондах

Алтай и национальный вопрос. Алтайский край в начале перестройки сложно было отнести к территориям, отличающимся политической стабильностью. С середины 1980-х гг. в крае активно дискутировались вопросы, так или иначе относящиеся к национальной проблематике, набравшей вес на территории СССР, и национально-административному строительству в его регионах.

Первый вопрос, о повышении статуса Горно-Алтайской автономной области — административно-территориальной единицы в составе Алтайского края РСФСР. Борьба за самоопределение инородцев Алтая привела к образованию Ойратской автономной области. В 1948 г. она была преобразована в Горно-Алтайскую автономную область со столицей г. Горно-Алтайск [1, с. 164–168]. Вопрос о статусе Горно-Алтайской автономной области стал объектом широкого обсуждения летом 1989 г., когда читатели познакомились со статьей корреспондента газеты «Алтайды Чолмоны» С. С. Темеева «Нужна ли нам автономия на уровне района?». Практически одновременно в газетах «Звезда Алтая» и «Алтайды Чолмоны» появилась статья С. С. Тюхтенева «Где наши губернские права? Или о статусе автономной области» [15–17]. Дискуссия о статусе Горного Алтая переплеталась с вопросами экологии и перспективой создания туристического кластера. В её рамках ставились вопросы о необходимости развития горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, а также строительстве Катунской ГЭС. Имели место митинги и пикеты [18, с. 13].

Шаг, положивший начало процессу преобразования Горно-Алтайской автономной области в Республику Алтай, сделал председатель Горно-Алтайского облисполкома М. В. Карамев. Будучи заместителем Председателя ВС РСФСР, он на 11-й сессии ВС РСФСР 29 ноября 1989 г. поставил вопрос о повышении правового статуса области. Идею поддерживали члены областного руководства в лице В. И. Чаптынова, В. И. Петрова, Д. И. Табаева и Ю. В. Антарадонова. 17 августа 1990 г. была принята Декларация «О Федеративном Договоре и повышении государственно-правового статуса Горно-Алтайской автономной области». В ней область признавалась одновременно субъектом СССР и РСФСР. В итоге ВС РСФСР был принят Закон от 3 июля 1991 г. «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР» [1, с. 169; 19, с. 122–123].

Второй вопрос — о возрождении Немецкого национального района. Район был создан в 1927 г. и в качестве административной и хозяйственной единицы развивался вплоть до конца 1938 г.

Но в 1937 г. путем разделения Западно-Сибирского края был образован Алтайский край, в составе которого одновременно оказались ранее упомянутые Ойротская автономная область и Немецкий национальный район. Руководство края при наличии в нем двух национально-административных образований опасалось отнюдь не национального сепаратизма или симпатий жителей Немецкого национального района к гитлеровской Германии,

а возникающих трудностей управления территорией [3, с. 138–139].

Как следствие, 26 сентября 1938 г. оргкомитет ВЦИК по Алтайскому краю принял решение № 1763 «О ликвидации Немецкого района». 10 октября оно было утверждено Алтайским крайкомом ВКП(б). К марту 1939 г. процесс ликвидации района и национальных сельсоветов завершился [2, с. 52].

Вопрос о воссоздании Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья (АССРНП) обсуждался среди национальной интеллигенции. Обсуждение проходило спокойно, без излишней политизации. Но, как говорится, люди протестовали ногами. За 1989 г. из 2200 человек, выехавших на жительство за рубеж, 2164 были немцами [20, с. 7–9; 2, с. 53].

Альтернативой стало воссоздание Немецкого национального района. После проведения сельских сходов в апреле–мае 1990 г. в Славгородском районе и референдума 12 апреля 1991 г. в Славгородском и Хабаровском районах, давшего в поддержку создания автономии соответственно 62,5 % и 75,6 %, процесс был запущен. Указом Президиума ВС РСФСР № 1507-1 от 01.07.1991 г. «Об образовании Немецкого национального района в Алтайском крае» с центром в с. Гальбштадт район получил право на существование [2, с. 53; 3, с. 138–139].

Так, на Алтае в рамках федеративного и национально-административного строительства была предпринята попытка корректировки социально-экономического и национально-культурного развития наций и народов. Реализация решений имела экономические и социальные последствия как для Алтайского края, так и для Республики Алтай.

Трансформация системы управления — алтайский вариант. До августовских событий реальных изменений в экономике и политической жизни, по мнению участников процесса, не происходило. Органы власти и управления фактически не реагировали на происходящие в центре изменения. После августовского путча был смещен с должности председателя крайисполкома Ю. И. Жильцов. На должность главы администрации края депутатским корпусом было рекомендовано три человека: уже упомянутый Ю. И. Жильцов; председатель крайагропрома А. Г. Назарчук — один из лидеров российского движения аграриев; народный депутат РСФСР В. Ф. Райфикешт. Одновременно был отправлен в отставку председатель краевого Совета А. А. Кулешов. Председательский пост занял его заместитель А. А. Суриков [4, с. 4–5].

8 октября 1991 г. Б. Н. Ельцин назначил главой администрации Алтайского края сорокалетнего народного депутата РСФСР В. Ф. Райфикешта. Будущий губернатор окончил Алтайский сельскохозяйственный институт в 1973 г.; в 1975–1979 гг. работал агрономом совхоза «Логовской» Первомайского района Алтайского края; в 1980–1981 гг. был инструктором сельскохозяйственного отдела Первомайского райкома КПСС; в 1981–1991 гг. директором совхоза «Логовской» [21].

Сам Владимир Федорович в одном из интервью рассказывал: «Я не скрывал того, что не хочу идти на эту должность. Говорил об этом не единожды. Но каждый раз у сторонников демократических преобразований возникал вопрос: если не ты, то кто? Анализировали и состав нашего депутатского корпуса, и состав «Демроссии». В итоге «жертвой» стал я [...]. Правда, я тоже шел к этому вот креслу как бы двумя путями. Один, так сказать, за-

кономерный: это моя позиция на съездах народных депутатов плюс работа в качестве доверенного лица Ельцина на выборах. И второй, абсолютно незакономерный, — это поддержка внеочередной сессией крайсовета моей кандидатуры» [22].

Особенностью процесса трансформации власти в Алтайском крае стал тот факт, что В. Ф. Райфикешт не являлся, в отличие от своего омского коллеги Л. К. Полежаева, представителем управленческой номенклатуры. Если последний, ранее являясь председателем Облисполкома, был включен в систему управления, то назначая В. Ф. Райфикешта на должность главы администрации Алтайского края, в «Кремле», вероятно, надеялись на компромисс «между президентской командой, настроенной на реформы, и сельской элитой, которая на первых порах считала В. Ф. Райфикешта если не вполне своим человеком, то, по крайней мере, человеком, понимающим её интересы» [4, с. 5].

Главной задачей своей деятельности глава администрации считал слом старой системы и выполнение всех постановлений правительства Е. Т. Гайдара. Ему удалось сформировать работоспособную и стабильную администрацию. В числе его замов были и выходцы из демократического движения, и опытные чиновники советской школы. Из бывших зампредов крайисполкома В. Ф. Райфикешт сделал своими замами двух человек — В. С. Германенко (ЖКХ, строительство, связь, транспорт, материально-техническое снабжение) и В. В. Коновалова (промышленность, энергетика). На должность первого зама он пригласил бывшего председателя Рубцовского горсовета Л. А. Коршунова. В. С. Германенко и Л. А. Коршунов, так же как и сам В. Ф. Райфикешт, были народными депутатами России. Это, а также накопленный ранее опыт, помогало вице-губернаторам решать проблемы края в Москве. В. С. Германенко, Л. А. Коршунов и В. В. Коновалов составляли, как говорится, «блок оперативного управления». Замом по внешнеэкономической деятельности стала доцент Алтайского государственного университета (АГУ), заведующая сектором крайисполкома В. П. Колесова. Курирование агропромышленного комплекса (АПК) В. Ф. Райфикешт оставил за собой. Затем замом по селу был назначен Ю. И. Порватов. В 1992 г. заместителем главы и начальником Главного управления сельского хозяйства стал П. В. Ефремов, до этого работавший генеральным директором объединения «Алтайплодоовощхоз». Из демократического движения и одновременно из АГУ в администрацию пришли С. Г. Потапов (управление государственным имуществом, приватизация), В. А. Рыжков (аппарат администрации, политический блок) и И. И. Шефер (социальная сфера). Последний ушел в отставку в 1992 г. Вместо него замом по социальным вопросам был назначен профессор медицинского университета В. П. Куликов. Должность В. А. Рыжкова называлась «секретарь администрации края», но фактически он являлся замом В. Ф. Райфикешта. Назначение заместителями главы администрации университетских преподавателей было неслыханным делом. К тому же В. А. Рыжкову было 25 лет [23].

Формирование иного по составу аппарата управления было невозможно. Радикальные реформаторы, придя к власти, вынуждены были работать со специалистами, то есть партхозактивом. Представители последнего чувствовали себя в администрации комфортно.

Однако уже с первых шагов работы новых органов власти выявились разногласия в подходах к методам проведения реформ между администрацией и краевым Советом, а также сформированным после августовских событий малым Советом. А. А. Суриков при поддержке депутатов, представляющих директорский корпус, стремился ввести процесс реформ в русло «планового регулирования». Например, в 1992 г. Совет принял решения о приостановке выплаты налогов в республиканский бюджет и приостановке земельной реформы в крае. На каждой сессии крайсовета инициировался вопрос о недоверии администрации Алтайского края или её отставке [4, с. 6].

В этих условиях 28 мая 1992 г. Алтайский край посетил президент Б. Н. Ельцин. Визит способствовал решению таких вопросов, как:

— строительство магистрального газопровода «Новосибирск — Барнаул»;

— строительство автомобильного моста через Обь;

— финансирование «Семипалатинской программы», содержащей меры поддержки граждан, подвергшихся радиационному воздействию в ходе ядерных испытаний на одноименном полигоне и привлекавшей в край средства для строительства объектов социальной сферы и здравоохранения [24].

Однако точечными вложениями ситуацию в крае разрешить было невозможно. Она отражала расстановку политических сил в крае. По материалам руководителя Алтайского отделения фонда «Российский общественно-политический центр» Г. П. Шейды на Алтае в 1992–1993 гг. реально шел процесс консолидации в состав КПРФ 9 движений коммунистического толка и началось становление будущей Аграрной партии России (АПР) [5, с. 96–97]. В октябре 1992 г. в рамках Фронта национального спасения (ФНС) началось взаимодействие левых и аграриев с Народно-освободительным движением им. А. Невского «Наши» [25, с. 4–5]. Местные организации партий правого толка оказались в стадии формирования. «Партия власти» отсутствовала [5, с. 96].

Действовали в крае представители Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), противостоящие «Нашим», и требующие от Б. Н. Ельцина прекратить «двоевластие» роспуском Советов. Но их взаимоотношения с краевой администрацией не сложились [9, с. 81–82].

По мнению участника демократического движения, заведующего кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ Ю. Г. Чернышова: «Владимир Райфикешт рассматривался многими как перестроечный революционер-романтик, пришедший на смену обанкротившимся партократам. В этой его роли были и достоинства, и недостатки. Говорили не только о его искренней вере в демократию и личной порядочности, но и о недостаточных управленческих навыках. Ему приходилось собирать команду из очень разных людей, некоторые из которых его потом предали, а некоторые слишком активно занялись улучшением своего благосостояния. С другой стороны, он столкнулся с всевозрастающей ненавистью к нему «бывших», которые мечтали о реванше» [21].

В. Ф. Райфикешт был назначенным губернатором, и главным для него была поддержка в Москве. А там он был на хорошем счету — демократически настроенный депутат, доверенное лицо Б. Н. Ельцина

на президентских выборах, приверженец Е. Т. Гайдара и его реформ. Алтайский край, при нем, по основным показателям находился среди лидеров по темпам экономических реформ в России. Это тоже шло в зачет главе администрации в Москве, но в крае многими воспринималось негативно [23].

Референдум 25 апреля 1993 г., в котором участвовало 64,66 % избирателей Алтайского края, проголосовал следующим образом:

— за доверие президенту Б. Н. Ельцину — 47,70 % (РФ 58, 76);

— за одобрение социально-экономической политики президента и правительства — 42,85 % (РФ 53,04);

— за проведение досрочных выборов президента — 36,04 % (РФ 31,76);

— за проведение досрочных выборов народных депутатов — 39,03 % (43, 06) [7, с. 47].

Если сравнить региональные и российские результаты голосования, то можно констатировать: жители края реформы не поддержали.

Кризис разразился 21 сентября 1993 г., когда Б. Н. Ельцин подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», предусматривающий роспуск Советов, проведение плебисцита по проекту Конституции и выборы двухпалатного российского парламента — Федерального собрания Российской Федерации. Краевой Совет квалифицировал действия Президента Б. Н. Ельцина как преступные и подлежащие наказанию. Депутаты поддержали решение об его отрешении от власти [9, с. 104; 4, с. 6].

После силового решения вопроса 3–4 октября 1993 г. началась подготовка к выборам и плебисциту. Главам администраций предстояло продемонстрировать поддержку населения участием и победой на выборах в Совет Федерации. В. Ф. Райфикешт участия в выборах не принял. По оценкам уже упомянутого Ю. Г. Чернышова, во время его губернаторства произошёл подъём малого бизнеса, была заложена основа для развития частного сектора, появились фермерские хозяйства. Были созданы музеи культуры и этнографии, уникальный культурно-литературный музей [21]. Но для победы на выборах в условиях ожесточенной критики со стороны как «правых», так и «левых» этого было недостаточно.

Результатами плебисцита в Алтайском крае стал 50,10 % (РФ 55,22 %) голосов, поданных за Конституцию.

В Совет Федерации РФ прошли:

— председатель краевого Совета народных депутатов А. А. Суриков (49,59 %);

— заместитель главы Администрации Алтайского края, профессор Алтайского мединститута, научный руководитель «Семипалатинской программы» Я. Н. Шойхет (41,50 %).

На выборах в Государственную Думу РФ пятипроцентный барьер преодолело шесть партий:

— ЛДПР — 27,75% (РФ 22 %);

— АПР — 23,40% (РФ 7,99 %). Депутатом стал председатель Совета Союза агропромышленных формирований края А. Г. Назарчук;

— Выбор России — 10,81 % (РФ 15,51 %). Депутатом стал секретарь администрации края В. А. Рыжков;

— КПРФ — 9,86% (РФ 12,4 %);

— Женщины России — 8,58 % (РФ 8,13 %);

— ПРЕС (Партия российского единства и согласия) — 5,47 % (РФ 6,73%).

По округам в Государственную Думу РФ прошли:

— Барнаульский округ № 35 — А. Н. Сарычев (24,26 %), заместитель начальника краевого управления юстиции, участник демократического движения, РДДР (Российское движение демократических реформ);

— Бийский округ № 36 — П. В. Ефремов (37,21 %), начальник Главного управления сельского хозяйства, заместитель главы администрации края, Выбор России;

— Рубцовский округ № 37 — В. Г. Бессарабов (25,48 %), работник краевой прокуратуры;

— Славгородский округ № 37 — С. П. Опенышев (49,36 %), председатель Совета сельского района, АПР [4, с. 9–10; 26, с. 47].

Принятием Конституции и формированием Федерального Собрания была подведена черта под противостоянием интересов различных групп российской элиты. В Алтайском крае представители АПР и КПРФ, поддерживаемые управленцами из аграрного сектора, начали формировать структуры региональной власти, оппозиционные российскому правительству.

Что касается главы администрации Алтайского края В. Ф. Райфикешта, то в январе 1994 г. он подал в отставку.

Красно-зеленая коалиция. По рекомендации В. Ф. Райфикешта на пост Главы администрации Алтайского края был назначен Л. А. Коршунов. В его команду не вошли демократически настроенные: В. П. Куликов, ушедший в отставку; уехавшие в Москву в связи с избранием в Государственную Думу П. В. Ефремов и В. А. Рыжков [4, с. 11].

В октябре краевой Совет народных депутатов не принял решение о самороспуске. На заседании 14 октября 1993 г. они проголосовали за досрочные выборы нового представительного органа Алтайского края. При этом малый Совет осуществлял полномочия вплоть до 13 марта 1994 г. — дня созыва Алтайского краевого Законодательного Собрания (АКЗС) [11, с. 16, 20].

Выборы депутатов АКЗС проходили в условиях доминирования АПР и КПРФ, насчитывающих соответственно 3,5 и 7 тыс. членов. Следует отметить, что при наличии в крае одной ГТРК «Алтай», не имевшей технической возможности вещать в 20 сельских районах, политическую картину событий формировали местные СМИ, находящиеся под влиянием сельских администраций [5, с. 96; 7, с. 149–150].

В результате АПР и КПРФ создали в АКЗС «Объединенную фракцию». Председателем собрания был избран А. А. Суриков, заместителем — руководитель краевой организации КПРФ В. А. Сафронов. В поддержку предложений фракции проголосовали 32 из 50 депутатов [27, с. 11; 4, с. 11].

Так начала складываться красно-зеленая коалиция. Её объединяющей силой стала АПР. Инициатором создания партии выступили Аграрный союз России (В. А. Стародубцев) и фракция «Аграрный союз» ВС РСФСР (М. И. Лапшин). Зарегистрированная в Минюсте в июле 1993 г. партия на выборах в Государственную Думу провела по партийному списку 21 депутата, 12 победили в округах. Аграрий И. П. Рыбкин стал председателем Государственной Думы. В правительстве России аграрий А. Х. Заверюха с 1993 г. по 1997 г. являлся вице-премьером, курировавшим сельское хозяйство, а аграрий

А. Г. Назарчук в 1994 — 1996 гг. являлся министром сельского хозяйства и продовольствия. На региональном уровне «аграрники», даже не являющиеся членами АПР, традиционно избирались депутатами в сельских округах и занимали посты в администрациях. АПР выступала за: переход к многообразию форм хозяйствования эволюционным путем и недопущение неконтролируемой государством купли-продажи земли. Аналитики Сибирского центра политических исследований относили АПР не к «левым», а к «центристам консерваторам» [28, с. 4–5, 6–7; 8, с. 10].

Создание красно-зеленой коалиции, несомненно, было особенностью Алтайского края.

Думские выборы 12 декабря 1995 г. отразили предпочтения электората: КПРФ заручилась поддержкой 25,98 %, а АПР — 12,38 % избирателей. Пятипроцентный барьер в крае помимо них преодолела только ЛДПР — 15,59 %. На выборах Президента РФ край во втором туре отдал лидеру КПРФ Г. А. Зюганову — 55,52 % голосов [9, с. 150, 161]. Регион, как тогда говорили, оказался в красном поясе.

Принятие Устава Алтайского края проходило на фоне конфликта главы администрации края Л. А. Коршунова и АКЗС, возглавляемого А. А. Суриковым. Документ закреплял за АКЗС ведущую роль в управлении краем:

- избрание главы администрации края Законодательным собранием;

- подписание краевых законов председателем Законодательного собрания;

- утверждение структуры администрации Законодательным собранием;

- возможность отстранения главы администрации края от должности АКЗС по решению суда, подтверждающего наличие в его действиях признаков нарушения законов или заключения прокурора о наличии в его действиях таковых и др.

В декабре 1995 г. — январе 1996 г. Конституционный суд поддержал позицию Краевой администрации [10, с. 43]. Красно-зеленая коалиция и представители «партии власти» начали подготовку к выборам главы администрации края.

В начале 1996 г. АКЗС первого созыва принял закон, в соответствии с которым губернатором не мог быть человек, не проживавший на территории края в течение года перед выборами. Решение было направлено против представителя КПРФ А. Г. Назарчука. В январе 1996 г. он был отправлен в отставку с поста министра сельского хозяйства РФ. А. Г. Назарчук — популярный и влиятельный на Алтае аграрий, не скрывал намерений баллотироваться в губернаторы. Конфликта удалось избежать — А. Г. Назарчук был выдвинут в депутаты АКЗС, а став депутатом, возглавил его [29; 11, с. 22].

Выборы прошли традиционно. На Алтае, как и по всей стране, дела шли все хуже. Средний заработок в крае был около 500 тыс. руб. Неплатежи, долги по зарплате, забастовки и голодовки. В бюллетенях для голосования оказалось три фамилии — депутата краевого законодательного собрания П. С. Акелькина, губернатора Л. А. Коршунова и председателя АКЗС А. А. Сурикова [30; 29].

Л. А. Коршунов дистанцировался от правительства, рассчитывая на голоса пенсионеров и бюджетников, он добился выделения краю 300 млрд руб. в счет долга Пенсионного фонда и месячный фонд зарплат бюджетникам [29].

Красно-зеленая коалиция вела кампанию в двух направлениях:

- критика коррумпированной администрации — яркие примеры: исчезновение векселя «Тверь-универсалбанка» стоимостью 60 млрд руб., подлежащего обмену на деньги для расплаты с сельхозпроизводителями. Средства до крестьян не дошли; пропала 114 млрд руб., выделенных Минсельхозом РФ;

- проведение параллельно с выборами главы администрации Алтайского края в сельских районах плебисцита о купле-продаже земли [30].

Было бы неверно говорить о превалировании А. А. Сурикова в СМИ. По данным АШПИ за 2–2,5 предвыборных месяца сюжеты, посвященные А. А. Сурикову и Л. А. Коршунову, распределились следующим образом:

- телесюжетов в информационных блоках соответственно — 73 и 207;

- радиовыступлений — 76 и 16;

- публикаций в городских и сельских газетах — 932 и 1355.

Контроль над СМИ красно-зеленая коалиция начнет устанавливать после 1996 г., создав в 1998 г. по инициативе председателя комитета по социальной политике АКЗС сторонника КПРФ В. С. Петренко Совет редакторов газет и директоров типографий, регулирующий взаимоотношения власти и редакций. Тем не менее частью избирателей был воспринят образ А. А. Сурикова. Прозванный в народе «Сан Саныч», он на радио «усталым голосом» ругал «худую жизнь и безголовое правительство» [6, с. 91; 9, с. 228; 29].

Во второй тур ожидаемо вышли А. А. Суриков и Л. А. Коршунов. А. А. Суриков получил поддержку 46,92 % избирателей, Л. А. Коршунов — 43,39 %. Второй тур, 1 декабря, дал А. А. Сурикову 49,36 %, а Л. А. Коршунову — 46,14 % [30]. Алтайский край оказался под управлением красно-зеленой коалиции.

Обратимся к отдельным аспектам её деятельности с 1994 по 1999 гг.:

- в июле 1994 г. был принят Закон «О приватизации государственных предприятий в Алтайском крае»;

- в 1995 г. в условиях финансового дефицита был принят Закон «О налоге для финансовой поддержки агропромышленного комплекса края» (этот налог составлял 1,5 % от оборота предприятий);

- в 1995 г. была принята первая редакция Закона «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Алтайском крае»;

- в 1996–1997 гг. был разработан и принят «План социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года», ознаменовавший возвращение к плановой экономике;

- в 1998 г. был принят краевой Закон «О промышленной политике», усиливавший государственное регулирование экономики.

Депутаты пытались навести порядок в отдельных сферах общественной жизни принятием таких законов, как:

- «Об охране общественной нравственности»;

- «О регулировании реализации отдельных видов алкогольной продукции».

В противовес Правительству РФ депутатский корпус выступал с законодательными инициативами о национализации энергетического комплекса, о недопустимости сокращения сети отделений Сбербанка, почты и нефтебаз, о продолжении строительства железной дороги Алтай — Кузбасс.

С 2000 г. во время ревизии нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству в АКЗС, было направлено 38 протестов краевой прокуратуры, более 50 экспертных заключений Министерства юстиции РФ. Состоялось более 100 судебных процессов по оспариванию нормативно-правовых документов, принятых алтайскими депутатами [11, с. 21–23]. Красно-зеленая коалиция руководила краем восемь лет.

Выборы 4 апреля 2004 г. А. А. Суриков проиграл артисту юмористического жанра М. С. Евдокимову.

Экономическая целесообразность или политическая действительность? К концу 1980-х гг. размещение промышленности на Алтае имело сложившуюся структуру.

Объекты крупной промышленности работали в шести, равномерно расположенных по территории края городах: в трёх крупных — Барнауле, Рубцовске и Бийске и трёх средних — Новоалтайске, Заринске и Славгороде. Предприятия аграрного сектора были расположены в малых городах: Алейске, Горно-Алтайске, Змеиногорске, Каме́на-Оби, Горняке и в ряде рабочих посёлков, таких как Кулунда, Благовещенка, Тальменка, Шипуново, Поспелиха [14, с. 61]. В территориальном разделении труда Алтай выступал как крупнейший несырьевой аграрно-индустриальный регион со сложившимся невысоким уровнем жизни населения.

Еще в 1977 г. начинаются изыскательские работы по первой станции Катунского каскада — Еландинской ГЭС, переименованной в Катунскую. Предполагалась постройка плотины высотой в 180 метров. ГЭС давала бы 7,6 млрд киловатт-часов выработкой электроэнергии в год. На указанной базе планировалось создание горнодобывающего и перерабатывающего кластера, изменяющего социально-экономический уклад всего Алтая. Poleмика об экологических последствиях строительства, переросшая в политическую с элементами национального противостояния, привела к тому, что строительство ГЭС было остановлено. Объясняя события конца 1980-х гг., обратимся к мнению уроженца с. Ынырга Горно-Алтайской автономной области, гидроэнергетика, писателя и публициста В. Г. Бахмутова, высказанному в 2002 г.: «Строительство Катунской ГЭС грозило еще и тем, что Горный Алтай может превратиться в большую промышленную площадку, как, положим, Кузбасс, а сам коренной народ — алтайцы, может ассимилировать подобно шорцам» [31].

Приходится констатировать «заморозкой» строительства ГЭС и изменением статуса Горного Алтая был предрешен отказ от традиционной, нацеленной на индустриальное освоение территории стратегии развития Алтая.

Как следствие, невысокие шансы приспособления отраслей региональной экономики к вызовам рынка.

Падение производства имело место в тракторостроении и сельскохозяйственном машиностроении, текстильной и легкой промышленности. Объем оборонного заказа — в 30 раз. Это отразилось на производстве наукоемкой продукции. Снижение производства на таких предприятиях военно-промышленного комплекса, как ОАО «Рубцовский машиностроительный завод», ОАО «Славгородский завод радиоаппаратуры», ОАО АПЗ «Ротор» вызвало массовую безработицу.

Отсутствие государственных заказов, твердых и обоснованных цен привело к падению объемов сельскохозяйственного производства в первой половине 1990-х гг. на 47 %. В земледелии произошел отказ от деятельности по сохранению плодородия и мелиорации земель. Резкий спад объемов производства произошел в животноводстве и птицеводстве. К середине 1990-х гг. по численности поголовья крупного рогатого скота край был отброшен на уровень 1942 г., свиней — 1940 г., птицы — 1964 г., овец и коз — на уровень 1930-х гг. Объем производства мяса снизился до уровня 1940-х гг., молока и яиц — до уровня 1958 г. Была практически ликвидирована инфраструктура агропромышленного комплекса — научно-исследовательские лаборатории, ветеринарные службы, предприятия по внесению удобрений и химзащите. Это негативно отразилось на рынке труда в сельской местности [13, с. 126–127].

Не принесло ожидаемых финансовых результатов и создание Немецкого национального района. Во-первых, район был небольшим, с населением около 15 тыс. чел. Всего в Алтайском крае проживало больше 120 тыс. этнических немцев. По переписи населения 1989 г. в крае проживало 2631,3 тыс. чел., из них 1524,01 — в городах и 1107,02 — в сельской местности. Как следствие, поступающая из ФРГ помощь, существенная для района, для региона была незначительна. Во-вторых, в планах части немецких политиков было создание в РФ около 150 национальных анклавов, налаживание в них производства для вывоза продукции за рубеж. При наличии гуманитарных и культурных программ предполагалось создание к 1994 г. общероссийского органа самоуправления немцев — Народного съезда российских немцев. Но эти планы не получили поддержки руководства РФ со всеми вытекающими последствиями. После победы в октябре 1998 г. коалиции социал-демократов и зеленых и назначения канцлером ФРГ Герхарда Ф. К. Шрёдера финансирование проекта было поставлено под сомнение [20, с. 4, 6; 3, с. 139–140].

В первой половине 1990-х гг. заработок в регионе был около 500 тыс. руб. Из-за недостатка финансирования закрывались одни медучреждения и отделения, увеличивалась нагрузка на другие. Оборудование выходило из строя, денег на его ремонт и обслуживание не было. В школах вели уроки полуголодные учителя. В счет зарплаты им выдавали консервы и муку. В 50 подъездах жилых домов Барнаула «Алтайкрайгазсервис» отключил газ за долги частных потребителей, перевалившие за 6 млрд руб. Неплатежи, долги по зарплате, забастовки и голодовки [30].

После дефолта 1998 г. в Алтайском крае имеет место некоторая стабилизация, постепенно приводятся в соответствие отношения собственности, происходит её упорядочение с последующим обособлением государственной, муниципальной, коллективной и частной. В крае на протяжении 1999–2002 гг. одним из направлений экономической политики была поддержка реального сектора экономики в виде компенсации части банковской процентной ставки по кредитам. Например, на эти цели в краевом бюджете 2000 г. было заложено 37 млн руб., что позволило привлечь в региональную экономику 297,8 млн руб., привлечших, в свою очередь, 529 млн руб. кредитных ресурсов в 164 инвестиционных проекта. Указанная политика была продолжена [12, с. 4, 12].

В условиях экономического роста был поднят вопрос о нехватке электроэнергии и строительстве ГЭС. Однако он вылился в споры о том, необходимо ли строить малые гидроэлектростанции, памятуя опыт прошлого, или искать иные возобновляемые источники энергии. При этом финансов для реализации любого из вариантов не имели ни субъекты Федерации — Алтайский край и Республика Алтай, ни федеральное руководство. В память о Катунской ГЭС остались корпуса завода ЖБИ, используемые в начале 2000-х гг. для тренировки местными омоновцами [31].

В результате регионализации экономических реформ предприятия, занимающиеся закупкой, хранением и реализацией продуктов питания и технических культур, были сохранены или восстановлены. Это обеспечило Алтайскому краю статус ведущей житницы страны, региона, поставляющего на рынок экологическую продукцию.

Заключение. Процессы, происходившие в Алтайском крае в 1990-е гг., тесно связаны с глобальными изменениями социально-экономического порядка, государственного строя и политической системы, повлекшей за собой распад СССР и суверенизацию России. Их следствиями стали:

— обретение суверенитета Республикой Алтай и воссоздание Немецкой национальной автономии в форме национального сельского района;

— отказ от создания на базе строящейся Катунской ГЭС горнодобывающего и перерабатывающего кластера, создание которого способствовало бы превращению региона в индустриальный с более высоким уровнем жизни;

— проведение радикальных рыночных реформ, вызвавших спад в большей части промышленности и сельского хозяйства края;

— формирование, и победа в крае, красно-зеленой коалиции, ставшей на путь регионализации реформ, обеспечивших эволюционный путь преобразования форм собственности в АПК, предотвратило распад крупных производств.

Край остался крупнейшим производителем сельхозпродукции.

Список источников

- Модоров Н. С., Мезенцев Р. В. Из истории становления государственности алтайского народа (к 25-летию образования Республики Алтай) // Мир Большого Алтая. 2017. № 3. С. 158–170. EDN: ZDMXAB.
- Дрондин А. А. Немецкий национальный район на Алтае: причины создания немецкой автономии в рамках административно-территориального устройства и развития федеративных отношений в России // Омский научный вестник. 2010. № 5 (91). С. 51–54. EDN: NUIYMH.
- Новиков С. В. Исторические предпосылки и правовые составляющие воссоздания немецких национальных районов в Западной Сибири // Донецкие чтения-2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. С. 137–140. EDN: PAUPVJ.
- Логинов А. Н., Рыжков В. А., Негреев Д. В. Общественно-политическая обстановка в Алтайском крае в период проведения экономических реформ // Анализ хода радикальной экономической реформы в Алтайском крае: сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Логинова, Т. А. Сазонова. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995. С. 3–11. ISBN 5-7623-0799-9.
- Шейда Г. П. Особенности партийно-политических процессов в Алтайском крае // Дневник Алтайской школы политических исследований. 1997. № 4. С. 93–101. EDN: RRWSKZ.
- Ляпунов А. Ф. Роль и место СМИ в политической жизни Алтая // Дневник Алтайской школы политических исследований. 1997. № 4. С. 88–92. EDN: RRWSKP.
- Негреев Д. В. Выборы в Алтайском крае и СМИ // Дневник Алтайской школы политических исследований. 1998. № 6. С. 148–152.
- Мальшев А. Сибиряки на предвыборной гонке // Полихрон. 1994. № 1. С. 4–11.
- Новиков М. С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2020. 280 с.
- Кашкин А. В. Формирование постсоветской административно-политической системы в западносибирских субъектах РФ // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 42–45. EDN: PDVCRV.
- Представительная власть в Алтайском крае: время, люди, территории / Под общей ред. И. И. Лоора. Барнаул, 2016. 548 с. ISBN 978-5-904404-34-4.
- Кундиус В. А. Оценка тенденций социально-экономического развития России и Алтайского края в 1990–2003 гг. // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2004. № 3. С. 4–22. EDN: PDTJDF.
- Шаркевич И. С. Безработица в Алтайском крае в 1990-е — начале 2000-х гг. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 124–136. EDN: RZRLSV.
- Радонова А. В. Трансформация отечественной экономики в первой половине 90-х гг. XX в. (На примере Алтайского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 57–63. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-57-63. EDN: YLHLIL.
- Алтайды Чолмоны. 1989. 10 июня.
- Звезда Алтая. 1989. 12 июля.
- Алтайды Чолмоны. 1989. 12 июля.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р–469. Оп. 1. Д. 426. 83 с.
- Это наш Петров. Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издат. дом «Алтын-ТУУ», 2022. 296 с.
- Info Dienst. Deutsch-russische Ausgabe. Bonn. 1994. № 10.
- Райфикешт, Владимир Фёдорович. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Райфикешт_Владимир_Фёдорович (дата обращения: 16.12.2024).
- Вихрев Л. Важная бумага-1991. Какие первые решения принимал 30 лет назад Владимир Райфикешт — последний советский начальник Алтая // Свободный Курс. URL: <https://altapress.ru/politika/story/rayfikesht-285117> (дата обращения: 04.12.2024).
- Команда Райфикешта. Как формировалась первая администрация Алтайского края. URL: <https://www.asfera.info/news/127059-komanda-rajfikesta-kak-formirovalas-pervaa-administraciya-altajskogo-kraa> (дата обращения: 15.12.2024).
- Алтайская правда. 1992. 28 мая.
- ГААК. Ф. Р–1633. Оп. 1. Д. 535.
- Российские регионы накануне выборов-95. Москва: Юрид. лит., 1995. 186 с.
- Хроника // Полихрон. 1994. № 3. С. 10–12.
- Аграрная партия России. Портрет партии // Полихрон. 1994. № 2. С. 4–9.
- Коммерсантъ. 1996. 19 ноября.
- Битва строителей: как проходили в 90-е годы на Алтае первые выборы губернатора. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Bitva-stroiteley-kak-prohodili-v-90-e-gody-na-Altai-pervye-vybory-gubernatora.html> (дата обращения: 21.12.2024).
- Бахмутов В. Еще раз о судьбе Катунской ГЭС. Из «Почты «Сибирских огней». URL: <https://www.sibogni.ru/>

content/eshche-raz-o-sudbe-katunskoy-ges (дата обращения: 25.12.2024).

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 2836-4707

AuthorID (РИНЦ): 849223

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Для цитирования

Новиков М. С. Развитие российского федерализма в 1990-х гг. (на примере Алтайского края) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 32–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-32-41. EDN: XOESZX.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.

© М. С. Новиков

DEVELOPMENT OF RUSSIAN FEDERALISM IN THE 1990S (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)

In the framework of the presented article, the author analyzes the process of acquiring the current status of the Altai Territory paying special attention to the 1990s, when this process took place in parallel with the formation of federalism in the Russian Federation.

Based on the available scientific developments and introducing a wide range of sources into circulation, the author identifies features of development of federalism in the Altai Territory as part transformations of the system of socio-political and economic relations.

The Altai Territory had a developed agriculture, huge prospects in the development of hydroelectric power, mining and processing industries, clearly manifested national gradation that had worsened due to the transition to market relations.

During the period of federalization of the Russian Federation, society and elite put forward ideas to preserve ecological situation, to detriment of the development of hydroelectric power, mining and processing industry.

Society and elite quite purposefully sought to prevent the construction of hydraulic structures on Katun River and conduct of geological exploration activities.

During the period of economic reforms in the Russian Federation, local society and the elite consciously supported leftist ideas and the preservation of agriculture, which led to the victories of the red-green coalition.

As a result of federalization and economic reforms in the Altai Territory, it is possible to achieve the formation of the Altai Republic and its reconstruction, avoid the industrial development of the region with all the advantages and disadvantages of this process, and prevent the collapse of large agricultural industries.

Keywords: Russian federalism, regionalism, political struggle, national autonomy, economic reforms, Altai, V. F. Raifikesht, A. A. Surikov.

References

1. Modorov N. S., Mezentsev R. V. Iz istorii stanovleniya gosudarstvennosti altayskogo naroda (k 25-letiyu obrazovaniya Respubliki Altay) [From the history of statehood of the Altai people (the 25th anniversary of education of Republic of Altai)]. *Mir Bol'shogo Altaya. World of Great Altay*. 2017. No. 3. P. 158–170. EDN: ZDMXAB. (In Russ.).
2. Drondin A. A. Nemetskiy natsional'nyy rayon na Altaye: prichiny sozdaniya nemetskoj avtonomii v ramkakh administrativno-territorial'nogo ustroystva i razvitiya federativnykh otnosheniy v Rossii [The reasons for creation of German national autonomy within the frames of the administrative-territorial system and formation of federal relations in Russian Federation]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Omsk Scientific Bulletin*. 2010. No. 5 (91). P. 51–54. EDN: NUIYMH. (In Russ.).
3. Novikov S. V. Istoricheskiye predposylki i pravovyye sostavlyayushchiye vossozdaniya nemetskiykh natsional'nykh rayonov v Zapadnoy Sibiri [Historical background and legal components of the reconstruction of German national regions in Western Siberia]. *Donetskiye Chteniya-2023*. Donetsk, 2023. P. 137–140. EDN: PAUPVJ. (In Russ.).
4. Loginov A. N., Ryzhkov V. A., Negreyev D. V. Obschestvenno-politicheskaya obstanovka v Altayskom kraje v period provedeniya ekonomicheskikh reform [Socio-political situation in the Altai Territory during the period of economic reforms]. *Analiz Khoda Radikal'noy Ekonomicheskoy Reformy v Altayskom Kraje* / ed. by A. N. Loginov, T. A. Sa-zonov. Novosibirsk, 1995. P. 3–11. ISBN 5-7623-0799-9. (In Russ.).
5. Sheyda G. P. Osobennosti partiyno-politicheskikh protsessov v Altayskom kraje [Features of party and political processes in the Altai Territory]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy. Diary of the Altai School of Political Studies*. 1997. No. 4. P. 93–101. EDN: RRWSKZ. (In Russ.).
6. Lyapunov A. F. Rol' i mesto SMI v politicheskoy zhizni Altaya [Role and place of the media in the political life of Altai]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy. Diary of the Altai School of Political Studies*. 1997. No. 4. P. 88–92. EDN: RRWSKP. (In Russ.).
7. Negreyev D. V. Vybory v Altayskom kraje i SMI [Elections in the Altai territory and the media]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy. Diary of the Altai School of Political Studies*. 1998. No. 6. P. 148–152. EDN: RRWSKP. (In Russ.).
8. Malyshev A. Sibiryaki na predvybornoy gonke [Siberians on the campaign trail]. *Polikhron*. 1994. No. 1. P. 4–11. (In Russ.).
9. Novikov M. S. Russkiye natsionalisty i derzhavniki v Zapadnoy Sibiri na rubezhe epokh: lidery, organizatsii, pressa [Russian Nationalists and Statesmen in Western Siberia at the Turn of an Epoch: leaders, organizations, and the press: a monograph] / ed. by S.V. Novikov. Omsk, 2020. 280 p. (In Russ.).
10. Kashkin A. V. Formirovaniye postsovetsoy administrativno-politicheskoy sistemy v zapadnosibirskikh sub'yektakh RF [The modern administrative system foundation in Western Siberia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Omsk Scientific Bulletin*. 2012. No. 4 (111). P. 42–45. EDN: PDVCRV. (In Russ.).

11. Predstavitel'naya vlast' v Altayskom kraye: vremya, lyudi, territorii [Representative government in the Altai Territory: time, people, territories] / Ed. by I. I. Loor. Barnaul, 2016. 548 p. ISBN 978-5-904404-34-4. (In Russ.).
12. Kundius V. A. Otsenka tendentsiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i Altayskogo kraya v 1990–2003 gg. [Assessment of socio-economic development trends in Russia and the Altai Territory in 1990–2003]. Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2004. No. 3. P. 4–22. EDN: PDTJDF. (In Russ.).
13. Sharkevich I. S. Bezrabotitsa v Altayskom kraye v 1990-e–nachale 2000-kh gg. [Unemployment in the Altai Territory in the 1990s and early 2000s]. Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2006. Vol. 7, no. 2. P. 124–136. EDN: RZRLSV. (In Russ.).
14. Radonova A. V. Transformatsiya otechestvennoy ekonomiki v pervoy polovine 90-kh gg. XX v. (Na primere Altayskogo kraya) [Transformation of the domestic economy in 1990–1995 in Altai Region]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018. No. 3. P. 57–63. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-57-63. EDN: YLHLIL. (In Russ.).
15. *Altaydy Cholmony*. 1989. June 10. (In Russ.).
16. *Zvezda Altaya*. 1989. July 12. (In Russ.).
17. *Altaydy Cholmony*. 1989. July 12. (In Russ.).
18. Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya (GAAK) [State Archive of the Altai Territory (SAAT)]. File: P-469/1/426. 83 p. (In Russ.).
19. Eto nash Petrov [This is our Petrov]. Gorno-Altaysk, 2022. 296 p. (In Russ.).
20. Info Dienst. Deutsch-russische Ausgahe [Information service. German-Russian exchange]. Bonn, 1994. No. 10. (In Germ.).
21. Rayfikesht, Vladimir Fëdorovich [Rayfikesht, Vladimir Fedorovich]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Райфикешт,_Владимир_Фёдорович (accessed: 16.12.2024). (In Russ.).
22. Vikhrev L. Vazhnaya bumaga-1991. Kakiye pervyye resheniya prinimal 30 let nazad Vladimir Rayfikesht — posledniy sovetkiy nachal'nik Altaya [Important paper-1991. What were the first decisions made 30 years ago by Vladimir Raifikesht — the last Soviet head of Altai]. *Svobodnyy Kurs*. URL: <https://altapress.ru/politika/story/rayfikesht-285117> (accessed: 04.12.2024). (In Russ.).
23. Komanda Rayfikeshta. Kak formirovalas' pervaya administratsiya Altayskogo kraya [The Raificesti team. How the first administration of the Altai Territory was formed]. URL: <https://www.asfera.info/news/127059-komanda-rajfikesta-kak-formirovalas-pervaa-administracia-altajskogo-kraa> (accessed: 15.12.2024). (In Russ.).
24. *Altayskaya Pravda*. 1992. May 28. (In Russ.).
25. GAAK [SAAT]. File: P–1633/1/535. 90 p. (In Russ.).
26. Rossiyskiye regiony nakanune vyborov-95 [Russian regions on the eve of the elections-95]. Moscow, 1995. 186 p. (In Russ.).
27. Khronika [The Chronicle]. *Polikhron*. 1994. No. 3. P. 10–12. (In Russ.).
28. Agrarnaya partiya Rossii. Portret partii [Agrarian Party of Russia. Portrait of the party]. *Polikhron*. 1994. No. 2. P. 4–9. (In Russ.).
29. *Kommersant*. 1996. November 19. (In Russ.).
30. Bitva stroiteley: kak prokhodili v 90-e gody na Altaye pervyye vybory gubernatora [Battle of the Builders: how the first gubernatorial elections were held in Altai in the 90s.]. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Bitva-stroiteley-kak-prohodili-v-90-e-gody-na-Altae-pervye-vybory-gubernatora.html> (accessed: 21.12.2024). (In Russ.).
31. Bakhmutov V. Eshche raz o sud'be Katunskoy GES. Iz «Pochty «Sibirskikh ogney» [Once again about the fate of the Katunskaya HPP. From the Siberian Lights Post]. URL: <https://www.sibogni.ru/content/eshche-raz-o-sudbe-katunskoy-ges> (accessed: 25.12.2024). (In Russ.).

NOVIKOV Mikhail Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 2836-4707
AuthorID (RSCI): 849223
Correspondence address: bonid89@inbox.ru

For citations

Novikov M. S. Development of Russian federalism in the 1990s (on the example of the Altai Territory). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 32–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-32-41. EDN: XOESZX.

Received January 09, 2025.
© M. S. Novikov

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА 7-го КАМЫШЛОВСКОГО (27-го КАМЫШЛОВСКО- ОРОВАЙСКОГО) ГОРНЫХ СТРЕЛКОВ ПОЛКА

В работе анализируются социально-демографические характеристики офицерского состава антибольшевистского формирования на Урале в период Гражданской войны — 7-го Камышловского (27-го Камышловско-Орловского) горных стрелков полка. Основой исследования выступили неопубликованные источники из фондов Российского государственного военного архива и Российского государственного исторического архива. Детально изучены такие аспекты, как возраст, боевой опыт, срок службы, образование, семейное положение и религиозная принадлежность офицеров. Эти данные сопоставлены с общероссийскими тенденциями, что позволило выделить как общие, так и специфические черты командного состава рассматриваемого формирования Белой армии. В заключительной части работы на рассмотренном примере воссоздан коллективный портрет офицера-белогвардейца, а также обозначены перспективы исследований в данном направлении.

Ключевые слова: офицерство, военная антропология, социальная история, Русская императорская армия, Белая армия, Гражданская война, Екатеринбург, Урал.

Постановка проблемы. Гражданская война в России 1917–1922 гг. стала одним из ключевых событий в истории страны, оказавшим значительное влияние на её дальнейшее развитие. Этот период характеризовался глубокими социальными, политическими и экономическими изменениями, которые определили облик нового советского государства.

Масштаб и значимость событий Гражданской войны закономерно вызвали интерес к ее изучению и анализу. Процесс научного осмысления Гражданской войны начался параллельно с самим конфликтом и продолжался как в условиях советской политической системы, так и среди русской эмиграции. В этот период были определены основные направления исследований и опубликованы фундаментальные труды, которые, несмотря на политическую ангажированность, стали основой для исследований 1980-х–2000-х гг.

На сегодняшний день историография Гражданской войны в России чрезвычайно обширна. Она сама стала объектом исследования десятков учёных [1–4], которые анализируют и классифицируют работы предшественников, определяют общие тенденции и частные особенности. Несмотря на значительный вклад исследователей, тема Гражданской войны всё ещё содержит множество «белых пятен».

Так, недостаточно изученными, на наш взгляд, являются вопросы, связанные с социально-демографическими характеристиками личного состава красноармейских и антибольшевистских формирований локального характера (офицерских рот, пол-

ков, сформированных по территориальному принципу).

В последние годы историки стали обращаться к просопографическим исследованиям об участниках Гражданской войны применительно к Западной Сибири [5, 6]. Однако подобные работы, посвященные Уральскому региону, отсутствуют.

В связи с этим целью работы видится исследование социально-демографических характеристик белых офицеров периода Гражданской войны на Урале на примере 7-го Камышловского (27-го Камышловско-Орловского) горных стрелков полка¹. Это позволит не только выявить общие тенденции и закономерности, но и глубже понять мотивы и особенности поведения участников Гражданской войны. К тому же, анализ персональных офицерских данных по состоянию на конец 1918 г. сможет дать представление о процессах формирования и кадровой политике белого военного руководства в период создания антибольшевистских частей в «прифронтовых» условиях.

Источниковой базой исследования послужили документы федеральных архивов. Материалы, содержащие персональные данные офицеров, информацию об их боевом пути, образовании и опыте, были обнаружены в Российском государственном военном архиве (РГВА) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

В частности, в РГВА были изучены дела фонда 39811 «Штаб 27-го Камышловского полка горных стрелков», которые позволили получить данные

о списочном составе и персональных характеристиках офицеров. Послужные списки периода Первой мировой войны, представленные в фонде 409, а также данные о потерях, хранящиеся в фонде 16196 РГВИА, помогли уточнить биографические данные некоторых офицеров.

Методологическая основа работы включает общеисторические и специальные подходы, применяемые в биографических исследованиях, при создании коллективных биографий и обработке массивов данных. Просопографический метод позволил сформировать критерии для выявления лиц со сходными характеристиками, что важно для понимания социально-демографических особенностей исследуемой группы. Нарративный метод позволил исследовать биографии с учётом особенностей изучаемой эпохи, что дало возможность глубже понять мотивы и особенности поведения участников Гражданской войны. Статистический метод позволил работать с большими объёмами данных, анализировать взаимосвязи между различными показателями и делать выводы о тенденциях и закономерностях.

Основная часть. 6 августа 1918 г., согласно приказанию Командующего Сибирской армией, а также распоряжению командира 7-го Уральского отдельного корпуса в Екатеринбургском, Камышловском, Шадринском и Красноуфимском уездах началось формирование 2-й Уральской дивизии горных стрелков (командующим дивизией назначен генерал-майор В. В. Голицын, начальником штаба — полковник Р. К. Бангерский) [8, л. 1].

В состав дивизии вошли 5-й Екатеринбургский, 6-й Шадринский, 7-й Камышловский и 8-й Красноуфимский стрелковые полки. После переименования Уральской дивизии горных стрелков 19 августа 1918 г. (со 2-й на 7-ю) полки также получили сквозную нумерацию по всей Сибирской армии. Так появились 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 27-й Камышловский и 28-й Ирбитский (вместо Красноуфимского) полки.

6 августа 1918 г. командиром 7-го Камышловского полка был назначен полковник М. С. Тарасевич, который в годы Первой мировой войны командовал 773-м пехотным Зайсанским полком. Одновременно с началом формирования полка была объявлена мобилизация всех обер- и штаб-офицеров, проживавших в Екатеринбурге и уезде, а также набор добровольцев. Первоначально в полк назначались все мобилизованные офицеры, чьи фамилии начинались с буквы «к» и заканчивались буквой «п» включительно [9, л. 1—65]. 7 августа 1918 г. в полк прибыло 111 офицеров и три военных чиновника. Пополнение составило 3-ю офицерскую роту, непосредственное руководство которой осуществлял полковник М. С. Тарасевич [9, л. 1—65].

Летом и осенью 1918 г. часть участвовала в сражениях близ Екатеринбурга, на Режевском и Алапаевском направлениях. В конце ноября личный состав был переброшен на Кушвинский фронт, позже полк принял участие в боях в районе Кунгура и во взятии Уфы. В начале октября часть была переименована в 27-й Камышловско-Орвайнский горных стрелков полк (далее — Камышловско-Орвайнский полк).

По состоянию на 1 ноября 1918 г. в полку числится 189 офицеров и военных чиновников. Среди них:

- 1 подполковник;
- 6 капитанов;
- 8 штабс-капитанов;

- 24 поручика;
- 39 подпоручиков;
- 100 прапорщиков;
- 5 лекарей;
- 3 чиновника военного времени;
- 1 титулярный советник;
- 1 коллежский регистратор;
- 1 полковой священник [9, л. 1—65].

Значительное превышение штатной численности офицеров в стрелковом полку в период Гражданской войны было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, белые военные власти стремились найти среди офицерского состава как можно больше лояльных лиц, что привело к увеличению числа офицеров в полку. Во-вторых, необходимость усиления контроля над рядовым составом, который в условиях социальных потрясений мог проявлять недостаточную политическую лояльность, также требовала увеличения количества офицеров. Численность прапорщиков в полку также имеет своё объяснение. В годы Первой мировой войны из учебных заведений было выпущено больше офицеров, чем за все предыдущие периоды существования русской армии, при этом основную часть подготовленных кадров составляли прапорщики, в массе не успевшие в годы Первой мировой войны получить дальнейшего чиновпроизводства [10].

Для оценки боеспособности Камышловско-Орвайнского полка необходимо провести анализ боевого опыта, срока службы, уровня образования, среднего возраста офицерского состава. Указанные факторы могут дать представление о квалификации и опыте офицеров, что важно для понимания их способности эффективно выполнять боевые задачи. Безусловно, для осознания социально-бытовых условий периода важной будет информация о семейном положении и наличии детей (данный фактор может влиять на мотивацию и готовность к риску), о месте рождения, основном образовании и вероисповедании.

Следует подчеркнуть, что автор не смог найти исчерпывающие данные (включающие все упомянутые выше характеристики) относительно четырёх офицеров. Последующий анализ будет проведён без учёта этих лиц, однако данный недостаток вряд ли существенно повлияет на общую картину по полку.

Офицеры полка закономерно имеют различные годы призыва в вооружённые силы. Некоторые продолжали нести службу непрерывно, другие были уволены в запас и вновь мобилизованы в годы Первой мировой войны. Распределение офицеров полка по годам первоначального призыва представлено на рис. 1.

Как видно из диаграммы (рис. 1), подавляющее число офицеров полка было призвано в армию в тяжелейший для России 1915 г., однако отдельные лица к 1918 г. служили уже более двадцати лет. Так, уроженец Саратовской губернии подпоручик Иван Давыдович Диков поступил на службу в 1892 г., принимал участие в русско-японской войне, а в 1914—1918 г. числился в составе 195-го Орвайнского полка [11, л. 7].

Исходя из данных о сроке службы, закономерен вопрос о среднем возрасте офицера Камышловско-Орвайнского полка, который в 1918 г. составлял 26,8 лет.

Самым возрастным чином являлся 50-летний полковой священник, а самым молодым офицером исполнилось 20 лет. Большинство офицеров²

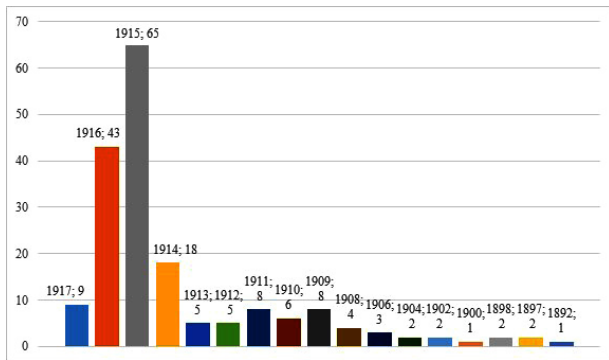

Рис. 1. Распределение офицеров Камышловско-Оровайского полка по годам первоначального призыва на военную службу

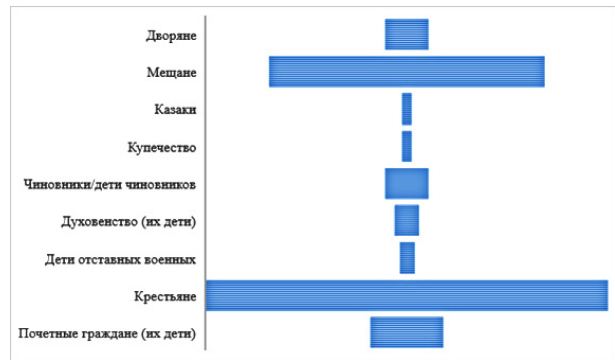

Рис. 2. Распределение офицеров Камышловско-Оровайского полка по сословиям

(26 человек) родились в 1896 г., и к концу 1918 г. им исполнилось 22 года [9, л. 1–65].

Средний возраст офицеров был достаточно молодым и сопоставим с аналогичным показателем предвоенного периода [12, с. 51]. При этом распределение офицерских званий по возрастам в Камышловско-Оровайском полку существенно отличалось. В период военных действий офицеры, проявившие личный героизм, имели возможность получить новые звания значительно быстрее, чем в мирное время.

Большинство офицеров (110 человек) окончили школы прапорщиков или ускоренные курсы военных училищ. Среди офицеров в званиях капитанов, штабс-капитанов и подполковников были те, кто освоил полные курсы военных училищ, однако таких офицеров было не больше 10 % от общего числа [9, л. 1–65].

Наибольшее количество офицеров окончило Оренбургскую и 1-ю и 2-ю Ораниенбаумскую школы прапорщиков (по 14 человек). На втором месте по численности находятся выпускники 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Киевских школ прапорщиков (10 человек). По 9 офицеров окончили Чистопольскую, 1-ю и 2-ю Казанскую и 1-ю Петергофскую школы прапорщиков [9, л. 1–65].

Часть личного состава не имела военного образования и получала офицерские звания после сдачи экзамена, а также могла быть произведена в прапорщики без испытаний. Например, офицер полка, полный георгиевский кавалер И. С. Плашкин был произведён в офицеры за боевые заслуги [9, л. 56].

Наличие основного (не военного) образования также оказывало значительное влияние на самоопределение и политическую устойчивость личного состава. Большая часть офицеров окончила городские училища (32 человека), 18 человек получили дипломы торговых школ, 16 человек выпустились из гимназий. Кроме того, среди офицеров числились выпускники реальных училищ (13 человек), учительских школ (5 человек), духовных семинарий и училищ (4 человека), сельских школ (4 человека). При этом 9 человек были призваны (или отправлены добровольно) на фронт, оставив занятия в университетах, а 11 являлись выпускниками высших учебных заведений [9, л. 1–65]. Безусловно, среди офицеров были и те, кто окончил земские школы, народные училища или получил домашнее образование. Однако их число не превышало 4 % от общего количества офицеров.

Распределение учебных заведений, которые окончили офицеры Камышловско-Оровайского

полка, можно объяснить их социальным происхождением и местом жительства. Наибольшая группа офицеров (87 человек) происходила из мещан, купечества, духовенства, были детьми почётных граждан, чиновников, отставных офицеров и врачей [9, л. 1–65]. В довоенный период они проживали в городах, где располагались крупные учебные заведения. Формирование полка началось в Екатеринбурге, где осуществлялась мобилизация офицеров. Это объясняет, почему большая часть мещан-земляков (28 человек) происходила из Екатеринбурга и составила ядро полка.

Стоит отметить, что в полку были представлены и другие сословия. Так, 82 офицера имели крестьянское происхождение, 9 — дворянское, а двое являлись казаками [9, л. 1–65]. Распределение офицеров по сословиям представлено на рис. 2.

Анализ мест проживания офицеров до их поступления на военную службу показал, что абсолютное большинство (111 человек) было призвано с территории Пермской губернии [9, л. 1–65]. Это связано с локальным формированием части и призывом (добровольно или на мобилизационных началах) с территорий, контролируемых антибольшевистскими административными органами.

В некоторых случаях боевой опыт в условиях стрессовых ситуаций оказывался более значимым, чем теоретическая подготовка в военных училищах или школах прапорщиков. Из общего числа офицеров 42 человека не участвовали в боевых действиях Первой мировой войны [9, л. 1–65]. Обычно такие лица проходили службу в тыловых частях или оканчивали военные учебные заведения незадолго до подписания Брестского мира.

Примером, характеризующим указанную ситуацию, может служить судьба уроженца Нижнетагильского завода Пермской губернии Кирилла Даниловича Коллегова, который в ноябре 1915 г. поступил на службу добровольцем. Имевший за плечами четырехклассное училище, он был направлен в учебную команду, а затем — в Чистопольскую школу прапорщиков. Однако из-за болезни Коллегов не смог быть зачислен в списки поступивших [13, л. 1–6].

Только в феврале 1917 г. ему удалось поступить в Саратовскую школу прапорщиков, где он успешно прошёл обучение. 20 июня того же года Коллегов получил офицерское звание. Несмотря на это, до конца Первой мировой войны он так и не был отправлен на фронт.

52 офицера принимали участие в военной кампании³ в течение одного года [9, л. 1–65]. В указан-

ное число, как правило, включались лица, которые сразу после зачисления на военную службу направлялись на обучение, по итогам которого им присваивались офицерские звания.

Иная ситуация складывалась для лиц, участвовавших в боевых действиях в течение двух или трёх-четырёх лет (91 человек) [9, л. 1–65]. Эти военнослужащие обычно начинали свою службу в качестве нижних чинов и после получения ранения часто направлялись в школы прапорщиков.

Так, прапорщик Камышловско-Орловского полка Павел Александрович Матвеев был призван на службу в январе 1916 г. В августе того же года он получил звание младшего унтер-офицера и был переведён в 195-й Орловский пехотный полк. Лишь 14 мая 1917 г., оправившись после тяжёлой болезни, он был направлен в Одесскую школу прапорщиков, которую окончил в конце лета [14, л. 3]. В новом звании П. А. Матвеев не был отправлен на фронт и принял участие теперь уже в новой — Гражданской войне.

Важно также отметить, что среди офицеров были не только участники войны 1914–1918 гг., но и ветераны русско-японской войны, а также Китайского похода 1900–1901 гг. В этой связи интереснейшей является судьба уроженца Невьянского завода Пермской губернии, подпоручика 27-го Камышловско-Орловского полка А. Ф. Блохина. Поступивший на службу в 1898 г., он принял участие в походе в Китай, в русско-японской войне, а также пробыл на фронте с 1914 по 1917 гг., был три раза ранен и дважды отравлен газами [9, л. 10].

Различные увечья, а также поражение отравляющими веществами получили в годы Первой мировой войны 55 офицеров полка. Наличие ранений определенного типа могло влиять не только на физическое состояние, но и явиться факторами, формирующими поведенческие особенности личности. При этом анализ подобных взаимосвязей в большей степени относится к области психологии.

Во многих случаях наличие наград у офицеров свидетельствует не только о личном героизме, но и о грамотном использовании вверенных им сил. Анализ персональных данных дает основания утверждать, что 78 офицеров полка получили награды Российской империи. Однако стоит отметить, что к осени 1918 г. чины полка не имели каких-либо наград антибольшевистских правительств, а подобная практика начала иметь место с конца 1918–нач. 1919 гг. [15].

Семейное положение и наличие детей могут служить дополнительными индикаторами для оценки готовности офицеров к риску и для анализа социальной ситуации. К концу 1918 г. большинство офицеров (118 человек) не состояли в браке и не имели детей. Среди женатых офицеров также преобладали те, кто не имел детей (27 человек). 13 офицеров воспитывали одного ребёнка, а 9 — двоих детей. Рекордсменом полка по количеству потомков стал подпоручик Иван Давыдович Дидков, который воспитывал 5 дочерей и 3-х сыновей [9, л. 1–65].

Большое количество холостых офицеров можно объяснить снижением числа браков в годы Первой мировой войны. По этому показателю Россия заняла первое место среди воевавших стран. Кроме того, к 1910-м гг. возраст вступления мужчин в брак увеличился. Число желающих вступить в брак в возрасте 26 лет и старше в губернских городах составило 52,1 % от общего количества женихов [16]. Относительно небольшое количество детей

можно объяснить снижением уровня жизни, ухудшением бытовых условий и трудностями прогнозирования даже ближайшего будущего. Отсутствие семей позволяло офицерам быть более мобильными и приспособленными к несению службы, сопряженной с частыми изменениями локаций.

Распределение офицеров полка по исповедуемым религиям отражало общую картину по всей Российской империи: подавляющее большинство (174 человека) были приверженцами православия. Однако присутствовали и представители других конфессий: старообрядцы, иудеи, а также те, кто следовал римско-католическим и лютеранским религиозным обрядам [9, л. 1–65]. Здесь стоит отметить, что офицеры в белой Сибирской армии из числа евреев были не слишком многочисленны. Причем, даже несмотря на свое желание служить антибольшевистской идее, они нередко подвергались притеснениям по национальному признаку [17, 18].

Выводы. Анализ персональных данных личного состава 27-го Камышловско-Орловского полка позволяет реконструировать образ офицера, обладавшего наиболее типичными социально-демографическими характеристиками. В конце 1918 г. таким офицером являлся прапорщик, поступивший на военную службу в 1915 г. Это был молодой человек мещанского происхождения, приблизительно 27 лет, выпускник городского училища или торговой школы, прошедший обучение в специализированной школе прапорщиков или окончивший сокращённый курс военного училища. Указанный офицер имел опыт участия в Первой мировой войне, однако не был удостоен наград и сумел избежать ранений. Данный комбатант не был женат, не имел детей; исповедовал христианство православного толка.

Важно подчеркнуть, что тенденции, формирующие комплекс социально-демографических характеристик, сложились в период Первой мировой войны. Именно поэтому коллективный портрет офицера-белогвардейца, описанный выше, характерен не только для Урала и Сибири, но и для значительной части бывшей Российской империи. Методологическая призма, использованная в нашем исследовании, дает достаточно широкие потенциалы к изучению «человеческого лица» Белого движения.

Наряду с осмыслением судеб офицерства, воевавшего затем в уральских формированиях колчаковской армии, в региональном поле открывается перспектива к видению обретения себя этими комбатантами, в массе оставшимися в советской России, в условиях коммунистического государства и общества

Примечания

¹ История полка изучалась А. М. Кручининим, но в его работе биографии приводятся выборочно [7]. Название полка встречается в разных вариантах написания: «Камышлово-Орловский» и «Камышловско-Орловский». В этой работе мы будем использовать второй вариант как основной.

² Здесь и далее речь идёт не об абсолютном большинстве, а о наиболее повторяемых характеристиках.

³ В документах указано, что офицер принимал участие в кампании определённого года. Однако определить, сколько именно времени он провёл на фронте, невозможно. Например, офицер мог быть ранен в первый день участия в боевых действиях или же мог сражаться в течение всего года.

1. Ганин А. В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2020. № 4. С. 8–10. DOI: 10.37482/2227-6564-V027URL. EDN: YEYVWR.
2. Скипина И. В., Науменко О. Н., Московкин В. В. [и др.]. Современная историография Гражданской войны в России: итоги и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 160–165. EDN: OYJSJZ.
3. Михайлов И. В. Современная историография Гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 28–46. EDN: IAFZYR.
4. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В. В. Калашников; под ред. Д. Н. Меньшикова. Санкт-Петербург: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 407 с. ISBN 978-5-7629-2313-2.
5. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18. EDN: IWQMWV.
6. Петин Д. И. Информационные потенциалы региональной книги памяти для изучения репрессий в отношении бывших белогвардейцев в СССР (на примере фигурантов омского дела «организации Артамонова») // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 252–260. EDN: CNYOXH.
7. Кручинин А. М. Русский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2000. 162 с.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39811. Оп. 1. Д. 1.
9. РГВА. Ф. 39811. Оп. 1. Д. 27.
10. Волков С. В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 60 (5). С. 34–45. DOI: 10.15382/sturII201460.34-45. EDN: TJSUFN.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16196. Оп. 4. Д. 188.
12. Сураев В. Н. «Нелегкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами Русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56. EDN: SPWLKD.
13. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 59927.
14. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 60840.
15. РГВА. Ф. 40215. Оп. 2. Д. 235.
16. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX–XX вв.: тенденции брачности // Женщина в российском обществе. 2012. № 2 (63). С. 9–15. EDN: PAXQCN.
17. Сушко А. В., Стельмак М. М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А. В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. EDN: CEFISP.
18. Петин Д. И. Освальд Пличе против Вениамина Айзина: личный и политический конфликт в условиях Гражданской войны в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 136–146. DOI: 10.17223/15617793/493/16. EDN: BYMREE.

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Технического университета УГМК, г. Верхняя Пышма.
 SPIN-код: 1113-2171
 AuthorID (РИНЦ): 923392
 ORCID: 0000-0002-9906-9619
 ResearcherID: AAE-8853-2019
 Адрес для переписки: +79022777814@yandex.ru

Для цитирования

Сильченко И. С. Социально-демографический портрет офицерского состава 7-го Камышловского (27-го Камышловско-Оровайского) горных стрелков полка // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 42–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-42-48. EDN: BDZDHL.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024 г.
 © И. С. Сильченко

SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF THE OFFICERS OF THE 7TH KAMYSHLOVSKY (27TH KAMYSHLOVSKO-OROVAYSKY) MOUNTAIN RIFLES REGIMENT

The paper analyzes the socio-demographic characteristics of the officers of the anti-Bolshevik formation in the Urals during the Civil War — the 7th Kamyshevsky (27th Kamyshevsko-Orovaysky) mountain rifles regiment. The research is based on unpublished sources from the collections of the Russian State Military Archive and the Russian State Military Historical Archive. Aspects such as age, combat experience, service life, education, marital status and religious affiliation of officers have been studied in detail. These data are compared with all-Russian trends, which made it possible to identify both common and specific features of the command staff of the considered formation of the white army. In the final part of the work, the collective portrait of a White Guard officer is recreated on the example considered, and the prospects for research in this direction are outlined.

Keywords: officer training, military anthropology, social history, Russian Imperial Army, White Army, Civil War, Ekaterinburg, Ural.

References

1. Ganin A. V. Itogi i perspektivy istoriografii Grazhdanskoj vojny v Rossii [Results of and prospects for the historiography of the Russian Civil War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki». Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*. 2020. No. 4. P. 8–10. DOI: 10.37482/2227-6564-V027URL. EDN: YEVVWR. (In Russ.).
2. Skipina I. V., Naumenko O. N., Moskovkin V. V. [et al.]. *Sovremennaya istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii: itogi i perspektivy* [Contemporary historiography of Civil War in Russia: the results and prospects of research]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Tyumen State University Herald. History*. 2012. No. 2. P. 160–165. EDN: OYJSJZ. (In Russ.).
3. Mikhaylov I. V. *Sovremennaya istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii* [Current historiography of the Civil War in Russia]. *Rossiya i sovremennyy mir. Russia and the Contemporary World*. 2007. No. 3 (56). P. 28–46. EDN: IAFZYR. (In Russ.).
4. *Grazhdanskaya vojna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [Civil War in Russia: a look through 100 years. Problems of History and Historiography] / Resp. ed. V. V. Kalashnikov; ed. by D. N. Menshikov. Saint Petersburg, 2018. 407 p. ISBN 978-5-7629-2313-2. (In Russ.).
5. Petin D. I., Stel'mak M. M., Sushko A. V. «Zolotopogonniki» v sovetskoy Rossii: kollektivnyy sotsial'nyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska) [«Golden Chasers» in Soviet Russia: a Collective Social Portrait of former White Officers in the 1920 (on the example of Omsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*. 2023. No. 486. P. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18. EDN: IWQMWV. (In Russ.).
6. Petin D. I. *Informatsionnyye potentsialy regional'noy knigi pamyati dlya izucheniya repressiy v otnoshenii byvshikh belogvardeyitsev v SSSR (na primere figurantov omskogo dela «organizatsii Artamonova»)* [Information potentials of the regional book of Memory for the study of repressions against former White

- Guards in the USSR (on the example of the defendants in the Omsk case of the «Artamonov organization»)]. *Grazhdanskaya Voina na Vostoke Rossii: Vzglyad Skvoz' Dokumental'noye Naslediye*. Omsk, 2023. P. 252–260. EDN: CNYOXH. (In Russ.).
7. Kruchinin A. M. *Russkiy polk s finskim imenem. Ocherki istorii Orovayskogo polka (1811–1920)* [Russian regiment with a Finnish name. Essays on the history of the Orovai Regiment (1811–1920)]. Ekaterinburg, 2000. 162 p. (In Russ.).
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 39811/1/1. (In Russ.).*
9. *RGVIA [RSMA]. File: 39811/1/27. (In Russ.).*
10. Volkov S. V. *Vypusk ofitserov iz voyennykh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoy mirovoy vojny (analiz kolichestvennykh dannykh)* [Promotion of Officers from Military Colleges and schools of Ensigns in the Years of World War I (analysis quantitative data)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2014. No. 60 (5). P. 34–45. DOI: 10.15382/sturII201460.34-45. EDN: TJSUFN. (In Russ.).
11. *RGVIA [RSMA]. File: 16196/4/188. (In Russ.).*
12. Suryayev V. N. «Nelegkoye sluzhebnoye dvizheniye armeyskogo ofitserstva». *Chinoproizvodstvo i prokhozheniye sluzhby ofitserami Russkoy armii nakanune Pervoy mirovoy vojny* [«The difficult service movement of the army officers» Receiving new ranks and serving as officers of the Russian Army on the eve of the First World War]. *Voyenno-istoricheskiy Zhurnal*. 2014. No. 9. P. 50–56. ISSN 0321-0626. EDN: SPWLKD. (In Russ.).
13. *RGVIA [RSMA]. File: 409/1/59927. (In Russ.).*
14. *RGVIA [RSMA]. File: 409/1/60840. (In Russ.).*
15. *RGVIA [RSMA]. File: 40215/2/235. (In Russ.).*
16. Morozov S. D. *Muzhchiny i zhenshchiny Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tendentsii brachnosti* [Men and women of Russia at the turn of the XIX–XX centuries: trends of marriages]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. Woman in Russian Society*. 2012. No. 2 (63). P. 9–15. EDN: PAXQCN. (In Russ.).

17. Sushko A. V., Stel'mak M. M. «...Evreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta»: dokladnaya zapiska M. A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A. V. Kolchaka (may 1919 g.) [«Jewry of Siberia and the Urals anxiously awaits an answer»: a report by M. A. Novomeysky to Russian government of A. V. Kolchak (May 1919)]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. EDN: CEFISP. (In Russ.).

18. Petin D. I. Osval'd Pliche protiv Veniamina Ayzina: lichnyy i politicheskiy konflikt v usloviyakh Grazhdanskoy voyny v Omske [Oswald Pliche vs. Veniamin Aizin: A personal and political conflict during the Civil War in Omsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*. 2023. No. 493. P. 136–146. DOI: 10.17223/15617793/493/16. EDN: BYMREE. (In Russ.).

SILCHENKO Ivan Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities and

Natural Sciences Department, UMMC Technical University, Verkhnyaya Pyshma.

SPIN-code: 1113-2171

AuthorID (RSCI): 923392

ORCID: 0000-0002-9906-9619

ResearcherID: AAE-8853-2019

Correspondence address: +79022777814@yandex.ru

For citations

Silchenko I. S. Socio-demographic portrait of the officers of the 7th Kamyshlovsky (27th Kamyshlovsko-Orovaysky) mountain rifles regiment. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 42–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-42-48. EDN: BDZDHL.

Received September 10, 2024.

© I. S. Silchenko

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОБРАЗ ОМСКА: ФОТОАНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Цель статьи — реконструировать визуальный образ Омска в дореволюционных фотографиях. В статье проанализированы основные сюжеты жизни и истории города, запечатлённые на фотоисточниках: городские ворота, этнические и конфессиональные отношения, хозяйственное развитие, военное дело, образование, инфраструктура (транспорт, почта, торговля), реки. На основе данных об оптических приёмах создания фотографий, их содержании, тиража, способах распространения, целевой аудитории выявлены тенденции изображения Омска и омичей на дореволюционных фотоисточниках.

Ключевые слова: Омск, омичи, дореволюционные фотографии, визуальный дискурс, локальная идентичность, регионализм, визуальные источники.

Постановка проблемы. Визуализация фрагментов выдающихся и повседневных событий дореволюционного Омска является частью репрезентаций сибирской провинции. Обладая особой содержательной согласованностью, фотографии как особый, наиболее объективный вид визуального источника формируют специфический для своего времени образ города. Он выступает исторической предпосылкой формирования локальной коллективной идентичности — сибиряков, провинциалов, горожан, омичей, — а также оказывает влияние на восприятие региона в целом. Это позволяет обнаружить традиции, выявить отношения, указать на инновации проявления групповой идентичности в прошлом и настоящем.

Фотографии дореволюционного Омска появились в конце позапрошлого века, однако наибольшее распространение они получили в XX в. вместе с развитием техники и трансформацией сознания, предполагающей отход от традиционного восприятия Сибири как сырьевого придатка, к попыткам говорить о её территориальной и культурной ценности, которые начали предприниматься областниками с 1880-х гг. Нами была востребована концепция интерпретации фотографий, изложенная в работах немецкой исторической школы [1–5]. Начиная с середины 1990-х гг. зарубежными исследователями в качестве исходного материала социально-гуманитарного знания предложено использовать не текст, а изображения, выражающие интересующие установки их авторов и целевой аудитории. Обращение к фотографиям как историческим источникам признано и проблематизировано в современной отечественной историографии. Анализ особенностей фотографий в отечественном культурном пространстве, характеристикам художественной и документальной фотографии посвящена работа Н. Н. Лавриновой [6]. Фотографические практики фотографов-любителей и их влияние на судьбу и политику советской партии рассмотрены в статье Р. О. Абиловой и Я. Ю. Кирилловой

[7]. Повседневная фотография в культурном контексте стала объектом исследования в диссертации М. М. Гурьевой [8] и Е. Н. Андриановой [9]. Системный анализ феномена фотографии представлен в работе Е. Ю. Ивановой, И. И. Морозова, В. К. Алексеевой [10]. За три десятилетия работы в этом направлении были выработаны такие подходы к анализу визуальных источников, как объективная герменевтика, социальная реконструкция, документарный метод, сегментный анализ, серийно-иконографический фотоанализ, жанровый анализ. В контексте фотоаналитической реконструкции образа дореволюционного Омска наиболее востребован метод визуального дискурса, включающий следующие этапы интерпретации источников: 1) анализ внутренней логики изображения, позволяющей последовательно раскрыть его сущность в корреляции с социальным контекстом; 2) контекстный анализ, дающий представление об условиях создания фотографий: технических возможностях, социальном или государственном заказе, тираже и способах распространения; 3) интерпретация изображения применительно к актуальным исследовательским целям.

Основная часть. Начиная с конца XIX в. на фотографиях изображались границы города, отмеченные Тарскими, Тобольскими, Иртышскими, Омскими воротами [11–14]. Ворота как фортификационный элемент строились с целью контроля перемещения населения. Популярность их фотографирования уже без крепостных стен приводит к мысли о необходимости визуального отделения пространства города от «чужой» территории. Ф. Тёрнер обосновал концепцию фронта — границы, которая постепенно расширялась и передвигалась в период освоения новых земель [15]. Применительно к омской действительности продуктивность теории фронта заключается в возможности выяснить взаимодействия жителей города с этническими, профессиональными, классовыми социальными группами. Специфика этих контактов,

по мнению ряда сибирских исследователей, способствовала складыванию особой «нации» сибиряков, в рамках которой обособилась группа омичей.

Востребованность фотоизображений городских ворот указывает на континуальность воспоминаний об истории Омска, потому что они отсылают зрителя к истокам строительства крепости в месте слияния Иртыша с Омью. Потребность обращения к общему прошлому неразрывно скреплена с формированием городской идентичности. Чтобы стать её основой, исторические воспоминания должны приобрести равноуровневый характер. Фотографии четырёх городских ворот популяризовали историю Омска в узкоспециализированных изданиях, путеводителях, газетах, на почтовых открытках, что позволяет говорить об их закреплении в качестве референциального маркера коллективной идентичности омичей.

Непосредственную смысловую конвергенцию с воротами как границами города и локальной группы омичей имеет вопрос об этнических границах сообщества. Фотодокументы представляют дихотомичную национальную модель, связанную с историческими особенностями освоения территории города. Коренная азиатская (казахская) группа изображена в контексте традиционного образа жизни, занимающаяся кочевым скотоводством и проживающая в юртах [16, 17]. Модернизационный общественный уклад этнически более разнообразен и представлен как славянским населением, так и европейцами, которые, согласно подписям к фотографиям, занимались промышленным предпринимательством и фермерством [18]. Невозможность размежевания коренного и пришлого населения неизбежно вела к ассимиляции и аккультурации, которые в рамках визуального дискурса представлены в двух аспектах — экономическом и конфессиональном.

Хозяйственное влияние казахов выразилось в усвоении другими этническими группами принципов животноводства в условиях западносибирского континентального климата. Однако практиковавшееся в азиатской России кочевое скотоводство было дополнено научными и промышленными разработками: фотоисточники изобразили опытные фермы, омское сельскохозяйственное училище, омскую машиностроительную станцию, на которой в дореволюционный период происходил выпуск местных (на заводе С. Х. Рандрупа) и испытание зарубежных (Сакса, Нобеля, «МакКормика») плугов, жаток, молотилок на конной тяге [19–22].

Создавая пласт фотографий культовых религиозных мест на территории Омска, их авторы указали на конфессиональное разнообразие, укрепившееся в городе [23–27]. Близкое соседство православного храма, мечети, костёла и синагоги на небольшом участке городского пространства свидетельствовало о религиозной терпимости местного сообщества и формировании особого типа повседневного этикета, выходящего из этого симбиотического взаимодействия.

Количественный анализ фотоисточников, относящихся к конфессиональному дискурсу, показал преимущественное изображение православных храмов дореволюционными авторами. Историко-культурное значение творческой деятельности фотографов раскрывается через понятие иеротопии — целенаправленно создаваемого сакрального пространства, включающего религиозные архитектурные достопримечательности, иконы, церковную

утварь, световые и цветовые эффекты, служащего частью культурной идентификации местности. Таким образом, религиозно-этнический визуальный дискурс дореволюционного Омска представлен сочетанием поликонфессиональности, религиозной терпимости с преобладанием государственной (православной) веры.

Специфику ранней застройки Омска определяло развитие оборонно-фортификационной отрасли. Самые ранние фотографии Омской крепости, зданий гауптвахты и кордегардии относятся к 1890-м гг. и повествуют о военном быте городских офицеров. Начиная с XVIII в. национальное мышление всегда было связано с представлениями о мощи российской армии. К концу XIX в. — ко времени появления фотодокументов об Омске — военные воспринимались как исторически самая влиятельная интегрирующая сила империи, в связи с чем они зачастую оказывались в фокусе внимания городских фотографов [28, 29].

Находясь в поле имперского дискурса, группа профессиональных военных приграничного провинциального города обладала собственным эмансипационным потенциалом. Культивирование имманентных воинских традиций, которые должны были учитываться как имперские устремления столицы, так и конкретные потребности самостоятельного выстраивания грамотных отношений с соседями и обеспечения безопасности границы в условиях медленной коммуникации между центром и провинцией, вело к появлению большого количества фотографий, раскрывающих специфику подготовки, снабжения и повседневности военных.

Оформление союзнических отношений России с Францией в начале 1890-х гг., ставших в дальнейшем предпосылкой формирования Антанты, вызвало необходимость популяризации российской армии в западноевропейском массовом сознании. Особая роль в грядущей Первой мировой войне отводилась российским провинциям, благодаря которым общая численность вооружённых сил Антанты превосходила Тройственный союз почти в 1,7 раза. Волна иностранных газетных публикаций, посвящённых военной тематике Омска, началась со второй половины 1890-х гг. и продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны [30–32]. В 1914–1918 гг. фотографы сместили фокус внимания с визуализации подготовки омских военных на иллюстрации применения труда военнопленных австрийцев и германцев в Омске [33, 34]. Использование подобных фотографий в мотивационных целях для фронта и тыла требовало их массовой репрезентации, в связи с чем они стали популярными на почтовых открытках, в том числе зарубежных. Это стало проявлением функциональной идентичности, способной связать образ Омска с социальной группой военных и передать патриотизм, маркирующий город и его население.

Поддержанию устойчивости социального сообщества способствует институционально передаваемая историческая рефлексия. Инструментом межпоколенческой коммуникации служит, в первую очередь, образование. С конца XIX в. в визуальном дискурсе, посвящённом истории Омска, культивировались представления о неуклонном росте прослойки грамотных горожан. С начала XX в. можно говорить о социальном расширении образованного сообщества: фотодокументы не только фиксировали мужские и женские школы и гимназии, но и расходились массовым тиражом, напечатан-

ные на почтовых открытках [35, 36]. Возникновение новых медиа способствовало привлечению интереса купечества, мещан и крестьян к получению местного образования, сообщая о такой возможности и его престиже.

Содержание фотоисточников, изображающих профессиональное образование в Омске, отвечало требованиям визуализации эксплицитной перспективы города. Развитие ремесленных, промышленных и торговых предприятий, в том числе иностранных, создавало спрос на квалифицированные рабочие кадры, в связи с чем появилась серия фотографий цехов и мастерских Технического училища в Омске [37]. Интерпретация заданных в этом историческом материале образов города и омичей раскрывает их включение в модернизационные процессы второй промышленной революции в России.

Фотографии первого машиностроительного завода в Сибири, основанного в Омске С. Х. Рандрупом, были ориентированы на визуализацию промышленной мы-группы горожан, работа которой соответствовала высоким европейским стандартам. В качестве стилистического средства фотодокументы представляют панорамные кадры инфраструктуры участка пересечения улиц Бутырской, Баронской (сейчас Октябрьской) и Сиротской (ныне Кемеровской), включавших производственные цеха, магазины с готовым оборудованием, сервисный центр и административные здания [38]. Механизация труда и массовость произведённой продукции позволяют интерпретировать Омск как цивилизованный, промышленно развивающийся город.

Первый учреждённый вне Санкт-Петербурга и Москвы омский кадетский корпус стал одним из знаковых мест города. Растущая значимость военных аспектов накануне Первой мировой войны предопределила включение образования будущих офицеров в поле зрения фотографов. Репрезентации кадетов на дореволюционных фотографиях XX в. включали не только строевую и физическую подготовку, но также раскрывали значительный пласт повседневного мира питания, развлечений и праздников [39–43]. Эти сцены транслировали надпрофессиональные связи офицеров, базирующиеся не только на формальных отношениях, но также на бытийных коммуникациях, создаваемых усилиями педагогов кадетского корпуса, с претензией на многомерное поддержание устойчивости мы-группы омских (сибирских) военных на протяжении всей жизни.

Интегративным ресурсом, способным включить омичей в концепт национальной идентичности, должны были стать педагоги — носители не только специальных знаний, но и ценностно-смыслового, светского компонента обучения. Фотографии рубежа XIX–XX вв. иллюстрируют наличие учительской семинарии в Омске, однако скудость источниковой базы и нераспространённость подобных изображений подтверждает сказанные ещё в 1880-х гг. слова первых областников о слабости развития образования в городе и, как следствие, неразвитости общественной мысли в Сибири в целом [44].

Транссибирская железная дорога стала одним из популярнейших символов города, изображавшихся на открытках, фотографиях и иных визуальных источниках с конца XIX в. Фотоисточники 1894–1899 гг. запечатлели строительство её отдельных участков и омского вокзала [45, 46]. Самой популярной открыткой, посвящённой городу,

стала фотография «Станция Омск», которая переиздавалась ежегодно большим тиражом. Строительство Транссибирской железной дороги обусловило фундаментальный поворот в восприятии Омска не только в контексте российской идентичности, но и в общемировом масштабе. Интерес к станции «Омск» в дореволюционном визуальном дискурсе находит подтверждение в массовом тиражировании его изображений на почтовых открытках, во всеобщей, британской и французской печати [47]. Ориентация на экономические и военные аспекты отныне дополнялась изменениями в мировоззренческой системе координат. Омск переставал восприниматься преимущественно как место ссылки и каторги, но становился фигурой, тесно связанной с европейской Россией.

Зависимость развития города от перевозочной и информационной инфраструктуры заострила внимание фотографов на разных видах транспорта, мостах и почте. Наибольшее значение визуальные источники придавали рекам и передвижению по ним и через них.

Вопрос о роли рек в экономической и мировоззренческой жизни Омска стал важнейшей темой его истории. Иртыш, Омь и другие реки были обязательным атрибутом местной культуры ещё со времени её существования в фольклорном виде. Реки определяли не только заселение и хозяйственное развитие территории Омска и области, но и формировали специфическую идентичность, предполагающую, с одной стороны, восприятие Иртыша и Оми как естественных границ, отделяющих крепость от внешнего мира, а с другой — побуждающую людей к сплочению для борьбы с наводнениями, удовлетворения экономических нужд с помощью пресной воды, организации переправ.

Возвращаясь к теме рек на дореволюционных фотографиях, можно утверждать, что омские фотографы опирались на «пратексты» представлений об Иртыше и Оми, однако их вклад не ограничивается визуализацией рек как географических границ локального сообщества. Фотографии конца XIX в. представляют берега рек обжитыми, густонаселёнными пространствами, зачастую «захватывая» вид на общую панораму города [48–50]. Отдельным пластом фотодокументов рубежа столетий стало изображение омских рек в зимне-весенний период, изображавший не только красоту ледохода, но и возможности использования прочного льда для организации временных переправ в холодный период [51–52]. Это не только утверждало возможность круглогодичного хозяйственного процесса сибирского города, но и способствовало отказу от восприятия Омска как места перманентной «метели, стужи, ветра и волков».

Рост численности сибирского населения вследствие переселенческой политики в дореволюционные годы XX в. и общероссийская технико-экономическая модернизация этого периода способствовали появлению новых наглядных символов провинциального города. Формирование нового визуального концепта Омска базировалось на использовании символов рек как обязательных атрибутов города. Прежние картины деревянных переправ, преимущественно одноэтажных застроек, конного перемещения сменились изображениями бурного развития судоходства по Оми и Иртышу, строительства бесспорно сложных с инженерной точки зрения мостов, включая железнодорожный, прокладывания водопровода и работы ледорезов [53–56]. Ка-

дры технического развития, бесспорно, служили оптической связкой между осознанием ресурсного потенциала Омска и общероссийским модернизационным дискурсом.

Рассматривая культуру памяти о почтовом сообщении в дореволюционном Омске, следует отметить разнообразие посвящённых ему фотодокументов [57–59]. Акторами их массового распространения стали частные издательства Санкт-Петербурга и Москвы, тиражи которых составляли до 10 тыс. экземпляров. Воплощение фотографий в малой форме — почтовой открытке, которая на рубеже XIX–XX вв. переживала расцвет издательской деятельности, — позволяло сформировать повсеместное представление о включении провинциального города в почтовое и телеграфное сообщение со всей Россией.

Развитие железной дороги, речной инфраструктуры и почтового сообщения предопределило включение Омска во всероссийский рынок. Подоплёкой появления большого количества фотографий, иллюстрирующих экономический потенциал Омска, стало проведение на его территории первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставки в 1911 г. Согласно фотодокументам, первостепенное значение отводилось агропромышленной продукции и лесному сырью [60, 61]. Фотографы зафиксировали племенной скот, содержащийся на частных и казённых фермах, бывший гордостью омских животноводов и основным продуктом экспорта на всероссийский и мировой рынки. Выставка стала событием, конституирующим локальное (омское, западносибирское) сообщество на двух уровнях. Население Омской области и Омска связывали объективные критерии — принадлежность к территории и род деятельности, причём последнее включало не только сельскохозяйственный труд, но и работу по популяризации его достижений, в том числе создание фотографий. В отличие от основанной на практическом опыте сплочённости, вторым уровнем становления омского сообщества стал духовный принцип связи его членов, отождествляющих себя с сибиряками, умеющих заниматься сельским хозяйством в суровом климате и презентовать результаты своего труда. В этом контексте фотографы выступили «конструкторами» визуального дискурса, создающего идентичность общности омичей.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, отметим высокий эвристический потенциал фотографий для исследования репрезентаций Омска и омичей в дореволюционный период. Значимыми параметрами фотоисточников при этом является не только непосредственно само изображение, но и способы его распространения, тираж, акцепторов, технические возможности его создания и источник (заказчик) его появления. Эти данные в совокупности позволяют выяснить интерсубъективные представления фотографов и уровень восприятия заложенной в фотографии информации.

В контексте визуальной реконструкции дореволюционного Омска были выявлены две тенденции его изображения. Первая включала провинциальный сибирский город во всероссийский, ориентированный на имперский концепт, дискурс, а вторая обуславливалась развитием идей областничества, позволявших визуализировать производственную и культурную самостоятельность Омска, его погранично-военную ценность. Оптическое включение города и его населения в имперский конструкт до-

стигалось, в первую очередь, за счёт сюжетов развития производственной, транспортной и военной инфраструктуры Омска. Ведущим художественным приёмом интеграции города в общероссийское пространство стало предпочтение фотографами динамичных сценариев — запечатление изготавливающих продукцию рабочих, большой группы ожидающих поезда, марширующих военных и т.п. Этот приём отразил ведущий фактор времени создания источников — технико-технологическую модернизацию России, которая способствовала повышению интереса к визуализации сибирской провинции не только на общегосударственном уровне, но также и в зарубежной печатной продукции — газетах, журналах и почтовых открытках.

Другой концепт изображения Омска и омичей обуславливался развитием регионального самосознания, предполагавшего поиск собственной идентичности. Необходимым компонентом этого процесса стало обращение к историческим предпосылкам формирования Омска, выразившееся в популяризации изображений городских ворот, ставших к моменту появления фотографии воображаемой границей, оформившей «рамочное повествование» о городе и его населении. Сюжет этнического разнообразия, включивший не только культурно-антропологический, но и экономический аспект, продемонстрировал континуальность и когерентность, то есть единство и специфичность омичей в дореволюционном визуальном дискурсе.

Список источников

1. Ayass R. Ein Bild der Abwesenheit. Die Fotografie aus dem Situation Room als widersprüchliche Zeigegegeste // *Hillarys Hand. Zur politischen Ikonographie der Gegenwart* / M. Kauppert, I. Leser. Hildesheim, 2014. S. 59–77. DOI: 10.14361/transcript.9783839427491.59.
2. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder / Was ist ein Bild. München, 1994. S. 11–38.
3. Bohnsack R. Zum Verhältnis von Bild- und Textinterpretation in der qualitativen Sozialforschung // *Bild und Text. Methoden und Methodologien visueller Sozialforschung in der Erziehungswissenschaft* / Friebertshäuser B., Felen H. von. Leverkusen, 2007. S. 21–43. DOI: 10.2307/j.ctvdf09j2.4.
4. Eberle T. S. Fotografie und Gesellschaft // *Fotografie und Gesellschaft: Phänomenologische und wissenssoziologische Perspektiven* / T. S. Eberle, N. Reichle. Bielefeld, 2017. S. 11–70.
5. Raab J. Visuelle Wissenssoziologie der Fotografie. Sozialwissenschaftliche Analysearbeit zwischen Einzelbild, Bildkontexten und Sozialmilieu // *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 2012. № 2. S. 121–142. DOI: 10.1007/s11614-012-0025-7.
6. Лавринова Н. Н. Фотография в современном культурном пространстве // *Colloquim-Journal*. 2019. № 22. С. 77–79. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10732. EDN: LSWKIJ.
7. Абилова Р. О., Кириллова Я. Ю. Фотографическое наследие казанского аптекаря Арнольда Бренинга: история и состав коллекции. 1904–1937 гг. // *Вестник архивиста*. 2023. № 3. С. 861–875. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-861-875. EDN: YGKUUV.
8. Гурьева М. М. Повседневная фотография в современном культурном контексте: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009. 167 с.
9. Андрианова Е. Н. Коллекция фотографий документального фонда государственного Центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2012. 289 с.
10. Иванова Е. Ю., Морозов И. И., Алексеева В. К. Профессиональная фотография в контексте культуры совре-

- менного общества // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6. С. 169–181. DOI: 10.24158/fik.2023.6.26. EDN: BBNWPT.
11. Тарские ворота в Омске, построенные в 1792 г.: фото // Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки. Санкт-Петербург, 1914. С. 297.
 12. Вольногорский П. Крепостные ворота Омска: фото // По белу свету. Вып. 2. Великий путь / сост. П. М. Вольногорский. Москва, 1904. С. 87.
 13. Тобольские ворота // Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здыарского. Санкт-Петербург, 1900. С. 131.
 14. Иртышские ворота: открытка издания Общины Св. Евгении. Санкт-Петербург, 1900–1904.
 15. Turner F. J. The frontier in American history. New York, 1962. 375 p.
 16. Возвращающийся киргизский караван // Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал: фотоальбом: в 5 т. Санкт-Петербург: Карл Риккер, 1870. Т. 4. С. 267.
 17. Киргизская юрта // Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал: фотоальбом: в 5 т. Санкт-Петербург: Карл Риккер, 1870. Т. 4. С. 259.
 18. Готовая продукция завода С. Х. Рандрупа [1910]: фото // Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kiseljov. Forlaget Ravnerock, 2019. 233 s.
 19. Орбелиани А. М. Опытная ферма близ Омска // Государственный исторический музей. Ф. 68257/5613.
 20. Опытный хутор омского сельхозучилища [1915] // Лич. коллекция д-ра сельхоз. наук Н. А. Сборовского.
 21. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-3865. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
 22. Рабочие у станков на заводе С. Х. Рандрупа [1910]: фото // Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kiseljov. Forlaget Ravnerock, 2019. 233 s.
 23. Вознесенский собор: фото // Путеводитель по Сибирской Великой железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здыарского. Санкт-Петербург, 1900. С. 132.
 24. Вид на мечеть, костел, Никольский собор: фото // Земля и люди: всеобщая география Элизе Реклю. В 19 т. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1883. С. 243.
 25. Вид на мечеть, костел и Никольский собор: фото // Frank Leslie's illustrated newspaper. 1882. Vol. 54. April 1. P. 365.
 26. Костел — с пометкой: работа ссыльных: фото: открытка издания Общины Св. Евгении. Санкт-Петербург. 1900–1904.
 27. Церковь при станции Татарской: фото // Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здыарского. Санкт-Петербург, 1900. С. 142.
 28. Вид Омска с крепости / Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал: фотоальбом: в 5 т. Санкт-Петербург: Карл Риккер, 1870. Т. 4. С. 277–278.
 29. Военное собрание и Управление воинского начальника с гауптвахтой. 1890-е гг. // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 10404.
 30. Кочешев А. И. Плац военного гарнизона Омской крепости: фото // Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré. 1903. Déc. 13. P. 2.
 31. Солдаты на пристани: фото // Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré. 1903. Déc. 13. P. 2.
 32. Смотр войск: фото // Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré. 1903. Déc. 13. P. 2.
 33. Военнопленные на очистке улиц, 1915–1917 // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 1047.
 34. Вид от главного здания лагеря военнопленных: открытка изд. Comité International de la Croix Rouge. Genève. 1914–1917.
 35. Женская гимназия начала XX в. // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 113698.
 36. Мужская гимназия: открытка изд. Д. П. Ефимова. Москва, 1903.
 37. Цеха и мастерские Технического училища в Омске. Огранка и литейный цех, 1910-е: фото // Орловский государственный институт культуры. Ф. 6400.
 38. Готовая продукция завода С. Х. Рандрупа [1910]; В литейном цеху завода С. Х. Рандрупа [1910]; Завод С. Х. Рандрупа [1911]; Контора С. Х. Рандрупа на Бутырской [1911–1912]: фото // Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kiseljov. Forlaget Ravnerock, 2019. S. 116-117.
 39. Вид на кадетский корпус с Атаманской улицы, 1913: фото // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 710.
 40. Вид на кадетский корпус: открытка Всемирного почтового союза. 1902.
 41. Кадетский корпус: открытка издания Общины Св. Евгении. Санкт-Петербург, 1900–1904.
 42. Купание кадетов в Иртыше, 1913: фото // Орловский государственный институт культуры. Ф. 7079.
 43. Thomas Allen. The boys of Siberia // St. Nicholas. 1898. Dec. 26. P. 2.
 44. ИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 102. Л. 8.
 45. Пассажирское здание на станции Омск: фото // Московский листок, прибавление к № 362 от 30 декабря 1901 г.
 46. Омский вокзал «Привет из Омска!»: открытка издательства В. Г. Мартыанова. 1911.
 47. Станция «Омск»: фото // Le Genie Civil. 1899. № 867. 21 января. P. 1.
 48. Берег Иртыша близ Загородной рощи: открытка издания Общины Св. Евгении. Санкт-Петербург, 1900–1904.
 49. Общий вид с реки Омь: открытка издания Д. П. Ефимова. Москва. 1900–1904.
 50. Вид на центр города с устья Оми: фото // De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie occidentale. Impressions de voyage d'une parisienne / Marie de Ujfalvy-Bourdon. Paris, 1880. P. 447.
 51. Временная ветка по льду Иртыша: фото // The Engineer. 1897. June 4. P. 606.
 52. Омь зимой [конец XIX–начало XX вв.]: фото // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф. 9677.
 53. Мост через Иртыш // Путеводитель по Великой Сиб. ж. д. с описанием Шилко-Амур. вод. пути и Маньчжурии. Санкт-Петербург, 1900. С. 126.
 54. Пароход «Тобольск» у Железного моста через Омь, 1904: фото // Омский государственный историко-краеведческий музей. Ф-15175.
 55. Мост через Омь: открытка издательства С. Савельева. 1910.
 56. Pont sur l'Irtich // Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré. 1903. Déc. 13. P. 3.
 57. Почтовая площадь: открытка издательства С. Савельева. 1910.
 58. Почтовое управление: открытка издания Д. П. Ефимова. Москва, 1903.
 59. Почтово-телеграфная контора: открытка издания Общины Св. Евгении. Санкт-Петербург, 1900–1904.
 60. Антонов А. А. Панорама территории и павильонов выставки, вид с верхней точки [1911] // Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка: фотоальбом. URL: <https://www.loc.gov/item/2018692274>. (дата обращения: 01.09.2024).
 61. Антонов А. А. Ворота к лесному павильону [1911] // Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и

торгово-промышленная выставка: фотоальбом. URL: <https://hdl.loc.gov/loc.gdc/gdclccn.2018692277> (дата обращения: 01.09.2024).

ORCID: 0009-0007-0083-4434

Адрес для переписки: n-chikanova@mail.ru

Для цитирования

ЧИКАНОВА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, г. Омск.

SPIN-код: 8556-5040

AuthorID (РИНЦ):1051392

Чиканова Н. А. Дореволюционный образ Омска: фотоаналитическая реконструкция // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 49–57. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-49-57. EDN: WWHHAZ.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024 г.

© Н. А. Чиканова

PRE-REVOLUTIONARY IMAGE OF OMSK: PHOTOANALYTICAL RECONSTRUCTION

The purpose of the article is to reconstruct the visual image of Omsk in pre-revolutionary photographs. The article analyzes the main subjects of the life and history of the city, captured on photographic sources: city gates, ethnic and religious relations, economic development, military affairs, education, infrastructure (transport, postal services, trade), rivers. Based on the data on optical techniques for creating photographs, their content, circulation, methods of distribution, and target audience, trends in the image of Omsk and Omsk on pre-revolutionary photographic sources are identified.

Keywords: Omsk, Omichi, pre-revolutionary photographs, visual discourse, local identity, regionalism, visual sources.

References

1. Ayass R. Ein Bild der Abwesenheit. Die Fotografie aus dem Situation Room als widersprüchliche Zeigegegeste // Hillarys Hand. Zur politischen Ikonographie der Gegenwart / M. Kauppert, I. Leser. Hildesheim, 2014. P. 59–77. DOI: 10.14361/transcript.9783839427491.59. (In Germ.).
2. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder/Was ist ein Bild. Munchen, 1994. P. 11–38. (In Germ.).
3. Bohnsack R. Zum Verhältnis von Bild-und Textinterpretation in der qualitativen Sozialforschung // Bild und Text. Methoden und Methodologien visueller Sozialforschung in der Erziehungswissenschaft / Friebertshäuser B., Felen H. von. Leverkusen, 2007. P. 21–43. DOI: 10.2307/j.ctvd09j2.4. (In Germ.).
4. Eberle T. S. Fotografie und Gesellschaft // Fotografie und Gesellschaft: Phänomenologische und wissenssoziologische Perspektiven / T. S. Eberle, N. Reichle. Bielefeld, 2017. P. 11–70. (In Germ.).
5. Raab J. Visuelle Wissenssoziologie der Fotografie. Sozialwissenschaftliche Analysearbeit zwischen Einzelbild, Bildkontexten und Sozialmilieu // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. 2012. No. 2. P. 121–142. DOI: 10.1007/s11614-012-0025-7. (In Germ.).
6. Lavrinova N. N. Fotografiya v sovremennom kul'turnom prostranstve [Photography in modern cultural space]. *Colloquim Journal*. 2019. No. 22. P. 77–79. (In Russ.).
7. Abilova R. O., Kirillova Ya. Yu. Fotograficheskoye nasledie kazanskogo aptekarya Arnol'da Breninga: istoriya i sostav kollektzii. 1904–1937 gg [Photographic heritage of the Kazan pharmacist Arnold Brening: history and composition of the collection (1904–37)]. *Vestnik arhivista. Herald of an Archivist*. 2023. No. 3. P. 861–875. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-861-875. EDN: YGKUUV. (In Russ.).
8. Guryeva M. M. Povsednevnyaya fotografiya v sovremennom klytynom kontekste [Daily photography in a contemporary cultural context]. Saint Petersburg, 2009. 167 p. (In Russ.).
9. Andrianova E. N. Kolleksiya fotografiiy dokumental'nogo fonda gosudarstvennogo Tsentral'nogo muzeya sovremennoy istorii Rossii kak istochnik po istorii povsednevnosti [Collection of photographs from the documentary fund of the State Central Museum of Contemporary History of Russia as a source on the history of daily life]. Moscow, 2009. 284 p. (In Russ.).
10. Ivanova E. Yu., Morozov I. I., Alekseeva V. K. Professional'naya fotografiya v kontekste kul'tury sovremennogo obshchestva [Professional photography in the context of the modern society's culture]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. Society: Philosophy, History, Culture*. 2023. No. 6. P. 169–181. DOI: 10.24158/fik.2023.6.26. EDN: BBNWPT. (In Russ.).
11. Tarskiye vorota v Omske, postroyennyye v 1792 g. [Tarskiye gate in Omsk, built in 1792] // *Aziatskaya Rossiya*. T. 1. Lyudi i poryadki. *Asian Russia. Vol. 1. People and Orders*. P. 297. (In Russ.).
12. Vol'nogorskiy P. Krepostnyye vorota Omska [Gates of Omsk fortress] // *Po bely svety. Vyp. 2. Velikiy put'. Across the world. Vol. 2. The Great Way / Comp. by Vol'nogorskiy P. M. Moscow, 1904. P. 87. (In Russ.)*.
13. Tobol'skiye vorota [Tobolskie gates] // *Putevoditel' po Sibirskoy Velikoy zheleznoy doroge. Guide to the Siberian Great Railway / Ed by A. I. Dmitriyev-Mamonov, A. F. Zdzaryanskiy. Saint Petersburg, 1900. P. 131. (In Russ.)*.
14. Irtyshskiy vorota: otkrytka izdaniya Obshchiny Sv. Yevgenii [Irtysh gate: postcard of the edition of the Community of Sv. Eugenia]. Saint Petersburg. 1900–1904. (In Russ.).
15. Turner F. J. The frontier in American history. New York, 1962. 375 p. (In Engl.).
16. Vozvrashchayushchisya kirgizskiy karavan [Returning of the Kyrgyz caravan] // *Amur, Vostochnaya Sibir', Zapadnaya Sibir' i Ural: fotoal'bom: v 5 t. The countries of the Amur, Eastern Siberia, Western Siberia and the Urals: photo album. Saint Petersburg, 1870. Vol. 4. P. 267. (In Russ.)*.
17. Kirgizskaya Yurta [Kyrgyz yurt] // *Amur, Vostochnaya Sibir', Zapadnaya Sibir' i Ural: fotoal'bom: v 5 t. The countries of the Amur, Eastern Siberia, Western Siberia and the Urals: photo album. Saint Petersburg. Vol. 4. 1870. P. 259. (In Russ.)*.
18. Gotovaya produktsiya zavoda S. Kh. Randrupa [1910] [Finished products of S. Kh. Randrup's plant [1910] // *Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kisel'jov. Forlaget Ravnerock, 2019. P. 233. (In Danish)*.
19. Orbeliani A. M. Opitnaya ferma bliz Omska [Experimental farm near Omsk] // *Gosydarstvennii istoricheskii muzei. State Historical Museum*. File: 68257/5613. (In Russ.).
20. Opytnyy khutor omskogo sel'khozuchilishcha [1915] [Experimental farm of the Omsk agricultural school [1915] //

Lich. kolleksiya d-ra sel'khoz. nauk N. A. Sborovskogo. Personal collection of N. A. Sborovskiy, Doctor of Agricultural Sciences. (In Russ.).

21. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: P-3865/1/8/12. (In Russ.).

22. Rabochiye u stankov na zavode S. Kh. Randrupa [1910] [Workers at the machines at S. Kh. Randrup's plant [1910] // Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kiseljov. Forlaget Ravnerock, 2019. P. 233. (In Danish).

23. Voznesenskiy sobor [Assumption Cathedral] // Putevoditel' po Sibirskoy Velikoy zheleznoy doroge. Guide to the Siberian Great Railway / Ed by A. I. Dmitriyev-Mamonov, A. F. Zdzaryskiy. Saint Petersburg, 1900. P. 132. (In Russ.).

24. Vid na mechet', kostel, Nikol'skiy sobor [View of the mosque, church, St. Nicholas Cathedral] // Zemlya i lyudi: vseobshchaya geografiya Elize Recluy. Aziatskaya Rossiya i Sredneaziatskiye khanstva. Land and People: a universal geography by Elise Reclue. In 19 vols. Vol. 6. Asian Russia and Central Asian Khanates. Saint Petersburg, 1883. P. 243. (In Russ.).

25. Vid na mechet', kostel i Nikol'skiy sobor [View of the mosque, church and St. Nicholas Cathedral]. *Frank Leslie's Illustrated Newspaper*. 1882. Vol. 54. April, 1. P. 365. (In Fr.).

26. Kostel— s pometkoy: rabota ssyl'nykh: otkrytka izdaniya Obshchiny Sv. Yevgenii [Church — with a note: the work of exiles: postcard of the edition of the Community of St. Eugenia]. Saint Petersburg. 1900—1904. (In Russ.).

27. Tserkov' pri stantsii Tatarskoy [Church at Tatarskaya station] // Putevoditel' po Sibirskoy Velikoy zheleznoy doroge. Guide to the Siberian Great Railway / Ed by A. I. Dmitriyev-Mamonov, A. F. Zdzaryskiy. Saint Petersburg, 1900. P. 142. (In Russ.).

28. Vid Omska s kreposti [Omsk view from the fortress] // Amur, Vostochnaya Sibir', Zapadnaya Sibir' i Ural: fotoal'bom: v 5 t. The countries of the Amur, Eastern Siberia, Western Siberia and the Urals: photo album: in 5 vols. 1870. Vol. 4. P. 277—278. (In Russ.).

29. Voyennoye sobraniye i Upravleniye voinskogo nachal'nika s gauptvakhtoy. 1890-e gg. [Military Assembly and the Office of the Military Chief with the brig. 1890s.] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 10404. (In Russ.).

30. Kocheshev A. I. Plats voyennogo garnizona Omskoy kreposti [Platz of the Omsk fortress military garrison]. *Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré*. 1903. Déc., 13. P. 2. (In Fr.).

31. Soldaty na pristani [Soldiers on the wharf] // *Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré*. 1903. Déc., 13. P. 2. (In Fr.).

32. Smotr voysk [Troop review]. *Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré*. 1903. Déc., 13. P. 2. (In Fr.).

33. Voyennoplennyye na ochistke ulits, 1915—1917 [Prisoners on the street cleaning, 1915—1917] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 1047. (In Russ.).

34. Vid ot glavnogo zdania lagerya voennoplennih. Otkrytka izd. Comité International de la Croix Rouge [View from the main building of the POW camp: postcard from the Comité International de la Croix Rouge]. Genève. 1914—1917. (In Fr.).

35. Zhenskaya gimnaziya nachalo XX v. [Women's gymnasium of the early twentieth century] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 13698. (In Russ.).

36. Muzhskaya gimnaziya: otkrytka izd. D. P. Yefimova [Men's gymnasium: postcard published by D. P. Efimov]. Moscow, 1903. (In Russ.).

37. Tsekha i masterskiye Tekhnicheskogo uchilishcha v Omske. Ogranka i liteynyy tsekh, 1910-e [Plants and workshops

of the Technical school in Omsk. Faceting and foundry, 1910s] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 6400 (In Russ.).

38. Gotovaya produktsiya zavoda S. Kh. Randrupa [1910]; V liteynom tsekhu zavoda S. Kh. Randrupa [1910]; Zavod S. Kh. Randrupa [1911]; Kontora S. Kh. Randrupa na Butyrskoy [1911—1912] [Finished products of S. Kh. Randrup's plant [1910]; In the foundry of S. Kh. Randrup's plant [1910]; S. Kh. Randrup's plant [1911]; S. Kh. Randrup's office at Butyrskaya [1911—1912] // Plovmanden. Soren Revsgaard Randrup en dansk forretningsmand i Sibirien i begyndelsen af det 20 Arhundrede / P. Nielsen, A. Kiseljov. Forlaget Ravnerock, 2019. P. 116—117. (In Danish).

39. Vid na kadetskiy korpus s Atamanskoy ulitsy, 1913 [Cadet Corps' view from Atamanskaya Street, 1913] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 710. (In Russ.).

40. Vid na kadetskiy korpus: otkrytka Vsemirnogo pochtovogo soyuza [Cadet Corps' view: postcard of the Universal Postal Union]. 1902. (In Russ.).

41. Kadetskii korpus. Otkrytka izdania Obschiny Sv. Evgenii [Cadet Corps: postcard of the St. Eugenia Community publication]. Saint Petersburg, 1900—1904. (In Russ.).

42. Kupaniye kadetov v Irtyshe, 1913 [Cadets' bathing in Irtysh, 1913] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 7079. (In Russ.).

43. Thomas Allen. The boys of Siberia // St. Nicholas. 1898. Dec. 26. P. 2. (In Engl.).

44. IAOO [HAOR]. File: 115/1/102/8. (In Russ.).

45. Passazhirskoye zdaniye na stantsii Omsk [Passenger building at Omsk station] // *Moskovskiy Listok, Pribavleniye k No. 362 ot 30 dekabrya 1901 g. Moscow leaflet, addendum to No. 362 of December 30, 1901*. (In Russ.).

46. Omskiy vokzal «Privet iz Omska!»: otkrytka izdatel'stva V. G. Mart'yanova [Omsk railway station 'Greetings from Omsk!': postcard by V. G. Martyanov's publishing house]. 1911. (In Russ.).

47. Stantsiya «Omsk» [Station «Omsk»] // *Le Genie Civil*. 1899. 21 January. No. 867. P. 1. (In Fr.).

48. Bereg Irtysha bliz Zagorodnoy roshchi: otkrytka izdaniya Obshchiny Sv. Yevgenii [Irtysh bank near Zagorodnaya Grove: a postcard of the St. Eugenia Community publication]. Saint Petersburg, 1900—1904. (In Russ.).

49. Obshchiy vid s reki Om': otkrytka izdaniya D. P. Yefimova [General view from the Om River: postcard edition by D. P. Efimov]. Moscow. 1900—1904. (In Russ.).

50. Vid na tsentr goroda s ustia Omi [View of the city centre from the mouth of the Omi River] // *De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie occidentale. Impressions de voyage d'une parisienne / Marie de Ujfalvy-Bourdon*. Paris, 1880. P. 447. (In Fr.).

51. Vremennaya vetka po Idu Irtisha [Temporary branch line on the Irtysh ice]. *The Engineer*. 1897. June 4. P. 606. (In Engl.).

52. Om' zimoy [konets XIX—nachalo XX vv.] [Om in winter [late XIX—early XX cc.]] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 9677. (In Russ.).

53. Most cherez Irtish [Bridge over Irtysh] // Putevoditel' po Velikoy Sibirskoy zheleznoy doroge. *Guide to the Siberian Great Railway* / Ed by A. I. Dmitriyev-Mamonov, A. F. Zdzaryskiy. Saint Petersburg, 1900. P. 126. (In Russ.).

54. Parokhod «Tobol'sk» u Zheleznoy mosta cherez Om', 1904 [Steamship «Tobolsk» at the Iron Bridge over Om, 1904] // Omskiy gosudarstvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey. *Omsk State Museum of History and Local Lore*. File: 15175. (In Russ.).

55. Most cherez Om': otkrytka izdatel'stva S. Savel'yeva [Bridge over Om: postcard of the S. Saveliev publishing house]. 1910. (In Russ.).

56. Pont sur l'Irtich. *Le Bon citoyen de Tarare et du Rhône. Supplément littéraire illustré*. 1903. Dec. 13. P. 3. (In Fr.).

57. Pochtovaya ploshchad': otkrytka izdatel'stva S. Savel'yeva [Postal square: postcard of the publishing house S. Saveliev]. 1910. (In Russ.).

58. Pochtovoye upravleniye: otkrytka izdaniya D. P. Yefimova [Post office: postcard edition by D. P. Efimov]. Moscow, 1903. (In Russ.).

59. Pochtovo-telegrafnaya kontora: otkrytka izdaniya Obshchiny Sv. Yevgenii [Postal and telegraph office: postcard of the St. Eugenia Community edition]. Saint Peterburg, 1900–1904. (In Russ.).

60. Antonov A. A. Panorama territorii i pavil'onov vystavki, vid s verkhney tochki [1911] [Panorama of the territory and pavilions of the exhibition viewed from the top [1911] // *Pervaya Zapadno-Sibirskaya sel'skokhozyaystvennaya, lesnaya i torgovo-promyshlennaya vystavka: fotoal'bom*. [First West Siberian agricultural, forestry and trade and industrial exhibition: photo album]. URL: <https://www.loc.gov/item/2018692274>. (accessed: 01.09.2024). (In Russ.).

61. Antonov A. A. Vorota k lesnomy pavilyony [1911] [Gate to the forest pavilion [1911] // *Pervaya Zapadno-Sibirskaya sel'skokhozyaystvennaya, lesnaya i torgovo-promyshlennaya vystavka: fotoal'bom*. [First West Siberian agricultural, forestry

and trade and industrial exhibition: photo album]. URL: <https://hdl.loc.gov/loc.gdc/gdclccn.2018692277> (accessed: 01.09.2024). (In Russ.).

CHIKANOVA Natalya Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Philosophy and History Department, Siberian State Automobile and Highway University, Omsk.

SPIN-code: 8556-5040

AuthorID (RSCI):1051392

ORCID: 0009-0007-0083-4434

Correspondence address: n-chikanova@mail.ru

For citations

Chikanova N. A. Pre-revolutionary image of Omsk: photoanalytical reconstruction. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 49–57. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-49-57. EDN: WWHHAZ.

Received September 10, 2024.

© N. A. Chikanova

ДЕТИ «ЛИШЕНЦЕВ» СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (НА ПРИМЕРЕ РАЙОНОВ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья посвящена не изученному в полной мере аспекту региональной общественно-политической истории, который связан с восстановлением советских граждан в избирательных правах. Акцент сделан на одной из самых массовых групп социально-дискриминированных, а именно на детях «лишенцев». Новизну исследования определило наличие исследовательских лакун, которое закрывается через обращение к неопубликованным источникам. Теоретическую основу исследования составило сочетание антропологического и системного подходов, статистического и биографического методов, а также стихийной социологической выборки. Это позволило достигнуть цели исследования реконструировать стратегии детей «лишенцев» при подаче ходатайств в избирательные комиссии.

Ключевые слова: советское общество, сталинизм, «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, молодежь, избирательное право.

Постановка проблемы. Конституция РСФСР 1918 г. стала важной вехой в истории раннего советского права, узаконив структуру государственного и социального устройства и утвердив представления большевиков о будущем страны. Это стало отправной точкой для самой массовой социально-правовой дискриминации в его истории. Лозунг «Не трудящийся да не ест» [1, с. 24], провозглашенный в 18 статье Конституции, имел глубокие и долговременные последствия для жизни тех, кто, по мнению советского руководства, не вписывался в состав «трудящихся». Перечень «неблагоприятных» лиц был отражен в 65-й статье Конституции в виде 7 категорий лиц, лишенных избирательных прав¹. Кроме того, статья 23 предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции» [1, с. 24]. Широкие и неточные формулировки категорий «лишенцев» создавали условия для произвольного их толкования местными органами власти.

Правовой статус невозможно описать без упоминания множественных сопутствующих для «лишенцев» ограничений. Десятки дискриминаций в разных сферах, многие из которых не были законодательно установленными, создавали различные тяжелые условия в жизни «лишенцев». Число ограничений достигло максимума к концу 1920-х гг. Росло и число «лишенцев»: с 1 040 894 чел. в 1926 г. до 3 716 855 чел. в 1929 г. [2, с. 15]. Это связывалось и с ужесточением самой кампании, и с появлением

новых категорий (административно-ссылные, бывшие белые офицеры) [3–4].

Однако самый масштабный эффект на кампанию «лишенчества» оказало появление категорий членов семей лиц, лишенных избирательных прав. Впервые она появилась в 18 статье инструкции о выборах в Советы 1925 г., пункт «д» которой утверждал следующую формулу: «не считаются лишенными «члены семей лиц, лишенных избирательного права по п. п. «а», «б», «в» и «г» ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., если они материально не зависят от лиц, лишенных избирательных прав по своей профессии» [5]. Данная поправка фактически вносила стратификацию во внутрисемейные статусы родственников «лишенцев» (дети, супруги, внуки и др.), разделяя их по принципу зависимости от отсутствия или нахождения на иждивении у главы семьи. Учитывая многосемейный характер послереволюционной крестьянской семьи, когда под одной крышей могло уживаться несколько поколений, создается представление о масштабе вводимой выше дискриминации по наследственному признаку. Историк М. С. Саламатова отметила: «Категория членов семей, введенная инструкцией 1925 г., во второй половине 1920-х гг. в целом по стране и РСФСР оказалась самой многочисленной в группе сельских «лишенцев». Так, если в 1925–1926 гг. она составила 6,5 %, то в 1927 г. — 40,4, в 1929 г. — 47, в 1931 г. — 44,5 %» [6, с. 22].

В наиболее уязвимом положении оказывались сыновья и дочери «лишенцев», которые подверга-

лись наследственной дискриминации из-за статуса родителей. Историк А. Ю. Рожков в своей работе, посвященной жизненным мирам советской молодежи в 1920-х гг., выделял ряд последствий в повседневной жизни детей «лишенцев». Они могли подвергаться социальной изоляции в школе: «их не избирали в органы ученического самоуправления, не водили на групповые экскурсии, не позволяли им принимать участие в спортивных состязаниях» [7, с. 69]. Дискриминационный статус был и одной из причин девиаций молодежи.

Подросткам «лишенцам» были закрыты такие социальные лифты, как высшее образование и армия. Советская власть, провозгласившая равный доступ всех граждан к получению образования, рядом мер ограничила этот принцип. Приоритет при поступлении в вузы отдавался детям трудящихся или выпускникам рабфаков. В большинстве случаев образовательная дискриминация связывалась с произвольным толкованием положений избирательных инструкций местными органами власти. В целях предотвращения указанной практики Президиум ВЦИК 30 октября 1931 г. принял постановление «О запрещении государственным учреждениям требовать от граждан предоставления справки о наличии избирательных прав» [8, л. 175]. В указанном документе помимо прочих отмечались случаи, когда при поступлении в учебные заведения с абитуриентов требовали документы об их избирательном статусе и принимали решение, основываясь на наличии или отсутствии избирательных прав.

Запрет службы в Красной Армии являлся, в отличие от образовательной дискриминации, наиболее законодательно подкрепленным ограничением в жизни «лишенцев» и было впервые зафиксировано в Декрете СНК «О тыловом ополчении» спустя десять дней после принятия Конституции РСФСР 1918 г.: «Все граждане, не подлежащие призыву в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, в возрасте от 18 до 45 лет, подлежат призыву в тыловое ополчение» [9]. Лиц, лишенных избирательных прав, запрещалось зачислять в Красную Армию, поэтому, как следует из приведенной выдержки, на них возлагалась обязанность службы в специальных трудовых отрядах. Д. Д. Миненков отметил прямую зависимость идеи осуществления политики всеобщей трудовой политики с практикой создания тыловых ополчений [6, с. 10]. Большевики, нуждавшиеся в рабочей силе в условиях Гражданской войны, привлекали лиц, включенных в дискриминационные списки, к обслуживанию нужд Красной Армии в тылу, а после этого — к восстановлению разрушенного народного хозяйства [6, с. 13]. Первая статья «Закона об обязательной военной службе», принятого 18 сентября 1925 г., закрепляла принцип исключения возможности службы в Красной Армии для «лишенцев», заменяя ее «иными военными обязанностями» [10]. Лица, составлявшие тыловое ополчение, подвергались дополнительным ограничениям² и были лишены льгот, имевшихся у красноармейцев.

Ряд одновременно действовавших для «лишенческой» молодежи ограничений создавал вокруг нее атмосферу отчужденности, порождая настойчивое стремление восстановиться в избирательных правах. В настоящей статье анализируются стратегия детей «лишенцев» путем анализа поданных ими в избиркомы ходатайств о восстановлении в избирательных правах. Выбор аргументации в ходатайствах являлся личным выбором их авторов, поэтому,

на наш взгляд, для реконструкции процедуры восстановления в правах важно учитывать то, какую стратегию определяли авторы обращений, и могла ли она влиять на принятие окончательного решения о восстановлении в правах.

Основная часть. На протяжении почти четырех лет в советском законодательстве не существовало отдельных процедурных правил для восстановления в правах детей «лишенцев». С 1925 по 1930 гг. они восстанавливались в правах на общих с другими категориями условиях. Так, в избирательной инструкции 1925 г. фиксировался следующий порядок восстановления. «Лишенцы», желающие обрести права, должны были предоставить удостоверения о занимаемой должности и удостоверение совета или административных органов с информацией о том, что «указанные лица в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда» [12]. По Инструкции 1926 г. «лишенцам», желавшим добиться восстановления в избирательных правах, достаточно было прекратить прежнюю деятельность, теперь необходимым условием снятия дискриминации становилось наличие 5-летнего занятия «производительным или общественно-полезным трудом» [13].

Постановление «Об устранении нарушений законодательства СССР» от 22 марта 1930 г. [14] создало для детей «лишенцев» отдельные правила для восстановления. Так, восстановиться в правах могли те, кто в 1925 г. достиг совершеннолетия и порвал всю связь с родителями. Ряд постановлений в дальнейшем дополнил этот пункт, но важным постановлением для детей «лишенцев» оказалось постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933. Это постановление утверждало следующий принцип: «Дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, так и вне ее, и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту их жительства при условии, если они занимаются общественно полезным трудом и добросовестно работают» [15]. Автоматически это правило распространялось на всех детей «лишенцев» вне зависимости от ссылки родителя.

В итоге молодые люди, имевшие статус «лишенца» в связи с нахождением на иждивении родителей, лишенных избирательных прав, для восстановления в избирательных правах должны были подать ходатайство в избирательные комиссии и доказать, во-первых, разрыв связи с родителями-лишенцами, а во-вторых, продемонстрировать лояльность советской власти в виде выполнения общественно-полезной работы.

Источниковую базу исследования составили личные дела «лишенцев» нескольких сельских районов, некогда входивших в состав Западной Сибири. Выбор для исследования именно сельских «лишенцев» не случаен. Крестьянская многодетная семья дает большой объем информации для исследования дискриминационной практики «лишенчества». Личные дела сельских «лишенцев» нередко превращались в многостраничные характеристики и справки на каждого члена семьи. В городах же, напротив, личные дела чаще представлены индивидуальными документами «лишенцев». Таким образом, ходатайства детей «лишенцев» представлены наиболее полно именно в фондах сельских районов.

Хронологические рамки исследования — период с появления категории членов семей лиц, лишенных избирательных прав, в 1925 г. до отмены категорией «лишенцев» в 1936 г. Имеет значение и то, что с началом ужесточения кампании «лишенчества» во второй половине 1920-х гг. усилился и поток подаваемых ходатайств в избирательные комиссии разных уровней.

Массив сведений для исследования был получен методом стихийной социологической выборки (что не подразумевает пол, возраст, социальный класс), что рационально использовать при разрозненном хранении массовых источников. Но следует учесть, что наш массив сведений — «выборка из выборки», поскольку местные комиссии составляли личные дела не на всех «лишенцев», а лишь на тех, кто подавал ходатайства о восстановлении. Итоговая исследовательская выборка включает в себя:

— 132 «лишенца» Искитимского района, или 16,7 % от общего количества личных дел «лишенцев» (790), представленных в фонде Исполнительного комитета Искитимского районного Совета депутатов трудящихся в Государственном архиве Новосибирской области (далее — ГАНО) [16];

— 113 «лишенцев» Кожевниковского района, или 16 % от общего количества личных дел «лишенцев» (707), представленных в фонде Исполнительного комитета Кожевниковского районного совета депутатов трудящихся в Государственном архиве Томской области (далее — ГАТО) [17];

— 103 «лишенец» Колпашевского района, или 18,5 % от общего количества личных дел «лишенцев» (557), представленных в фонде Исполнительного комитета Колпашевского районного совета депутатов трудящихся в ГАТО [18];

— 171 «лишенец» Маслянинского района, или 17,2 % от общего количества личных дел «лишенцев» (992), представленных в фонде Исполнительного комитета Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся в ГАНО [19].

Выбор указанных районов обусловлен рядом причин: во-первых, доступностью архивных ис-

точников, поскольку ходатайства в фондах указанных районов представлено наиболее полно и в лучшей сохранности, по сравнению с другими районами края. Во-вторых, интерес представляет социальный состав указанных районов — с одной стороны, они представляют собой типичные сельскохозяйственные районы с преобладанием аграрного сектора в экономике, что нашло отражение в структуре их населения, представленных в основном крестьянами. С другой стороны, особенно в 1930-е гг., в связи с политикой государства в деревне и индустриализацией региона существенно расширяется прослойка рабочих, занятых на производстве и шахтах.

Дети «лишенцев» были массово представлены в личных делах указанных районов, составляя большой процент от общего количества «лишенцев» (табл. 1). В сельских районах часто использовалась практика включения в списки «лишенцев» их детей. Наибольший процент в выборке составили дети «лишенцы» Маслянинского района (36,8 %), остальные районы представлены в примерно равной пропорции в реализации данной дискриминационной практики (17,5 %, 19,7 %, 21,2 % в Колпашевском, Кожевниковском и Искитимском районах соответственно).

Обращает на себя внимание, что дети в процентном соотношении занимали больше чем половину от общего числа лиц категории членов семей «лишенцев» (табл. 2). Так, дети составляли 51 %, 54,5 %, 58,5 % и 70,8 % в Искитимском, Колпашевском, Кожевниковском и Маслянинском районах соответственно, и это свидетельствует о том, что практика лишения избирательных прав иждивенцев, введенная в 1925 г., распространялась в первую очередь на молодых «лишенцев», находившихся на попечении своих родителей. Увеличенный процент детей «лишенцев» в Маслянинском районе объясняется, прежде всего, характерной чертой местных органов власти в указанном районе при ведении делопроизводства. Руководители Маслянинского райисполкома в целях упрощения и структуризации механизма

Таблица 1

Дети «лишенцев» в общем числе лиц,
лишенных избирательных прав в выборке по районам (чел., %)

Район	Кол-во «лишенцев» в выборке	Кол-во детей «лишенцев» в выборке	Процент детей «лишенцев» от общего числа «лишенцев» в районе
Искитимский	132	26	19,7 %
Кожевниковский	113	24	21,2 %
Колпашевский	103	18	17,5 %
Маслянинский	171	63	36,8 %

Таблица 2

Дети «лишенцев» в категории членов семей лиц,
лишенных избирательных прав в выборке по районам (чел., %)

Район	Кол-во членов семей «лишенцев» в выборке	Кол-во детей «лишенцев» в выборке	Процент детей «лишенцев» от общего числа «лишенцев» в районе
Искитимский	51	26	51 %
Кожевниковский	41	24	58,5 %
Колпашевский	33	18	54,5 %
Маслянинский	89	63	70,8 %

Стратегии детей «лишенцев» сельских районов Западной Сибири при подаче ходатайств о восстановлении в избирательных правах (1925–1936 гг.) (чел.)

№	Описание стратегии	Искитимский район	Кожевниковский район	Колпашевский район	Маслянинский район
1	Соглашались с лишением прав родителей, но не себя	11	15	14	40
2	Не соглашались с лишением прав себя и оправдывали родителей. Добивались только своего восстановления	2	4	3	5
3	Не соглашались с лишением прав себя и родителей. Добивались восстановления всей семьи	7	3	1	4
4	Считали лишение себя и родителей законными	6	2	0	14
ВСЕГО		26	24	18	63

составления личных дел чаще других стремились объединять ходатайства от «лишенцев» из одной семьи в одно дело, поэтому в выборке Маслянинского района наиболее ярко отразились традиционные многодетные крестьянские семьи.

Мотивация в любом ходатайстве определялась тем, согласен ли был автор с включением себя в список «лишенцев». Специфика ходатайств детей заключалась в описании связи с деятельностью родителей, которая и привела к дискриминации (использование наемной силы, сдача в аренду сельскохозяйственных машин, частная торговля, религиозная служба и пр.). Анализ ходатайств детей «лишенцев» позволил выделить четыре пункта данных заявителей в зависимости от применяемых ими стратегий при апелляции к власти (табл. 3).

Из табл. 3 следует, что самой распространенной стратегией в ходатайствах детей «лишенцев» являлось отрицание связи со своими родителями. Одним из главных аргументов для них являлся несовершеннолетний возраст на момент лишения прав родителей. «Лишенцы» первой группы ссылались на установки советской власти об отрыве молодежи от негативного влияния неблагонадежных родителей. Они писали, что по причине малолетства не имели «никакого понятия о хозяйстве, что такое хозяйство, и что оно из себя представляло» [20, л. 5]. В своих ходатайствах эти «лишенцы» чаще других писали о прекращении связей с родителями, об отдельном хозяйстве, подчеркивая, что разрыв произошел раньше включения в дискриминационные списки родителей. Так, например, М. И. Шатров писал в собственной жалобе следующее: «лишен я был избирательных прав как член семьи отца-кулака Шатрова Ивана, за проживание с ним до 1930 г. когда отец еще кулаком не был (отец окулачен весной 1933 г.). С 1930 г. с отцом я никакой связи не имею» [21, л. 33].

Понимая, что разрыв с родителями после дискриминации вызовет подозрения со стороны избирательных комиссий, дети «лишенцев» подчеркивали, что делали это не с корыстными целями, а для того, чтобы показать несогласие с действиями своих попечителей: «раздельный акт прошу считать[ь] действительным ибо раздел имущества сотцом ниемел никакой умышленой цели для раздробления хо-

зяйства а вызван семейной необходимостью» [22, л. 31–31 об.] (Здесь и далее сохранены орфография, пунктуация и стилистические особенности первоисточника. — А. К.).

Дети первой группы не только не защищали своих родителей, но и с помощью ярких языковых подчеркиваний демонстрировали разрыв с последними. И. Н. Краснов (Манохин) в своем ходатайстве написал: «правильно мой отец был сужден. В 1926 г. и приговорен к 7 годам лишения свободы. Связи я с ним с того времени ни какой не имею и даже он мне не известен с того время как его взяли» [23, л. 17–19]. Отец Д. Л. Коренькова был лишен прав за наем рабочей силы, сын же находил распространение характеристики «эксплуататора» на себя оскорбительным: «якобы я нахожус[ь] на иждивении моего отца и такое отношения меня оскорбляет, в том что как будто я в 22[летне]м возрасте не имею возможность к физическому труду» [24, л. 11]. Сын «эксплуататора наемной силы» Панов В. И. также эмоционально реагировал на лишение избирательных прав и связь с отцом: «слишком больно сознавать, что за своих родителей я должен страдать и мучиться» [25, л. 31–31а].

«Лишенцы» второй группы считали свое лишение незаконным и «неверным». В ходатайствах они могли оправдывать своих родителей и показывать их с лучшей стороны. «лишенцы» данной группы считали, что по причине малолетства не должны были быть лишены избирательных прав, но в защиту своих родителей приводят различные аргументы: отсутствие сельскохозяйственных машин и наемного труда или использование его только в случаях крайней необходимости. Однако важным отличием от следующей (третьей группы) является то, что стремились они к восстановлению в правах не родителей, а только себя. Г. В. Мячин в заявлении в Вороновский райисполком³ писал: «формально и по существу я в частности, и наша семья не имела ни каких оснований к лишению нас прав голоса» [26, л. 24]. Однако в этом же ходатайстве просил только собственного восстановления в избирательных правах [26, л. 24 об.]. Повторное ходатайство Мячина подтверждало указанную стратегию [26, л. 33].

Третья группа представлена «лишенцами», в чьих ходатайствах отражается верность своим ро-

Восстановление детей «лишенцев» выборки в избирательных правах (чел., %)

Район	Количество детей «лишенцев» в выборке	Количество восстановленных детей «лишенцев»	Процент восстановленных детей «лишенцев»
Искитимский	26	11	42,3 %
Кожевниковский	24	8	33,3 %
Колпашевский	18	7	38,9 %
Маслянинский	63	9	14,3 %
ВСЕГО	131	35	26,7 %

дителям: они считали, что последних лишили прав незаконно и всячески оправдывали их. Они писали жизнеописания своих родителей, чтобы показать, что те вели честную жизнь. Эта группа «лишенцев» считает, что они и их родители были лишены незаконно «по личным счетам», «по ложным материалам» и т.д. Так, И. В. Елькин в своем ходатайстве отрицал принадлежность отца к «эксплуататорам» и писал, что сельский Совет за наемных рабочих принял сожительницу брата и племянника [27, л. 11]. И. С. Евсеев, сын торговца и «эксплуататора наемного труда», отрицал обвинения против отца и явно не отделял себя от хозяйства родителя: «но нужно сказать, хотя наше хозяйство было и жилищное, но мы не применяли наемного труда, а своими силами вели свое трудовое хозяйство» [28, л. 25].

С одной стороны, выбор указанной стратегии не случаен. Дети могли рассчитывать на исключение из дискриминационных списков после восстановления родителей, стараясь создавать благоприятный образ последних в апелляциях. С другой стороны, «лишенцы» могли искренне считать такую стратегию недостойной собственной семьи и добавились восстановления для всех. Малочисленность использования данной стратегии показывает, что «лишенцы» редко стремились показать связь с родителями, боясь дальнейшей дискриминации, предпочитая использовать стратегии, указанные нами выше.

Дети-«лишенцы» четвертой группы считали лишение прав себя и родителей законным. Вместе с этим они стремились добиться восстановления в избирательных правах, отразив в своих ходатайствах личное добросовестное отношение к советской власти. В отличие от других групп ее представители не спорили с решением избирательной комиссии, у них были иные аргументы: служба в тыловом ополчении, общественные работы, трудовые премии и поощрения и пр. Интерес представляет случай семьи Ковалевых. Две сестры и брат, лишённые избирательных прав вместе с главой семьи, обратились в избирательную комиссию, чтобы добиться восстановления, и их основной тактикой была опора на будущее и собственные заслуги. А. М. Ковалева писала: «я в настоящее время ополитарилась на 100 % и желаю при восстановлении в правах вступить в колхоз и работать по-стахановски» [29, л. 2]. Характерно, что ее брат и сестра также использовали такие фразы в ходатайствах [29, л. 3; л. 5].

Разделение детей «лишенцев» на указанные выше группы носит условный характер, поскольку так или иначе все дети «лишенцев» стремились добиться своего восстановления в правах, поэтому

подбирали те аргументы, которые помогли бы им в этом. Тем не менее приведенные нами данные отражают прямую степень воздействия социально-правовой дискриминации на институт семьи. Большинство детей-«лишенцев», стремясь восстановиться в избирательных правах, выбирали путь отказа от семьи, ведь только такой способ, по их мнению, мог сделать возможным их нахождение в советском социуме.

Кроме того, дети «лишенцев» нередко использовали вместе с одной из упомянутых стратегий аргументацию демонстрации лояльности советской власти. Приведем лишь некоторые цитаты, в которых подчеркивалось отношение детей «лишенцев» к советскому государству: «социалистически перевоспитался не хочу быть противником нашему социалистическому строительству» [30, л. 45 об.], «работая честно, точно как требует партия большевиков, и еще больше буду стараться работать и хочу быть строительницей социализма нашей советской страны» [31, л. 9], «вредительством не занимался, шел на встречу государству» [32, л. 8 об.], «я в призывном возрасте и хочу поступить в ряды Красной Армии для того, чтобы на деле доказать свое сочувствие строительству социализма» [33, л. 9 об.]. Нередко «лишенцы» старались «переакцентировать» внимание избирательных комиссий на собственные трудовые заслуги. Так, В. И. Дягилев центральной темой собственного ходатайства выбрал работу в Агролесе: «за свою добросовестную работу при Краевом Питомнике был выдвинут в 1934 г. в качества бригадира. И осенью 1934 г. был премирован и проведен в ударники в 1933 г. тоже был премирован и 1935 г.» [34, л. 2–3].

В нашей выборке восстановления в избирательных правах достигло 35 «лишенцев», или 26,7 % от общего количества детей «лишенцев» в выборке (табл. 4). Но вопрос об успешности той или иной стратегии, употребляемой в ходатайствах «лишенцев», является сложным. Во-первых, на принятие решения о восстановлении в правах влияло множество факторов: документально подтвержденные аргументы «лишенцев», приоритеты государственной социальной политики и эффективность разбора ходатайств «лишенцев» местными органами власти. Во-вторых, делопроизводство советов и избирательных комиссий являлось хаотичным, не всегда их решения содержали обоснования восстановления в правах, что не дает нам возможность с точностью говорить об эффективности стратегий «лишенцев». В случаях, когда избирательные комиссии указывали причину восстановления, они ссылались на разрыв с семьей и трудовые заслуги перед государством: «[ранее] находился на иждивении отца

и работает в настоящее время общепользным трудом. Социально элемент неопасный» [35, л. 7], «принимая внимание, что Бархатов лишен как иждивенец, занимается общественно-полезным трудом, руководствуясь ст. 38 Инструкции ВЦИК в ходатайстве удовлетворить, т.е. в избирательных правах восстановить» [36, л. 2].

Выводы и дискуссия. Следует согласиться с М. С. Саламатовой, исследовавшей категории городских «лишенцев»: «Гуманная по тем временам мера преследовала, однако, сугубо прагматическую цель — внести раскол между поколениями. Большевики, считая, что старшее поколение перевоспитать уже не удастся, давали шанс молодежи. В результате многие дети «лишенцев» в Новосибирске постарались разорвать все отношения и связи с родителями» [37, с. 15]. Это подтверждают аналогичные примеры, связанные с Западной Сибирью, в частности — с Омском [38, с. 1248]. Прямым следствием кампании «лишенчества» являлось разрушение института семьи. Тем более это справедливо в отношении семей сельских «лишенцев», детям которых предстояло совершать трудный моральный выбор: сохранить верность родителям либо отречься от них, но взамен перестать считаться «чуждым элементом» в раннем советском социуме. В своей основе случаи лишения прав детей часто представлялись абсурдными. Они должны были оправдываться за «деяния» родителей, находясь в детском и подростковом возрасте в момент лишения отца и матери избирательных прав. С позиции же институтов власти «лишенчество» выполняло важную функцию, реальной целью которой выступало устрашение одних и дисциплинарное воспитание других членов постреволюционного общества. С одной стороны, сопутствующие ограничения, безнаказанность местных избирательных комиссий, моральная сторона наличия дискриминационного статуса вынуждали «лишенцев» усваивать социальные нормы, декларируемые советским руководством. С другой стороны, десятки сопутствующих ограничений и тяжесть статуса «лишенца» принуждали молодое поколение к отклоняющемуся и девиационному поведению.

Примечания

¹ В 65 статье Конституции РСФСР 1918 г. были указаны следующие категории лиц, лишенных права принимать участие в выборах: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». См.: Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 г. [1, с. 24].

² Так, с 1925 г. лица, зачисленные в ряды тылового ополчения, обязаны были ежегодно выплачивать специальный военный налог [11].

³ До 1930 г. Вороновский район являлся отдельной административной единицей. 20 июня 1930 г. был упразднен и вошел в состав вновь созданного Кожевниковского района.

Список источников

1. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.
2. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–конец 1930-х годов). Новосибирск: [б. и.], 1998. 91 с.
3. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1922. № 51. Ст. 646.
4. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, Ст. 15, п. «к».
5. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1925. № 79. Ст. 603.
6. Красильников С. А., Пыстина Л. И., Саламатова М. С. [и др.]. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. 2-е изд. Новосибирск: ИД Сова, 2007. 551 с.
7. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 2425.
9. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1917–1918. № 54. Ст. 604.
10. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1925. № 62. Ст. 463.
11. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1925. № 76. Ст. 76.
12. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 17.
13. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 19.
14. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1930. № 19. Ст. 212.
15. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1931. № 44. Ст. 117.
16. ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1. Исполнительный комитет Искитимского районного Совета депутатов трудящихся.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-791. Оп. 1. Кожевниковский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
18. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Колпашевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
19. ГАО. Ф. Р-449. Оп. 1. Исполнительный комитет Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся.
20. ГАО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 414.
21. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 299.
22. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 100.
23. ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 386.
24. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 42.
25. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 316.
26. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 184.
27. ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 220.
28. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 72.
29. ГАТО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 414.
30. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 102.
31. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 296.
32. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 6.
33. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 309.
34. ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 218.
35. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 44.
36. ГАО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 41.
37. Саламатова М. С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы: сб. ст. молодых историков. Москва: Звенья, 1996. С. 9–23.

38. Петин Д. И. «Вполне подчинялся требованиям властей и условиям ...». Вехи биографии военного юриста генерал-майора Н. М. Сеницкого // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1241 – 1254. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-1241-1254. EDN: NTUFQY.

КОЖАЕВА Альбина Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории, ассистент кафедры истории культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск.

SPIN-код: 4796-4965

AuthorID (РИНЦ): 1116041

ORCID: 0000-0003-2745-1365

ResearcherID: JJE-7957-2023

Адрес для переписки: a.kozhaeva18@mail.ru

Для цитирования

Кожеева А. А. Дети «лишенцев» сельских районов Западной Сибири в борьбе за восстановление в избирательных правах (на примере районов Новосибирской и Томской областей) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 58 – 66. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-58-66. EDN: WUOSMZ.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024 г.

© А. А. Кожеева

CHILDREN OF PERSONS DEPRIVED OF VOTING RIGHTS IN RURAL AREAS OF WESTERN SIBERIA DURING THE PROCESS OF RESTORING VOTING RIGHTS (ON THE EXAMPLE OF THE DISTRICTS OF NOVOSIBIRSK AND TOMSK REGIONS)

The Constitution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic adopted on July 10, 1918 at the V All-Russian Congress of Soviets, defined seven categories of persons who were denied voting rights. Over time, however, the campaign of deprivation of voting right became more stringent and expanded due to the appearance of new categories. This article focuses on the analysis of petitions for the restoration of rights for one of the most prevalent groups of socially disadvantaged people, namely, the children of individuals denied voting rights. The study uses archival documents from four rural regions in Western Siberia as a basis. Using a range of ego documents, the strategies employed by children of the persons deprived of voting rights in their petitions. These strategies can be divided into four groups based on their approach: 1) children who refused to communicate with their parents; 2) children who justified their parents' actions but don't support them; 3) children who actively defended their parents; 4) children who considered discrimination against their entire family to be justified. The author of the article highlights the significant role of labor descriptions and loyalty demonstrations towards the Soviet government in petitions submitted by children of persons deprived of voting rights.

Keywords: Soviet society, Stalinism, persons deprived of voting rights, social and legal discrimination, marginality, youth, suffrage.

References

1. Konstitutsii i konstitutsionnyye akty RSFSR (1918–1937) [Constitutions and Constitutional Acts of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (1918–1937)]. Moscow, 1940. 298 p. (In Russ.).
2. Krasil'nikov S. A. Na izlomakh sotsial'noy struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiyskom obshchestve (1917–konets 1930-kh godov) [On the fractures of the social structure: marginals in post-revolutionary Russian society (1917–late 1930s)]. Novosibirsk, 1998. 91 p. (In Russ.).
3. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1922. No. 51. Art. 646. (In Russ.).
4. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1926. No. 75. Art. 577. Ch. II, Art. 15, point «к». (In Russ.).
5. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1925. No. 79. Art. 603. (In Russ.).
6. Krasil'nikov S. A., Pystina L. I., Salamatova M. S. [et al.]. Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody) [Marginals in society. Marginals as a society. Siberia 1920–1930s] / ed. by S. A. Krasil'nikov. Moscow, 2007. 551 p. (In Russ.).
7. Rozhkov A. Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [In the circle of peers: the life of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, 2014. 640 p. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk region (SANR)]. File: R-1347/1a/2425. (In Russ.).
9. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1917–1918. No. 54. Art. 604. (In Russ.).
10. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1925. No. 62. Art. 463. (In Russ.).
11. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1925. No. 76. Art. 76. (In Russ.).

12. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1925. No. 79. Art. 603. Ch. III, Art. 17. (In Russ.).

13. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1926. No. 75. Art. 577. Ch. II, Art. 19. (In Russ.).

14. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1930. No. 19. Art. 212. (In Russ.).

15. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1931. No. 44. Art. 117. (In Russ.).

16. GANO [SANR]. File: R-437/1. Ispolnitel'nyy komitet Iskitimskogo rayonnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya (Executive Committee of the Iskitimsky District Council of Workers Deputies). (In Russ.).

17. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO) [State Archive of the Tomsk Region (SATR)]. File: R-791/1. Kozhevnikovskiy rayonnyy sovet deputatov trudyashchikhsya i ego ispolnitel'nyy komitet (Kozhevnikovskiy District Council of Workers' Deputies and its Executive Committee). (In Russ.).

18. GATO [SATR]. File: R-641/3. Kolpashevskiy rayonnyy sovet deputatov trudyashchikhsya i ego ispolnitel'nyy komitet (Kolpashevskiy District Council of Workers' Deputies and its Executive Committee). (In Russ.).

19. GANO [SANR]. File: R-449/1. Ispolnitel'nyy komitet Maslyaninskogo rayonnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya (Executive Committee of the Maslyaninskiy District Council of Workers' Deputies). (In Russ.).

20. GANO [SANR]. File: R-449/1/414. (In Russ.).

21. GATO [SATR]. File: R-641/3/299. (In Russ.).

22. GATO [SATR]. File: R-791/1/100. (In Russ.).

23. GANO [SANR]. File: R-437/1/386. (In Russ.).

24. GATO [SATR]. File: R-791/1/42. (In Russ.).

25. GATO [SATR]. File: R-641/3/316. (In Russ.).

26. GATO [SATR]. File: R-791/1/184. (In Russ.).

27. GANO [SANR]. File: R-437/1/220. (In Russ.).

28. GATO [SATR]. File: R-791/1/72. (In Russ.).

29. GATO [SATR]. File: R-791/1/414. (In Russ.).

30. GATO [SATR]. File: R-791/1/102. (In Russ.).

31. GATO [SATR]. File: R-641/3/296. (In Russ.).

32. GATO [SATR]. File: R-791/1/6. (In Russ.).

33. GATO [SATR]. File: R-641/3/309. (In Russ.).

34. GANO [SANR]. File: R-437/1/218. (In Russ.).

35. GATO [SATR]. File: R-791/1/44. (In Russ.).

36. GANO [SANR]. File: R-437/1/41. (In Russ.).

37. Salamatova M. S. Lisheniye izbiratel'nykh prav v Novosibirsk v 1927–1936 gg. [Deprivation of voting rights in Novosibirsk in 1927–1936] // Korn'i travy [The Grass Roots]. Moscow, 1996. P. 9–23. (In Russ.).

38. Petin D. I. «Vpolne podchinyalsya trebovaniyam vlastey i usloviyam...». Vekhi biografii voyennogo yurista general-mayora N. M. Senitskogo [«Pretty much obeyed all requirements of the authorities and the circumstances...»: milestones in the biography of the law officer, general-major N. M. Senitsky]. Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2020. No. 4. P. 1241–1254. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-1241-1254. EDN: NTUFQY. (In Russ.).

KOZHAEVA Albina Alekseevna, Graduate Student of the National History Department, Assistant of the History, Culture and Arts Department of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk.

SPIN-code: 4796-4965

AuthorID (RSCI): 1116041

ORCID: 0000-0003-2745-1365

ResearcherID: JJE-7957-2023

Correspondence address: a.kozhaeva18@mail.ru

For citations

Kozhaeva A. A. Children of persons deprived of voting rights in rural areas of Western Siberia during the process of restoring voting rights (on the example of the districts of Novosibirsk and Tomsk regions). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 58–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-58-66. EDN: WUOSMZ.

Received November 07, 2024.

© A. A. Kozhaeva

¹Приморский культурно-исторический центр
(Исторический парк
«Россия — Моя история»),
г. Владивосток

²Институт истории, археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока
Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
г. Владивосток

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПРЕССА О ПОГРАНИЧНОМ КОНФЛИКТЕ НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКИЙ В 1969 г.

Статья посвящена восприятию советско-китайского конфликта на острове Даманский в 1969 г., а также международных отношений СССР и КНР в этот период представителями русского зарубежья. Обозначенный вопрос не был в достаточной степени освещен в историографии. Авторы проанализировали публикации крупных эмигрантских изданий различной политической окраски, выходивших в XX в. на разных континентах. Теоретической основой исследования стало сочетание институционального подхода и проблемного метода. Анализ данных источников позволил выявить широкий спектр мнений о развивавшемся советско-китайском конфликте среди сторонников разных общественно-политических взглядов в русском зарубежье — монархистов, либеральных демократов и просоветски настроенных эмигрантов.

Ключевые слова: историческая имагология, русская эмиграция, русская эмигрантская пресса, Китай, США, СССР, Даманский.

Постановка проблемы. Представители русского зарубежья на протяжении XX в. не только внесли значительный вклад в развитие мировой культуры, но и оказывали влияние на формирование имиджа России. Большую роль в данных процессах играла русскоязычная эмигрантская печать, которая образовала единое информационное пространство. На протяжении «холодной войны» русские журналисты в разных странах мира, в большинстве стоявшие на антикоммунистических позициях, переживали о судьбе покинутой Родины и остро реагировали на события внутренней и внешней политики СССР. Советско-китайский конфликт на острове Даманский в 1969 г. и последовавшее ухудшение отношений двух коммунистических государств не могли не встревожить представителей русского зарубежья. При этом точки зрения эмигрантов на данный конфликт значительно отличались от нарративов западной пропаганды.

Взгляды журналистов русского зарубежья, многие из которых были свидетелями или непосредственными участниками событий Октябрьской революции и Гражданской войны в России, а также Первой и Второй мировых войн, могут быть интересны современным исследователям. К тому же в настоящее время в условиях противостояния России и стран западного блока особенно важно изучать процессы формирования имиджа Отечества, в которых не последнюю роль играют соотечественники за рубежом.

Цель данной статьи — проанализировать, как менялось восприятие конфликта на острове Даманский в 1969 г. представителями русского зарубежья в контексте международных отношений СССР и КНР.

Данному военному столкновению Советского Союза и Китая, а также истории взаимоотношений двух коммунистических держав в XX в. посвящены труды исследователей [1–7], затрагивающие, в том числе, современную культурную рефлексию в России [8]. Между тем вопрос оценки представителями русского зарубежья советско-китайского пограничного конфликта 1969 г. не рассматривался академическими специалистами.

Основными источниками для данного исследования послужили публикации в крупных русских изданиях, выходивших в США, Франции и Аргентине. К 1969 г. в этих странах проживали представители разных волн и групп эмиграции — выходцы из императорской России, покинувшие Родину как в конце XIX — начале XX вв., так и после Октябрьской революции 1917 г., а также послевоенные эмигранты и лица, оказавшиеся за рубежом в более поздний период. Следует учесть, что с конца 1960-х гг. из СССР уезжала творческая интеллигенция и участники диссидентского движения, отправлявшиеся в дальнейшем в США (где после Второй мировой войны сложился крупный центр русского зарубежья), в страны Европы и в Израиль. К 1969 г. представители различных волн и групп эмиграции

на разных континентах выпускали русскоязычные издания. В целом для данного сообщества в большей степени были характерны антикоммунистические настроения, особенно в период «холодной войны», находившие отражение на страницах прессы.

В исследовании представлены взгляды разных политических течений русского зарубежья. Идеи консервативных монархических сил отражали газеты «Россия» (1933–1973 гг., Нью-Йорк) и «Наша страна» (с 1948 г. по настоящее время, Буэнос-Айрес), журналы «Знамя России» (1949–1981 гг., Нью-Йорк) и «Часовой» (1929–1988 гг., Париж, Брюссель). Газета «Русская жизнь» (с 1921 г. по настоящее время, Сан-Франциско) также тяготела к консервативной идеологии [9, К. 156, 256, 296]. Газеты «Новое русское слово» (1910–2010 гг., Нью-Йорк) и «Русская мысль» (1947–2008 гг., Париж) занимали либерально-демократические, а «Русский голос» (1907–вторая половина 1990-х гг., Нью-Йорк) — просоветские позиции. Авторам удалось проанализировать репрезентативную выборку вышедших в 1969 г. (порядка 40) публикаций, в которых значительное внимание уделялось конфликту на острове Даманский и переменам в отношениях СССР и КНР. Акцент в исследовании сделан на наиболее содержательных и информативных статьях.

Данные эмигрантские издания, освещающие международную обстановку, в значительной степени опирались на прессу СССР: цитировали газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красное Знамя», «Труд», «Молодая Гвардия», «Советская Россия», «Литературная газета»; журналы «Коммунист», «Звезда», «Знамя» и др. Практически в каждом эмигрантском издании существовали постоянные рубрики, в которых анализировались сведения, представленные советскими СМИ. Также журналисты эмиграции использовали сведения из международных информационных агентств, таких как Юнайтед Пресс Интернэшнл (США), Рейтер (Великобритания), ТАСС (СССР), Франс Пресс (Франция), Синьхуа (КНР) и др. Корреспонденты делали обзоры международной прессы — газет «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и «Вашингтон пост» (США), «Дэйли Мэйл» (Великобритания), «Монд» (Франция), «Жэньминь жибао» (КНР). Важным источником получения информации для редакций в 1969 г. являлись ведущие радиостанции стран мира, в том числе «Радио Москвы» (СССР) и «Радио Пекина» (КНР).

Основная часть. Заметное охлаждение взаимоотношений СССР и КНР наблюдалось с приходом к власти советского лидера Н. С. Хрущева. Негативную реакцию китайских коммунистов вызвало выступление Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. с докладом, в котором он развенчал культ личности И. В. Сталина, а также обозначил выбранный новым руководством СССР курс во внешней политике на мирное сосуществование с капиталистическим миром [10]. Советский Союз, стремясь избежать обострения отношений с западным блоком, пытался ограничить желание Китая получить ядерное оружие, что также отрицательно воспринималось китайским руководством. В 1960 г. по инициативе Н. С. Хрущева из Китая были отозваны советские специалисты, которые оказывали помощь в развитии экономики страны. В дальнейшем произошел практически полный разрыв отношений между коммунистическими партиями СССР и Китая. Еще с начала 1960-х гг. в КНР на официальном уровне (в частности, в прессе) все чаще вы-

сказывались претензии на «утраченные» Китаем территории после заключения «неравноправных» договоров с царской Россией (Айгунский, 1858 г. и Пекинский, 1860 г.) [11, с. 64].

Нарушения советской границы со стороны КНР с провокационными целями начали происходить с 1960 г., и в дальнейшем их интенсивность нарастала. Только за 1963 г. количество нарушений превысило 4 000, в которых принимало участие более 100 000 гражданских лиц и военнослужащих. После того, как в 1966 г. в КНР было принято постановление о великой пролетарской культурной революции, Мао Цзэдун развернул пропагандистскую кампанию, направленную не только на борьбу с внутренней оппозицией, но и против внешнего врага — СССР. Курс культурной революции напрямую повлиял на обострение пограничного противостояния. В 1966–1968 гг. инциденты на границе СССР и КНР становились все более ожесточенными. Нарушители использовали самодельное холодное оружие, имели место акты избиения китайскими военнослужащими своих собственных граждан с целью обвинения в этом советских пограничников [12, с. 17–22].

Во второй половине 1960-х гг. советская официальная печать, указывая на враждебное отношение китайского руководства к Советскому Союзу, старалась не развивать данную тему. Напротив, издания русского зарубежья пристально наблюдали за возрастающим напряжением в отношениях СССР и Китая. Антикоммунистические эмигрантские газеты и журналы с 1966 г. регулярно сообщали о том, как КНР и СССР обменивались негативными пропагандистскими выпадами. В отличие от советской прессы, игнорировавшей информацию о вооруженных столкновениях на советско-китайской границе, издания эмиграции регулярно размещали такого рода сведения [13, с. 2].

Несмотря на то, что во второй половине 1960-х гг. журналисты эмиграции держали в фокусе внимания отношения СССР и КНР, их первая реакция на боевое столкновение 2 марта 1969 г. в районе острова Даманский была запоздалой. Более подробные сведения о конфликте на границе появились в западных и эмигрантских изданиях только после пресс-конференции Министерства иностранных дел СССР 7 марта 1969 г., на которой впервые были обнародованы подробности случившегося [14, с. 356].

Наиболее оперативно отреагировала на происшествие ежедневная газета «Новое русское слово», сообщив 4 марта 1969 г. о «серьезном инциденте» в Приморье [15, с. 1]. Далее в статье от 8 марта редактор издания М. Е. Вейнбаум говорил о случившемся как о настоящей «битве на льду реки Уссури». Рассуждая об истоках конфликта, он опровергал утверждения прессы СССР об исключительно идеологических причинах советско-китайской напряженности. «Идеологический покров, которым и Москва, и Пекин прикрывали эту вражду, давно продырявлен, и всякому легко теперь видеть, что дело не в идеологии, а в личном соперничестве китайского полубога Мао Цзэ-дуна с советскими руководителями, в отказе советского правительства удовлетворить требование Мао Цзэ-дуна, предъявленное вскоре после смерти Сталина, о пересмотре рубежей <...>», — констатировал Вейнбаум [16, с. 3].

Антикоммунисты эмиграции во второй половине XX в. представляли обстановку на международной арене, опираясь на стереотипы о деспотической

природе советского режима и экспансионистских устремлениях руководства СССР во внешней политике. В то же время многие из этих журналистов, несмотря на негативное восприятие советской власти, считали КНР зачинщиком конфликта в 1969 г. Такая точка зрения в данный период фигурировала и в прессе СССР. М. Е. Вейнбаум, рассуждая о предпосылках «Уссурийской битвы», предполагал, что конфликт мог быть устроен Китаем, стремившимся поднять патриотический дух своего народа и укрепить международный престиж страны — «подчеркнуть перед всем миром, какой большой он забияка — <...> угрожает одновременно и Соединенным Штатам и Советскому Союзу» [17, с. 3].

Ряд эмигрантских газет написали о событиях на острове Даманский только во второй половине марта 1969 г., а журналы с периодичностью выхода раз в месяц («Часовой», «Знамя России») сообщили читателям о советско-китайском конфликте лишь в апреле 1969 г. Монархическая газета «Наша страна» впервые заговорила о происшествии в Приморье в небольшой статье от 25 марта. По мнению автора, причиной столкновения на Даманском могло быть стремление Китая вызвать в рабочей среде гнев против «провокации советских ренегатов-ревизионистов», а затем направить его на повышение производительности труда. Издание не стремились в этот период делать долгосрочных прогнозов об итогах конфликта, надеясь, что стороны смогут погасить возникшую напряженность: «Пошумят и перестанут <...>» [18, с. 4].

Уже спустя несколько дней в статье от 1 апреля авторы указанного издания, проанализировав сообщения СССР и Китая, говорили о советско-китайском столкновении 2 марта как о значимом инциденте — «настоящем сражении, с десятками убитых». По мнению журналиста А. Ростова, конфликт был спровоцирован КНР специально в период очередного Берлинского кризиса, когда советское правительство выступило против решения западных держав провести выборы президента ФРГ на территории Западного Берлина. Как считал автор, Китай этим инцидентом стремился затруднить Л. И. Брежневу созыв в Москве Международного совещания коммунистических и рабочих партий, на котором должны были присутствовать итальянские и французские коммунисты, ожидавшие снижения напряженности в отношениях КНР и СССР [19, с. 1].

Военные действия в районе острова Даманский, развернувшиеся 15 марта 1969 г., привлекли значительное внимание западных и эмигрантских СМИ. В первые дни после конфликта мировая пресса, а также эмигрантские издания пытались восстановить картину произошедшего на советско-китайской границе в условиях нехватки достоверных сведений. Дело в том, что первоначально СССР и КНР ограничивали поступление информации в государственные СМИ. В итоге русская зарубежная периодика, стараясь представить произошедшее, невольно публиковала искаженные факты. Газета «Новое русское слово» значительно преувеличивала масштабы конфликта 15 марта, заявляя, что в «настоящем сражении» в Приморье принимали участие не менее трех тысяч бойцов с каждой стороны. В действительности в инциденте на границе было задействовано не более 200 советских и около 500 китайских военнослужащих. Издание приписывало пограничникам КНР использование танков, в то время как именно советские

военные применили танки Т-62 и бронетранспортеры [20, с. 1].

«Новое русское слово» старалось представлять взгляды обеих противоборствующих сторон, цитируя публикации изданий СССР и КНР. Вслед за советской прессой газета в сообщениях в уважительном тоне говорила о советских пограничниках, погибших в ходе конфликта [21, с. 2].

После столкновения 15 марта на советско-китайской границе в эмигрантской прессе зазвучали опасения того, что пограничные конфликты перерастут в масштабную войну двух коммунистических держав. Данные прогнозы в этот период нередко встречались в материалах авторов из среды Белой эмиграции. Многие из этих людей, прошедших сквозь горнило мировых войн в XX в. и получивших в определенной степени психологически травмирующий опыт, осознавали, насколько разрушительными могут быть военные действия.

Звучали такие опасения и в монархическом журнале «Часовой», среди авторов которого были кадровые офицеры Русской императорской армии, опиравшиеся при анализе военных конфликтов в мире на личный боевой опыт. Журналисты этого издания сравнивали Мао Цзэдуна с завоевателем Чингисханом, представлявшим угрозу всему миру. Как считало издание, чтобы избежать эскалации конфликта, СССР необходимо было отказаться от идеологии коммунизма и изменить политический строй [22, с. 2]. Но встречались в среде монархической части эмиграции весной 1969 г. и другие мнения. Журнал «Знамя России» исключал возможность вступления СССР в кровопролитную войну с Китаем в условиях нестабильной внутривосточной обстановки [23, с. 9].

Авторы эмиграции, рассуждая об истоках советско-китайского противостояния, говорили о территориальных претензиях Китая к СССР. При этом многие журналисты, особенно представители Белой эмиграции, стояли на имперских позициях и выступали за сохранение территориальной целостности советского государства. Они говорили о Дальнем Востоке как о «русском крае», отвергали территориальные претензии Китая и предлагали советским дипломатам во время переговоров с КНР ссылаться на факты истории освоения царской Россией приморских земель [24, с. 3]. «Весь Дальний Восток является чисто русским краем, и отдать его Китаю значило бы то же, что отдать... русскую Западную Сибирь потомкам царя Кучума. Интересы России требуют отстаивания наших границ на Дальнем Востоке...» — заключала газета «Наша страна» [25, с. 2].

Значительное влияние на восприятие советско-китайского конфликта западным сообществом и русской эмиграцией оказали воспоминания о вводе войск стран Организации Варшавского Договора (ОВД) в 1968 г. в Чехословакию, положившем конец либеральным реформам «Пражской весны». Идеологическим обоснованием этого шага для СССР стала «доктрина Л. И. Брежнева» о коллективной ответственности за судьбу социализма в странах ОВД. Антикоммунисты эмиграции представляли противоречивые события в Чехословакии в августе 1968 г. односложно — как военное вторжение СССР на территорию «ослушавшегося» союзника. В дальнейшем журналисты, обсуждая советско-китайское столкновение в 1969 г., дискутировали о том, способен ли СССР применить доктрину Брежнева в отношении «братского» Китая [26, с. 3].

После весеннего таяния льда советские пограничники лишились доступа к острову Даманский, и с мая 1969 г. остров де-факто стал китайским. Если в советской прессе после 20 марта интерес к теме этого конфликта постепенно угасал, то эмигрантские издания на протяжении длительного отрезка времени (с апреля по октябрь 1969 г.), напротив, продолжали пристально наблюдать за взаимоотношениями КНР и СССР.

В этот период напряжение между двумя коммунистическими державами нарастало. Эмигрантские издания в мае—августе 1969 г. сообщали о сосредоточении на советско-китайской границе значительного воинского контингента и подготовке обеих стран к затяжному противостоянию. После сражения 13 августа 1969 г. на советско-китайской границе у озера Жаланашколь в западной прессе зазвучали голоса, предупреждавшие о перспективе ядерной войны между СССР и КНР, представлявшей угрозу для всего мира. В этом ключе монархическая газета «Россия», анализируя отношения трех колоссов геополитики — СССР, США и КНР — приходила к выводу, что Советский Союз в данном стратегическом «треугольнике» видел в качестве основного врага только Америку, и не собирался длительно враждовать с Китаем [27, с. 1].

Рассматривая советско-китайский конфликт, издания уделяли значительное внимание лидеру КНР Мао Цзэдуну, негативно характеризуя его политическую деятельность. Газета «Русская жизнь» в июне 1969 г. перепечатывала аналитическую статью из советской «Литературной газеты», обвинявшей главу Коммунистической партии Китая в лицемерии и называвшей его «двуликим Янусом». Как писал советский журналист, Мао Цзэдун клялся СССР в нерушимой дружбе, получая военную и экономическую помощь, но как только необходимость в поддержке исчезла, начал выстраивать активную политическую линию с США против Советского Союза [28, с. 3].

Кардинально отличалась от антикоммунистических изданий позиция просоветской газеты «Русский голос», поддерживавшей политику СССР. Издание, опасаясь возникновения масштабного конфликта между Советским Союзом и КНР, призывало эти «близкие по духу страны» преодолеть трагический раскол и вместе противостоять «хищным акулам империалистического Запада». Как считала газета, данный конфликт был политически выгоден Америке, которая могла теперь выполнить «миссию укрощения Китая» при помощи военной силы СССР. «Трудно и страшно себе представить возможность военного столкновения между Китаем и Советским Союзом, между которыми, как ни крути, гораздо больше общего, чем между, скажем Советским Союзом и Америкой <...> такое столкновение, если бы оно случилось, было бы не только величайшим несчастьем для всего коммунистического мира <...> По-моему, необходимо прекратить выносить мусор из собственной избы на смех и на радость врагам. Необходимы компромиссные и, может быть, весьма большие взаимные уступки ради интересов консолидации <...>», — писал журналист В. Муратов [29, с. 4].

Напряженность на советско-китайской границе начала спадать после встречи в сентябре 1969 г. в аэропорту Пекина председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина и премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая, в ходе которой удалось наме-

тить перспективы мирного диалога. Данную встречу и последующие переговоры, начавшиеся в Пекине в октябре 1969 г., издания русской эмиграции восприняли по-разному. Просоветски настроенный «Русский голос» с воодушевлением писал о восстановлении «крепких уз искренней революционной дружбы» между КНР и СССР. Газета «Россия» почитала начавшийся диалог подтверждением своей гипотезы о невозможности серьезного столкновения между двумя «красными гигантами». Издание в этот период прогнозировало, что урегулирование советско-китайского спора приведет к усилению влияния СССР на Ближнем Востоке и поспособствует замораживанию переговоров с США об ограничении ядерного вооружения [30, с. 1]. Ряд монархических изданий с сомнением отнеслись к перспективам восстановления мирного советско-китайского диалога [31, с. 2].

С октября 1969 г. внимание мировой и эмигрантской прессы постепенно переключилось с советско-китайского конфликта в направлении Ближнего Востока, где возобновились военные действия между Египтом и Израилем. Газета «Русская мысль» в этот период, хотя и называла отношения СССР и КНР «опасным пунктом советской внешней политики», в то же время считала возможность масштабной войны между этими странами маловероятной. По мнению обозревателя газеты, обе сверхдержавы не были готовы в военном отношении перейти от угроз к эскалации конфликта [32, с. 1].

Выводы и дискуссия. Проведенный анализ публикаций показывает, что в 1969 г. представители русского зарубежья, вне зависимости от политических взглядов, не были безучастны к судьбе покинутой Родины. Вооруженное столкновение в районе острова Даманский и резкое ухудшение отношений СССР и КНР заметно встревожило русских эмигрантов, опасавшихся начала более масштабного противостояния. При этом авторы эмигрантской прессы, находившиеся территориально далеко от места описываемых событий и не всегда использовавшие достоверную информацию, во второй половине 1960-х гг. интерпретировали международные шаги СССР и КНР со значительной долей искажения. Как результат, журналистам эмиграции при анализе советско-китайского конфликта в данных условиях не удавалось отразить более сложную реальность.

Авторы-антикоммунисты во многом воспринимали обстановку на международной арене сквозь призму антисоветской идеологии с опорой на стереотипы об экспансионистских устремлениях руководства СССР. В то же время представители Белой эмиграции, несмотря на негативное отношение к коммунизму, придерживались имперских позиций и призывали СССР сохранить территориальную целостность страны. Анализируя конфликт на острове Даманский, антикоммунисты опровергали утверждения советской прессы об исключительно идеологических причинах советско-китайской напряженности и говорили о территориальных претензиях Китая к СССР. На фоне антикоммунистических изданий выделялись публикации просоветской газеты «Русский голос», которая ратовала за возобновление дружественных отношений двух «красных гигантов» — СССР и Китая.

Проведенное исследование может быть в дальнейшем дополнено с привлечением более широкого круга источников — большего количества периодических изданий русского зарубежья, опублико-

ванных и неопубликованных эго-источников (мемуаров, дневников, эпистолярных трудов). Данное исследование является актуальным при изучении таких смежных направлений и тем, как, например, история международных отношений, межгосударственных конфликтов в период «холодной войны» и развития общественно-политической жизни русской эмиграции в XX в.

Список источников

1. Бутовский Б., Гайдук Н., Демидов П. [и др.]. Правда о событиях на острове Даманском / сост. Н. Гайдук. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1969. 215 с.
2. Рябушкин Д. С. Советско-китайский пограничный конфликт 1969 года. Казань: Бук, 2020. 282 с. ISBN 978-5-00118-468-3. EDN: EAEGLA.
3. Дорожкин А. Г., Переверзев В. В. Первые «Социалистические войны» в отражении советской периодической печати // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1. С. 236–253. EDN: OZMDAF.
4. Даманский излом. 45 лет пограничному конфликту на реке Уссури. 1969–2014: альбом / сост. А. П. Яковец. Владивосток: Русский остров, 2014. 120 с.
5. Шадрин Е. А. События марта 1969 года в районе острова Даманский в советской историографии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 41–42. С. 139–146. EDN: SWYUMF.
6. Логинов М. С. Советско-китайский пограничный конфликт в 1960-х гг. на острове Даманский: анализ ситуации и исторические последствия // Фундаментальная и прикладная наука. 2018. № 2 (10). С. 34–37. EDN: POAFHG.
7. Рябушкин Д. С. Спорные вопросы истории советско-китайского пограничного конфликта 1969 года // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (16). С. 16–25. DOI: 10.52170/2618-7949_2023_16_16. EDN: NDEODI.
8. Петин Д. И., Коновалова Н. А. «Даманский»: честь и доблесть // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 128. EDN: SEGBVT.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10143. Оп. 44. Кат. 8.
10. Шугайло Т. С. Образ Н. С. Хрущева в русской эмигрантской периодике в США (1953–1964 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 141–148. EDN: OODKNF.
11. Бажанов Е. П. Китай и внешний мир. Москва: Международные отношения, 1990. 351 с. EDN: SOHAOV.
12. Территориальные притязания Пекина: современность, история: сб. Москва: Политиздат, 1979. 255 с.
13. Новое столкновение между Красным Китаем и СССР // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1966. 29 октября.
14. Каменская Е. В. Пограничный конфликт на о. Даманском 1969 г.: образ события в советской прессе и его восприятие населением // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. Вып. 17. С. 354–370.
15. На советско-китайской границе произошел серьезный инцидент // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 4 марта.
16. Вейнбаум М. Советский Союз и Красный Китай // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 8 марта.

17. Вейнбаум М. Как осмыслить битву на Уссури? // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 12 марта.
18. По следам газетных строк // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1969. 25 марта.
19. Ростов А. На Родине // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1969. 1 апреля.
20. После инцидента на реке Уссури // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 19 марта.
21. Похороны жертв советско-китайского столкновения // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 25 марта.
22. Пора подумать, пока еще не поздно! // Часовой (Брюссель). 1969. Май.
23. В обстановке искусственной боевой тревоги // Знамя России (Нью-Йорк). 1969. Апрель.
24. Рычи, Китай! // Часовой (Брюссель). 1969. Апрель.
25. Ростов А. На Родине // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1969. 29 апреля.
26. Бондаренко В. Доктрина Брежнева в действии. // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1969. 21 марта.
27. Политический треугольник // Россия (Нью-Йорк). 1969. 10 сентября.
28. Кадатаскоттай А. Путь Мао к власти // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1969. 28 июня.
29. Муратов В. Коварные расчеты // Русский голос (Нью-Йорк). 1969. 3 июля.
30. Неисполнившиеся ожидания // Россия (Нью-Йорк). 1969. 17 октября.
31. В. О. Все о том же! // Часовой (Брюссель). 1969. Ноябрь.
32. Михалевский П. Опасные пункты // Русская мысль (Париж). 1969. 30 октября.

КУЛЕПАНОВА-ШУГАЙЛО Татьяна Сергеевна, лектор-экскурсовод АНО «Приморский культурно-исторический центр» (Исторический парк «Россия — Моя история»), г. Владивосток.

SPIN-код: 1207-8704

AuthorID (РИНЦ): 1257431

Адрес для переписки: gandy-t@rambler.ru

КУЛЕПАНОВ Руслан Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток.

SPIN-код: 5977-4794

AuthorID (РИНЦ): 1189726

Адрес для переписки: csword@mail.ru

Для цитирования

Кулепанова-Шугайло Т. С., Кулепанов Р. В. Русская эмигрантская пресса о пограничном конфликте на острове Даманский в 1969 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 67–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-67-73. EDN: BGTEMA.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024 г.

© Т. С. Кулепанова-Шугайло, Р. В. Кулепанов

¹Primorsky Cultural and Historical Center
(Historical Park «Russia – My History»),
Vladivostok, Russia

²Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Far Eastern Branch
of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

RUSSIAN EMIGRANT PRESS ABOUT THE BORDER CONFLICT ON DAMANSKY ISLAND IN 1969

The article is devoted to the perception of the Sino-Soviet conflict on Damansky Island in 1969, as well as international relations between the USSR and China during this period by representatives of the Russian diaspora. The indicated issue has not received due coverage in historiography. The authors have analyzed publications of major émigré press of various political colors published in the 20th century on different continents. The theoretical basis of the study is a combination of the institutional approach and the problematic method. The analysis of these sources made it possible to identify a wide range of opinions on the developing Sino-Soviet conflict among supporters of different socio-political views in the Russian diaspora — monarchists, liberal democrats and pro-Soviet émigrés. Anti-communists of the Russian diaspora viewed the foreign policy of the USSR through the prism of anti-Soviet ideology. Representatives of the White émigré community adhered to imperial views and called on the USSR leadership to preserve the territorial unity of the country. Position of the pro-Soviet newspaper «Russky Golos» stood out, advocating for the resumption of friendship between the USSR and the China.

Keywords: historical imagology, Russian émigrés, Russian émigré press, China, USA, USSR, Damansky.

References

1. Butovskiy B., Gayduk N., Demidov P. [et al.]. Pravda o sobytyakh na ostrove Damanskom [Truth about the events on Damansky Island] / composed by N. Gayduk. Vladivostok, 1969. 215 p. (In Russ.).
2. Ryabushkin D. S. Sovetsko-kitayskiy pogranichnyy konflikt 1969 goda [Soviet-Chinese border conflict of 1969]. Kazan, 2020. 282 p. ISBN 978-5-00118-468-3. EDN: EAEGLA. (In Russ.).
3. Dorozhkin A. G., Pereverzev V. V. Pervyye «Sotsialisticheskiye voyny» v otrazhenii sovetskoy periodicheskoy pechati [First «Socialist wars» in Soviet periodicals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury. Problems of History, Philology and Culture*. 2012. No. 1. P. 236–253. EDN: OZMDAF. (In Russ.).
4. Damanskiy izlom. 45 let pogranichnomu konfliktu na reke Ussuri. 1969–2014: al'bom. [Damansky break. 45 years of border conflict on the Ussuri River. 1969–2014: album.] / composed by A. P. Yakovets. Vladivostok, 2014. 120 p. (In Russ.).
5. Shadrina E. A. Sobytiya marta 1969 goda v rayone ostrova Damanskiy v sovetskoy istoriografii [Occasions on Damansky Island in March, 1969 by Soviet historians]. *Aktual'nye Voprosy Obshchestvennykh Nauk: Sotsiologiya, Politologiya, Filosofiya, Istoriya*. 2014. No. 41–42. P. 139–146. EDN: SWIYMF. (In Russ.).
6. Loginov M. S. Sovetsko-kitayskiy pogranichnyy konflikt v 1960-kh gg. na ostrove Damanskiy: analiz situatsii i istoricheskie posledstviya [Soviet-Chinese border conflict in the 1960s on Damansky Island: analysis of the situation and historical consequences]. *Fundamental'naya i prikladnaya nauka. Fundamental and Applied Science*. 2018. No. 2 (10). P. 34–37. EDN: POAFHG. (In Russ.).
7. Ryabushkin D. S. Spornyye voprosy istorii sovetsko-kitayskogo pogranichnogo konflikta 1969 goda [Controversial issues of the history of the Soviet-Chinese border conflict of 1969]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya. The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian Research*. 2023. No. (16). P. 16–25. DOI: 10.52170/2618-7949_2023_16_16. EDN: NDEODI. (In Russ.).
8. Petin D. I., Konovalova N. A. Damanskiy: chest' i doblest' [Damansky: honor and valor]. *Otechestvennyye arkhivy. Domestic Archives*. 2014. No. 3. P. 128. EDN: SEGBBT. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. File: 10143/44/8. (In Russ.).
10. Shugaylo T. S. Obraz N. S. Khrushcheva v russkoy emigrantskoy periodike v SShA (1953–1964 gg.) [The image of N. S. Khrushcheva in the press of Russian immigration in the USA (1953–1964)]. *Rossiya i ATR. Russia and the Pacific*. 2011. No. 4. P. 141–148. EDN: OODKNF. (In Russ.).
11. Bazhanov E. P. Kitay i vneshniy mir [China and the outside world]. Moscow, 1990. 31 p. EDN: SOHAOV. (In Russ.).
12. Territorial'nyye prityazaniya Pekina: sovremennost', istoriya [Beijing's territorial claims: modernity, history]. Moscow, 1979. 255 p. (In Russ.).
13. Novoye stolknoveniye mezhdu Krasnym Kitayem i SSSR [New clash between Red China and the USSR]. *Russkaya Zhizn' (San Francisco)*. 1966. October 29. (In Russ.).

14. Kamenskaya E. V. Pogranichnyy konflikt na o. Damanskom 1969 g.: obraz sobytiya v sovetskoy presse i ego vospriyatiye naseleniyem [Border conflict on Damansky Island 1969: the image of the event in the Soviet press and its perception by the population]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Document. Archive. History. Modernity*. Ekaterinburg, 2017. Vol. 17. P. 354–370. (In Russ.).
15. Na sovetsko-kitayskoy granitse proizoshel ser'yeznyy intsident [There was a serious incident on the Soviet-Chinese border]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 4. (In Russ.).
16. Veynbaum M. Sovetskiy Soyuz i Krasnyy Kitay [The Soviet Union and Red China]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 8. (In Russ.).
17. Veynbaum M. Kak osmyslit' bitvu na Ussuri? [How to comprehend the battle on the Ussuri river?]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 12. (In Russ.).
18. Po sledam gazetnykh strok [In the footsteps of newspaper lines]. *Nasha Strana (Buenos Aires)*. 1969. March 25. (In Russ.).
19. Rostov A. Na Rodine [On the Motherland]. *Nasha Strana (Buenos Aires)*. 1969. April 1. (In Russ.).
20. Posle intsidenta na reke Ussuri [After the incident on the Ussuri River]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 19. (In Russ.).
21. Pokhorony zhertv sovetsko-kitayskogo stolknoveniya [Funeral of the victims of the Soviet-Chinese battle]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 25. (In Russ.).
22. Pora podumat', poka eshche ne pozдно! [It's time to think before it's too late!]. *Chasovoy (Brussels)*. 1969. May. (In Russ.).
23. V obstanovke iskusstvennoy boyevoy trevogi [In the situation of artificial combat alarm]. *Znaniya Rossii (New York)*. 1969. April. (In Russ.).
24. Rychi, Kitay! [Growl China!]. *Chasovoy (Brussels)*. 1969. April. (In Russ.).
25. Rostov A. Na Rodine [On the Motherland]. *Nasha Strana (Buenos Aires)*. 1969. April 29. (In Russ.).
26. Bondarenko V. Doktrina Brezhneva v deystvii. [The Brezhnev's Doctrine in Action]. *Novoye Russkoye Slovo (New York)*. 1969. March 21. (In Russ.).
27. Politicheskiy treugol'nik [Political triangle]. *Rossiya (New York)*. 1969. September 10. (In Russ.).
28. Kadataskottay A. Put' Mao k vlasti [Mao's path to power]. *Russkaya Zhizn' (San Francisco)*. 1969. June 28. (In Russ.).
29. Muratov V. Kovarnyye raschety [Treacherous calculations]. *Russkiy Golos (New York)*. 1969. July 3. (In Russ.).
30. Neispolnivshiyesa ozhidaniya [Unfulfilled expectations]. *Rossiya (New York)*. 1969. October 17. (In Russ.).
31. V. O. Vse o tom zhe! [All about the same!]. *Chasovoy (Brussels)*. 1969. November. (In Russ.).
32. Mikhalevskiy P. Opasnyye punkty [Dangerous points]. *Russkaya Mysl' (Paris)*. 1969. October 30. (In Russ.).

KULEPANOVA-SHUGAYLO Tatyana Sergeevna,
Lecturer-guide of the Primorsky Cultural and Historical
Center (Historical Park «Russia – My History»),
Vladivostok.

SPIN-code: 1207-8704

AuthorID (RSCI): 1257431

Correspondence address: randy-t@rambler.ru

KULEPANOV Ruslan Vladimirovich, Candidate of
Historical Sciences, Junior Researcher of the Institute
of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern
Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok.

SPIN-code: 5977-4794

AuthorID (RSCI): 1189726

Correspondence address: csword@mail.ru

For citations

Kulepanova-Shugaylo T. S., Kulepanov R. V. Russian emigrant
press about the border conflict on Damansky Island in 1969.
Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2025.
Vol. 10, no. 2. P. 67–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-67-
73. EDN: BGTEMA.

Received October 6, 2024.

© T. S. Kulepanova-Shugaylo, R. V. Kulepanov

УДК 929+930
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-74-78
EDN: WNHVQB

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

К ЮБИЛЕЮ РУСЛАНА ГРИГОРЬЕВИЧА ГАГКУЕВА

Работа представляет собой обзор научной и общественной деятельности доктора исторических наук, председателя Правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества» Руслана Григорьевича Гагкуева. В статье на основе биографического и проблемного методов проводится анализ трудов историка и дается оценка его организационного вклада в развитие исторического знания и, в частности, в историографию Гражданской войны в России. Описана деятельность Руслана Григорьевича по развитию исторической науки на Омской земле.

Ключевые слова: Р. Г. Гагкуев, историческая наука, Российское историческое общество, юбилей, Гражданская война в России, Омск.

25 апреля 2025 г. российское историческое общество поздравило с 50-летием известного специалиста по истории Гражданской войны в России, доктора исторических наук, председателя Правления Российского исторического общества, исполнительного директора фонда «История Отечества» Руслана Григорьевича Гагкуева. В юбилейный год в жизни историка принято, чувствуя его, оценивать сделанное им для науки, общества и государства. В этой связи уже была издана статья-поздравление за авторством талантливого петербургского историка А. С. Пученкова, где блестяще описан пройденный юбиляром жизненный путь, обобщена и охарактеризована его многогранная профессиональная и общественная деятельность [1]. При этом за рамками указанной статьи остался вклад Руслана Григорьевича в исследование истории Гражданской войны на территории Сибири и его участие в развитии исторического знания в Омском регионе. Восполнение этой лакуны — цель нашей работы.

Будет справедливо сказать, что научное сотрудничество Руслана Григорьевича с Омском началось с журнала «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность». Он сначала опубликовался в издании, а весной 2021 г. любезно выразил согласие войти в состав редколлегии.

Более тесное сотрудничество юбиляра с омскими историками началось с участия 20–21 октября 2021 г. в работе в IV Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» (рис. 1). К этому времени он уже давно был одним из самых известных в стране специалистов по истории этого трагического для нашего Отече-

ства события. Важно подчеркнуть, что после выхода своей главной монографии по истории Гражданской войны в России [2], исследователь не остановился на достигнутом результате, исследуя все новые аспекты проблемы. Его труды регулярно публикуют ведущие российские научные журналы [3–6 и др.]. В том числе он написал ряд статей, посвященных сибирским событиям братоубийственного военного противостояния и их активным участникам. После пребывания в городе на Иртыше эта деятельность ученым была успешно продолжена [7–11 и др.].

Во время своего первого приезда в Омск Руслан Григорьевич уже работал на руководящей должности в Российском историческом обществе (далее РИО). Одним из результатов командировки стало возобновление деятельности отделения в Омском регионе¹. Также по предложению Р. Г. Гагкуева РИО вошло в число организаторов упомянутой выше продолжающейся конференции [12]. Кроме того, у юбиляра установились деловые и дружеские связи с исследователями истории Гражданской войны в России, работающими в нашем регионе. В частности, визит в Омск дал старт его научному сотрудничеству с омским историком Д. И. Петиним. Итогом стало написание двух совместных статей [13–14].

Другим результатом его визита стало интервью для журнала «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность», ставшее активно востребованным у читателей из академической общественности, в том числе далеко за пределами Омска [15].

1–2 ноября 2024 г. Руслан Григорьевич принял участие в IV Омских военно-исторических чтениях «Сибирские формирования в военных конфликтах

Рис. 1. Р. Г. Гагкуев среди участников IV Международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», 20 октября 2021 г.

XVI – XXI веков. На пути к 80-летию Великой Победы», проведенной при финансовой поддержке фонда «История Отечества».

Несмотря на огромную загруженность, Руслан Григорьевич — активный публикатор мемуарной литературы по истории военно-революционного периода. Благодаря его труду увидели свет важнейшие воспоминания Л. Грондейса и М. Жанена о Гражданской войне в Сибири [16 – 17]. Значение этих эго-источников для современных исследований трудно переоценить. Символично, что Омск стал одним из городов, где мемуары М. Жанена были презентованы широкой общественности ученых. Это событие состоялось 14 мая 2024 г. на расширенном заседании Омского отделения РИО в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (рис. 2). Исторически важно, что местом проведения мероприятия стал особняк, где находилась Личная резиденция Верховного правителя белой России адмирала А. В. Колчака.

Большую общественную работу Руслан Григорьевич ведет по защите исторической правды. В современной гибридной войне с коллективным Западом он активно борется с фальсификациями истории России. Так, в ходе визита в Омск в мае 2024 г. Р. Г. Гагкуев принял участие в программе ГТРК «Омск» (12 канал), посвященной историческим предпосылкам и основам Специальной военной операции (рис. 3), вызвавшей огромный интерес у зрителей².

Помимо научной и общественной деятельности нельзя не сказать добрых слов о личностных качествах юбиляра. Руслан Григорьевич является Другом с большой буквы. Несмотря на колоссальную рабочую занятость, он всегда находит время для личного и профессионального общения, готов выслушать проблему и по возможности помочь. Административная работа не погасила в нем талант и высокий профессионализм исследователя, способного часами дискутировать по актуальным проблемам отечественной истории и, конечно же, о Гражданской войне в России.

Руслан Григорьевич пришел к своему пятидесятилетию очень достойно, встретив его в статусе

Рис. 2. Р. Г. Гагкуев среди участников расширенного заседания Омского отделения РИО, 14 мая 2024 г.

Рис. 3. Р. Г. Гагкуев с участниками программы в студии ГТРК «Омск» (12 канал), 14 мая 2024 г.

большого ученого и одного из руководителей отечественной исторической науки. Пожелаем юбиляру здоровья, сил, долгой и плодотворной работы на благо Отечества! Храни Вас Господь, дорогой Руслан Григорьевич!

Примечания

¹ Отделение РИО в Омске, первоначально открытое 25 апреля 2017 г., фактически перестало к тому моменту функционировать; для возобновления его работы 12 апреля 2022 г. был избран новый руководитель — кандидат исторических наук, доцент И. И. Кротт (тогда ректор ОмГПУ), консолидировавший омских историков и сумевший возродить работу региональной ячейки РИО.

² «Историческая память. Вызовы времени». Россия — Украина. Выпуск от 16.05.2024. Режим доступа: <https://12-kanal.ru/program/istoricheskaya-pamyat-vyzovy-vremeni/209094/> (дата обращения: 21.04.2025).

Список источников

1. Пученков А. С. Видный историограф Гражданской войны: к юбилею Руслана Григорьевича Гагкуева // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16, вып. 1 (147).
2. Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917—1920 гг.: моногр. Москва: Посев, 2012. 703 с.
3. Гагкуев Р. Г. Генерал С. А. Марков в январе—апреле 1917 г. // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 368—385. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.206. EDN: XWLQNF.
4. Гагкуев Р. Г., Шилова С. Г. «Терское войско собственными руками вычистило родные станицы от заразы»: Горско-Моздокские полки в рядах ВСЮР в начале 1919 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 82—94. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.7. EDN: JAXDUT.
5. Гагкуев Р. Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37—42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0. EDN: YGPZBY.
6. Гагкуев Р. Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России: сегодня и завтра // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 5—8. DOI: 10.37482/2227-6564-V026. EDN: UQTHPC.
7. Гагкуев Р. Г. Лодевейк Грондейс: голландец на русской Гражданской войне // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 196—209. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-196-209. EDN: YZVHRR.
8. Гагкуев Р. Г., Чжан Ю. Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми // Российская история. 2019. № 1. С. 60—71. DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO.
9. Гагкуев Р. Г. Дружины Святого креста и Зеленого знамени — последний резерв адмирала А. В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 68—87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH.
10. Гагкуев Р. Г. Верховный правитель против атамана: конфликт адмирала А. В. Колчака и атамана Г. М. Семенова

в ноябре—декабре 1918 г. в документах французского генерала М. Жанена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 154—166. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.4.14. EDN: JFAKAD.

11. Гагкуев Р. Г. Рапорт французского капитана Поля Пеллио о ситуации в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке зимой 1918 г. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 227—250. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK.

12. Гагкуев Р. Г. Приветственное слово // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18—19 окт. 2023 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 8. ISBN 978-5-8149-3712-4. EDN: KQBCJT.

13. Гагкуев Р. Г., Петин Д. И. Гражданская война на Кубани в воспоминаниях Н. И. Рогозина // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 156—179. DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.006. EDN: ETHJVA.

14. Гагкуев Р. Г., Петин Д. И. Воспоминания В. Вербицкого о событиях Гражданской войны на Кубани. Март 1924 г. // Исторический архив. 2023. № 3. С. 186—193. EDN: IQKCVI.

15. Гагкуев Р. Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6—12. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12. EDN: IQPMHC.

16. Грондейс Л. Война в России и Сибири / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой; пер. с гол. В. И. Габышева. Москва: РОССПЭН, 2018. 454 с.

17. Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916—1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918—1920 гг. Воспоминания / вступ. ст., науч. ред., сост. и коммент. Р. Г. Гагкуева. Москва: Кучково Поле, 2023. 893 с. ISBN 978-5-907589-54-4.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.

SPIN-код: 6496-4278

AuthorID (РИНЦ): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

Для цитирования

Сушко А. В. К юбилею Руслана Григорьевича Гагкуева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 74—78. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-74-78. EDN: WNHVQB.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025 г.

© А. В. Сушко

FOR THE ANNIVERSARY OF RUSLAN GRIGORIEVICH GAGKUEV

The work is a review of the scientific and social activities of the Doctor of Historical Sciences, Chairman of the Board of the Russian Historical Society, Executive Director of the History of the Fatherland Foundation — Ruslan Grigorievich Gagkuev. The article analyzes the works of the historian and assesses his organizational contribution to the development of historical knowledge and, in particular, to the historiography of the Civil War in Russia. The activities of Ruslan Grigorievich on the development of historical science in the Omsk region are described.

Keywords: R. G. Gagkuev, historical science, Russian Historical Society, Anniversaries, Civil War in Russia, Omsk.

References

1. Puchenkov A. S. Vidnyy istoriograf Grazhdanskoj vojny: k jubileju Ruslana Grigor'evicha Gagkuyeva [Prominent historiographer of the Civil War: on the Anniversary of Ruslan Gagkuev]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». *Electronic Scientific and Educational Journal «History»*. 2025. Vol. 16, Issue 1 (147). (In Russ.).
2. Gagkuev R. G. Belaye dvizheniye na Yuge Rossii: voyennoye stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyy sostav, 1917–1920 gg [The White movement in the South of Russia: military construction, sources of recruitment, social composition, 1917–1920]. Moscow, 2012. 703 p. (In Russ.).
3. Gagkuev R. G. General S. L. Markov v yanvare–aprele 1917 g [General S. L. Markov in January–April 1917]. Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2018. Vol. 8, no. 2. P. 368–385. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.206. EDN: XWLQNF. (In Russ.).
4. Gagkuev R. G., Shilova S. G. «Terskoje voysko sobstvennymi rukami vychistilo rodnnye stanitsy ot zarazy»: Gorsko–Mozdokskije polki v ryadakh VSYuR v nachale 1919 goda [«The Terek cossack host cleaned out the native villages from the infection with their own hands»: Gorsko-Mozdok regiments in the ranks of the armed forces of the south of Russia in the early 1919]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24, no. 4. P. 82–94. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.7. EDN: JAXDUT. (In Russ.).
5. Gagkuev R. G. Grazhdanskaya vojna. Konflikt bez khronologii? [Civil War. Conflict without chronology?]. Rossiyskaya istoriya. *Russian History*. 2019. No. 1. P. 37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0. EDN: YGPZBY. (In Russ.).
6. Gagkuev R. G. Problemy izucheniya Grazhdanskoj vojny v Rossii: segodnya i zavtra [Problems of studying the Russian Civil War: today and tomorrow]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*. 2020. No. 4. P. 5–8. DOI: 10.37482/2227-6564-V026. EDN: UQTHPC. (In Russ.).
7. Gagkuev R. G. Lodeveyk Grondeys: gollandets na russkoj Grazhdanskoj vojne [Ludovic Grondijs: Dutchman in the Russian Civil War]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2018. Vol. 14, no. 4. P. 196–209. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-196-209. EDN: YZVHRR. (In Russ.).
8. Gagkuev R. G., Chzhan Yu. Kitayskiye dobrovol'tsy v Grazhdanskoj vojne v Rossii: mezhdru krasnymi i belymi [Chinese volunteers in the Russian Civil War: between the Reds and the Whites]. Rossiyskaya istoriya. *Russian History*. 2019. No. 1. P. 60–71. DOI: 10.31857/S086956870004220-3. EDN: HEGYLO. (In Russ.).
9. Gagkuev R. G. Druzhiny Svyatogo kresta i Zelenogo znameniy — posledniy rezerv admirala A. V. Kolchaka [Squads of the Holy Cross and the Green Banner — the Last Reserve of Admiral A. V. Kolchak]. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. P. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH. (In Russ.).
10. Gagkuev R. G. Verkhovnyy pravitel' protiv atamana: konflikt admirala A. V. Kolchaka i atamana G. M. Semenova v noyabre–dekabre 1918 g. v dokumentakh frantsuzskogo generala M. Zhanena [Supreme Ruler Versus Ataman: The Conflict Between Admiral A. V. Kolchak and Ataman G. M. Semenov in November–December 1918 in the Documents of French General M. Janin]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 154–166. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.4.14. EDN: JFAKAD. (In Russ.).
11. Gagkuev R. G. Raport frantsuzskogo kapitana Polya Pellio o situatsii v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke zimoy 1918 g. [A Report by French Captain Paul Pelliot on the Situation in Eastern Siberia and the Far East in Russia in the Winter of 1918]. Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2022. Vol. 12, no. 1. P. 227–250. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.114. EDN: RWMZJK. (In Russ.).
12. Gagkuev R. G. Privetstvennoye slovo [Welcome speech] // Grazhdanskaya vojna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyey. *Civil War in the Eastern of Russia: a Look through Documentary Heritage*. Omsk, 2023. P. 8. ISBN 978-5-8149-3712-4. EDN: KQBCJT. (In Russ.).
13. Gagkuev R. G., Petin D. I. Grazhdanskaya vojna na Kubani v vospominaniyakh N. I. Rogozina [The Civil War in Kuban as depicted in memoirs by Nikolay I. Rogozin]. Istoricheskiy vestnik. *Historical Reporter*. 2022. Vol. 42. P. 156–179. DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.006. EDN: ETHJVA. (In Russ.).
14. Gagkuev R. G., Petin D. I. Vospominaniya V. Verbitskogo o sobytiyakh Grazhdanskoj vojny na Kubani. Mart 1924 g. [The memoirs of V. Verbitsky on the events of the Civil War in the Kuban Region. March 1924]. Istoricheskiy arkhiv. *Historical Archive*. 2023. No. 3. P. 186–193. EDN: IQKCBI. (In Russ.).

15. Gagkuev R. G. «Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoj vojne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' ch'yu-to storonu...» [«Today we need to talk about the Civil War with restraint, without the desire to take anyone's side...»]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2024. Vol. 9, no. 1. P. 6–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12. EDN: IQPMHC. (In Russ.).

16. Grondijs L. Voyna v Rossii i Sibiri [War in Russia and Siberia] / trans. from Fr. by M. Y. Kozhevnikova; trans. from Dutch by V. I. Gabyshev. Moscow, 2018. 454 p. (In Russ.).

17. Janin M. S missiyey v voyuyushchey Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya [On a mission to warring Russia. 1916–1917. My mission in Siberia. 1918–1920. Memories] / Introductory art., scientific ed., comp. and comments by R. G. Gagkuev. Moscow, 2023. 893 p. (In Russ.).

SUSHKO Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the History,

Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Automotive and Armored Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

For citations

Sushko A. V. For the Anniversary of Ruslan Grigorievich Gagkuev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. Story. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 2. P. 74–78. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-74-78. EDN: WNHVQB.

Received April 15, 2025.

© A. V. Sushko

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-79-87
EDN: ONKLUE

А. А. ЧЕМАКИН

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

В. Ф. КИРЕЙ: «УКРАИНСКИЙ ГЕНЕРАЛ» ВО ВРАНГЕЛЕВСКОМ КРЫМУ

Статья посвящена малоизученному аспекту биографии русского артиллериста, генерал-майора Василия Фадеевича Кирея (1879–1942), связанному с его политической работой во врангелевском Крыму в 1920 г. Основа исследования — неопубликованные источники из фондов семи архивов, а также материалы прессы и воспоминания. Интерпретируя их с использованием антропологического подхода, проблемно-хронологического и биографического методов, автор реконструирует биографию генерала Кирея с акцентом на его деятельность в качестве генерала для поручений по украинским делам («украинского генерала») при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, а также эмиссара на переговорах с петлюровцами.

Ключевые слова: Русская армия, Белое движение, врангелевский Крым, Украинская Народная Республика, украинский вопрос, петлюровцы, национальный вопрос, белая эмиграция.

Введение. Генерал-лейтенант П. Н. Врангель, став весной 1920 г. главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР), начал менять политику своего предшественника А. И. Деникина в украинском вопросе, сводившуюся к полному и безоговорочному неприятию украинских сепаратистов [1, с. 619–622; 2]. Одним из людей, взявших на себя ответственность за проведение нового курса на украинском направлении, был генерал-майор Василий Фадеевич Кирей, занимавший в июле–сентябре 1920 г. пост «генерала для поручений по украинским делам при главнокомандующем Русской армией». Среди статей в различных справочниках, посвященных Кирею, есть как вполне корректные [3, с. 143–144; 4, с. 195; 5, с. 165–170], так и содержащие ошибочные данные [6, с. 105], но большинство из них сводится к описанию его деятельности на фронтах Первой мировой войны, в то время как политическая работа Кирея во врангелевском Крыму практически не изучена или изучена поверхностно. Так, например, в недавно вышедшем 12-м томе 20-томной «Истории России» он ошибочно назван «бывшим соратником гетмана Скоропадского», а его инициалы почему-то приведены в «украинизированной» версии — В. Т. Кирей (Василь Тадейович Кирей) [7, с. 773]. Оценки воззрений и деятельности Кирея также весьма разнообразны: так, например, Д. В. Табачник полагает, что «известный своими проукраинскими политическими взглядами В. Ф. Кирей был во врангелевском окружении одним из основных инициаторов достижения соглашения» с Директорией Украинской На-

родной Республики (УНР) [8, с. 289], а А. В. Иванец, наоборот, утверждает, что Кирей «стоял на пророссийских великодержавных позициях» [9, с. 64].

Биография Кирея до 1917 г. Василий Фадеевич Кирей родился 9 декабря 1879 г. в усадьбе близ города Батурина Черниговской губернии (правда, в записи о смерти Кирея в пражской метрической книге местом его рождения назван Киев [10, л. 1]). Он происходил из старой малороссийской дворянской семьи, его отец был отставным майором. Воспитывался в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, затем в августе 1898 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. По окончании полного курса наук Кирей Высочайшим приказом 13 августа 1901 г. был произведен в подпоручики и назначен в 42-ю артиллерийскую бригаду, в сентябре 1903 г. стал поручиком. Дважды — летом 1903 и летом 1904 г. — Кирей командировался в Киевское окружное артиллерийское управление для предварительного держания испытания на поступление в Михайловскую артиллерийскую академию. В послужном списке сообщается, что в июне 1905 г. он по собственному желанию был отчислен от Академии и распоряжением ее начальника командирован в 3-й гвардейский стрелковый скорострельный артиллерийский дивизион для ознакомления с его материальной частью, после чего вновь вернулся в свою бригаду. В июле 1906 г. был командирован в г. Санкт-Петербург для держания испытания на поступление в ту же самую Михайловскую академию, в которую и был зачис-

лен сверхштатным слушателем 19 октября (незадолго до окончания обучения, 1 мая 1909 г., он был переведен в число штатных слушателей). 17 мая 1909 г. Кирей за успешное окончание Михайловской академии был произведен в капитаны и переведен в 33-ю артиллерийскую бригаду [11, л. 183–188; 12, с. 6]. В 1913 г. Кирей окончил еще и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду [13, с. 242], но в списках Генерального штаба впоследствии не значился. Как вспоминал сослуживец Кирея капитан В. Е. Милоданович, он «выбрал себе все же артиллерийскую линию, пользуясь преимуществами первой из академий, и вышел на войну в составе своего дивизиона» [12, с. 7].

В начале 1915 г. Кирей был прикомандирован в качестве исправляющего должность старшего адъютанта к штабу 32-й пехотной дивизии, в августе того же года назначен командиром 4-й батареи 32-й артиллерийской бригады. С октября 1916 г. он был штаб-офицером для поручений при инспекторе артиллерии армий Юго-Западного фронта. За бои ноября–декабря 1914 г. Кирей в марте 1915 г. был произведен в подполковники, а за бои 4 июня 1916 г. у г. Черновицы в октябре того же года — представлен к чину полковника (произведен в марте 1917 г.). За время войны Кирей был награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием, удостоился Высочайшего благоволения. Наконец в январе 1917 г. он был награжден долгожданным орденом Св. Георгия 4 ст. — за артиллерийскую подготовку во время Брусиловского прорыва, в организации которого он принимал самое деятельное участие [14, л. 62–63; 12, с. 7–9]. «В Первую мировую войну в русской армии, среди ее артиллеристов, был особенно известен и популярен полковник Кирей. Он прославился как блестящий мастер артиллерийских атак на укрепленные полосы. Это он организовал артиллерийскую подготовку наступления Юго-Западного фронта — знаменитого Брусиловского прорыва, когда впервые в этой войне фронт неприятеля был прорван на таком широком участке и на такую глубину», — вспоминал советский артиллерист, генерал-полковник Н. М. Хлебников [15, с. 212]. На основании подготовленных Киреем в 1916–1917 гг. брошюр в СССР будет выпущена его книга «Артиллерия атаки и обороны» [16].

«Среднего роста, крепкого телосложения, лысый, с длиннейшими усами и в синей рубашке, Кирей не имел особо воинственного вида, а был похож на хохлацкого хуторянина, управляющего имением. Последнее сравнение, высказанное вслух, заставило его усмехнуться. <...> Кирей был живого, но вполне уравновешенного характера. Любил общество, в котором всегда был интересным и остроумным собеседником, без тени какого-либо снобизма, боязни потерять свой авторитет и т.п. Со всеми офицерами и солдатами он обращался как с равными и был, таким образом, демократичным в лучшем смысле этого слова. В то же время, будучи человеком и “компанейским”, он мог иногда и выпить в компании, и даже выпить “на ты”, хотя бы и с поручиками, и не забыть это впоследствии. Все это только увеличивало его популярность и шло на пользу делу», — вспоминал Милоданович. Он отмечал, что «солдаты и младшие офицеры были готовы идти за Киреем, что называется, в огонь и воду, но не все штаб-офицеры работали с ним вполне искренно», были и те, «которые называли его акроба-

том и указывали на протекцию в лице начальника штаба 9-й армии, генерал-лейтенанта [А. С.] Санникова». Милоданович признавал, что протекция действительно имела место, но, по его мнению, Кирей ее вполне заслуживал [12, с. 7, 9].

Блестящую характеристику давал Кирею генерал-лейтенант П. С. Махров: «Замечательный человек был Василий Фадеевич Кирей. <...> Несмотря на то, что ему было в это время лет тридцать восемь, он был совершенно лысый, что, однако, нисколько не портило общего впечатления его наружности. <...> Кирей блестяще окончил Военную академию, но от службы в Генеральном штабе отказался и ушел в свою артиллерийскую бригаду. <...> Ни один из наших лучших артиллеристов не мог соперничать с ним в управлении огнем больших артиллерийских группировок» [17, с. 638–639]. В другой своей работе Махров отмечал, что Кирей «мог импонировать войскам» [18, с. 277]. «Хороший, компанейский человек, один из лучших артиллеристов России. Умен, остроумен, с хохлацкой хитрецей, осторожен свыше всякой меры, в политике трогательно наивен — остался кадетом своего корпуса», — писал знакомый Кирея по эмиграции капитан Н. А. Раевский [19, с. 106]. «Человек осторожный, сдержанный и с необыкновенно трезвым умом», — еще одна характеристика из дневника того же Раевского [20].

Кирей на Украине и в Добровольческой армии в 1917–1920 гг. 20 июня 1917 г. полковник Кирей, с мая командовавший 6-й полевой тяжелой артиллерийской бригадой, был произведен в генерал-майоры, 7 июля стал исправляющим должность инспектора артиллерии 41-го армейского корпуса, а 9 сентября 1917 г. — командующим 23-м армейским корпусом Румынского фронта. В ноябре 1917 г. перешел в 34-й армейский корпус, а 5 декабря 1917 г. был откомандирован в Киев в распоряжение генерального секретаря по военным делам УНР С. В. Петлюры [3, с. 144; 4, с. 195]. Военный комиссар Слобожанщины Н. Е. Чеботарев вспоминал о том, как во время встречи в декабре 1917 г. Кирей сказал, что в политике он не разбирается, что он только военный, и поэтому просил ввести его в курс украинских дел. Генералу предложили возглавить Кадровый корпус Центральной рады, но он пока не дал своего согласия, так как хотел сначала «войти в курс украинских сегодняшних политических дел» [21, с. 74–75]. В декабре 1917 г. Генеральный секретариат УНР назначил Кирея начальником украинского Генерального штаба [22, с. 45], но решение это осталось на бумаге. Как вспоминал подполковник Н. И. Удовиченко, Кирей был не в силах приступить к работе, так как украинское правительство ему не доверяло и не давало денег [23, л. 259, 266–267].

На рубеже 1917–1918 гг. Кирей вошел в качестве военного советника в штаб Гайдамацкого коша Слободской Украины [24, с. 138], созданного на французские деньги С. В. Петлюрой, был назначен помощником атамана [23, л. 259] и сыграл заметную роль в подавлении большевистского восстания на «Арсенале». 21 января 1918 г. он, лично идя в наступление с гайдамаками, обнаружил у памятника Искре и Кочубею оставленные какой-то частью тяжелые орудия и, первый наведя пушку на «Арсенал», начал обстрел [25, с. 82]. Когда к Киеву подошли красные войска, Кирей выступил за сдачу столицы УНР, полагая, что город удержать не получится. Во время отступления украинских

войск он находился при коше, лично ходил в разведку [23, л. 315, 322]. После того, как Киев был занят немецкими войсками, генерал отошел от дел.

Ставший весной 1918 г. гетманом П. П. Скоропадский предлагал Кирею должность военного министра Украинской державы. Кирей несколько раз был у гетмана, но должность принять отказался [26, с. 177]. Согласно утверждениям генерала Махрова, Кирею также предлагали пост начальника артиллерийского управления, но и на это предложение он ответил отказом [27, с. 196]. Вероятнее всего, причиной отказа было нежелание сотрудничать с немцами. В итоге Кирей, отвергнув все предложения, предпочел быть сторожем в гараже [12, с. 9]. В этом гараже генерала летом 1918 г. и обнаружили братья П. С. и В. С. Махровы. «Мы решили проехать в Киев, чтобы повидать Кирея. В Киеве его не было. Нам сказали, что Кирей служит сторожем в одном из гаражей в Святошине. Там мы и встретились. Кирей, будучи русской культуры человеком, предпочел зарабатывать свой хлеб в гараже, чем занять пост инспектора артиллерии в украинской армии. Предложение моего брата ехать в Добровольческую армию в принципе он одобрил, но считал нужным повременить, т.к. Добр[овольческая] армия еще не выяснила своего политического лица», — вспоминал П. С. Махров. В сентябре 1918 г. Кирей и подполковник В. С. Махров все же уехали в Екатеринодар [28, с. 482, 494]. Один из лидеров украинских эсеров Н. Н. Ковалевский вспоминал, что Кирей перед отъездом в Добровольческую армию «оставил письмо, в котором выяснял свои политические позиции и писал, что он имел намерение остаться в Украине и работать над организацией украинской армии, но только до тех пор, когда создастся новая ячейка русской имперской мысли. Теперь, когда эта ячейка возникла на юге, он покидает Украину, чтобы работать для той идеи, которой он давал как офицер присягу» [29, с. 316].

Присоединившись к Добровольческой армии, Кирей в сентябре 1918 г. становится начальником артиллерии 3-й (Дроздовской) дивизии, с 8 ноября 1918 г. находится в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, затем назначается начальником артиллерийского снабжения ВСЮР [30, с. 378]. «В Добровольческой армии он построил из ничего оружейный завод и был единственным начальником из тыловых учреждений, организовавшим так снабжение артиллерийском имуществом, что никогда не вызывал нареканий», — вспоминал П. С. Махров [17, с. 639]. С 13 апреля 1920 г. Кирей находился в распоряжении начальника штаба главнокомандующего ВСЮР [30, с. 378].

Деятельность Кирея во врангелевском Крыму. Летом 1920 г. Кирей был отправлен новым главнокомандующим П. Н. Врангелем с миссией в Польшу. Информации о ней, к сожалению, мало. Генерал-лейтенант Г. Е. Янушевский, работавший в рядах украинских организаций Крыма, полагал, что целью поездки была встреча с Петлюрой, но в итоге она кончилась ничем: «миссия попутешествовала где-то по балканским столицам, <...> представила, как мне говорили в штабе главнокомандующего, довольно внушительный счет “путевых расходов”, а до Петлюры так и не доехала» [31, л. 64]. Не знал причин неудачи миссии и генерал Махров. «Из украинцев пользуется доверием генерал Кирей, который ехал для переговоров к головному атаману, но по неизвестным пока причинам, к сожалению, не доехал...», — говорил Махров

в начале ноября 1920 г. украинскому военному представителю в Польше генерал-поручику В. П. Зелинскому [32, л. 43 об.]. В Бухаресте Кирей находился до середины июля, планировал ехать к украинскому правительству в Станиславов [33, л. 5 об.], но так никуда и не поехал — вероятно, ему не удалось получить пропуск от поляков.

В конце июля 1920 г. вернувшийся из поездки Кирей был назначен «генералом для поручений по украинским делам при главнокомандующем» (в обиходе — «генералом по украинским делам» или «украинским генералом») [31, л. 132]. Канцелярия «украинского генерала» расположилась в севастопольской гостинице «Гранд-Отель» (Екатерининская ул., д. 1; здание не сохранилось) [31, л. 133], среди сотрудников были полковник М. А. Загородный, полковник А. И. Парв [31, л. 198], поручик Г. А. Шуйский [32, л. Зоб.]. Загородный в 1918–1919 гг. служил в гетманской и петлюровской армиях, а эстонец Парв — в гетманской, так что с украинским вопросом они были знакомы. Основная работа Кирея заключалась в установлении взаимодействия с повстанцами Херсонской и Екатеринославской губерний, так как он был назначен еще и докладчиком по делам повстанческого движения [31, л. 146]. Именно он занимался отправкой в повстанческие отряды врангелевских офицеров, вокруг приезда которых будут впоследствии строиться сюжеты ряда советских произведений, а затем и снятых на их основе фильмов — «Свадьба в Малиновке» (1967) и «Тачанка с юга» (1977). Кроме того, и сами повстанцы приезжали в Севастополь с просьбой дать им оружие и офицеров. Показательно, что Кирей, назначив руководить группой офицеров, отправлявшихся на помощь повстанцам, полковника Г. Е. Грудину, дал в числе инструкций следующее указание: «С самостийниками боритесь вплоть до расстрелов» [31, л. 101–102]. Год спустя Кирей писал: «О том, что желает украинский народ, я, конечно, говорить не берусь, кроме того, что абсолютно все хотят порядка и спокойствия. Но опыт продвижения на Украину с лозунгами самостийников и с лозунгами Добровольческой армии потерпели полнейший крах. Украина ни за первыми, ни за вторыми не пошла. Ясно, что чаяния народа лежат где-то между самостийностью и старой Россией» [34, л. 12].

Кирей также имел отношение и к «внешней» политике врангелевских властей. Донской генерал-майор С. К. Бородин впоследствии отмечал, что главным тормозом в достижении взаимопонимания Врангеля с петлюровцами были глава правительства А. В. Кривошеин и Кирей: «Первый был открытым противником, а второй обманывал Врангеля своими докладами, в которых представлял украинское дело в несоответствующем свете» [35, л. 28 об.]. Глава петлюровской делегации полковник И. Д. Литвиненко, прибывшей в Крым в конце августа 1920 г., рассказывал, что отношение Кривошеина и начальника штаба Врангеля генерал-лейтенанта П. Н. Шагилова к Украине было неблагоприятное, «враждебнее же всех относился к Украине генерал Кирей». Якобы на вопрос Врангеля о том, когда Кирей представит ему украинскую делегацию, тот ответил: «Они прибыли не с такими уполномочиями, чтобы я мог представлять их вам» [31, л. 181]. Кирей был недоволен и составом делегации и позднее сказал одному из представителей УНР, что их правительство не могло сделать лучшего шага к конфликту, нежели высылка делегации в таком составе —

из «молодых людей, далеких от дипломатии» [32, л. 46].

Член петлюровской делегации хорунжий И. К. Блудымко полагал, что Кирей «принадлежит к тем русско-малороссийским кругам, которые настаивают перед Врангелем на непризнании правительства УНР и назначении для Украины правительства в Крыму» [36, л. 45 об.]. В неподписанной справке, составленной кем-то из петлюровцев, также отмечалось, что одна из групп в окружении Врангеля, возглавляемая Киреем, выступает за то, чтобы создать свое «малороссийское» правительство, и считает «всякое взаимопонимание с УНР невозможным, так как "там, мол, самостийники, мы ж федералисты"» [37, л. 45]. Примерно в том же духе высказывался и генерал Г. Е. Янушевский, относивший Кирея к группе «малороссы», склонявшейся «к автономии Украины как области в составе "Единой, неделимой России"». По мнению Янушевского, Кирея нельзя было причислять к лику «друзей Украины» [31, л. 202, 219]. Янушевский и его сподвижники сообщили членам делегации УНР, что Кирей «действительно является "докладчиком по украинским делам", но докладчиком на пользу не Украины, а исключительно России» [32, л. 4об.].

Говоря о национальной и политической самоидентификации «украинского генерала», П. С. Махров вспоминал: «Я хорошо знал генерала Кирея. Он был по происхождению, как он всегда подчеркивал, "малоросс". Никакой Украины, как только этнографической, он не признавал. Это был человек русской культуры, человек умный и высокообразованный. <...> Он терпеть не мог украинцев-сепаратистов, называя их "валютчиками", и считал, что единственным побуждением к сепаратизму и единственным слоем сепаратизма является небольшая кучка украинской полуинтеллигенции, стремящейся обогатиться за счет малороссов, не имеющих в голове идеи отделения от России. Он, знавший хорошо украинский народ, выросший среди малороссов-крестьян, владевший в совершенстве их языком, считал Петлюру и его правительство мошенниками, гоняющимися за наживой, за валютой, чтобы в смуте времени хорошо пожить и обеспечить себя на случай бегства за границу». При этом, по словам Махрова, Кирей был либералом. «Он представлял, что Россия, при полуграмотности народных масс, не доросла еще до республики. "Россия многомиллионная не Новгород Великий, который мог управляться вечем", — часто говорил он. "Россия привыкла к царскому ореолу, ей невозможно жить без него, но только нужно разогнать всевозможных "княжат" и ограничить царскую власть всесословной государственной думой..."» [18, с. 275–276]

Несмотря на резкое неприятие сепаратизма, Кирей считал возможными и необходимыми некоторые уступки в культурной сфере. Наиболее полно свои взгляды генерал изложил в сентябре 1920 г. в интервью газете «Крымский вестник». Он заявил, что «главнокомандующий заключил договор с казаками Дона, Кубани, Терека и Астрахани и на подобных началах протягивает руку сынам Украины, считая, что в единении — наше спасение». Он признавал, что в условиях жизни казачьих областей и Украины есть разница — так, например, казаки не поднимают вопроса о языке, а многие повстанцы Украины «желают иметь свободу украинского языка», но в этом отношении

«главнокомандующий идет широко им навстречу». «Что же касается внутреннего устройства Украины, то это решит сам народ по окончании войны, а пока главнокомандующий решил высшую гражданскую администрацию назначать из уроженцев Украины, а низшую будет избирать само население», — продолжал Кирей. Таким образом, речь шла о предоставлении Украине широкой автономии по образцу казачьих регионов и об учете местной специфики при назначении властей на занятых Русской армией территориях Северной Таврии и Екатеринославщины. Говоря о приезде делегации УНР, Кирей полагал, что двум армиям надо «сговориться». «Ведь мы все хотим одного и того же: порядка и спокойствия, но закулисные силы направляют нас друг на друга. Кому-то невыгодна федерация братских народов русского государства. Я надеюсь, что и та армия это понимает и, узнавши о перемене политики и о взглядах на Украину нашего главнокомандующего, — пойдет тоже нам навстречу, — заключал Кирей. — Надо только, чтобы общественные умеренные круги и лица, не преследующие личных выгод, обуздывали бы шовинистов той и другой стороны и не давали бы им мутить и без того взбаламученное море, в котором будут ловить рыбу люди, ничего общего ни с Украиной, ни с Великобританией и вообще с Россией не имеющие» [38].

Таким образом, генерал допускал соглашение Русской армии с армией УНР, но только в том случае, если руководители последней откажутся от сепаратистских идей и признают Украину частью федеративной России. При этом Кирей основные надежды возлагал не столько на внешние союзы, сколько на аграрную реформу, которая, по его мнению, могла помочь решить в том числе и украинский вопрос. «Когда главнокомандующий Русской армией генерал Врангель опубликовал в Крыму свой земельный закон, то в лагере самостийников поднялись переполох и протесты, — вспоминал Кирей год спустя. — Они боялись, что этот закон начнет быстро осуществляться и слух об этом проникнет во все села Украины» [39, л. 42].

В начале осени 1920 г. у генерала П. С. Махрова, ставшего к тому времени русским военным агентом в Варшаве, возникла идея назначить Кирея командующим русскими войсками в Польше. Махров в докладе Врангелю наивно предполагал, что Кирей «будет лицом особенно приемлемым для украинцев», и благодаря этому в будущем удастся объединить русские и украинские войска в Польше под его началом, но эта идея «не получила разрешения» (по предположению Махрова — из-за интриг Шатилова) [18, с. 258, 260, 273, 275, 277, 327].

В конце сентября 1920 г. Кирей оставил свой пост «украинского генерала», а на его место был назначен генерал-майор К. А. Присовский [40]. Причины неожиданной отставки публично не сообщались. Точно можно сказать, что предположения генерала Бородина о том, что Кирей сознательно обманывал Врангеля, выглядят неубедительными. После отставки с поста «украинского генерала» Кирей не оказался в опале, а получил новое назначение, возглавив Военно-техническое управление [30, с. 378]. По свидетельству Милодановича, с работой Кирея по украинским делам «была сопряжена рискованная обязанность: аэроплан перевозил его через фронт на свидание с каким-нибудь повстанческим атаманом, а на следующий день прилетал за ним на условленное место и отвозил обратно. Кирей летал, но это занятие ему определено

не нравилось. К тому же оно было безнадежным. Кирей переменил его на должность начальника военно-технического управления армии» [12, с. 9].

Посол России во Франции В. А. Маклаков весной 1921 г. писал, ссылаясь на слова самого Кирея, что тот «когда-то Врангелем был поставлен во главе украинской политики, но с ним разошелся и от дела отошел» [41, с. 364]. Как вспоминал П. С. Махров, Кирей был очень популярен среди офицеров и к нему с большим уважением относились прежние вожди Белого движения на Юге России — А. И. Деникин и его начальник штаба И. П. Романовский, но с окружением Врангеля у него отношения не сложились. «Он был независим, не позволяя начальству вмешиваться в дела, ему порученные, которые он всегда блестяще выполнял. Его не интересовали ни чины, ни ордена, которыми его награждали. <...> Он терпеть не мог гвардейцев вообще и особенно [А. М.] Драгомирова и Шатилова с их сворой вокруг Врангеля. От них он держался в стороне и в Крыму мечтал уехать за границу» [18, с. 276–277]. Исполняющий обязанности кубанского атамана В. Н. Иванис вспоминал о том, как к нему в Севастополе заходил Кирей, который «скупал и жаловался, что все его планы в штабе перечеркивались, что ведется игра на национальном моменте и что к нему полного доверия не имеют» [42, с. 138].

В начале февраля 1921 г. в беседе с начальником Заграничного отдела Главного управления Генерального штаба УНР подполковником П. Е. Крижановским Кирей с возмущением критиковал политику П. Б. Струве, А. В. Кривошеина и В. В. Шульгина, которая «остро расходилась с настроениями армии и главноверха Врангеля», и говорил, что устранение этих элементов из «русского дела» является безотлагательным и решительным. В качестве доказательства он показывал свой доклад, в котором протестовал перед Врангелем против их «черной политики» касательно украинского вопроса и отмечал те препятствия и провокации, которые употреблялись указанными выше лицами, чтобы «не допустить равноправия украинского и русского языка», запретить название «Украина», удушить саму идею самобытности украинского народа [32, л. 45об. — 46]. Если исходить из этих свидетельств, получалось, что отставка Кирея могла быть вызвана не его «антиукраинской» политикой, а наоборот, его слишком «проукраинским» курсом. Все же ключевыми причинами отставки Кирея, на наш взгляд, были конфликт с окружением Врангеля и желание заняться привычными ему делами, отойдя от политических вопросов. «Ген[ерал] Кирей — умная голова, сильная и большая индивидуальность. Видно, с ним не легко делать дело», — записал в дневнике профессор Н. М. Могилянский, общавшийся с генералом в Севастополе в сентябре 1920 г. [43, л. 6об.]

Деятельность Кирея в эмиграции. В декабре 1920 г., после эвакуации из Крыма, Кирей был командирован Врангелем в Европу со специальной задачей войти в связь с украинским командованием и с представителями украинской общественности [44, л. 29]. Генерал-хорунжий армии УНР Ю. О. Тютюнник вспоминал: «Еще в январе [1921 г.] в Тарнов приезжает генерал Кирей, уполномоченный Врангеля. Крутился он в Тарнове больше недели, прощупывая почву: не склонит ли Петлюра своей головы перед Врангелем, признав последнего главнокомандующим всех противобольшевистских сил. Не повезло ему в Тарнове — Петлюра не отказывался

от сотрудничества с Врангелем и союза с ним, но, будучи сам “главным”, никак не соглашался признать над собой еще более главного. Так ни с чем и уехал Кирей из Тарнова» [45, л. 56].

П. Е. Крижановский 5 февраля 1921 г. докладывал, что во время пребывания в Варшаве встретился с «известным псевдоукраинцем» Киреем, который имел определенные задачи от правительства Врангеля и искал возможности персональной встречи с Петлюрой. По мнению Крижановского, Кирей был представителем «среднего течения» в русских кругах, пытавшегося «совместить движение украинское с русским». «Генерал Кирей имеет определенное, точно очерченное задание войти в курс наших дел и достигнуть взаимопонимания с нами на условиях федеративной Украины — единственной уступки, на которую отважились недавно еднонеделимцы», — докладывал Крижановский [32, л. 45об. — 46]. Украинский дипломат Л. Д. Михайлов 15 февраля 1921 г. сообщил сотруднику французской военной миссии капитану Левинсону, что Кирей — русский монархист и сторонник федерации Украины с Россией — возмущен аппетитами поляков и утверждает, что Россия никогда не смирится с нынешними границами, и именно в силу этого переговоры с Петлюрой ни к чему не привели. Выступая от имени Врангеля, Кирей предлагал украинцам военное соглашение, но те требовали и политического соглашения, включающего в себя признание независимости Украины [46, л. 542, 545, 547].

Украинский военный представитель в Румынии генерал-поручик С. Н. Дельвиг в апреле 1921 г. говорил русскому военному агенту генерал-лейтенанту А. В. Геруа про отрицательные впечатления украинских руководящих кругов, вынесенные ими из собеседований с Киреем [44, л. 73]. Н. Е. Чеботарев, ставший к тому времени начальником охраны Петлюры, вспоминал о том, как он устраивал встречи Кирея со своим шефом, как «постоянно происходили дискуссии между самостийником С. Петлюрой и федералистом Киреем» [21, л. 122]. Сам Петлюра якобы высказал Кирею в глаза сожаление, что не может «повесить его за то большое зло, какое он причинил Украине» [31, л. 64]. По итогу поездки Кирей составил аналитическую записку по украинскому вопросу, в которой выражал надежду, что «близится неприятный для всех врагов России час, когда падет ненавистное иго, и тогда вся Россия, а в том числе и Украина, соединится опять в одно целое, но построенное на новых началах государство» [34, л. 17].

Договориться с Петлюрой ни о чем не удалось, и к весне 1921 г. Врангель «нашел соответственным прекратить действия полномочий», данных Кирею [44, л. 29]. Не очень понятно, на что он вообще рассчитывал, посылая к лидеру УНР в качестве переговорщика принципиального противника самостийников. Впрочем, генерал Зелинский полагал, что Кирей приехал в Польшу только для того, «чтобы узнать о положении украинской группы», то есть скорее с ознакомительными и разведывательными целями. Как сообщали сотрудникам французской миссии, некие представители польских кругов, единственной целью Кирея было «приручить» командующего армией УНР генерал-поручика М. В. Омельяновича-Павленко, с которым он встречался в Тарнове, — эти переговоры, по всей видимости, также завершились безуспешно [46, л. 530, 542].

После краткого пребывания в Болгарии Кирей переехал в Париж и работал шофером такси.

В 1924 г. он поступил в чехословацкую армию и дослужился в ней до бригадного генерала. Последняя занимаемая им должность — начальник 11-й полевой артиллерийской дивизии в городе Кошице. В конце 1938 г. Кирей был уволен в отставку, после чего поселился в Праге [12, л. 9—10]. Весьма показательное отношение его к началу Второй мировой войны: несмотря на весь свой антибольшевизм, он полагал, что крушение Польши будет выгодно России, даже несмотря на то, что оно временно усилит красных. «Генерал Кирей считает, что Россия (настоящая) может на успехе много выиграть, так как вернет часть своих провинций. В историческом аспекте, мол, теперешние хозяева России только эпизод, а потому...», — записал 7 сентября 1939 г. в своем дневнике Н. А. Раевский [20]. В годы Второй мировой войны генерал по-прежнему жил в Праге, вращаясь в кругах русских эмигрантов, в первую очередь военных, и активно интересовался ходом боевых действий. Умер В. Ф. Кирей в Праге 5 июня 1942 г. от бронхопневмонии и отека легких и был похоронен через 4 дня на Ольшанском кладбище [10, л. 1]. По некоторым данным, в конце Гражданской войны Кирей был произведен в генерал-лейтенанты [30, с. 378], но, если судить по некрологу, сведения эти не соответствуют действительности [47].

Заключение. Кирей, занявшийся в 1920 г. по поручению Врангеля украинским вопросом, не достиг на этом новом для него поприще больших успехов. По всей видимости, прав был Раевский, отмечавший, что у Кирея «замечательная военная интуиция», но «по части политики» генерал слаб [20]. Полагая, что добровольцы в 1919 г. допустили ошибку в украинском вопросе, Кирей пытался искать пути выхода из сложившейся ситуации. Считая себя русским и малороссом, он в то же время был сторонником сближения с украинским лагерем, но при этом не допускал и мысли о «самостийной» Украине. Приведенная выше характеристика его как представителя «среднего течения» в украинском вопросе вполне справедлива. Занимая эту «среднюю» позицию, Кирей был неудобной фигурой как для принципиальных противников украинства, так и для сепаратистов-петлюровцев, а его независимый характер не способствовал взаимопониманию с окружением Врангеля. В итоге основная работа Кирея свелась к взаимодействию с повстанцами, в то время как во внешнеполитическом направлении ему не удалось добиться никаких значимых результатов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П. Н. Врангеля (весна — осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

Список источников

1. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтиквА, 2008. 728 с. ISBN 978-966-2930-47-4.
2. Цветков В. Крымское решение «украинского вопроса». Южнорусское Белое движение и политический статус Украины // Родина. 2014. № 5. С. 126—131. EDN: SCBUYT.
3. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. Москва: АСТ, 2002. 381 с. ISBN 5-17-014831-3.

4. Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917—1921). Кн. 1. Київ: Темпора, 2007. 536 с. ISBN 966-8201-26-4.
5. Рипенко Ю. Б. Великие артиллеристы России: 100 знаменитых имен отечественной артиллерии. Москва: Центрполиграф, 2012. 511 с. ISBN 978-5-227-03862-3.
6. Литвин М. Р., Науменко К. Є. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків: «Видавництво Сага», 2007. 244 с. ISBN 978-966-2918-12-0.
7. Цветков В. Ж. Национальный вопрос в политике антибольшевистских (белых) правительств // История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917—1922 годы. Кн. 2. Власть. Экономика. Общество. Культура / отв. ред. В. В. Голдин, В. В. Кондрашин. Москва: Наука, 2024. С. 761—778. ISBN 978-5-02-041024-4.
8. Табачник Д. В. Історія української дипломатії в особах. Київ: Либідь, 2004. 638 с. ISBN 966-06-0330-4.
9. Иванець А. В. Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кін. 1918—1920 рр.). Сімферополь: ДОЛЯ, 2013. 176 с. ISBN 978-966-366-619-8.
10. Archiv hlavního města Prahy. F. 156. MAG Z20.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. П/с 323—816.
12. Милоданович В. Е. Генерал Василий Фадеевич Кирей // Военная быль. 1959. № 35. С. 6—10.
13. Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.: справ. материалы. Москва: Русский путь, 2009. 895 с. ISBN 978-5-85887-301-3.
14. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27612.
15. Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. Москва: Воениздат, 1974. 376 с.
16. Кирей В. Ф. Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914—1917 гг. Москва-Ленинград: Гос. воен. изд-во, 1926. 121 с.
17. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov papers. Vox 4. Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР.
18. BAR. P. S. Makhrov papers. Vox 4. Махров П. С. Генерал Врангель и Б. Савинков (1920—1924 годы).
19. Раевский Н. Из пражских дневников // Простор. 2015. № 4. С. 75—135.
20. Из дневников белогвардейского офицера (Записки Н. А. Раевского) / публ. Ю. Цинговатова. URL: http://www.hrono.info/statii/2011/raevski_cing.php (дата обращения: 06.10.2024).
21. Визвольні змагання очима контррозвідника (Документальна спадщина Миколи Чеботаріва). Київ: Темпора, 2003. ISBN 966-8201-00-0.
22. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: у 2 т. Т. 2. 10 грудня 1917 р.—29 квітня 1918 р. Київ: Наукова думка, 1997. 424 с. ISBN 966-00-0013-8.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 583.
24. Смовський К. Гайдамацький кіш слобідської України та його артилерія в 1917—1918 році // За Державність. Матеріали до історії українського війська. Зб. 5. Каліш: Українське Воєнно-Історичне Товариство, 1935. С. 137—157.
25. Кучабський В. Від первопочинів до Проскурівського періоду // Корпус Січових Стрільців: Воєнно-історичний нарис. Ювілейне видання 1917—1967. Чикаго: Ювілейний Комітет для відзначення 50-річчя формування Січових Стрільців, 1969. С. 1—253.
26. Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917—грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. 493 с. ISBN 5-7702-0845-7.
27. Ганин А. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П. С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 160—205. DOI: 10.24411/2409-1413-2020-10074. EDN: ITAADT.

28. Ганин А. В. На гетманской Украине летом — осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. 2021. № 1 — 2. С. 477 — 507. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.6.01.

29. Ковалевський М. При джерелах боротьби. Спомини, враження, рефлексії. Інсбрук: Biblos, 1960. 717 с.

30. Волков С. В. Штаб-офицеры и генералы белых армий. Энциклопедический словарь участников Гражданской войны. Москва: Центрполиграф, 2019. 991 с. ISBN 978-5-227-07168-2.

31. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3.

32. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28.

33. ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 56.

34. ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 244.

35. ЦГАВО Украины. Ф. 1075. Оп. 4. Д. 37а.

36. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 31.

37. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624.

38. Крымский вестник. 1920. 11 сентября.

39. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 72.

40. Крымский вестник. 1920. 25 сентября.

41. «Совершенно лично и доверительно!»; Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919 — 1951. В 3-х т. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921 / Под ред. О. Будницкого. Москва: РОССПЭН, 2001. 568 с. ISBN 5-8243-0168-9.

42. Іванис В. Стежками життя (Спогади). Кн. IV. Капітуляція. Сидіння в Криму. Перші кроки вигнання. Новий Ульм: Ukrainski Wisti, 1961. 404 с.

43. ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 9.

44. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 1057.

45. Тютюнник Ю. З поляками проти України. Харків: Державне видавництво України, 1924. 101 с.

46. Российский государственный военный архив. Ф. 1703к. Оп. 1. Д. 431.

47. Новое слово. 1942. 14 июня.

ЧЕМАКИН Антон Александрович, кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 6686-7066

AuthorID (РИНЦ): 679972

ORCID: 0000-0001-6078-4044

AuthorID (SCOPUS): 57194240668

ResearcherID: I-6060-2018

Адрес для переписки: a.chemakin@spbu.ru

Для цитирования

Чемакин А. А. В. Ф. Кирей: «украинский генерал» во врангелевском Крыму // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 74 — 87. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-74-87. EDN: ONKLUE.

Статья поступила в редакцию 09.10.2024 г.

© А. А. Чемакин

VASILY KIREY: «UKRAINIAN GENERAL» IN WRANGEL'S CRIMEA

The article is devoted to a little-studied aspect of the biography of the Russian artilleryman Major General Vasily Fadeevich Kirey (1879–1942), related to his political work in Wrangel's Crimea in 1920. The research is based on unpublished sources from the collections of seven archives, as well as press materials and memoirs. Interpreting them using an anthropological approach, problem-chronological and biographical methods, the author reconstructs the biography of General Kirey with an emphasis on his activities as a general for assignments on Ukrainian affairs ('Ukrainian general') under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of South Russia, as well as his role as an emissary in negotiations with Petliurists.

Keywords: Russian Army, White movement, Wrangel's Crimea, Ukrainian People's Republic, Ukrainian question, Petliurists, national question, White emigration.

Acknowledgments

The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00046 «The Ukrainian question in General P. N. Wrangel's policy (spring–autumn of 1920s)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

References

1. Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobediteley. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu [Without winners. From the history of the Civil War in Crimea]. Simferopol, 2008. 728 p. ISBN 978-966-2930-47-4. (In Russ.).
2. Tsvetkov V. Krymskoye resheniye «ukrainskogo voprosa». Yuzhnorusskoye Belaye dvizheniye i politicheskiy status Ukrainy [Crimean solution to the «Ukrainian question». The South Russian White movement and the political status of Ukraine] // Rodina. *Motherland*. 2014. No. 5. P. 126–131. EDN: SCBUYT. (In Russ.).
3. Rutch N. N. Biograficheskiy spravochnik vysshikh chinov Dobrovol'cheskoj armii i Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii: Materialy k istorii Belogo dvizheniya [Biographical directory of the highest ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of South Russia: materials for the history of the White Movement]. Moscow, 2002. 381 p. ISBN 5-17-014831-3. (In Russ.).
4. Tinchenko Ya. Ofitser'skiy korpus Armii Ukraïns'koï Narodnoï Respubliki (1917–1921). Kn. 1. [Officer corps of the Army of the Ukrainian People's Republic (1917–1921). Book 1]. Kiev, 2007. 536 p. ISBN 966-8201-26-4. (In Ukrainian).
5. Ripenko Yu. B. Velikiye artilleristy Rossii: 100 znamenitykh imen otechestvennoy artillerii [Great Artillerymen of Russia: 100 Famous Names of Russian Artillery]. Moscow, 2012. 511 p. ISBN 978-5-227-03862-3. (In Russ.).
6. Litvin M. R., Naumenko K. E. Zbroyni sili Ukraïni pershoï polovini XX st. Generali i admirali [The armed forces of Ukraine in the first half of the 20th century. Generals and admirals]. Lviv; Kharkiv, 2007. 244 p. ISBN 978-966-2918-12-0. (In Ukrainian).
7. Tsvetkov V. Zh. Natsional'nyy vopros v politike antibol'shevistskikh (belykh) pravitel'stv [National question in the policy of the anti-Bolshevik (White) governments] // Istoriya Rossii: v 20 t. T. 12. Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 2. Vlast'. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura. *History of Russia: in 20 vols. Vol. 12. The Civil War in Russia. 1917–1922. Bk. 2. Power. Economy. Society. Culture* / ed. by V. V. Goldin, V. V. Kondrashin. Moscow, 2024. P. 761–778. ISBN 978-5-02-041024-4. (In Russ.).
8. Tabachnyk D. V. Istorija ukrai'ns'koi' diplomatii v osobah [History of Ukrainian diplomacy in faces]. Kiev, 2004. 638 p. ISBN 966-06-0330-4. (In Ukrainian).
9. Ivanets' A. V. Krims'ka problema v diyal'nosti UNR periodu Direktorii (kin. 1918–1920 rr.) [The Crimean problem in the activities of the UPR during the Directory period (late 1918–1920)]. Simferopol, 2013. 176 p. ISBN 978-966-366-619-8. (In Ukrainian).
10. Archiv hlavnioho města Prahy [Prague City Archives]. File: 156. MAG Z20. (In Czech).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 409/P/s 323–816. (In Russ.).
12. Milodanovich V. E. General Vasilii Fadeevich Kirey [General Vasily Fadeevich Kirey]. *Voyennaya Byl'*. 1959. No. 35. P. 6–10. (In Russ.).
13. Ganin A. V. Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg.: sprav. materialy [Corps of officers of the General Staff during the Civil War of 1917–1922: Reference materials]. Moscow, 2009. 895 p. ISBN 978-5-85887-301-3. (In Russ.).
14. RGVIA (RSMHA). File: 400/12/27612. (In Russ.).
15. Khlebnikov N. M. Pod grokhot soten batarey [Under the roar of hundreds of batteries]. Moscow, 1974. 376 p. (In Russ.).
16. Kirey V. F. Artilleriya ataki i oborony. Vyvody iz primeneniya artillerii na russkom fronte v 1914–1917 gg. [Artillery of attack and defense. Conclusions from the use of artillery on the Russian front in 1914–1917]. Moscow-Leningrad, 1926. 121 p. (In Russ.).
17. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P. S. Makhrov papers. Box 4. Makhrov P. S. V Belay armii generala Denikina. Zapiski nachal'nika shtaba glavnokomanduyushchego VSYuR [In the White Army of General Denikin. Notes of the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of South Russia]. (In Russ.).
18. BAR. P. S. Makhrov papers. Box 4. Makhrov P. S. General Wrangel' i B. Savinkov (1920–1924 gody) [General Wrangel and B. Savinkov (1920–1924)]. (In Russ.).
19. Raevskiy N. Iz prazhskikh dnevnikov [From Prague diaries]. *Prostor*. 2015. No 4. P. 75–135. (In Russ.).
20. Iz dnevnikov belogvardeyskogo ofitsera (Zapiski N. A. Rayevskogo) [From the diaries of a White Guard officer

(notes by N. A. Raevsky)] / ed. by Yu. Tsingovatov. URL: http://www.hrono.info/statii/2011/raevski_cing.php (accessed: 06.10.2024). (In Russ.).

21. Vizvol'ni zmagannya ochima kontrozvidnika (Dokumental'na spadshchina Mikoli Chebotariva) [Liberation struggle through the eyes of a counterintelligence officer (Documentary legacy of Mykola Chebotariv)]. Kiev, 2003. ISBN 966-8201-00-0. (In Ukrainian).

22. Ukraïns'ka Central'na Rada. Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 2. 10 grudnja 1917 r. – 29 kvitnja 1918 r. [Ukrainian Central Rada. Documents and materials: in 2 Vols. Vol. 2. December 10, 1917–April 29, 1918]. Kiev, 1997. 424 p. ISBN 966-00-0013-8. (In Ukrainian).

23. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: R-5881/1/583. (In Russ.).

24. Smovs'kiy K. Gaydamats'kiy kish slobids'koï Ukraïni ta yogo artileriya v 1917–1918 rotsi [Haydamak Kosh of Sloboda Ukraine and its artillery in 1917–1918]. Za Derzhavnist'. Materialy do istorii ukraïnskogo viys'ka. Zb. 5. *For Statehood. Materials for the History of the Ukrainian Army. Coll. 5.* Kalisz, 1935. P. 137–157. (In Ukrainian).

25. Kuchabs'kiy V. Vid pervopochiniv do Proskurivs'kogo periodu [From the beginnings to the Proskurov period]. Korpus Sichovikh Stril'tsiv: Voенно-istorichniy naris. Yuvileyne vidannya 1917–1967. *Corps of the Sich Riflemen: a Military-Historical Study. Anniversary Edition 1917–1967.* Chicago, 1969. P. 1–253. (In Ukrainian).

26. Skoropads'kiy P. Spogadi. Kinets' 1917–gruden' 1918 [Memoirs. The end of 1917–December 1918]. Kiev; Philadelphia, 1995. 493 p. ISBN 5-7702-0845-7. (In Russ. and Ukrainian).

27. Ganin A. Pri nemtsakh i getmane: Ukraina 1918 g. glazami generala P. S. Makhrova [Under germans and hetman: ukraine in 1918 as seen by general P. S. Makhrov] // Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. *Journal of Russian and East European Historical Studies.* 2020. No. 2 (21). P. 160–205. DOI: 10.24411/2409-1413-2020-10074. EDN: ITAADT. (In Russ.).

28. Ganin A. V. Na getmanskoy Ukraine letom – osen'yu 1918 g.: iz vospominaniy generala P. S. Makhrova [In Ukraine under Hetman summer – autumn 1918: from the memoirs of General P. S. Makhrov] // Slavyanskiy al'manakh. *Slavic Almanac.* 2021. No. 1–2. P. 477–507. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.6.01. (In Russ.).

29. Kovalevs'kiy M. Pri dzherelakh borot'bi. Spomini, vrazhennya, refleksii [At the sources of struggle: memories, impressions, reflections]. Innsbruck, 1960. 717 p. (In Ukrainian).

30. Volkov S. V. Shtab-ofitsery i generaly belykh armiy. Entsiklopedicheskiy slovar' uchastnikov Grazhdanskoy voyny [Staff officers and generals of the White armies. Encyclopedic dictionary of participants of the Civil War]. Moscow, 2019. 991 p. ISBN 978-5-227-07168-2. (In Russ.).

31. GARF [SARF]. File: R-7440/1/3. (In Russ.).

32. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy (TsGAVO) [Central State Archive

of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (CSASBPGU)]. File: 1429/2/28. (In Ukrainian).

33. GARF [SARF]. File: R-6217/1/56. (In Russ.).

34. GARF [SARF]. File: R-5827/1/244. (In Russ.).

35. TsGAVO [CSASBPGU]. File: 1075/4/37a. (In Ukrainian).

36. GARF [SARF]. File: R-7440/1/31. (In Russ.).

37. TsGAVO [CSASBPGU]. File: 3696/2/624. (In Ukrainian).

38. *Krymskiy Vestnik.* 1920. September 11. (In Russ.).

39. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Foreign Policy Archive of the Russian Empire]. File: 166/508-3/72. (In Russ.).

40. *Krymskiy Vestnik.* 1920. September 25. (In Russ.).

41. Sovershenno lichno i doveritel'no!»: B. A. Bakhmetev — V. A. Maklakov. Perepiska. 1919–1951. V 3-kh t. T. 1. Avgust 1919–sentyabr' 1921 [«Completely personally and confidentially!»: B. A. Bakhmetev — V. A. Maklakov. Correspondence. 1919–1951: in 3 vols. Vol. 1. August 1919–September 1921] / ed. by O. Budnitskiy. Moscow, 2001. 568 p. ISBN 5-8243-0168-9. (In Russ.).

42. Ivanis V. Stezhkami zhittya (Spogadi). Kn. IV. Kapitulyatsiya. Sidinnya v Krimu. Pershi kroki vignannya [Along the paths of life (Memories). Bk. IV. Surrender. Sitting in the Crimea. The first steps of exile]. Neu-Ulm, 1961. 404 p. (In Ukrainian).

43. GARF [SARF]. File: R-5787/1/9. (In Russ.).

44. GARF [SARF]. File: R-9145/1/1057. (In Russ.).

45. Tyutyunnik Yu. Z polyakami proti Ukraïni [With the Poles against Ukraine]. Kharkov, 1924. 101 p. (In Ukrainian).

46. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv [Russian State Military Archive]. File: 1703k/1/431. (In Fr.).

47. *Novoe Slovo.* 1942. June 14. (In Russ.).

CHEMAKIN Anton Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

SPIN-code: 6686-7066

AuthorID (RSCI): 679972

ORCID: 0000-0001-6078-4044

AuthorID (SCOPUS): 57194240668

ResearcherID: I-6060-2018

Correspondence address: a.chemakin@spbu.ru

For citations

Chemakin A. A. Vasily Kirey: «Ukrainian General» in Wrangel's Crimea. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 2. P. 74–87. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-74-87. EDN: ONKLUE.

Received October 09, 2024.

© A. A. Chemakin

УДК 1(091)

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93

EDN: ZENHVI

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ УИЛЬЯМА НИЛА КАК АЛЬТЕРНАТИВА СТРОГОМУ ВЕРИФИКАЦИОНИЗМУ

В статье анализируется эпистемологический прагматизм Уильяма Нила как альтернатива строгому верификационизму, обсуждаемому на симпозиуме Аристотелевского общества 1945 года. В центре внимания — его критика традиционного верификационного критерия Венского кружка и обоснование знания как гибкого, а не строго эмпирического процесса. Нил возражает против взгляда, что осмысленность высказываний определяется их верифицируемостью, и показывает, что познание возможно без явной проверки гипотез. В отличие от Фридриха Вайсмана, который пытался модернизировать верификационизм, Нил указывает на его ограничения. Он также оспаривает позицию Дональда Маккиннона, который связывал верификацию с априорным знанием и универсальной субъектно-предикатной структурой языка. Исследование позиций оппонентов показывает, что симпозиум 1945 года стал важным рубежом в аналитической философии, предвосхитившим современный анализ осмысленности высказываний, обоснования знаний и границ эмпирической проверки.

Ключевые слова: верификация, критерии осмысленности, эмпирические высказывания, обоснование знания, восприятие, структура высказывания.

Введение. В 1945 году одно из заседаний Аристотелевского общества неожиданным образом оказалось посвящено обсуждению проблемы верифицируемости высказываний [1]. Казалось бы, данная тема должна была уже утратить свою актуальность для послевоенной британской философии. Во-первых, Венский кружок и развиваемый им принцип верификации к тому времени растеряли прежнее влияние: первый прекратил существовать как значимое философское общество, а второй перестал быть значимым утверждением в аналитической философии. На это повлияли как объективные факторы (убийство М. Шлика, Вторая мировая война и вынужденная эмиграция ведущих представителей Венского кружка), так и субъективные (взгляды Л. Витгенштейна на логический позитивизм и принцип верификации претерпели значительные изменения, то же самое можно сказать и про Ф. Вайсмана, главного проводника его идей в Венском кружке; изменилось отношение к верификации и у А. Дж. Айера, который в 1930-е годы перенес идеи строгого логического анализа на английскую

почву [2, с. 147–148]). Однако мы оставим все эти аспекты за рамками анализа. Во-вторых, принципиально изменилась сама философия (включая британскую), для которой проблемы верификации перестали быть центром философского внимания [3, р. 55]. Тем не менее именно благодаря симпозиуму 1945 года, участники которого переосмыслили тему верификации и придали ей новый импульс, она вновь приобрела значимость и вернулась в философскую повестку.

Отчасти это удалось благодаря звездному составу участников симпозиума, каждый из которых к этому времени уже обладал высокой академической репутацией и авторитетом: ими были шотландский философ и теолог Дональд Маккиннон, австрийский логик и математик Фридрих Вайсман и английский философ науки Уильям Нил. Кроме того, участники дискуссии принадлежали к разным научным течениям и разделяли практически противоположные взгляды. Отчасти благодаря вопросам, поднятым участниками симпозиума, которые сохранили свою важность и сегодня, особенно для

эпистемологии, философии языка и всей аналитической философии в целом. Значимость и важность этих вопросов можно продемонстрировать на примерах дальнейшего развития трех ключевых философских проблем, затронутых в дискуссии.

Во-первых, это *критерии осмысленности и проблема демаркации*. Одной из центральных тем симпозиума был вопрос о том, какие высказывания можно считать осмысленными. Является ли верифицируемость строгим критерием осмысленности? Если да, то почему этот принцип исключает осмысленные, но неверифицируемые высказывания, вроде 'Я голоден', но при этом допускает абсурдные высказывания, такие как 'Абсолют ленив'? Эти вопросы остаются актуальными. Например, в философии науки продолжаются дебаты о критериях демаркации между наукой и ненаукой, а в философии религии — о том, можно ли считать религиозные высказывания осмысленными. Во-вторых, это *проблема обоснования знаний*. Хотя после 1945 года дискуссия о верификации приобрела новые формы, значительно отличающиеся от классического верификационизма [см. подробнее: 3], проблема обоснования знаний остается центральной для современной эпистемологии. Вопрос о том, каким образом эмпирическое знание может быть оправдано, продолжает обсуждаться в постпозитивизме, социальной эпистемологии и в когнитивных науках. В-третьих, это *роль языка в познании*. Может ли верификация определить значение высказывания? Можно ли редуцировать значение высказываний до методов их проверки? Как известно, предлагаются разные ответы. Философия языка исследует связь между истиной, значением и контекстом, а когнитивная лингвистика изучает, как язык формирует восприятие мира, развивая идеи о когнитивных структурах знания.

Следует признать, что историко-философское значение симпозиума выходит далеко за рамки конкретных разногласий. Он стал одним из последних крупных обсуждений верифицируемости в ее классическом понимании, предложенном Венским кружком¹. В последующие десятилетия концепция верификации претерпела радикальные изменения, получив новые трактовки [5, с. 220–221]. Поэтому симпозиум 1945 года можно рассматривать как одну из ключевых дискуссий, в рамках которой вопросы осмысленности, логического анализа и критериев научного знания были подвергнуты всестороннему разбору. В известном смысле он стал рубежом, обозначившим конец эпохи логического позитивизма в его строгом варианте и переход к более гибким интерпретациям верификации в постпозитивизме.

Контекст и предмет дискуссии 1945 года. Симпозиумы Аристотелевского общества, практически с момента его основания в 1880 году, играли ключевую роль в развитии аналитической философии, создавая интеллектуальную среду для обсуждения фундаментальных философских проблем. Именно здесь получали развитие такие темы, как природа ментальных состояний, волевое поведение, существование других сознаний, верифицируемость, восприятие внешнего мира и различие между *Is* и *Ought*. Эти дискуссии не только способствовали развитию философской мысли, но и непосредственно формировали терминологический и аргументационный 'континуитет', повлиявший на современную философию.

Одним из значимых симпозиумов, оказавших влияние на дальнейшее развитие аналитической

философии, и стало заседание 14 июля 1945 года, посвященное проблеме верифицируемости. Данная тема была в центре внимания логических позитивистов 1920–1930-х годов, однако к середине 1940-х годов она утратила свой прежний статус. Участники этого симпозиума стремились переосмыслить саму идею верификации, выявить ее ограничения и предложить новую интерпретацию, которая учитывала бы недостатки предыдущих версий и достижения современных подходов.

Каждый из докладчиков предложил свою трактовку проблемы верификации. Маккиннон поставил вопрос о том, можем ли мы вообще сформулировать удовлетворительный принцип верификации, принимая во внимание сложность эпистемологических условий познания [1, р. 101–118]. Вайсман, бывший член Венского кружка, пытался защитить верификационизм, но в обновленной форме, допускающей его модификацию [1, р. 119–150]. Нил, в свою очередь, подверг критике строгий верификационизм, предложив более гибкий подход [1, р. 151–164], который можно охарактеризовать как эпистемологический прагматизм.

Впрочем, значение этого симпозиума заключается не только в самом предмете обсуждения и даже не в аргументах, с помощью которых участники защищали свои позиции. Интересен сам формат дискуссии: это было не просто обсуждение теоретических разногласий внутри эмпиризма, а своеобразная миниатюрная модель конфронтации метафизики и аналитической философии, где первая пыталась пересмотреть границы осмысленности высказываний, а вторая стремилась сохранить методологическую строгость.

Прежде чем перейти к анализу аргументов Нила, полезно кратко рассмотреть критикуемую им позицию Маккиннона — основного докладчика симпозиума. Как сторонник аналитической теологии, Маккиннон, конечно, воспринимал верифицируемость как вызов традиционной метафизике, направленный на выявление бессодержательных утверждений. Однако, по его мнению, само понятие верификации уже не соответствует требованиям современной философии и нуждается в более глубокой философской рефлексии. В вопросах верификации Маккиннон предлагает учитывать, так называемую 'эвиденциалистскую предпосылку' (*evidentialist assumption*), согласно которой «нет ничего сверх содержания высказывания, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [1, р. 102]. Он связывает этот принцип с известным тезисом Беркли *Esse est percipi*, подчеркивая, что каждое осмысленное утверждение должно иметь эмпирическое подтверждение, иначе оно утрачивает смысл. И верификация — это лишь частный случай более широкой проблемы обоснования (*justification*) знаний. В отличие от строгого верификационизма, который требует сознательной проверки каждого утверждения, процесс познания зачастую происходит спонтанно, без предшествующего сомнения. Наши знания формируются не только в результате проверки гипотез, но и через восприятие, интуицию и интеллектуальную обработку опыта. Отсюда Маккиннон делает вывод, что познание невозможно свести исключительно к строгой верификации, поскольку оно включает более фундаментальные формы организации опыта. Хотя эмпирическое знание и остается важнейшей составляющей, его нельзя понимать только как результат верификации, оно также требует интел-

лектуального структурирования и систематизации восприятия. Эвиденциалистская трактовка верификационизма, предлагаемая Маккинноном, таким образом, основана на идее, что в самом высказывании содержится доказательство или обоснование того, как его следует использовать [6, с. 48–49].

Между верификацией и обоснованием. Нил выступил в роли второго оппонента Маккиннона. Первым с критическими замечаниями выступил Вайсман, которому предстояло защищать верификационизм и отстаивать принцип верификации как ключевой метод познания. И хотя аргументация Вайсмана остается в рамках логического позитивизма, он предлагает его обновленную, смягченную версию. Осознавая уязвимости традиционного понимания принципа верификации, он стремился адаптировать его к новым философским реалиям, сохранив при этом его роль в анализе осмысленности высказываний. Особую роль в его подходе играет идея позднего Витгенштейна, что значение слова определяется его употреблением в языке, и его собственная идея об 'открытой текстуре' эмпирических высказываний, опираясь на которые Вайсман расширяет понимание верификации². Он делает ее более гибкой, допуская, что разные типы высказываний могут проверяться различными способами [8, с. 226]. Однако, несмотря на эти модификации, он продолжает утверждать, что именно верифицируемость остается главным критерием философского анализа.

Нил хотя и придерживается схожих с Вайсманом взглядов, но принципиально расходится с ним в их обосновании. В отличие от Вайсмана, признающего уязвимость верификационизма Венского кружка и предлагающего его умеренную модификацию [7, с. 116–117], Нил подвергает критике саму идею строгой верификации. В частности, он утверждает, что осмысленность высказываний не может зависеть только от возможности их эмпирической проверки. Критерии осмысленности нужно расширить, поскольку многие осмысленные утверждения не поддаются строгой верификации, но все же имеют рациональное обоснование (например, в математике, этике или даже в обычном языке). Однако основное различие между ними заключается в том, что Вайсман пытается спасти верификационизм, адаптировав его к более сложной языковой картине мира [9], тогда как Нил уходит от верификации в сторону обоснования знаний, показывая, что строгий эмпирический критерий неприменим во многих областях [1, р. 154].

Вернемся все же к критике Нила позиции Маккиннона. Основная проблема Маккиннона, по его мнению, состоит в том, что он просто не понимает, что придерживающиеся классического верификационизма философы, конечно же, не воспринимают буквально выражение, что значением высказывания *является* способ его верификации [1, р. 152–153]. Прежде всего потому, что есть много высказываний, которые обладают значением, не будучи верифицируемыми, например, 'Я голоден'. В этом отношении Нил солидарен с Вайсманом, который рассматривает схожий пример гипотезы [1, р. 138]. Действительно, фраза 'способ верификации', как она используется в обычном языке, может применяться ко многим вещам, не имеющим отношения к значению верифицируемого высказывания. Однако, полагает Нил, «ни одно высказывание о реальном мире не будет осмысленным, если его истинность или ложность не подтверждается

эмпирически» [1, р. 153]. Вот почему верификация оказалась тем инструментом, который позволял отделить смысл от бессмыслицы, и тем самым избавиться от псевдвопросов. При этом Нил отмечает, что даже если бы высказывание можно было верифицировать, сам процесс верификации не был бы частью его значения.

Нила, как и Вайсмана, не устраивает эвиденциалистская трактовка верификационизма Маккиннона [1, р. 102]. Он считает, что эвиденциализм — «это лишь теория о содержании высказываний, которые считаются обоснованными эмпирически, и ее следует понимать именно так, а не как теорию или принцип верификации» [1, р. 153–154]. Вот почему важно отличать верификацию высказывания от его обоснования (*justification*). Верификация — это процесс проверки истинности уже сформулированного высказывания. Однако на самом деле многие высказывания обосновываются эмпирически не в процессе проверки, а просто в ходе наблюдения, без предварительного вопроса. То есть процесс познания включает не только сознательную верификацию, но и пассивное усвоение знаний. В частности, «интроспекция показывает, что значительную часть эмпирических знаний мы приобретаем без каких-либо сознательных усилий» [1, р. 154].

Маккиннон, напротив, утверждает, что разные эмпирические высказывания обосновываются опытом по-разному. Он подчеркивает, что обоснование — это сложный процесс, поскольку у нас нет заранее данных фактов, которым высказывания могли бы напрямую соответствовать. Нельзя просто указать на установленный факт и тем самым подтвердить истинность высказывания — факты нужно сначала обнаружить эмпирически [см. подробнее: 10, р. 31–45]. Нил, однако, сомневается в том, действительно ли подобное понимание опыта и фактов имеет отношение к верификации. Даже обращение Маккиннона к априорному знанию, по всей видимости, не спасает его концепцию обоснования эмпирических высказываний через опыт. Ведь, по Маккиннону, априорное знание — это знание форм, которые должны определять структуру фактов. Но возможно ли такое знание? И связано ли оно с процессом понимания? Нил дает отрицательный ответ. По его мнению, существуют высказывания, которые могут быть обоснованы эмпирически, без опоры на индукцию (например, высказывания с глаголом 'знать' [1, р. 158]).

Язык и логическая структура эмпирических высказываний. Особое внимание Нил уделяет синтаксической структуре эмпирических высказываний, исследуя, какие языковые ('сентенциальные') формы необходимы для выражения фактов и каким образом они связаны с процессом познания. Его анализ показывает, что стандартная логическая схема 'субъект–предикат', широко используемая в традиционной философии и логике, не является единственно возможной, хотя и играет важную роль в структурировании знаний [1, р. 159]. Есть и другие формы выражения фактов.

Нил отмечает, что язык допускает высказывания, которые не соответствуют этой двухэлементной структуре. Например, односоставные предложения, вроде 'Пожар!' или 'Внимание!', содержат имплицитную информацию о ситуации, не выражая при этом субъект и предикат. Они представляют собой полноценные эмпирические высказывания, поскольку передают сведения о мире, даже если в них явно не указаны объекты или свойства. Однако,

Взгляды Нила и Маккиннона на вопросы верификации

	Уильям Нил	Дональд Маккиннон
Что такое верификация?	Проверка истинности высказываний, но не единственный способ познания.	Процесс, встроенный в когнитивные структуры, делающий познание возможным.
Возможно ли познание без верификации?	Да, знание может возникать без сознательного акта верификации.	Нет, даже простое восприятие уже встроено в процесс верификации.
Нужно ли априорное знание?	Нет, оно не необходимо для эмпирического познания.	Да, оно структурирует сам процесс познания.
Как связаны смысл и верификация?	Верификация не определяет смысл высказываний.	Верификация и смысл связаны, но через познавательные структуры.

по мнению Нила, сама возможность осмысленного выражения фактов требует способности приписывать объектам свойства и устанавливать между ними отношения. И даже если высказывание на первый взгляд кажется не обладающим субъектно-предикатной структурой, его интерпретация все равно предполагает неявную атрибуцию, — к примеру, высказывание 'Пожар!' подразумевает, что где-то есть огонь, который распространяется и представляет угрозу [1, р. 162].

Вопрос о том, каким образом подобные синтаксические формы связаны с осмысленностью высказываний, отчасти перекликается с позицией Маккиннона, стремившегося выявить *общие условия*, которые удовлетворялись бы всякий раз, когда высказывание обосновывается при помощи опыта. Однако в своих рассуждениях он рассматривает лишь *специальные условия*, зависящие от лингвистической терминологии, например, различие между высказываниями в терминах материальных объектов и чувственных данных. И хотя сами эти различия представляет интерес, они не могут быть приняты за универсальные основания обоснования эмпирических высказываний. Нил в своих возражениях Маккиннону указывает, что настоящим кандидатом на роль общего условия могла бы быть 'сентенциальная форма', присутствующая в любой терминологии, используемой для выражения эмпирических фактов. Такой формой, по его мнению, является (явная или неявная) субъектно-предикатная структура, поскольку она неизбежно присутствует в повествовательных предложениях [1, р. 159].

Но даже если принять это условие как базовое, придется признать, что оно не охватывает все возможные формы выражения эмпирических высказываний. Субъектно-предикатная структура характерна прежде всего для атрибутивных суждения, но не для реляционных, которые могут требовать иной логической формы. Таким образом, Нил показывает, что язык предоставляет разные способы выражения эмпирических фактов, и осмысленность высказываний не всегда зависит от их формальной структуры. Из чего он делает вывод, что верификация эмпирических высказываний не может опираться только на их грамматическую форму, а должна учитывать контекст, прагматику и когнитивные механизмы интерпретации.

Заключение. Различие взглядов Нила и Маккиннона, представленных на симпозиуме 1945 года, удобно выразить в виде таблицы (табл. 1).

Из этого сравнительного анализа видно, что Нил рассматривает верификацию как частный случай проверки знаний, утверждая, что знание может су-

ществовать и без нее. Для Маккиннона верификация — это фундаментальный процесс, встроенный в саму когнитивную структуру восприятия и мышления [6, с. 49]. В этом смысле Нил — даже больший критик логического позитивизма, чем Маккиннон, который выступает скорее в роли его реформатора, пытающегося встроить верификацию в более глубокий эпистемологический процесс. Нил, в отличие от Вайсмана, критически оценивает идею, что значение высказывания есть способ его верификации и рассматривает верификацию не как абсолютный критерий осмысленности высказываний, а как один из способов обоснования знания. Он подчеркивает, что знание не всегда формируется через сознательную проверку, но может возникнуть через обыденный опыт. Его подход близок к прагматической традиции, поскольку он оценивает верификацию с точки зрения ее функциональности в процессе познания, а не как жесткий логический принцип. Для него обоснование знаний — это гибкий и контекстуально зависимый процесс, а не строгая проверка по жестким критериям верификации.

И хотя участники симпозиума не пришли к единому мнению, их дискуссия стала важной вехой на пути развития аналитической философии³. Она продемонстрировала, что верификация не может рассматриваться исключительно как формальный критерий осмысленности, а требует более сложного понимания процесса обоснования знаний и его связи с логической структурой языка.

Примечания

¹ Есть несколько версий верификационизма, развиваемого Венским кружком. В качестве основных, Т. Юбель предлагает рассматривать три пары, выраженные следующими дистинкциями [4, р. 2]: (1) верификационизм, понимаемый как теория значения эмпирических высказываний, versus верификационизм как критерий осмысленности эмпирических высказываний и их эмпирическое значение; (2) верификационизм, требующий фактического применения верификации, versus верификационизм, допускающий потенциальную применимость верификации; (3) верификационизм, требующий полной и окончательной верификации, versus верификационизм, допускающий менее полную и окончательную верификацию. Участники симпозиума 1945 года обсуждали вопросы, соответствующие первой паре из классификации Юбеля.

² Основные проблемы верификации, по мнению Вайсмана, заключаются в том, что эмпирическое высказывание невозможно окончательно верифицировать по двум причинам: во-первых, из-за неполноты описания материального объекта и, во-вторых, из-за открытой текстуры используемых в нем понятий [7, с. 112].

³ После симпозиума 1945 года Нил продолжил развивать свои идеи, связанные с верификацией, но уже в контексте философии логики и философии науки. В статье *Natural Laws and Contrary-to-Fact Conditionals* [11] он анализирует использование материальной импликации в объяснении контрафактических условных высказываний, критикуя подходы, основанные на универсальных материальных импликациях, и обсуждает их отношение к законам природы. В фундаментальной работе *The Development of Logic* [12], написанной в соавторстве с женой Мартой, основной акцент хоть и сделан на историческом развитии логических систем, тем не менее обсуждение вопросов, связанных с верификацией и обоснованием, тоже присутствует, особенно в контексте анализа логических парадоксов и семантических концепций.

Список источников

1. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: verifiability // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1945. Vol. 19, № 1. P. 101 – 164. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/19.1.101.
2. Нехаев А. В. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика // *Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов: моногр.* / под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. С. 146 – 182.
3. Misak C. J. *Verificationism: its history and prospects*. London: Routledge, 1995. 254 p.
4. Uebel T. Verificationism and (some of) its discontents // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2019. Vol. 7, № 4. P. 1 – 31. DOI: 10.15173/jhap.v7i4.3535.
5. Оглезнев В. В. Историко-философская реконструкция обсуждения верифицируемости на заседании Аристотелевского общества // *Эпистемология и философия науки*. 2023. Т. 60, № 2. С. 206 – 223. DOI: 10.5840/eps202360233. EDN: WYUGYC.
6. Оглезнев В. В. Метафизика факта Дональда Маккиннона и проблемы верификационизма // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 73. С. 44 – 54. DOI: 10.17223/1998863X/73/4. EDN: JFLWSU.
7. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайс-

мана // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 3. С. 110 – 122. DOI: 10.5840/eps201956353. EDN: SFPLEO.

8. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55, № 4. С. 219 – 230. DOI: 10.5840/eps201855478. EDN: YVKCVF.

9. Waismann F. *Language Strata // Logic and Language*. Oxford: Basil Blackwell, 1961. P. 11 – 31.

10. MacKinnon D. *The problem of Metaphysics*. Cambridge University Press, 1974. 180 p.

11. Kneale W. Natural laws and contrary-to-fact conditionals // *Analysis*. 1950. Vol. 10, № 6. P. 121 – 125. DOI: 10.1093/analysis/10.6.121.

12. Kneale W., Kneale M. *The development of logic*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 792 p.

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.
SPIN-код: 3701-0936
AuthorID (РИНЦ): 539601
ORCID: 0000-0003-0287-6543
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
Адрес для переписки: ogleznev82@mail.ru

Для цитирования

Оглезнев В. В. Эпистемологический прагматизм Уильяма Нила как альтернатива строгому верификационизму // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2025. Т. 10, № 2. С. 88 – 93. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93. EDN: ZENHVI.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025 г.

© В. В. Оглезнев

EPISTEMOLOGICAL PRAGMATISM OF WILLIAM KNEALE AS AN ALTERNATIVE TO STRICT VERIFICATIONISM

This article presents William Kneale's epistemological pragmatism as an alternative to strict verificationism discussed at the 1945 symposium of the Aristotelian Society. The focus is on his critique of the traditional verificationist criterion of the Vienna Circle and his argument for knowledge as a flexible rather than strictly empirical process. Kneale challenges the view that the meaningfulness of statements is determined by their verifiability and demonstrates that knowledge can exist without explicit hypothesis testing. Unlike Friedrich Waismann, who sought to modernize verificationism, Kneale highlights its limitations. He also disputes Donald MacKinnon's position, which linked verification to a priori knowledge and the universal subject-predicate structure of language. The analysis of these opposing views shows that the 1945 symposium was a significant milestone in analytic philosophy, anticipating contemporary discussions on meaningfulness, knowledge justification, and the limits of empirical verification.

Keywords: verification, criteria of meaningfulness, empirical statements, knowledge justification, perception, statement structure.

References

1. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: verifiability. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1945. Vol. 19, no. 1. P. 101–164. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/19.1.101. (In Engl.).
2. Nekhaev A. V. Al'fred Dzhulis AyYer: yazyk, logika i etika [Alfred Jules Ayer: language, logic, and ethics] // *Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov* [Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogue] / Ed. A. B. Didikin. Moscow, 2021. P. 146–182. (In Russ.).
3. Misak C. J. *Verificationism: its history and prospects*. London: Routledge, 1995. 254 p. (In Engl.).
4. Uebel T. Verificationism and (some of) its discontents. *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2019. Vol. 7, no. 4. P. 1–31. DOI: 10.15173/jhap.v7i4.3535. (In Engl.).
5. Ogleznev V. V. Istoriko-filosofskaya rekonstruktsiya obsuzhdeniya verifikatsionnosti na zasedanii Aristotelevskogo obshchestva [Historical and philosophical reconstruction of the discussion on verifiability at the meeting of the Aristotelian society]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Vol. 60, no. 2. P. 206–223. DOI: 10.5840/eps202360233. EDN: WYUGYC. (In Russ.).
6. Ogleznev V. V. Metafizika fakta Donal'da Makkinnona i problemy verifikatsionizma [Donald MacKinnon's metaphysics of fact and problems of verificationism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2023. No. 73. P. 44–54. DOI: 10.17223/1998863X/73/4. EDN: JFLWSU. (In Russ.).
7. Ogleznev V. V. «Otkrytaya tekstura» empiricheskikh ponyatiy i lingvisticheskoy antireduksionizm Fridrikha Vaysmana [Friedrich Waismann's «Open texture» of empirical concepts and linguistic antireductionism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56, no. 3. P. 110–122. DOI: 10.5840/eps201956353. EDN: SFPLEO. (In Russ.).

8. Waismann F. Mnogourovnevaya struktura yazyka [The many-level-structure of language] / trans. from Engl. V. V. Ogleznev, V. A. Surovtsev. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55, no. 4. P. 219–230. DOI: 10.5840/eps201855478. EDN: YVKCVF. (In Russ.).
9. Waismann F. *Language Strata // Logic and Language*. Oxford: Basil Blackwell, 1961. P. 11–31. (In Engl.).
10. MacKinnon D. *The problem of Metaphysics*. Cambridge University Press, 1974. 180 p. (In Engl.).
11. Kneale W. Natural laws and contrary-to-fact conditionals. *Analysis*. 1950. Vol. 10, no. 6. P. 121–125. DOI: 10.1093/analys/10.6.121. (In Engl.).
12. Kneale W., Kneale M. *The development of logic*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 792 p. (In Engl.).

OGLEZNEV Vitaliy Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of Philosophy and Logic Department, Tomsk State University, Tomsk; Leading Researcher, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai.

SPIN-code: 3701-0936

AuthorID (RSCI): 539601

ORCID: 0000-0003-0287-6543

AuthorID (SCOPUS): 56307954100

ResearcherID: X-2616-2019

Correspondence address: ogleznev82@mail.ru

For citations

Ogleznev V. V. Epistemological pragmatism of William Kneale as an alternative to strict verificationism. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 88–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-88-93. EDN: ZENHVI.

Received February 24, 2025.

© V. V. Ogleznev

УДК 165

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103

EDN: PIWYJZ

А. М. КАРДАШ

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь

ЭКСТЕРНАЛИЗМ И ЗНАНИЕ: КАК СЛЕДОВАТЬ ПРАВИЛАМ

В статье показано, что проблема следования правилу Крипке–Витгенштейна предполагает посылку эпистемического интернализма, которая неправомерно ограничивает допустимые ответы относительно того, как агенты могут знать правила или значения языковых выражений. В связи с этим аргументируется, что рассматриваемая проблема касается не знания правил или значения вообще, а только атрибуции пропозиционального знания по интерналистским критериям. На этом основании делается вывод о том, что отказ от интерналистской посылки в прямом решении Евгения Борисова позволяет избежать критики, выдвинутой Андреем Нехаевым.

Ключевые слова: локальный скептицизм, следование правилу, знание-как, экстернализм, интернализм, эпистемология.

1. Введение. Данный текст преследует несколько целей. Первая из них — показать, что поставленная Крипке скептическая проблема следования правилу предполагает посылку эпистемического интернализма, тем самым неправомерно ограничивая допустимые ответы относительно того, как агенты могут знать правила или значения языковых выражений. В связи с этим будет утверждаться, что рассматриваемая проблема касается не знания правил или значения вообще, а только атрибуции пропозиционального знания по интерналистским критериям.

Вторая цель — показать, как гибридное в эпистемологическом отношении прямое решение парадокса следования правилу Евгения Борисова [1] может избежать критики, выдвинутой Андреем Нехаевым [2]. Будет показано, что агент может знать, как употреблять слова со значением, не имея идеальной осведомленности о значении языковых выражений. Один из ключевых доводов Борисова будет рассмотрен как аргумент в пользу данного тезиса.

2. Зачем решать проблему следования правилу? Представьте ситуацию, что в свой выходной вы решили сходить в зоопарк. Прогуливаясь мимо разнообразных животных, вы оказываетесь у большого вольера, засеянного травой. Внутри загона вы видите животное, которое, совершенно не обращая на вас внимания, склоняет голову и начинает щипать травку. Зверь походит на жеребенка лошади, но явно отличается окрасом в черно-белую полоску. Характерный ‘ирокез’ животного, возможно, напомнит о юности, но ностальгия отношения к делу не имеет. Собрав все признаки воедино, вы пой-

мете, что увидели зебру. Возможно, даже впервые вживую. Более того, у вольера вы обнаружите информационный стенд, подтверждающий, что здесь действительно размещена саванная зебра.

Что же, вы в зоопарке, перед вами зебра и на вольере с ней написано ‘зебра’. Ошибки быть не может — вы *знаете*, что перед вами зебра. Вскоре к вам подходит другой посетитель и, указывая на зебру, задает вопрос: ‘Как вы думаете, что это за животное?’. Без тени сомнения вы отвечаете: ‘Зебра’. Однако ухмыльнувшись, посетитель, подобно бывалому разрушителю эпистемических надежд, задает новый вопрос: ‘А откуда вы знаете, что это не покрашенный в полоску мул?’.

Данный широко известный в эпистемологии пример был предложен Фредом Дрекке. По его же собственному признанию, этот пример «глуповат, но не более глуп, чем большинство известных нам скептических аргументов» [3, р. 1015]. Суть содержащегося в нем аргумента в следующем: (1) у вас есть множество свидетельств в пользу того, что вы видите перед собой зебру; (2) так как из пропозиции ‘в вольере находится зебра’ следует пропозиция ‘в вольере не находится покрашенный в полоску мул’, считается, что если вы знаете, что перед вами зебра, то из этого следует, что вы также знаете, что перед вами не покрашенный в полоску мул¹; (3) специфика ситуации в том, что доступные вам свидетельства в пользу первой пропозиции не кажутся столь же хорошими и прямыми свидетельствами в пользу второй; (4) ввиду этого, если кто-то напрямую спросит вас о том, знаете ли вы, что перед вами не покрашенный в полоску мул, то в *естественной* ситуации вы скорее всего начне-

те сомневаться в том, зебра ли перед вами, несмотря на все свидетельства.

Пример показывает, что речевые акты влияют на атрибуцию знания, включая атрибуцию знания самому себе. Наряду с этим можно заметить, что атрибуция знания неидеально коррелирует с его наличием. Как мне видится, в этом и состоит часть оригинального посыла Дрекке — знание посетителя зоопарка, что перед ним зебра, не зависит от его уверенности в том, обладает или не обладает он таким знанием. Такое знание в большей степени зависит от того, что полагается его предметом и соответствует ли это полагание положению дел. Скептическая же аргументация обычно направлена именно на уверенность субъекта в знании, и когда эта уверенность подорвана, то скептицизм распространяется и на сами явления.

Представим теперь, что в день посещения зоопарка вам встретился скептик, суждения которого Сол Крипке рассматривал в своем знаменитом обсуждении проблемы следования правилу [7]. Он мог бы спросить вас, действительно ли вы всегда, когда буквальным образом употребляете слово 'зебра', подразумеваете под ним такое животное, как зебра? Следует ли вы правилу, предписывающему называть зебру 'зеброй'? Поскольку ваш собеседник, как кажется, не считает, что вы пытаетесь следовать сравнительно более странному правилу называть 'зеброй' пешеходный переход или определенный вид животных, то с ним вполне можно было бы согласиться.

Но представьте теперь, он вам говорит, что животное, которое вы назвали 'зеброй' — это на самом деле зеброд. Естественно, в этот момент никакого заговора владельцев зоопарка нет, и настоящие зебры просто в данный момент отдыхают под настилом в углу вольера. Так получилось, что конкретно этот зеброд визуально очень похож на зебру и оказался перед вами. Таким образом скептик из текстов Крипке показал, что вы, сами того не зная, употребляли слово 'зебра' так, что оно совместимо как с правилом употребления, предполагающим наименование 'зебрами' только зебр, так и зебр с зеброидами. Важно, что вы не просто ошиблись в частной ситуации, а допустили такого рода 'ошибку', которая заставляет переосмыслить то, что вы делали ранее, совершая то же самое, что и в рассматриваемой частной ситуации. С этого момента нетрудно понять, что ваше употребление как этого, так и других слов принципиально совместимо с множеством правил их употребления, а поэтому всегда есть повод для сомнения в том, о чем именно идет речь. Когда вы как-то называете животное перед собой, то вы выдвигаете эмпирическую теорию о доступном вам наборе фактов, но сам по себе этот набор фактов всегда допускает и альтернативные интерпретации [ср. с этим: 1, с. 25].

Но зачем ставить подобные проблемы и размышлять над их решениями? Полагаю, что проблема следования правилу является не только теоретической головоломкой, но и в некотором виде может встретиться нам на практике². Если случай с зеброй и зеброидом кажется слишком бытовым, то нетрудно представить схожий социальный или политический пример. Допустим, что кандидат в президенты обещает, что будет вести политику, направленную на повышение благосостояния своих граждан. Пожалуй, практически любой гражданин персонально и материально окажется заинтересован в правиле, в соответствии с которым будут делаться заявления

о том, что их благосостояние повышается. Рискуно предположить, что избиратели бы расстроились, узнав, что их кандидат адаптивно изменял бы правило, которым руководствуется, используя любые контекстуально позитивные экономические метрики для утверждений о повышении благосостояния.

Неопределенность в интерпретации языковых выражений, фактов и слов может использоваться в корыстных целях. Открытая Крипке проблема высвечивает важный драйвер подобных манипуляций — совместимость новой интерпретации (правила) с прошлыми фактами (употреблением). Неслучайно Крипке ассоциировал с Витгенштейном социальное или коммунальное решение проблемы следования правилу, которое состоит в том, что значение слов утверждается грубым согласием в рамках сообщества (витгенштейнианской формы жизни) [7, с. 91–92].

3. Прямое решение и его критика. Учитывая, что некоторое решение проблемы следования правилу может понадобиться нам в качестве практического инструмента оценки заявлений, особое преимущество в таком свете получают подходы, претендующие на простоту и теоретическую экономность. Чем проще представить приложение некоторого решения к естественным 'эрзацам' проблемы следования правилу, тем более инструментально полезным можно признать подобное решение.

Борисов предлагает модифицировать 'умеренное' решение Всеволода Ладова [8], превратив его тем самым в полноценное прямое решение. Такое новое решение выглядит и теоретически экономным, и крайне простым для практического приложения [1]. Однако Нехаев критикует прямое решение Борисова, считая, что оно не подходит для разрешения проблемы следования правилу в смысле локального скептицизма о значении [2]. Поскольку решение предполагает несколько шагов, то рассмотрим их последовательно, обращая внимания на моменты, которые подверглись критике.

Первый шаг предполагает указание на перформативное противоречие в словах скептика, утверждающего, что 'никакие языковые выражения не обладают значением'. Данный аргумент был выдвинут Ладовым [8, с. 315–317] и именно его усиливает Борисов. Сама возможность произвести речевой акт, включающий в себя вышеобозначенное высказывание, подразумевает, что мы можем понять, что значат слова скептика. В противном случае он просто не смог бы нам сообщить свою позицию. Здесь можно говорить не только о перформативном противоречии, но и о самоопровержении. Если языковые выражения действительно не обладают никаким значением, то это касается и высказываний о том, что 'никакие языковые выражения не имеют значений'. В этом смысле скептику следовало бы воздержаться от суждений и промолчать о том, о чем невозможно сказать. Если же допустить, что скептик из текстов Крипке настаивает на том, что языковые выражения *действительно* не обладают значением, то в таком случае он также опровергает сам себя, делая высказывание, имеющее значение.

В своем критическом ответе Нехаев указывает на разницу между тотальным и локальным скептицизмом в отношении следования правилам. Я также склоняюсь к тому, что Крипке действительно подразумевает локальный скептицизм, однако становится ли ввиду этого ситуация с самоопровержением значительно лучше? Допустим, скептик

утверждает, что 'вы никогда не знаете достоверно, с каким именно значением употребляете языковые выражения'. В целом, он с легкостью может настаивать на том, что это действительно так, поскольку если мы распространяем это положение на само положение, то скептику остается только объяснить, как мы поняли друг друга, не имея доступа к словам с фиксированным значением. Здесь он может с легкостью сослаться на то, что он и собеседник находятся в рамках одной и той же формы жизни, которая и задает интерсубъективную модель достояточной интерпретации слов друг друга.

Но не наблюдаем ли мы здесь эквивокации? Скептический пафос начального высказывания строится на том, что мы считываем начальное высказывание *дотеоретическим* образом, как высказывание о том, что любое слово может значить буквально что угодно. Как бы это иронично ни прозвучало, но возможная неоднозначность значения при обыденном прочтении позволяет локальному скептицизму соскальзывать в тотальный. Поскольку дотеоретическая трактовка явно подпадает под обвинение в перформативном противоречии, скептик дает *теоретическую* трактовку того, что означает отсутствие доступа к фиксированному значению слов. Например, он говорит о том, что у слов нет фиксированного значения вне определенной формы жизни. В этом смысле становится понятным и то, почему Борисов нацеливается на тотальный скептицизм относительно значения и почему его решение применимо и к скептицизму локальному.

При теоретической трактовке скептицизм действительно оказывается очень локальным — касающимся невозможности индивидуального языка, то есть невозможности найти факт, утверждающий значение слов посредством индивидуальной интроспекции. Если нам кажется, что мы всегда посредством интроспекции знаем, каким значением наделяем собственные слова, то проблема следования правилу проблематизирует именно сам источник получения подобного знания о значении.

Следующий шаг Борисов усиливает 'умеренное' решение Ладова, указывая на то, что: «Мы (люди) либо говорим, либо нет. Если мы не говорим (даже если производим звуки и секвенции букв), то дискуссия не может быть продолжена, потому что она еще не началась. Если же мы говорим, то давайте обратим внимание на тот факт, что речевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями; 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Таким образом, если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи» [1, с. 27].

Критика Нехаева не зря называет подход Борисова картезианской семантикой, поскольку предлагаемое последним решение — это практически эпистемический фундаментализм, взятый из палаты мер и весов³. Практически, поскольку у подхода Борисова одновременно с этим есть радикально различие с картезианским фундаментализмом — осознавая сложности, связанные с опорой на факты, полученные в ходе интроспекции, Борисов вводит некий ее не-ментальный аналог, называемый 'интроспекцией₂'. Приведу авторскую трактовку: «Здесь будет уместно различить два вида интроспекции: обозначим их 'интроспекция₁' и 'интроспекция₂'. Интроспекция₁ — это источник эмпирических данных о собственном сознании; интроспекция₂ — это знание о значениях как составная часть

речевого акта. Интроспекцию₂ не следует понимать в том смысле, что агент наблюдает свой собственный акт надления слов значениями: в этом случае интроспекция₂ была бы разновидностью интроспекции₁. Интроспекция₂ не является результатом наблюдения за какими-либо действиями агента; при этом она является неотъемлемой частью этого акта. Интроспекция₁, как и любой источник эмпирических данных, не дает достоверного знания; именно на этом основании скептик Крипке отвергает апелляции к ней. Но интроспекция₂ не является источником эмпирических данных, поэтому против нее скептическая аргументация (во всяком случае, аргументация скептика Крипке) не действует» [1, с. 28].

Было бы вполне естественным понимать такую 'интроспекцию' как некую способность производить значение слов, как некоторое знание-как [ср. с этим: 2, с. 66]. Соответственно, концептуальный груз прямого решения проблемы следования правилу явно падает на этот самый концепт 'интроспекции₂', а если она является формой знания-как, то и на представления о нем.

Сам же картезианский элемент прослеживается в связке двух условий речевого акта, предлагаемых Борисовым. Первое условие говорит о том, что агент «наделяет свои слова значением», а второе о том, что он «достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова» [1, с. 27; курсив мой. — А. К.]. Я выделил курсивом слова, которые напрашиваются на картезианскую трактовку, но, учитывая, что к надлению слов значением приводит 'интроспекция₂', которая не является интроспекцией в обычном смысле слова, я считаю, что от картезианского элемента (и соответствующий критики) можно избавиться.

Дело в том, что критика Нехаева в целом полагается на интерналистскую посылку о том, что «иметь достоверные знания о каком-либо X, и в частности о значении *m* языкового выражения 'e', означает — предоставить некоторый факт (knowledge-maker), успешно выполняющий работу по независимому обоснованию такого знания» [2, с. 69]. Здесь смешивается легитимная атрибуция знания субъекту в коммуникации и наличие знания как такового. Чтобы сказать, что кто-то нечто знает или не знает, нам действительно нужен некоторый повод — некоторое обоснование. Однако из того, что субъект может предоставить независимое обоснование своей позиции и, допустим, этого достаточно, чтобы приписать ему знание, необязательно следует, что субъект на самом деле знает. Кажется, в контексте обсуждения проблемы следования правилу особенно странно полагаться на то, что приписывание знания на основании чего-то, что нам предоставляет субъект, идеально коррелирует с наличием у него знания.

Данная посылка возникает неслучайно, поскольку предполагается уже у Крипке, когда его текст начинается с того, что правило сложения 'схватывается' посредством ментальной репрезентации [7, с. 14]. Скептик из текста Крипке также требует интроспективного ответа, подтверждающего, что жертва скептической аргументации действительно всегда подразумевала под знаком '+' сложение [7, с. 16–18]. В самых общих чертах эпистемический интернализм — это позиция, согласно которой эпистемические феномены (например, знание) конституируются внутренними по отношению к субъекту факторами [10, р. 3; 11; 12]. Некоторые философы, например Лоуренс Бонжур, во главу угла ставят бо-

лее специфичное условие, согласно которому интерналисты считают, что необходимые и достаточные условия знания (или другого эпистемического явления) должны быть когнитивно доступными для агента [13, р. 234–235]. Крипке же вполне ясно опирается на фоновую интерналистскую эпистемологию.

Решение Борисова выше было обозначено мной как форма эпистемического фундаментализма, ярким примером которого действительно является интерналистская эпистемология Декарта [13, р. 238, 241]. Но фундаментализм — это только тезис о том, что либо структура знания имеет фундамент в виде базовых положений, либо регресс в обосновании заканчивается на некоторых базовых факторах познания. Сами по себе эти положения и факторы не обязаны быть внутренними по отношению к субъекту (как у Декарта), а поэтому у нас есть явная опция экстерналистского прочтения⁴.

4. Интроспекция и знание-как. В современной эпистемологии тема интроспекции часто обсуждается в специфичном контексте дискуссии о КК-принципе (также известном как аксиома позитивной интроспекции), которая происходит на границе между формальной и неформальной философией. Согласно этому принципу, если субъект знает, что *p*, то он также знает о том, что знает, что *p*. Не вдаваясь в детали и тонкости, резюмируем доступный нам исторический итог длящихся вокруг КК-принципа дебатов.

Считается, что в рамках общей эпистемологии КК-принцип обычно поддерживают интерналисты — теоретики, утверждающие, что знание зависит от внутренних по отношению к субъекту факторов. В этом контексте требование знать о том, что ты знаешь посредством интроспекции или некоторой формы рефлексии выдвигается ими как конститутивное условие знания вообще. Как это прояснял Хинтиikka, в естественном языке вопрос о том, знает ли человек о том, что он знает, предполагает попытку подтвердить, что человек *гостовно* знает то, о чем говорит, а не только обладает информацией [15, с. 291].

Однако у КК-принципа есть нетривиальные формальные свойства. Например, нет никакого логического ограничения на то, на какой итерации 'знания о знании' все должно заканчиваться, чтобы признать что-либо знанием. Еще более нетривиальным для общей эпистемологии может оказаться то, что если выбрать конкретный порядок итерации, например, 657-й, то знание любого конкретного порядка можно сократить до знания первого порядка, если мы считаем само знание фактивным. Если пафос требования бесконечной рефлексивности еще как-то может быть теоретически обыгран в рамках интерналистской эпистемологии, то возможность свертывания порядков знания (глубины интроспекции) выглядит явно очень неудобной частью для эпистемологической трактовки⁵.

Все сказанное выше указывается для демонстрации того, что сторонники КК-принципа в эпистемологии — это теоретики-интерналисты, которые тем или иным образом атрибутируют знанию обязательную рефлексивность, требуют от агента высокой осведомленности о том, что он знает. Несмотря на использование того же наименования, они обычно не имеют в виду буквально то, что собой являет КК-принцип в рамках эпистемической логики.

Соответственно, экстерналисты предсказуемо отрицают КК-принцип в его эпистемологическом

изложении. В этом смысле они занимают позицию, согласно которой вы хотя бы в теории можете что-то знать, не зная о том, что вы это знаете. Мне кажется, что в этой возможности и кроется своеобразный ключ к экстерналистскому прочтению позиции Борисова. Когда знание значений языковых выражений полагается в качестве части речевого акта, то из этого автоматически не следует обязательство связывать знание с интроспекцией и требовать от субъекта достоверности в ее интерналистском понимании.

Для начала нужно понять, как возможна ситуация, в которой субъект не знает о том, что он нечто знает? Что собой представляет незнание о знании? В эпистемологии можно встретить подходящий пример о фермере и цыплятах [18, р. 61–63]. Наблюдая со стороны, мы фиксируем, что фермер крайне успешно определяет пол цыплят. Мы можем независимым образом это верифицировать. Когда же мы пытаемся спросить фермера, как же именно он отделяет цыплят по половому признаку, он отвечает нам: «Не знаю». Знает ли в итоге фермер, как определять пол цыплят?

Считается, что мыслители, склонные к интернализму насчет знания, отвечают, что фермер не знает, тогда как экстерналисты охотно соглашались с тем, что он знает. Но что именно экстерналисты полагают в данной ситуации в качестве знания, о котором не знает фермер?

Здесь нам поможет деление на знание-что и знание-как, введенное Гилбертом Райлом [19]. Тем более что 'интроспекция,' Борисова уже была обозначена в качестве знание-как в критике Нехаева. Известную разницу часто трактуют как разницу между теоретическим и практическим знанием, но здесь есть и другой смысл — связанный с нашей языковой интуицией относительно *атрибуции* знания. Мы четко разделяем такие случаи, как 'знание, что для езды на велосипеде нужно крутить педали' и 'знание как ездить на велосипеде'. Основной критерий здесь в том, что знание-что — это пропозициональное знание, относящиеся к некоторой пропозиции или утверждению, тогда как знание-как — это не только умение или навык, но и *воплощенная* (embodied) форма знания, выраженная не словами, а действиями или поведением. На русском языке данный момент нетрудно подчеркнуть, указав на разницу между ситуациями, когда человек знает, *что* говорить, и когда он знает, *как* говорить. Вполне ясно, что в этих ситуациях мы атрибутируем знание если и не по принципиально разным критериям, то, как минимум, ориентируясь на принципиально разные первоочередные факты, допускающие подобную атрибуцию.

В этой связи сразу же можно указать на метапознавательную диспропорцию: если знание-что выразить явно, то обычно мы так же явно можем сказать о том, что знаем о нем (если я знаю, что столица США — Вашингтон, то я также знаю, что знаю это); в противовес этому реализация знания-как не всегда подразумевает знание о том, что именно вы делаете. Например, человек может знать, как дышать в том смысле, что он действительно дышит, но при этом не знать, что именно происходит в его организме, когда он дышит, то есть не иметь возможности выразить свое практическое знание теоретически.

Когда Райл вводил деление на знание-что и знание-как, то он мотивировал это в том числе и тем, что «если для осмысленного исполнения лю-

бого действия необходимо, чтобы была исполнена, причем разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг» [19, с. 39]. Райл хочет избежать требования бесконечной рефлексивности для знания и пишет о конкретизированном случае, когда предполагается, что знанию-как (умелому или корректному действию) всегда должно соответствовать второпорядковое знание-что (теоретическая операция). Ввиду этого стоит отметить, что само по себе деление на знание-что и знание-как предполагает возможность 'незнания-что о знании-как'. Предполагается, что человек может знать, как нечто делать, не зная достоверно, что именно он делает.

Уместно ради иллюстрации рассмотреть несколько примеров. Одним из них может выступить парадокс 'Что черепаха сказала Ахиллесу'. В нем черепаха и Ахиллес обсуждают логику условных суждений, вроде 'Если А и В, то С'. Черепаха, однако, просит суждение 'Если А и В, то С' записать как D, чтобы добавить его к оригинальному суждению, которое тогда будет, 'Если А, В и D, то С'. Хитрость состоит в том, что каждое новое суждение такого рода она предлагает записать отдельно и добавить к условиям логического вывода, тем самым делая его невозможным.

Как отмечает Питер Уинч, черепаха просто не совершает логического вывода, (хотя, вероятно, и знает, что это такое, по крайней мере, в той степени, в которой это пропозициональное знание позволяет ей задержать Ахиллеса) [20, с. 41–42]. Иначе говоря, парадокс можно рассмотреть так, что черепаха обладает знанием-что относительно логического вывода, но не знанием-как (или же намеренно не демонстрирует его перед Ахиллесом). На этом примере можно заметить, что если бы знание-как совершать логический вывод было бы воплощено в том, что черепаха все-таки сделала бы этот вывод, то мы бы легко идентифицировали знание-как, даже если бы черепаха сохранила молчание о том, что именно она сделала.

Знание-как, если мы его и выделяем как отдельную форму знания, может быть интроспективно недоступным. На эту тему можно вспомнить еще и известную сцену из *Менона*, а именно диалог Сократа с рабом, в котором он учит его геометрии [21]. Раб явно демонстрирует знание-как по критерию того, что он правильно действует и тем самым воплощает свое знание, и при этом он очевидно не обладает знанием-что. На этом примере можно увидеть, что знание-как очевидно может наличествовать до его конкретного воплощения, но до конкретного воплощения точно идентифицировать его представляется довольно затруднительным. Неслучайно в диалоге говорится о том, что раб *припомнил* геометрию.

Но на ситуацию можно взглянуть и другим образом, предположив, что раб ничего не припомнил и не обладал знанием-как заранее⁶. Знание-как было создано в рамках обмена речевыми актами. Иными словами, Сократ научил раба геометрии в буквальном смысле. Контраст со случаем знания как дышать в том, что знание как решать геометрические задачи может иметь явную поддержку в виде пропозиционального знания (вероятно, даже необходимую). Сократ все-таки должен знать, что именно спросить, чтобы его вопросы сформировали контекстуальную подсказку.

Таким образом со знанием-как мы получаем две значимые для текущего рассуждения опции: (1)

агент может обладать знанием-как, не зная об этом и не имея к этому интроспективного доступа; (2) агент может не знать, что при определенном научении или контекстуальных подсказках он овладеет и проявит определенное знание-как. Вторая опция, полагаю, хорошо знакома любому, кто когда-либо преподавал или учился. Первая же опция может быть проиллюстрирована такой ситуацией — поскольку изготовители программного обеспечения ориентируются на схожие представления о том, что собой должен представлять интерфейс и функционал программы, то, разобравшись с одной программой, вы можете обнаружить, что знаете, как что-то делать в программе даже совершенно иного типа⁷.

Теперь становится ясно, что в примере с фермером экстремалисты атрибутируют ему знание ввиду проявления очевидного и воплощенного знания-как. Одновременно с этим получается, что фермер обладает второпорядковым пропозициональным незнанием о своем первопорядковом знании-как. Вероятно, что это наиболее естественный способ приписывания 'незнания о знании' — незнания-что о знании-как⁸. Соответственно, если интроспекция₂ Борисова — это форма знания-как, то субъект, знающий как наделять свои слова значением, обязательно должен достоверно знать, что именно придает значение его языковым выражениям⁹. Вышеизложенные примеры призваны быть доводом в пользу того, что подобную возможность можно допустить.

5. Значение как употребление? Если мы говорим о проблеме следования правилу применимо к интерналистски и инфантилистски понятому знанию-что, то мы действительно остаемся и с локальным, и с тотальным скептицизмом относительно субъективного пропозиционального знания о правилах и значении. Вместе с этим выше было показано, что субъект может знать, как наделять свои слова значением, не будучи осведомленным об этом, поскольку само по себе знание-как допускает нерелексивность. Более того, и инфантилизм мы не обязаны принимать как догму — если наша концепция знания подразумевает возможность ошибки, то проблема следования правилу либо срезается на корню, либо просто инкорпорируется в нашу эпистемологию как структурный элемент знания о значении.

Критику предложенного Борисовым решения Нехаев резюмирует следующим требованием: «эпистемические решения скептической проблемы значения Крипке, чтобы мы могли принимать их всерьез, должны включать в себя некоторый аналог принципа суперверности наших знаний над фактами» [2, с. 69]. Как кажется, большинство существующих концепций знания вполне подходят для этих целей, поскольку предполагают условие фактивности. Эпистемические интерналисты и экстерналисты скорее расходятся в том, является ли конститутивным условием знания осведомленность субъекта о подобной суперверности. Выше уже отмечалось, что Нехаев исходит из интерналистской посылки в своем требовании *прегославить* факт, успешно и независимо обосновывающий некоторое знание [2, с. 69]. Строго говоря, как интерналистская эта посылка прочитывается, если считать, что факт должен предоставлять эпистемический агент. Учитывая дальнейшее указание на то, что подход Борисова рискует стать 'магической теорией', кажется, есть основание прочитать это требование именно таким образом.

Однако, если мы прочитываем требование предоставления эпистемической супервентности так, что это не обязательно должен совершать отдельный агент от первого лица, тогда Борисов успешно справляется с поставленной задачей. Он в буквальном смысле в своем тексте предоставляет независимое обоснование для знания о значении, а само это обоснование проистекает из указания на фундаментальный факт возможности речевого акта.

И, прежде чем рассмотреть эту часть аргументации Борисова, стоит все-таки задаться вопросом: а что это вообще может быть за способность — знать, как наделять слова значением?

На первый вопрос мы можем найти несколько ответов. Первый из них — витгенштейнианский. Поскольку правила задаются формами жизни, а сами формы жизни характеризуются грубым согласием, то можно сказать, что проявление подобного грубого согласия — это и есть проявление искомого знания-как-производить-значение. Каждый раз, когда языковая коммуникация не превращается в скетч о философии языка из *Шоу Фрая и Лори* (то есть в непрекращающуюся череду уточнений и сомнений в том, что мы говорим), мы фактически реализуем знание-как-производить-значение. Уточнения и творческая интерпретация правил являются реализацией того же практического знания, как наделять языковые выражения значением. Другой вариант ответа проистекает из оптики эволюционной эпистемологии. Мы можем объяснить, как успехи в понимании значения слов, употребляемых другими людьми, так и широкие возможности по манипуляции значением и его пониманием, специфическим эволюционным приобретением человечества. Вполне ясно, что стороннику проблемы следования правилу не понравится ответ, состоящий в том, что, грубо говоря, проблему решила сама эволюция. Но, возможно, только потому, что скептик из текстов Крипке будто бы заведомо хочет от нас получить ответ о характере знания о значении не из таких областей, как эволюционная, натурализованная или социальная эпистемологии.

Возможны и другие трактовки, но и на этих двух мы можем увидеть, что они подразумевают обоснование знания-как-производить-значение некоторой внешней по отношению к субъекту инстанции. Когда же мы в ходе философского исследования указываем на подобную инстанцию, то мы как раз и приводим факт, обосновывающий чье-то знание о значении. Что действительно является такой инстанцией — это отдельный вопрос.

Учитывая все это, может, стоит задуматься над тем, что, возможно, проблема следования правилу неразрешима только инструментами интерналистской (картезианской) эпистемологии, которыми ее предполагается разрешать?

Проблема следования правилу заведомо задает интерналистскую посылку, согласно которой субъект знает только тогда, когда он знает *достоверно*, когда он *осведомлен* о собственном знании. Простое введение в рассмотрение вопроса концепции знания-как и такого метакогнитивного явления, как незнание о знании, если и не дисквалифицирует саму проблему, то показывает, что скептик относительно следования правилам желает получить очень конкретизированный ответ на вопрос о том, откуда мы знаем, какое значение имеют наши языковые выражения. Он желает получить ответ в форме инфалибилистского, пропозиционального и рефлексивного знания. Уже стандартный комму-

нальный ответ Крипке на проблему — это, по своей сути, шаг в сторону от картезианской к социальной эпистемологии.

Проблема лишь в том, что скептику в таком случае стоит как-то обосновать, почему знание о значении должно быть исключительно интерналистским и пропозициональным. Что, если допустить, что посредством некоторой когнитивной способности субъект знает значение языковых выражений только в 9 из 10 случаев? Кажется, что такое условие сохраняет проблему следования правилу в ее локальной форме, однако лишает ее предполагаемой теоретической и практической силы. Более того, такое допущение кажется нашей ординарной ситуацией. Да, порой значение языковых выражений может ускользнуть о тех, кто их же и использует, но из этого не следует что они неверно употребляют эти самые выражения и могут только гадать о значении слов. Принципиально то, что в большинстве ситуаций мы понимаем значение языковых выражений просто в качестве *грубого факта*.

Нечто похожее делает и Борисов, когда пишет, что мы «либо говорим, либо нет» [1, с. 27]. Конечно, здесь имеется более сложное отождествление наличия значения с возможностью осмысленного речевого акта. Здесь закон непротиворечия призван защитить идею о том, что (1) языковые выражения либо имеют, либо не имеют значения; (2) если коммуникация возможна, то только потому, что языковые выражения достаточно часто имеют определенное значение; (3) возможность коммуникации — грубый факт; (4) следовательно, языковые выражения имеют значение. Похожим образом рассуждает Аристотель в четвертой книге *Метафизики*, когда приходит к выводу, что человек, отрицающий закон непротиворечия, «подобен растению» [25, с. 88], — по всей видимости, растению, проявляющему фототропизм по отношению к источнику света; соответственно, человек, не понимающий значения принципа непротиворечия, в речевом акте подлинно не участвует, хотя и может реагировать на него так же, как растение на свет.

Специфика данной аргументации в том, что она, взятая в столь изолированном виде, направлена против человека, осведомленно принимающего позицию, ведущую к перформативному противоречию или самоопровержению. Но из этого не следует, что человек, следующей позиции, не ведущей к перформативному противоречию, должен быть идеально или хотя бы как-то осведомлен о ней. Как кажется, на этом моменте становится ясным, что, впуская в обсуждение проблемы следования правилу знание-как и принимая то, что субъект может быть не осведомлен о собственном знании-как, мы вплотную подбираемся к известному концепту значения как употребления, где употребление и может быть понято как искомое знание-как-производить-значение. Кроме того, и сам набор известных биехевиористски-ориентированных высказываний Витгенштейна, вроде утверждения, что «'внутренний процесс' нуждается во внешних критериях» [26, с. 238], можно теперь рассмотреть еще и как высказывания, ориентирующиеся на экстернализм в эпистемологии.

6. Заключение. Подведем итог. Во-первых, если мы допускаем, что знание о значении может быть дано посредством знания-как, некоторой способности производить значение, то стоит либо допустить возможность нерефлексивного знания (метакогни-

тивного незнания-что о знании-как), либо объяснить, почему оно недопустимо (в данном случае или в принципе). Введение нерелексивного знания-как, в свою очередь, оправдывает прямое решение самой проблемы.

Критика Нехаева указывает на проблемную точку прямого решения Борисова — требование от субъекта достоверного (в интерналистском смысле) знания о значении. Если мы утверждаем возможность знания о значении в форме знания-как, конститутивно связанного с возможностью совершать речевые акты (и тем самым получать характерное для знания-как перформативное подтверждение в воплощении соответствующего действия), то мы (при обычной трактовке знания-как) должны допускать, что субъект может быть о нем не осведомлен. Здесь стоит провести важную параллель между примером с фермером и апелляцией Борисова к речевым актам. Если мы готовы признать, что фермер знает, как определять пол цыплят в случае, когда он фактически успешно определяет их пол, то мы также должны быть готовы признать, что субъект знает, как наделять языковые выражения достаточным для ведения речевого акта значением, если он фактически успешно вступает в речевые акты. Возможные контрдоводы о том, что субъекты могут намеренно генерировать речевые акты, языковые выражения в которых не обладают значением, сыграют только на руку подобному решению проблемы следования правилу, поскольку возможность тонкой иронии и злоупотребление некоторыми возможностями правила подразумевают понимание этого самого правила. Более открытым для критики остается сам момент отождествления значения с речевыми актами.

Во-вторых, кажется, что проблема следования правилу предполагает фоновую посылку эпистемического интернализма, которая предзадает допустимую (для скептика) форму ответа. Данная посылка являет собой представление о том, что ответ должен быть дан в форме утверждения возможности пропозиционального знания о значении, которое достоверно известно субъекту. Вопрос о том, почему именно мы должны ограничивать подобным образом допустимый спектр возможных ответов, таким образом, является открытым.

В-третьих, все это не значит, что машина по производству значения оказывается от нас навечно скрыта. Добывать пропозициональное знание о том, как происходит *употребление*, трудно. Если это в некотором роде единственное, что мы можем узнать о языковых выражениях, то у нас действительно появляется мотивация свести значение к употреблению. Аргументация в пользу перформативного противоречия тотального скептицизма относительно значения только подчеркивает это, поскольку в данном случае скептики употребляют слова так, как, согласно содержанию этих слов, они не могут быть употреблены. Локальный скептицизм, в свою очередь, не исключает возможности следования правилам, то есть эксплицитно не исключает возможность знания *как* следовать правилам. Чтобы исключить возможность знания правил или значения, локальный скептицизм должен исходить из того, что знание, как употреблять слова со значением, обязательно *должно* подразумевать второпорядковое пропозициональное знание о значении этих слов. Как было показано, у нас нет оснований соглашаться с этим долженствованием просто так.

В результате проблема следования правилу (в смысле локального скептицизма относительно значения) исключает лишь возможность точной атрибуции пропозиционального знания о значении, а не саму возможность знания. Если мы не считаем, что все знание по своей сути сводится к релексивному пропозициональному знанию, то проблема следования правилу не угрожает возможности знать, как этим самым правилам следовать.

Примечания

¹ В данном случае предполагается принцип дедуктивной или эпистемической замкнутости, который в общем случае говорит о том, что если у P есть некоторый положительный эпистемический статус, а из P следует Q , то Q должно иметь такой же эпистемический статус просто по факту этого следования. Например, в своей известной статье Эдмунд Геттиер рассматривает концепцию знания, которая предполагает передачу обоснования от одной пропозиции к другой по этому принципу [4, р. 121]. В скептических дебатах роль принципа дедуктивной замкнутости стала судьбоносной, поскольку он в равной мере используется как сторонниками предложенного Муром доказательства существования внешнего мира, так и его оппонентами [5, р. 521–526; 6, р. 350].

² Придуманый Дрекке пример представлен в статье намеренно. Хотя он и о другом, но его «геттиероподобный» сценарий базируется вокруг вполне обыденной формы возражения к суждениям, претендующим на истину или знание. Вы некоторым образом обосновываете одну позицию, а ваш оппонент указывает на другую позицию, которая, с его точки зрения, следует из вашей и на которую имеющееся обоснование (по крайней мере, столь же хорошо) не распространяется. Предполагаемый итог такого хода — сомнение в начальной позиции.

³ Описания типовых вариаций эпистемического фундаментализма можно посмотреть, к примеру, в работе Тодда Лонга [9].

⁴ Само по себе обращение к экстернализму как к общей исследовательской установке для рассмотрения парадокса следования правилу не является чем-то новым. Например, Александр Миллер рассматривает решение Джона Макдауэлла как следующее из его когнитивного экстернализма [14]. В данном случае подразумевается позиция, согласно которой значение (то, что может быть познано) хотя бы частично определяется внешней по отношению к агенту средой.

⁵ Более изобретательными аргументами против КК-принципа прославился Тимоти Уильямсон [16, 17].

⁶ Мне видится, что похожее прочтение диалога Сократа и раба из *Менона* можно обнаружить у Жака Лакана, если закрыть глаза на то, что это прочтение значит и может значить для его психоанализа [22, с. 27–30].

⁷ Например, научившись монтировать звуковую дорожку в DAW (цифровой звуковой рабочей станции), вы скорее всего будете знать, как сделать это и в программах для монтажа видео, но необязательно будете осознавать последнее, пока не попробуете. Речь не о том, что, обретая одно знание-как, вы обретаете еще какое-то — вы просто не знаете (в пропозициональном смысле) всех контекстов применения даже того знания-как, о котором все-таки что-то знаете.

⁸ Но возможно ли второпорядковое незнание-как (своего рода незнание-как незнания-как)? Похоже, что нет, поскольку тогда фермеру пришлось бы приписать некоторую противоречивую способность, в рамках которой он умеет распознавать пол цыплят, но 'не умеет уметь'. Возможно, глубокий диалектизм данного 'незнания-как незнания-как' еще станет предметом философского анализа, но для целей этого текста будет достаточно отметить, что без разделения на знание-как и знание-что довольно трудно приводить четкие примеры 'незнания о знании'. Подчеркнем, что речь именно о примерах,

а не о самом концепте 'незнания о знании', который вводится без предварительного деления на знание-что и знание-как. Например, в эпистемическую логику этот концепт можно вести через отрицание транзитивности отношения достижимости между возможными мирами [17, р. 973–975]. В остальном же кажется уместным, что если мы действительно можем пребывать в таком метакогнитивном состоянии, как незнание о знании, то обычно это касается только отдельного класса специфических познавательных ситуаций, где проявляется зазор между воплощенным знанием-как и пропозициональным знанием-что.

⁹ Стоит заметить, что схожий подход (хотя и без опоры на концепт знания-как) развивал Игорь Прись, — в частности, его рассмотрение проблемы следования правилу включает представления о нерефлексивности знания о значении, имплицитности правил (которые могут стать эксплицитными только постфактум после возникновения определенного факта следования им) и спонтанности языковых игр [23; 24, с. 58–63].

Список источников

1. Борисов Е. В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. DOI: 10.5840/eps202461219. EDN: EHLXLG.
2. Нехаев А. В. Злой демон Крипке, картезианская семантика и эпистемическая супервентность // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 60–70. DOI: 10.5840/eps202461223. EDN: CHJAKE.
3. Dretske F. I. Epistemic operators // Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67, № 24. P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.
4. Gettier E. L. Is justified true belief knowledge? // Analysis. 1970. Vol. 23, № 6. P. 121–123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121.
5. Pryor J. The skeptic and the dogmatist // Noûs. 2000. Vol. 34, № 4. P. 517–549. DOI: 10.1111/0029-4624.00277.
6. Pryor J. What's wrong with Moore's argument? // Philosophical Issues. 2004. Vol. 14, № 1. P. 349–378. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2004.00034.x.
7. Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Москва: Канон+, 2010. 256 с.
8. Ладов В. А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2023. 336 с.
9. Long T. R. Epistemic justification // Introduction to philosophy: Epistemology / Eds. В. С. Barnett, С. Hendricks. Montreal: The Rebus Community, 2021. P. 20–34.
10. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification // The Journal of Philosophy. 2009. Vol. 106, № 6. P. 308–338. DOI: 10.5840/jphil2009106611.
11. Madison BJC. Epistemic internalism // Philosophy Compass. 2010. Vol. 106, № 5. P. 840–853. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00333.x.
12. Carter J. A., Kallestrup J., Palermos S. O., Pritchard D. Varieties of externalism // Philosophical Issues. 2014. Vol. 24, № 1. P. 63–109. DOI: 10.1111/phils.12026.
13. Bonjour L. Internalism and externalism // The Oxford Handbook of Epistemology / Ed. P. K. Moser. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 234–264.
14. Miller A. Rule-following and externalism // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. Vol. 68, № 1. P. 127–140. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2004.tb00329.x.
15. Хинтиikka Я. О подобающих (попперовских?) и неподобающих способах употребления понятия информации в эпистемологии / пер. с англ. Д. Г. Лахути // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Ред. В. Н. Садовский. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. С. 291–197.
16. Williamson T. Inexact knowledge // Mind. 1992. Vol. 101, № 402. P. 217–242. DOI: 10.1093/mind/101.402.217.
17. Williamson T. Very improbable knowing // Erkenntnis. 2014. Vol. 5, № 79. P. 971–999. DOI: 10.1007/s10670-013-9590-9.
18. Pritchard D. What is this thing called knowledge? New York: Routledge, 2006. 188 p.
19. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. Е. Крупенина, В. Селиверстова, Д. Симонова, З. Сокулер. Москва: Идея-пресс, Дом Интеллектуальной Книги, 1999. 408 с.
20. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. xxi + 107 с.
21. Платон. Менон / пер. с др.-греч. А. Ошерова // Собрание сочинений. В 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
22. Лакан Ж. Семинары, Книга 2. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1999) / пер. с фр. А. Черноглазова. Москва: Гнозис, Логос, 2009. 520 с.
23. Прись И. Е. Витгенштейновская проблема следования правилу: МакДауэлл versus Роберт Брэндом // Философская мысль. 2016. № 1. С. 42–53. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17533. EDN: VJXAUV.
24. Прись И. Е. Тревога, аутентичность и структура рациональности // Философия науки. 2021. № 2 (89). С. 44–68. DOI: 10.15372/PS20210204. EDN: GKMBCS.
25. Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А. В. Маркова. Москва: РИПОЛ Классик, 2018. 384 с.
26. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 ч. Москва: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант Отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalexei@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Экстернализм и знание: как следовать правилам // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 94–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103. EDN: PIWYZJ.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.
© А. М. Кардаш

EXTERNALISM AND KNOWLEDGE: HOW TO FOLLOW RULES

The aim of the paper is to show that Kripke-Wittgenstein's rule-following paradox assumes the premise of epistemic internalism that inappropriately restricting the admissible answers about how agents can know the rules or meanings of linguistic expressions. It is argued that the rule-following problem does not concern knowledge of rules or meaning in general, but only the attribution of propositional knowledge according to internalist criteria. It is considered how the rejection of the internalist premise in Evgeny Borisov's direct solution avoids the criticism put forward by Andrei Nehaev.

Keywords: local skepticism, rule-following, knowing-how, externalism, internalism, epistemology.

References

1. Borisov E. V. Pryamoe reshenie problemy Kripke [A straight solution to Kripke's problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 23–32. DOI: 10.5840/eps202461219. EDN: EHLXLG. (In Russ.).
2. Nekhaev A. V. Zloi demon Kripke, kartezianskaya semantika i epistemicheskaya superventnost' [Kripke's evil demon, Cartesian semantics and Epistemic supervenience]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 60–70. DOI: 10.5840/eps202461223. EDN: CHJAKE. (In Russ.).
3. Dretske F. I. Epistemic operators. *Journal of Philosophy*. 1970. Vol. 67, no. 24. P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710. (In Engl.).
4. Gettier E. L. Is Justified true belief knowledge? *Analysis*. 1970. Vol. 23, no. 6. P. 121–123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121. (In Engl.).
5. Pryor J. The skeptic and the dogmatist. *Noûs*. 2000. Vol. 34, no. 4. P. 517–549. DOI: 10.1111/0029-4624.00277. (In Engl.).
6. Pryor J. What's wrong with Moore's argument? *Philosophical Issues*. 2004. Vol. 14, no. 1. P. 349–378. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2004.00034.x. (In Engl.).
7. Kripke S. Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke [Wittgenstein about rules and personalised language] / trans. from Engl. by V. A. Ladov, V. A. Surovtsev. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.).
8. Ladov V. A. Illyuziya znacheniya. Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoi filosofii [The illusion of meaning. The problem of following a rule in analytical philosophy]. Moscow, 2023. 336 p. (In Russ.).
9. Long T. R. Epistemic justification // Introduction to philosophy: Epistemology / Eds. B. C. Barnett, C. Hendricks. Montreal: The Rebus Community, 2021. P. 20–34. (In Engl.).
10. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification. *The Journal of Philosophy*. 2009. Vol. 106, no. 6. P. 308–338. DOI: 10.5840/jphil2009106611. (In Engl.).
11. Madison BJC. Epistemic internalism. *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 106, no. 5. P. 840–853. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00333.x. (In Engl.).
12. Carter J. A., Kallestrup J., Palermos S. O., Pritchard D. Varieties of externalism. *Philosophical Issues*. 2014. Vol. 24, no. 1. P. 63–109. DOI: 10.1111/phis.12026. (In Engl.).
13. Bonjour L. Internalism and externalism // The Oxford Handbook of Epistemology / Ed. P. K. Moser. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 234–264. (In Engl.).
14. Miller A. Rule-following and externalism. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2004. Vol. 68, no. 1. P. 127–140. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2004.tb00329.x. (In Engl.).
15. Hintikka J. O podobayushchikh (popperovskikh?) i nepodobayushchikh sposobakh upotrebleniya ponyatiya informatsii v epistemologii [On proper (Popper?) and improper uses of information in epistemology] / trans. from Engl. by D. G. Lakhuti // Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki [Evolutionary Epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics] / Ed. V. N. Sadovskiy. Moscow, 2000. P. 291–197. (In Russ.).
16. Williamson T. Inexact knowledge. *Mind*. 1992. Vol. 101, no. 402. P. 217–242. DOI: 10.1093/mind/101.402.217. (In Engl.).
17. Williamson T. Very improbable knowing. *Erkenntnis*. 2014. Vol. 5, no. 79. P. 971–999. DOI: 10.1007/s10670-013-9590-9. (In Engl.).
18. Pritchard D. What is this thing called knowledge? New York: Routledge, 2006. 188 p. (In Engl.).
19. Ryle G. Ponyatie soznaniya [The concept of mind] / trans. from Engl. by E. Krupenin, V. Seliverstov, D. Simonov, Z. Sokuler. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.).
20. Winch P. Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii [The idea of a social science and its relation to philosophy] / trans. from Engl. by M. Gorbachev, T. Dmitriyev. Moscow, 1996. xxi + 107 p. (In Russ.).
21. Plato. Menon [Meno] / trans. from Anc. Greek by A. Oshero // Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected works. In 4 vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 575–612. (In Russ.).
22. Lacan J. Seminary. Kniga 2: 'Ya' v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza (1999) [The seminar of Jacques Lacan. Bk. 2: the ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis] / trans. from Fr. by A. Chernoglazov. Moscow, 2009. 520 p. (In Russ.).
23. Pris' I. E. Vittgenshteinovskaya problema sledovaniya pravilu: MakDauell versus Robert Brendom [Wittgenstein's rule-following problem: McDowell versus Robert Brandom]. *Filosofskaya mysl'. Philosophical Thought*. 2016. No. 1. P. 42–53. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17533. EDN: VJXAUV. (In Russ.).
24. Pris' I. E. Trevoga, autentichnost' i struktura ratsional'nosti [Anxiety, authenticity, and structure of rationality]. *Filosofiya*

nauki. *Philosophy of Sciences*. 2021. No. 2 (89). P. 44–68. DOI: 10.15372/PS20210204. EDN: GKMBCS. (In Russ.).

25. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics] / trans. from Anc. Greek by A. V. Markov. Moscow, 2018. 384 p. (In Russ.).

26. Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical investigations] / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Ju. A. Aseev // *Filosofskiye raboty*. V 2 ch. [Philosophical works. In 2 parts]. Moscow, 1994. Part 1. P. 75–319. (In Russ.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Graduate Student of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990

AuthorID (RSCI): 1145532

ORCID: 0000-0002-9683-0601

ResearcherID: AGN-9675-2022

Correspondence address: krdwalexai@gmail.com

For citations

Kardash A. M. Externalism and knowledge: how to follow rules. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 94–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103. EDN: PIWYZJ.

Received January 23, 2025.

© A. M. Kardash

УДК 111

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-104-110

EDN: OVFCOP

С. А. МОСКОВЕЦ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОНТОЛОГИИ НИЦШЕ

Статья посвящена попытке реконструкции онтологических взглядов Ницше, в центре которых расположена концепция становления вечно возвращающегося 'целого'. Статья разделена на несколько разделов. В первом разделе предпринят анализ категории становления как базовой для онтологии Ницше и представлено рассмотрение становления через идею 'целого'. Во втором разделе разбирается идея вечного возвращения, которая придает темпоральное измерение онтологии Ницше, и рассматриваются основные аргументы Ницше, иллюстрирующие принцип работы вечного возвращения. В третьем разделе анализируется воля к власти, как космологический принцип его онтологии. В заключительном же разделе предлагается краткая реконструкция онтологии Ницше, объединяющая все представленные идеи и категории.

Ключевые слова: Ницше, становление, вечное возвращение, целое, воля к власти, онтология.

Введение. Категория становления, безусловно, является своего рода сердцем онтологической мысли Ницше. Другие его концепты, — как правило, более популярные за счет своего переноса из пространства онтологии в этику, эстетику и философскую антропологию, — всегда опосредованы становлением. И хотя в прижизненных публикациях Ницше содержание таких концептов, как 'воля к власти' и 'вечное возвращение', кажется скорее антропологическим, в *Nachlass* Ницше часто трактует их в более онтологическом ключе. Автор не настаивает на исключительно онтологическом прочтении Ницше. Скорее ценность подобного прочтения, по мысли автора, состоит в том, что оно дает больше простора для осмысления философии Ницше как цельной системы.

Для реконструкции онтологических взглядов Ницше (в той мере, в которой это возможно в формате небольшой статьи) нам потребуются, во-первых, выявить суть становления как онтологической категории, а во-вторых, рассмотреть связь становления с такими концептами, как 'воля к власти' и 'вечное возвращение'.

1. Онтология становления. Уже в возрасте семнадцати лет в работе *Фатум и история* Ницше впервые явным образом обращается к становлению. Рассуждая о свободе воли и судьбе в человеческой истории он задается примечательными для данного исследования вопросами: «Ведь нам известно, не является ли само человечество всего лишь ступенью, периодом во всеобщем становле-

нии <...> Или у этого вечного становления никогда не будет конца? Каковы движущие пружины этого великого часового механизма?» [1, с. 261]. Ближе к концу работы Ницше рассуждает о самых высоких принципах всемирной истории: «с точки зрения которых все есть развитие, последовательность этапов, все устремляется в один невероятный океан, где, наконец, приходят к себе все рычаги мирового процесса, соединенные, слитые, все-единые» [1, с. 264]. Эта работа юного Ницше, написанная в духе философии немецкого идеализма, является отправной точкой его онтологического мышления. Он понимает мир как становящийся, возможно, — бесконечно становящийся. Само становление пронизано единством как самым высоким принципом развития. К этому моменту Ницше еще был плохо знаком с философией. Но эти положения уже перекликаются с Гераклитом, его будущим любимым философом¹.

В 1872 году Ницше, будучи профессором филологии в Базельском университете, начинает вести курс "Доплатоновские философы". Записи этих лекций сохранились до нашего времени. Но нас интересует лишь одна из них, посвященная Гераклиту. Она как раз недавно была переведена на русский язык Глебом Бисеровым². Обсуждая в лекции природу восприятия, Ницше критикует возможность существования как устойчивых форм восприятия, так и самого воспринимаемого. Становящийся мир не может допустить их возникновения: «Итак, вот интуитивное восприятие Гераклита: для

него нет ни одной вещи, о которой можно было бы сказать, что «она есть». Он отрицает существующее (das Seiende). Он знает только становящееся (das Werdende), только текущее (das Fliessende). Он полагает веру в устойчивость ошибочной и глупой. И добавляет следующую мысль: все становящееся едино в вечной трансформации, а закон этой вечной трансформации, *λογος* в [множественности] вещей, и есть Единое — *τὸ πῦρ* [огонь]. Таким образом, единое становящееся и есть закон само для себя, а то, что оно становится и как оно становится, есть его работа (Werk). Гераклит, таким образом, видит только Единое, но в смысле, противоположном Пармениду» [3, с. 276]. Данная интерпретация Гераклита отражает ключевые положения собственной онтологии Ницше. Можно сказать, что она начинается складываться именно после знакомства с Гераклитом.

Возьмем, к примеру, две опубликованные работы Ницше с разницей в десять лет. В *Человеческом, слишком человеческом* (1878 г.) Ницше выступает в качестве противника вечности и неизменности: «все прошло через становление; нет никаких вечных фактов — так же как нет никаких абсолютных истин» [7, с. 23]. В *Сумерках Идолов* (1888 г.) Ницше пишет: «Некогда считали изменение, смену, вообще становление доказательством кажимости, признаком того, что должно быть нечто вводящее нас в заблуждение. Нынче, напротив, мы видим себя — ровно в той мере, в какой предрассудок разума принуждает нас применять понятия единства, идентичности, постоянства, субстанции, причины, вещиности, бытия, — некоторым образом впутанными в заблуждение, приневоленными к заблуждению» [2, с. 30–31]. Итак, онтология становления Ницше постулирует постоянное изменение мира. Это касается любой 'вещи', которая в каждый бесконечно малый миг подвергается изменению. Таким образом, по мысли Ницше не существует устойчивых понятий, явлений и событий. Любая идентичность является фикцией, срезом с какого-то момента становления, но презентуется как нечто неизменное. Например, 'природа человека', как ее понимают христиане или гуманисты, является лишь их ограниченным представлением, слепком с определенного периода становления³.

Дополним понимание категории становления идеей 'целого'. С этой целью снова обратимся к Гераклиту. Один из дошедших до нас фрагментов, являющийся цитатой Гераклита, сделанной одним античным автором, а именно Филоном Александрийским, гласит следующее: «Слушая не меня, но сам глагол, справедливо согласиться, что мудрое — знать все единым» [9, с. 166]. Знать все единым, знать все как одно целое, осмыслять космос через единение всего со всем, — гласит мудрость Гераклита. Схожую идею высказывает и Ницше в *Сумерках Идолов*. Раздел "Четыре великих заблуждения", общим местом которого является критика причинности, имеет довольно любопытное завершение. В нем Ницше задается вопросом: в чем может заключаться наше учение? Отвечая на него, Ницше упраздняет метафизические рассуждения о причинности и раскрывает свою онтологию: «нет ничего, что могло бы судить, мерить, сравнивать, осуждать наше бытие, ибо это значило бы судить, мерить, сравнивать, осуждать целое... Но нет ничего, кроме целого!» [2, с. 48]. Однако не только противопоставление 'человек против мира' оказывается неверным, но и 'человек и мир'. Мы сами уже

суть мир во всем всеобъемлющем бытии живого и физического мира в бесконечном круговороте [10, с. 217]. При этом Ницше не является платоновским метафизиком, его 'целое' не является 'единым', — это 'целое' не имеет иерархии и не является принципом, с которым соотносятся частные сущности. Выведение такого соотношения и иерархии попросту невозможно, так как противоречит самой идее целого, это не 'Единое' Плотина. В черновиках, по всей видимости, относящихся к работе над *Сумерками Идолов*, Ницше замечает следующее: «Нету ни места, ни цели, ни смысла, в которые можно было бы свалить наше бытие, наше конкретное существование. А самое главное — никто и не смог бы этого сделать» [11, с. 397]. Все как бы уже здесь и сейчас, а также всегда в прошлом и будущем является 'целым'; и это целое не эманурует в другой метафизический план, а 'изливается' в себе же, во всем движении существующего, то есть становится. Иными словами, доктрина Ницше — это учение об имманентности становления [12, с. 192]. И нет никакой возможности как-то специфически осмыслить становление этого целого: «специфику бытия не смогут сводить к *causa prima*, что мир, ни как сенсориум, ни как "дух", не есть единство, *только это и есть великое освобождение*, — только этим и восстанавливается вновь невинность становления» [2, с. 48].

Вадим Бакусев, участник перевода полного собрания сочинений Ницше на русский язык, в своем исследовании о связях идеи вечного возвращения Ницше с античностью, отстаивая оригинальность идеи Ницше, предлагает схожую с нашей интерпретацию: «Именно *мир конечных вещей*, а не потустороннее Единое, вечно возвращается у Ницше как "единое", т.е. *как целое*»⁴ [15, с. 322].

Теперь, когда мы рассмотрели категорию становления в онтологии Ницше и, дополнив идеей 'целого', указали на ее космологический характер, перейдем к рассмотрению концептов 'вечного возвращения' и 'воли к власти'.

2. Вечное возвращение. Идея вечного возвращения — это один из самых популярных концептов Ницше; однако в прижизненных публикациях Ницше он встречается не так часто. Поэтому мы обратимся к его рукописному наследию. В записях Ницше, относящихся к 1881 году (периоду его работы над *Весёлой наукой*), можно найти множество фрагментов об идее вечного возвращения. Так, например, в рукописи за номером 11 раскрывается рациональная аргументация к обоснованию идеи вечного возвращения: «В мире сил нет места уменьшения: иначе в бесконечности времен он ослабел бы и погиб. В мире сил не может быть состояния покоя: будь оно достигнуто, часы бытия остановились бы. Следовательно, мир сил никогда не приходит в равновесие, в нем нет ни минуты спокойствия, его сила и движение постоянно велики во все времена. Любое состояние, которого только может достигнуть это мир, обязательно было им уже достигнуто, и не раз, а бесчисленное множество раз» [16, с. 462]. В последующих записях Ницше продолжает раскрывать идею вечного возвращения, связывая ее со становлением. Идея вечного возвращения понимается Ницше как закон для всего сущего, она вписана в онтологию становления. Но не наталкиваемся ли мы здесь на противоречие? Ведь Ницше боролся с усмотрением такого рода законов в реальности, указывая нам на то, что они являются лишь нашей интерпретацией реальности, основанной

на заблуждениях. Похоже, что и сам Ницше осознавал проблему и пытался обойти это противоречие. Например, он отказывался назначать круговороту всего сущего какую-то цель или устремление, отказывался применять предикаты, которые бы описывали какие-то качества этого круговорота: «Остережемся по ложной аналогии с круговращением внутри круга рассматривать закон этого круга в качестве результата становления, в начале был не хаос, а затем не было постепенного, все более гармоничного движения, оформившегося, наконец, в константное кругообразное движение всех сил: скорее все было вечно, не как результат становления; если и существовал хаос сил, то и он был вечен, возвращаясь с каждым витком вновь. Круговорот не результат становления, он первозакон, как первозакон количества силы, без исключений и нарушений правил. Всякое становление происходит внутри круговорота и в рамках количества силы, поэтому не следует, проводя ложные аналогии, для характеристики вечного круговорота использовать становящиеся и преходящие круговороты, например вращение светил, прилив и отлив, день и ночь или времена года» [16, с. 465–466].

На протяжении последних девяти лет своей сознательной жизни Ницше часто делал заметки, в которых накидывал планы будущих произведений. Нередко вечное возвращение становилось заглавием как возможных книг, так и заглавием для глав или частей книг. В одном из таких планов, Ницше задумывает 'книгу пророчества', озаглавленную как *Вечное возвращение*. В плане он явным образом указывает, что у вечного возвращения есть теоретическое обоснование и возможность доказательства [17, с. 547]. Его главный аргумент, используемый для доказательства данного учения, обращается к теории вероятности. Назовем его 'математическим аргументом'. Согласно Ницше, количество сил во вселенной определено, но не бесконечно. Зато бесконечно само становление, то есть время. Значит, если измеримое количество силы уже целую вечность без начала и конца становится, то ранее уже существовали те же состояния сил, отделенные друг от друга большим количеством времени: «Следовательно, — пишет Ницше, — нынешнее развитие должно быть повторением чего-то, как и то, которое его породило, и то, которое последует за ним, и так далее — в будущем и в прошлом! Все уже было бесчисленное количество раз, потому как совокупное состояние всех сил наступает снова и снова» [16, с. 485]. В другом фрагменте можно найти похожий вывод: «Невозвращение всех подобных вещей невозможно объяснить случаем, но лишь намерением, заложенным в сущности силы: ведь, учитывая, насколько велико число возможных случаев, случайное *достижение того же результата* вероятнее, чем абсолютное никогда не-повторение» [16, с. 495]. Помимо этого, Ницше указывает на невозможность остановки этого процесса; его главный аргумент к данному положению сводится к тому, что если бы становление могло остановиться, то было бы достигнуто равновесие сил, а если было бы достигнуто равновесие сил, то мир бы застыл, но, если бы таковое было возможно, оно уже бы случилось и становления бы не происходило. То же самое можно сказать и относительно ничто, если бы мир мог исчезнуть, то это бы уже произошло [11, с. 343].

Таким образом, вечное возвращение дополняет становление 'целого' темпоральным измерени-

ем. Становление мира лишено цели, но при этом не является завершенным. Как отмечает Андреас Зоммер, известный немецкий исследователь творчества Ницше: «Ницше, по-видимому, полагает, что с помощью идеи возвращения он нашел решение для понимания мировых событий во времени и темпоральность, которой удастся избежать как спекулятивно-универсалистской философии истории, то есть мысли, основанной на телеологическом становлении, так и вневременной, свободной от темпоральности Спинозовской идеи бытия — тем самым избегая апорий того и другого» [18, р. 164]. Действительно, идея вечного возвращения не может быть темпоральностью идеального бытия, которому незачем возвращаться. При этом вечное возвращение не может быть объединено с телеологическими представлениями о мире, поскольку возвращающееся становление не способно достигнуть конечной цели.

Наконец, остался последний концепт онтологии Ницше, 'воля к власти', который уже частично был раскрыт нами в 'концепте силы'. Его рассмотрение станет предпоследним этапом реконструкции онтологии Ницше. Последним же будет общая реконструкция онтологии во взаимосвязи ее основных концептов.

3. Воля к власти. Один из первых набросков будущей теории о 'воли к власти' можно найти в одном из афоризмов *Весёлой науки*, озаглавленном как "Воля и волна". В нем Ницше метафорически описывает жизнь волящих, представленную в виде постоянно сменяющихся друг друга волн, ненасытно жаждущих и исполненных прихотями: «Как жадно подступает эта волна, словно рассчитывая достичь чего-то! С какой утрашающей пророческостью вползает она в сокровеннейшие уголки скалистых ущелий! Кажется, она хочет кого-то опередить; кажется, что там запрятано нечто, имеющее цену, большую цену! <...> Но уже надвигается другая волна, более ненасытная и дикая, чем первая, и вновь душа ее, казалось бы, исполнена тайн и прихотей кладоискателя. Так живут волны — так живем мы, волящие! — большего я не скажу» [19, с. 501]. Здесь волна понимается им как пульсирующее желание, присутствующее в людях. В дальнейшем Ницше развивает эту идею, перенося ее действие на сущность всего органического. Во второй части *Заратустры* в главе "О самопреодолении" Заратустра обращается к мудрейшим: «Где находил я живое, там находил я и волю к власти; и даже в воле слуги находил я волю быть господином. Чтобы более сильному служило более слабое — к этому принуждает его воля, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может оно обойтись. <...> И вот какую тайну поведала мне сама жизнь. «Смотри, — говорила она, — я то, что всегда должно преодолевать самое себя» [20, с. 119]. В *По ту сторону добра и зла* и *Антихристе* эти мысли получают свое развитие. Так, например, в 13-м афоризме первого раздела *По ту сторону добра и зла* Ницше размышляет относительно важности инстинкта самосохранения и приходит к выводу, что указанный инстинкт скорее следствие желания всего живого распространить свою силу, ведь сама жизнь и есть воля к власти [21, с. 25]. Однако нам особенно интересен 22-й афоризм указанного раздела. В нем Ницше возражает мнению о природе как о чем-то закономерном. Для Ницше это только лишь одно из возможных толкований, другим является его собственное: "а именно — мир имеет "не-

обходимое" и "поддающееся вычислению" течение, но не потому, что в нем царят законы, а потому, что абсолютно нет законов и каждая власть в каждое мгновение выводит свое последнее заключение. Положим, что это тоже лишь толкование — и у вас хватит рвения возражать на это?» [21, с. 35]. Получается, что воля к власти — толкование реальности, а не очередная попытка выдать толкование за реальность саму по себе. Зафиксируем данное обстоятельство. В других афоризмах и фрагментах можно заметить, что Ницше все же пытается выдать нам онтологию воли к власти за реальность. Все в том же сочинении, вступая в противоречие со своими же словами, Ницше пишет о воли к власти как об изначальном факте всей истории [21, с. 194]. Так или иначе, будь воля к власти очередной ли подтасовкой истины о реальности либо лишь ее толкованием, мы видим, что для Ницше она вплетена в суть органического как такового.

Примерно к середине 1885 года Ницше начинает распространять волю к власти как принцип на мир вообще. Считая недостаточными механистические интерпретации мира, Ницше предлагает рассматривать законы природы лишь как формулы для 'соотношения сил', где силами и является воля к власти [подробнее см.: 22, с. 455; 23, с. 16–17]. Особая вездесущность воли к власти как принципа подчеркивается им в записях лета 1885 года: «Этот мир есть воля к власти — и ничего кроме! Вы и сами эта воля к власти — и ничего кроме этого!» [22, с. 549]. Наконец, ближе к концу 1885 года и в 1886 году Ницше дорабатывает свои идеи. Воля к власти напрямую начинает связываться со становлением. Например, предлагая толкование воли к власти как процесса интерпретации мира, Ницше заведомо отвергает возможный вопрос: «Негоже спрашивать: "А кто же интерпретирует?" — в качестве некоей формы воли к власти (но не в качестве "бытия", а в качестве процесса, становления) существует — в виде аффекта — само интерпретирование» [23, с. 127]. Здесь уже усматривается более космологическое понимание данного принципа. Еще более характерными стали записи 1888 года, где Ницше в качестве плана будущей работы дает набросок о космологической перспективе воли к власти [11, с. 200]; а позже он также делает наброски, в которых 'воля к власти' должна быть центральным концептом разрабатываемой им морфологии — своего рода учения о формах воли к власти, которые воплощаются во всех процессах и явлениях [11, с. 235, 295].

В онтологии Ницше мир лишается таких качеств, как вещественность и причинность, они понимаются лишь как выражение воли к власти. Она, в свою очередь, мыслится Ницше как исконная форма аффектов: «всякая движущая сила есть воля к власти, что нет никакой другой физической, динамической или психической силы» [11, с. 277]. Так как весь мир является единым целым, не может быть никакой внешней причины, которая бы вызывала движение. Каждая 'точка' мира уже является центром силы, из которого излучается воля к власти [11, с. 253]. Таким образом, устранив все эссенциалистические примеси из толкования мира, Ницше оставляет в нем лишь процессы: «Если мы устраним эти примеси, тогда не будет больше никаких вещей, а останутся лишь динамические количества, связанные напряжением со всеми прочими динамическими количествами: чья сущность и состоит в их отношении ко всем другим количествам, в "произведении

или следствий" в них: воля к власти — не бытие, не становление, но некий пафос — вот элементарнейший факт, из которого только и вытекает какое-либо становление, какое-либо следствие...» [11, с. 240]. Для него нет того, 'кто' стремится к власти, это делает весь мир. Описанные Ницше динамические количества стремятся к ассимиляции друг друга, к наибольшей аккумуляции силы. Органический мир лишь одна из форм, в которых происходит этот процесс. Например, даже низшие организмы живут как волящие стать сильнее: «протоплазма расправляет свои псевдоподии, ища то, что ей противостоит, — не из голода, а из воли к власти. Потом она делает попытку одолеть его, присвоить, поглотить: то, что называют "питанием", это просто побочное явление, практическое применение первичного стремления сделаться сильнее» [11, с. 330]. Мартин Хайдеггер в своей интерпретации философии Ницше держится сходной позиции. Признавая за суть воли к власти стремление воли оставаться твердой и даже стать сильнее, Хайдеггер также признает и ее вездесущность: «Воля к власти никогда не является волением чего-то отдельного, действительно. Она затрагивает бытие и сущность сущего, является им самим» [14, с. 62].

4. Реконструкция онтологии Ницше. Разобрав ключевые идеи и основные концепты Ницше, кратко опишем возникающую на их основе онтологию. После упразднения двойственности мира в *Сумерках Идолов* [2, с. 33–34] остается лишь имманентное 'целое'. В нем существует множество разных сил, объединенных 'цельм', но не сливающихся в одну единую силу (подобно воле Шопенгауэра). Именно разнообразие сил делает мир множественным. Любая перспектива, взгляд и точка зрения — также являются выражением определенной силы, или воли. Они существуют только как имманентные 'целому', никакой перспективы вне этого 'целого' занять нельзя. Так как онтология Ницше суть онтология становления, силы в 'целом' динамичны, находятся в непрерывном становлении. Силы в своем становлении перераспределяются имманентно 'целому', составляют в своем перераспределении суть этого 'целого'. Такое перераспределение можно охарактеризовать как игру 'целого', пульсирующего силами, подобно волнам, бушующим в океане. Несмотря на то, что Ницше старался избежать телеологии, она все-таки просачивается в его онтологическую систему, мы можем это заметить, по крайней мере, в том, что перераспределение сил хоть и является хаотичным процессом, сами силы тем не менее стремятся к ассимиляции друг друга, к господству и расширению. Такова онтология воли к власти. Перераспределение происходит вечно, без точки начала и конца, без цикличности. Каждый миг возвращается не в ходе обновляющего мир цикла, но как вечность. Поэтому в целом онтологию Ницше можно суммировать в одной предельно общей формуле — мир как 'целое' вечно становится и возвращается в процессе перераспределения количества сил.

Примечания

¹ Редкий философ удостоивается такого отношения, которое Ницше питал к Гераклиту и его философии. Глубокое уважение к Гераклиту прослеживается от *Философии в трагическую эпоху греков* (1875 г.) вплоть до *Сумерек Идолов* (1888 г.). В посмертно опубликованной работе *Ессе Ното* Ницше противопоставляет Гераклита другим греческим фило-

софам и делает следующее заключение: «тщетно искал я ее признаков [трагической мудрости] даже у великих греков философии, живших за два столетия до Сократа. У меня, правда, остались сомнения насчет Гераклита, рядом с которым мне вообще теплее и приятнее, чем где-либо еще. <...> Учению о “вечном возвращении”, то есть о безусловном и бесконечно повторяющемся круговороте всех вещей, — этому учению Заратустры мог уже однажды учить и Гераклит» [2, с. 235].

² Перевод упомянутой лекции является приложением к диссертации Бисерова, которая целиком посвящена рассмотрению фигуры Гераклита в интерпретации Ницше. Автор настоятельно рекомендует ознакомиться с данной диссертацией каждому, кому интересна онтология Ницше [3; также см.: 4–6].

³ Эту позицию Ницше можно назвать анти-эссенциализмом [подробнее об этом см.: 8].

⁴ По поводу ‘целого’ в философии Ницше, а также его отличия от ‘Единогo’ см. также [10; 13; 14, с. 68–70, 222–407].

Список источников

1. Ницше Ф. Юный Ницше. Автобиографические материалы. Избранные письма. Из ранних работ. 1856–1868 / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2014. 304 с.

2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6. Сумерки идолов. Антихрист. Эссе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Я. Э. Голосовкера [и др.]. Москва: Культурная революция, 2009. 408 с.

3. Бисеров Г. В. Гераклит в философии раннего Ницше: дис. ... канд. филос. наук. Москва: ИФ РАН, 2022. 354 с.

4. Бисеров Г. В. Гераклит в базельских лекциях Ницше: историко-философская реконструкция // История философии. 2022. Т. 27, № 1. С. 42–53. DOI: 10.21146/2074-5869-2022-27-1-42-53. EDN: BTDDIH.

5. Бисеров Г. В. Гераклит в философии Ницше: истоки дискуссии (1890–1930-е годы) // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 167–180. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180. EDN: JSVKUK.

6. Бисеров Г. В. Гераклит в философии Ницше: к современной дискуссии (1980–2020-е годы) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2 (60). С. 152–166. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.152. EDN: SWGDXX.

7. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 2. Человеческое, слишком человеческое. В 2 т. / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2011. 672 с.

8. Московец С. А. Анти-эссенциализм и проблема причинности в философии Ф. Ницше // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 105–114. DOI: 10.17223/1998863X/75/9. EDN: PIRDFH.

9. Гераклит Эфесский. Все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / пер. с др.-греч. С. Н. Муравьева. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

10. Лёвит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2016. 336 с.

11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 13. Черновики и наброски 1887–1889 гг. / пер. с нем. В. М. Ба-

кусева, А. В. Гараджи. Москва: Культурная революция, 2006. 656 с.

12. Юнгер Ф. Ницше / пер. с нем. А. В. Михайловского. Москва: Праксис, 2001. 256 с.

13. Колесников И. Д. «Ev to páv» Гераклита: от стоицизма до Ницше // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2 (30). С. 164–171. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-164-171. EDN: ZFLVJSJ.

14. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. / пер. с нем. А. П. Шурбе-лева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 604 с.

15. Бакусев В. М. «Вечное возвращение» и античность // К. Лёвит. Ницшевская философия вечного возвращения того же / пер. с нем. В. Бакусева / Москва: Культурная революция, 2016. С. 295–335.

16. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 9. Черновики и наброски 1880–1882 гг. / пер. с нем. А. А. Карельского [и др.]. Москва: Культурная революция, 2013. 688 с.

17. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 10. Черновики и наброски 1882–1884 гг. / пер. с нем. Ю. И. Архипова. Москва: Культурная революция, 2010. 640 с.

18. Sommer A. Nietzsche's Readings on Spinoza: A Contextualist Study, Particularly on the Reception of Kuno Fischer // Journal of Nietzsche Studies. 2012. Vol. 43, № 2. P. 156–184. DOI: 10.5325/jnietstud.43.2.0156.

19. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 3. Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / пер. с нем. В. М. Бакусева, К. А. Свасьяна. Москва: Культурная революция, 2014. 640 с.

20. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. Москва: Культурная революция, 2007. 432 с.

21. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. Москва: Культурная революция, 2012. 480 с.

22. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 11. Черновики и наброски 1884–1885 гг. / пер. с нем. В. Д. Седельника. Москва: Культурная революция, 2012. 688 с.

23. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 12. Черновики и наброски 1885–1887 гг. / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2005. 560 с.

МОСКОВЕЦ Семен Андреевич, ассистент кафедры «Онтология, теория познания и социальная философия» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.

SPIN-код: 7591-6664

AuthorID (РИНЦ): 1215811

Адрес для переписки: moskovets.tsu@yandex.ru

Для цитирования

Московец С. А. К реконструкции онтологии Ницше // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 104–110. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-104-110. EDN: OVFCOP.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024 г.

© С. А. Московец

TOWARDS A RECONSTRUCTION OF NIETZSCHEAN ONTOLOGY

The article is devoted to an attempt to reconstruct Nietzschean ontology presented as an ontology of becoming an eternally recurring 'whole'. The article is divided into several sections. The first section is devoted to the category of becoming as a basic concept in Nietzschean ontology and presents a consideration of becoming through the idea of the 'whole'. The second section analyses the idea of eternal recurrence that gives a temporal dimension to Nietzschean ontology, and examines Nietzsche's main arguments illustrating how eternal recurrence works. The third section analyses the will to power as a cosmological principle of his ontology. The final section offers a brief reconstruction of Nietzschean ontology, bringing together all the ideas and categories presented.

Keywords: Nietzsche, becoming, eternal recurrence, whole, will to power, ontology.

References

1. Nietzsche F. Yunyy Nitsche. Avtobiograficheskiye materialy. Izbrannyye pis'ma. Iz rannikh rabot. 1856–1868 [Young Nietzsche. Autobiographical materials. Selected letters. From early works. 1856–1868] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2014. 304 p. (In Russ.).
 2. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 6. Sumerki idolov. Antikhrist. Esse homo. Dionisovy difiramby. Nitsche contra Vagner [The complete works. In 13 vols. Vol. 6. Twilight of the idols. The Antichrist. Ecce homo. Dionysos-Dithyramben. Nietzsche contra Wagner] / trans. from Germ. Yu. M. Antonovskiy, Ya. E. Golosovker [et al.]. Moscow, 2009. 408 p. (In Russ.).
 3. Biserov G. V. Geraklit v filosofii rannego Nitsche [Heraclitus in the philosophy of early Nietzsche]. Moscow, 2022. 354 p. (In Russ.).
 4. Biserov G. V. Geraklit v bazel'skikh lektsiyakh Nitsche: istoriko-filosofskaya rekonstruktsiya [Heraclitus in Nietzsche's Basel Lectures: A Historical-Philosophical reconstruction]. Istoriya filosofii. *History of Philosophy*. 2022. Vol. 27, no. 1. P. 42–53. DOI: 10.21146/2074-5869-2022-27-1-42-53. EDN: BTDDIH. (In Russ.).
 5. Biserov G. V. Geraklit v filosofii Nitsche: istoki diskussii (1890-e–1930-e gody) [Heraclitus in Nietzsche's philosophy: origins of the discussion (1890s–1930s)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal. Siberian Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 20, no. 2. P. 167–180. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-2-167-180. EDN: JSVKUK. (In Russ.).
 6. Biserov G. V. Geraklit v filosofii Nitsche: k sovremennoy diskussii (1980–2020-e gody) [Heraclitus in Nietzsche's philosophy: towards a contemporary discussion (1980s–2020s)]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. 2022. No. 2 (60). P. 152–166. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.152. EDN: SWGDXX. (In Russ.).
 7. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 2. Chelovecheskoye, slishkom chelovecheskoye. V 2 t. [The complete works. In 13 vols. Vol. 2. Human, all too human. In 2 vols.] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2011. 672 p. (In Russ.).
 8. Moskovets S. A. Anti-essentsializm i problema prichinnosti v filosofii F. Nitsche [Anti-Essentialism and the problem of causality in the philosophy of Friedrich Nietzsche]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. *Tomsk State University Journal of Philosophy,*
9. Heraclitus of Ephesus. Vse naslediye: na yazykakh originala i v russkom perevode [All heritage: in the original languages and in Russian translation] / trans. from Old Gr. S. N. Muravyev. Moscow, 2012. 416 p. (In Russ.).
 10. Lowith K. Nitschevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe [Nietzsche's philosophy of the eternal recurrence of the same] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2016. 336 p. (In Russ.).
 11. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 13. Chernoviki i nabroski 1887–1889 gg. [The complete works. In 13 vols. Vol. 13. Unpublished writings of 1887–1889] / trans. from Germ. V. M. Bakusev, A. B. Garadzha. Moscow, 2006. 656 p. (In Russ.).
 12. Jünger F. Nitsche [Nietzsche] / trans. from Germ. A. V. Mikhaylovskiy. Moscow: Praxis, 2001. 256 p. (In Russ.).
 13. Kolesnikov I. D. «Ev to páv» Geraklita: ot stoitsizma do Nitsche [«Ev to páv» of Heraclitus: from Stoicism to Nietzsche]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017. No. 2 (30). P. 164–171. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-164-171. EDN: ZFLVSI. (In Russ.).
 14. Heidegger M. Nitsche. V 2 t. [Nietzsche] / trans. from Germ. A. P. Shurbelev. Saint Petersburg, 2006. Vol. 1. 1604 p. (In Russ.).
 15. Bakusev V. M. «Vechnoye vozvrashcheniye» i antichnost' [The «Eternal recurrence» and antiquity] // Lowith K. Nitschevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe [Nietzsche's philosophy of the Eternal Recurrence of the same] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2016. P. 295–335. (In Russ.).
 16. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 9. Chernoviki i nabroski 1880–1882 gg. [The complete works. In 13 vols. Vol. 9. Unpublished writings of 1880–1882] / trans. from Germ. A. A. Karelskiy [et al.]. Moscow, 2013. 688 p. (In Russ.).
 17. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 10. Chernoviki i nabroski 1882–1884 gg. [The complete works. In 13 vols. Vol. 10. Unpublished writings of 1882–1884] / trans. from Germ. Yu. I. Arkhipov. Moscow, 2010. 640 p. (In Russ.).
 18. Sommer A. Nietzsche's readings on Spinoza: A contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer. *Journal of Nietzsche Studies*. 2012. Vol. 43, no. 2. P. 156–184. DOI: 10.5325/jnietstud.43.2.0156. (In Engl.).

19. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 3. Utrennyaya zarya. Messinskiye idillii. Veselaya nauka [The complete works. In 13 vols. Vol. 3. The dawn. Idylls from Messina. Fun science] / trans. from Germ. V. M. Bakusev, K. A. Svasyan. Moscow, 2014. 640 p. (In Russ.).

20. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 4. Tak govoril Zarathustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [The complete works. In 13 vols. Vol. 4. Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and no one] / trans. from Germ. Yu. M. Antonovskiy. Moscow, 2007. 432 p. (In Russ.).

21. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 5. Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchay «Vagner» [The complete works. In 13 vols. Vol. 5. Beyond Good and Evil. On the genealogy of morality. Wagner case] / trans. from Germ. H. H. Polilov, K. A. Svasyan. Moscow, 2012. 480 p. (In Russ.).

22. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 11. Chernoviki i nabroski 1884–1885 gg. [The complete works. In 13 vols. Vol. 11. Unpublished writings of 1884–1885] / trans. from Germ. V. D. Sedelnik. Moscow, 2012. 688 p. (In Russ.).

23. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. 12. Chernoviki i nabroski 1885–1887 gg. [The complete works. In 13

vols. Vol. 12. Unpublished writings of 1885–1887] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2005. 560 p. (In Russ.).

MOSKOVETS Semyon Andreevich, Assistant of the Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy Department, Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 7591-6664

AuthorID (RSCI): 1215811

Correspondence address: moskovets.tsu@yandex.ru

For citations

Moskovets S. A. Towards a reconstruction of Nietzschean Ontology. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 104–110. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-104-110. EDN: OVFCOP.

Received June 16, 2024.

© S. A. Moskovets

НИЦШЕВСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ СПИНОЗЫ: КОНТЕКСТУАЛИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, В ОСОБЕННОСТИ ПОСВЯЩЕННОЕ РЕЦЕПЦИИ КУНО ФИШЕРА

Отношение Ницше к Спинозе было весьма загадочным. Оно базировалось в основном на вторичных источниках. В статье впервые исследуется оказанное на концепции Ницше влияние от чтения такого рода источников о Спинозе, в частности, *Истории новой философии* Куно Фишера. Сперва я рассмотрю, как Ницше, отбросив телеологию, обрел в лице Спинозы собрата по оружию. Далее изучу концепцию вечного возвращения Ницше в контексте учения Спинозы в том виде, в котором она была представлена Фишером. Затем исследую связь между ницшевским *amor fati* и спинозовским *amor intellectualis dei*. И наконец, в заключении разберу, как спинозистская концепция самосохранения (в виде, в котором она моделировалась и обсуждалась в исследованиях Спинозы в XIX веке) стала у Ницше критической точкой горизонта эволюционной теории. Выясняется, что знание вторичных источников Ницше имеет фундаментальное значение для адекватного понимания того, как он использовал философию Спинозы. Тем самым в статье предпринята попытка разработать новый подход к имевшемуся у Ницше пониманию философии Спинозы на основе современных ему вторичных источников, которые он использовал.

Ключевые слова: Ницше, Спиноза, Куно Фишер, телеология, вечное возвращение, *amor fati*, *amor intellectualis dei*, самосохранение.

Ницше в Спинозе, Спиноза в Ницше. «Вы были одним из самых благородных, самых искренних людей, которые когда-либо ходили по этой земле. И хотя и друг, и враг знают это, я не думаю, что было бы неоправданно устно засвидетельствовать это перед твоей могилой. Ибо мы знаем мир, мы знаем судьбу Спинозы. Ибо мир мог бы наложить тень и на память о *Ницше*. И поэтому я заканчиваю словами: *Мир* твоему праху! Да будет *свято* имя твое для всех грядущих!»¹ [1, с. 357].

Единственная историческая личность, которую Петер Гаст ставит в один ряд со своим высокочтимым учителем в этих заключительных словах надгробной речи, произнесенной им перед открытой могилой Фридриха Ницше в Рёккене 28 августа 1900 года, — это Барух Спиноза¹. Его намерения ясны: Ницше хотел избежать участи Спинозы, который подвергся остракизму как при жизни, так и посмертно. Одновременно с этим упоминание Спинозы указывает на то высокое интеллектуальное уважение, которое Гаст питал к покойному.

С тех пор исследователи часто подчеркивали связь между Ницше и Спинозой, особенно в своих попытках изобразить Ницше как позитивную, политически безобидную, анти-антисемитскую и общеевропейскую фигуру интеграции². Сам Ницше приводил доказательства такой связи, наиболее известные из которых — в письме своему другу Францу Овербеку, написанном 30 июля 1881 года: «Я совершенно поражен, совершенно восхищен! У меня был *предшественник*, да какой! Я почти не знал Спинозу: и что *теперь* меня потянуло к нему, — “инстинктивное действие”. Не только его основная тенденция та же, что у меня, — сделать познание *сильнейшим аффектом*, — я вижу свое отражение в пяти главных пунктах, и этот самый необычный и самый одинокий мыслитель ближе всего ко мне как раз в них: он отрицает свободу воли; цели; нравственный миропорядок; неэгоистические поступки; зло. Хотя и различия, конечно, неименны, но они объясняются больше различиями в эпохе, культуре, науке. In summa: мое одиночество,

от которого у меня, как на очень высоких горах, так часто перехватывало дыхание и закипала кровь, по крайней мере сейчас стало одиночеством вдвоем»³ [17, s. 111; 18, с. 430–431]^{II}.

Мы еще вернемся к этому отрывку. Сейчас же достаточно отметить, что в 1881 году Ницше отождествлял себя со Спинозой не только потому, что у них был общий интерес к схожим темам, но и потому, что Спиноза, благодаря своему радикализму, считался для XVII века совершенно изолированным мыслителем, каким себя видел и сам Ницше⁴. В заметках, относящихся к его письму, Ницше размышляет о семейных отношениях: «Когда я говорю о Платоне, Паскале, Спинозе и Гёте, то знаю, что в моих жилах течет их кровь, и горжусь, что говорю правду о них: семья хороша тем, что ей не требуется выдумывать и скрывать. Такова моя позиция по отношению ко всем мыслителям прошлого: я горжусь человечностью, а именно безусловной правдивостью»⁵ [23, s. 585; 24, с. 541].

Если бы кто-то доверился исключительно этим свидетельствам, то заключил бы, что по состоянию на 1881 год Ницше был самопровозглашенным спинозистом, — человеком, который узнавал себя и свою философию в приписываемых Спинозе учениях. Соответственно, исследователи были бы убеждены, что «из философов Нового времени ни один не был столь значим для позднего Ницше, как Спиноза» [2, s. 148]. Можно было бы просто навесить на Ницше ярлык спинозиста и перейти к другим вопросам. И все же некоторые детали противоречат идее о том, что Ницше действительно был спинозистом. Первая из этих деталей заключается в том факте, что отсутствуют какие-либо свидетельства того, что Ницше когда-либо читал сами труды Спинозы⁶. Ницше познакомился со Спинозой в годы своего студенчества в Бонне, когда посещал лекции Карла Шааршмидта в 1865 году, а затем также в ходе чтения Артура Шопенгауэра, *Geschichte des Materialismus* Фридриха Альберта Ланге [26], *Philosophie des Unbewussten* Эдуарда фон Гартмана [27], *Grundriß der Geschichte der Philosophie* Фридриха Ибервега [28], *Der Werth des Lebens* Евгения Дюринга [29]⁷. Глубокий интерес Ницше к Спинозе возник только, когда он прочитал *Geschichte der neuern Philosophie* Куно Фишера [33], которую он попросил у Овербека в открытке от 8 июля 1881 года отправить в Зильс-Марию [17, s. 101] и на которую после прочтения он отреагировал в своем восторженном письме от 30 июля 1881 года⁸. Еще одно внимательное чтение книги Фишера произошло в 1887 году, что можно увидеть из длинной заметки, найденной в посмертно опубликованных трудах Ницше [35, s. 259–270; 36, с. 236–238]. Кстати, Ницше вернул новое издание *Этики* Спинозы [37] своему книготорговцу уже в 1875 году — и позже у него, по-видимому, не было желания читать оригинальную книгу⁹.

Конечно, знания Ницше о Спинозе, полученные им из вторичных источников, — это вовсе не аргумент в пользу того, что он мог не видеть самых ключевых и проблемных вопросов в мышлении Спинозы. Его нельзя винить в том, что он не читал оригинала; однако тот факт, что сам он не читал Спинозу, становится более чем примечательным, когда мы задаемся вопросом о том, как он использовал элементы Спинозы для своей собственной философии. Томас Бробьер пришел к жесткому суждению, которое, тем не менее, имеет определенную силу, по крайней мере, с точки зрения истории фи-

лософии: «Обсуждать ницшевские интерпретации и ошибочные толкования Спинозы по отношению к собственным трудам Спинозы просто неуместно» [25, p. 77].

Чтобы понять, в чем новизна и оригинальность Ницше в его оценке Спинозы, очевидно, нам необходимо сосредоточиться на реальном круге чтения Ницше. Несмотря на несколько довольно систематических исследований о Ницше и Спинозе, никто никогда не пытался тщательно реконструировать взгляд Ницше на Спинозу на основе работ, которые он действительно читал. В данной статье предпринята попытка сделать ряд первых шагов в этом направлении, чтобы реконтекстуализировать собственное мышление Ницше. Ведь такого рода реконтекстуализация, по всей видимости, является настоящей потребностью современных исследований Ницше.

Второй деталью, разрушающей представление о Ницше как спинозисте, служит тот факт, что Ницше периодически делает позитивные высказывания о Спинозе в работах, которые он написал до своего фактического открытия Спинозы в 1881 году, и что после этого любое позитивное упоминание Спинозы ограничивается письмами и его посмертно опубликованными заметками, в то время как ссылки на Спинозу в опубликованных работах носят в значительной степени пренебрежительный характер¹⁰. Почему же тогда нет публичного признания о Спинозе как предшественника?

Третьей неприятной деталью является тот факт, что соответствующие высказывания Ницше между 1881 и 1888 годами никоим образом не формируют связной картины. Систематизировать его утверждения относительно того, что, по его мнению, он знает о Спинозе и его философии очень трудно.

В дальнейшем я не предпринимаю попыток всестороннего анализа столь сложной связки как Ницше-Спиноза. Я игнорирую взаимосвязь между ними с точки зрения их анализа и критики морали, особенно с точки зрения проблемы совести, а также эмоций и проблемы сострадания¹¹. Ниже будет показано, в какой степени Ницше мог использовать свои знания Спинозы, полученные им из вторичных источников, в собственной концепции историчности реальности (человеческой или даже всей)¹².

Это указывает на четвертую деталь, которая разрушает представление о Ницше как спинозисте: Ницше основывал всё своё чтение, — по крайней мере, в середине и в более поздние периоды своего творчества — на полезности для своей собственной работы. Ницше подвергал каждого автора, которого он читал, тщательной оценке с точки зрения личной пользы [44]. Таким образом, он, возможно, и заимствовал существенные элементы из философии Спинозы, но он не был склонен признавать себя исповедником или приверженцем его системы. Ницше никогда не принимал систему Спинозы — или то, что он считал системой Спинозы — во всей ее полноте. И по этой причине вопрос о том, был ли Ницше спинозистом или нет, теряет свою актуальность.

Меня интересует вопрос о том, как Ницше понимал временность мира и человеческого существования, служившие основой его чтений о Спинозе. В первых, я полагаю, что круг его чтения о Спинозе показывает, что Ницше нашел в нем собрата по оружию в плане их взаимного неприятия телеологии. Отказ от телеологии в природе, а также в рамках

понимания исторически обусловленного человеческого существования представляется характерной чертой критического подхода как Спинозы, так и Ницше. Во-вторых, я предполагаю, что концепция вечного возвращения Ницше дает ответ на вопрос о том, как мы можем понять временную структуру мира. По-видимому, здесь также прослеживается связь с имеющимися у Ницше знаниями о Спинозе. В-третьих, стоит задуматься об отношении между *amor fati*^{III} Ницше и *amor dei intellectualis*^{IV} Спинозы, ведь обе концепции пытаются сформулировать ответ на вопрос о том, как рассматривать историчность человеческого существования. Напоследок, я хотел бы вернуться к вопросу о телеологии с точки зрения концепции самосохранения, которая из-за ее частого упоминания в дискуссиях вокруг эволюционной теории того времени стала для Ницше критической точкой. Ницше даже задумывался над идеей пожертвовать не только телеологией, но и самой причинностью. При проведении всех этих разнообразных исследований необходимо учитывать, как публичные заявления, содержащиеся в опубликованных работах Ницше, так и различные посмертно опубликованные заметки, которые часто непосредственно ссылаются на вторичные источники, в частности, на Куно Фишера¹³. Фишер был одним из самых влиятельных историков философии XIX века. Важность прочтения Ницше книги Фишера часто признавалась, но никогда тщательно не исследовалась.

Поэтому в данной статье Ницше сталкивается не с 'оригинальным' Спинозой, а скорее с тем Спинозой, который был ему известен по кругу чтения о Спинозе. Здесь меня не волнует проблема того, имел ли Ницше адекватное представление о Спинозе, так же как и вопрос о том, как непосредственно взаимодействовали философии этих двух мыслителей, хотя это, безусловно, тоже важный вопрос. Меня интересует проблема того, как Ницше обращался с вторичными источниками о Спинозе и пытался извлечь из них пользу для своей философии. Следовательно, нужно изучить то, как Ницше трансформировал используемый им конкретный материал вторичных источников. Таким образом, цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить генезис и трансформацию некоторых концепций Ницше и контекстуализировать их, а не спрашивать, был ли Ницше прав или неправ в своих взглядах и критике Спинозы.

Телеология как *Asylum Ignorantiae*^V. Вслед за отрицанием свободы воли, спинозовское отрицание цели является вторым пунктом, на котором Ницше основывает собственное духовное родство со своим 'предшественником' в письме к Овербеку. Вопрос о цели дает важные подсказки о концептуализации временной структуры реальности. В то же время Ницше записывает в своих рабочих тетрадях: «Спиноза, или телеология как *Asylum ignorantiae*» [23, p. 519; 24, с. 481]. Разумеется, согласно общепринятому мнению, Спиноза на самом деле не искал прибежища в телеологии от остающейся пустынной в ином случае метафизики, а скорее резко дистанцировался от традиционных телеологических точек зрения. Сделанное Ницше примечание основывается на разделе книги Фишера, озаглавленном 'Телеология как *asylum ignorantiae*' [33, s. 235; см. также: 46, с. 296]. В последнем абзаце непосредственно предшествующего ему раздела, озаглавленного как 'Невозможность свободы и целей', Фишер пишет: «Если математический метод в его строгом смысле

является руководящей нитью всякого истинного познания, то мировой порядок должен мыслиться так, чтобы он совпадал с этим методом; поэтому Вселенная должна мыслиться *вечной*, следовательно, ни как возникновение, ни как творение. Поэтому порядок вещей должен иметь значение *постоянной причинной связи*, исключаяющей всякую свободу и всякую целевую деятельность: отсюда тот решительный протест против всякого рода понятий цели, который так характерен для учения Спинозы» [33, s. 235; 46, с. 296–297].

Тем самым в своей реконструкции Фишер противопоставляет причинность телеологии, мир уже настолько вечен и целостен, что ему больше не нужно становиться или развиваться. А это значит, он не может двигаться в направлении цели.

Как пишет сам Фишер: «Мы уясняем здесь эту позицию с точки зрения метода: математический способ рассмотрения противопоставляется здесь теологической оценке, истинное познание, которое исследует и выводит вещи, — воображаемому и ложному пониманию, которое удовлетворяется целевыми понятиями, т.е. невежеству, которое находит себе спокойное убежище в таком представлении. Так судит сам Спиноза в освещающем все его учение приложении к первой книге *Этики*. Показав, как люди приходят к измышлению целей, он заявляет: "Посмотрите только, до чего доходит в конце концов этот способ представления! Среди столь многих преимуществ, которые природа доставляет человеку, необходимо нашлось и множество вредных явлений, таких, как бури, землетрясения, болезни и т.д. Последние происходят будто бы от гнева богов, потому что люди обидели богов или упустили что-либо в их почитании; и хотя ежедневный опыт постоянно свидетельствует против этого и на бесчисленных примерах показывает, что благодетельные или вредные явления природы одинаково наступают без различия благочестивых и безбожных, люди все же не отказались от их укоренившихся предрассудков. Ибо им гораздо легче причислить вредные явления природы к неизвестным вещам, о которых не знаешь, какую пользу они приносят, и, таким образом, оставаться в их теперешнем прирожденном состоянии невежества, чем отбросить все эти размышления и подумать о новом способе объяснения. Они успокаивают себя уверенностью, что решение богов намного превосходит силу человеческого разума. И при этом образе мыслей истина действительно осталась бы навеки скрыта от человеческого рода, если бы *математика*, которая занимается не целями, а исключительно природой и свойствами величин, не указала людям другое мерило истины; и можно было бы, кроме математики, привести еще другие причины, указание на которые завело бы нас здесь слишком далеко и которые привели бы людей к пониманию указанных обычных предрассудков и направили бы их на верный путь к познанию вещей"^{VI}. Объяснение на основании целей должно в конечном счете всегда ссылаться на волю Бога, который устроил вещи так, чтобы случилось то или иное событие. Последнее основание всякого события гласит: Бог хотел его. Но воля эта непознаваема для человека, и телеологическому образу мыслей не остается иного убежища, кроме '*asylum ignorantiae*'» [33, s. 235–237; 46, с. 297–298].

Из версии Спинозы, предложенной Фишером, Ницше узнал о сохранившемся до наших дней разочаровании, которое следует за отходом от телеоло-

гического мышления. Телеология, в частности, предоставила религии великодушное убежище, откуда позднее Спиноза ее изгнал. Идея о том, что природа, история и человек лишены цели, отныне стала одной из немногих констант в мышлении Ницше. Цель неспособна объяснить мир и является пережитком системы мышления, которая больше не соответствует реальности. Немецкому Просвещению не удалось освободиться от основанной на понятии цели формы мышления, и только Ницше согласился со Спинозой: «Моисей Мендельсон, этот архангел глубокомыслия, считал, рассуждая о цели, что Спиноза не мог быть таким глупцом, чтобы отрицать ее!» [23, s. 493; 24, с. 457]. Это утверждение Ницше также нашел в книге Фишера о Спинозе¹⁴.

Критика Ницше понятия цели преследовала вполне современную научную и теоретическую задачу, которая все еще очевидна в одной из его последних работ — *Götzen-Dämmerung*^{VII}. Когда, с величественным жестом первооткрывателя, Ницше заявляет, что цель — это изобретение человека — «в реальности цель *отсутствует*» [15, p. 67; 48, s. 96; 49, с. 48] — он борется не с какими-то ветряными мельницами, которые уже давно рухнули, а против влиятельного мыслителя-неокантианца Отто Либмана, в работах которого Ницше прочитал следующее¹⁵: «Существует ли объективно, будь то в явлениях, будь то в *метафизической погоде* явления, что-либо похожее на человеческие намерения, планы, цель и целенаправленные действия, мы не можем знать; это остается вопросом мнения. Однако, в соответствии с нашей специфической национальной конституцией, мы, люди, несомненно, считаем необходимым интерпретировать многое в мире явлений как имеющее определенную цель. Возможны расхождения во мнениях по поводу того, существуют ли, помимо нашей постоянной работы со слепой бесцельной необходимостью, движущей причиной, особые причины, *причины целевые*; но что в *natura naturata* есть *бесконечно высшая цель*, независимая от человека и всех его орудий, по этому поводу не может быть никаких разногласий. Это концептуально полезные конструкции некоторых метафизических систем; это конкретный факт опыта. Можно также спросить, совместимы ли эти построения с научным принципом причинности; в данном случае речь идет только о том, может ли то, что на самом деле является целевым, быть объяснено общими причинными законами природы или нет» [50, s. 90–91].

Ницше оспаривает кантовские идеи телеологии, согласно которым наше сознание вынуждено воспринимать мир как целенаправленный, утверждая, что люди — это существа, жаждущие знаний и, таким образом, стремящиеся применить цель к реальности. Это то, с чем согласились бы Кант и философы-неокантианцы, вроде Либмана. Второй элемент утверждения Ницше, идея о том, что реальность свободна от цели, остается, с научной точки зрения, неясным. Ибо откуда Ницше может знать, какую форму принимает реальность за пределами человеческого восприятия? Не разделяя метафизических выводов Спинозы об истинном устройстве мира, Ницше тем не менее настаивает на том, что отсутствие цели влечет за собой ровно то, что, по утверждению Спинозы, оно за собой влечет, и ровно так, как это изложено в книге Фишера: «То, что совершается в природе вещей, следует из данной причины, которая обуславливает, но не ставит целей. Все совершается здесь по основаниям,

но не ради целей; все осуществляется действующими причинами, и ничто не осуществляется причинами конечными. Ибо цель, как бы ни понимать её, требует способности самоопределения, которая не имеет места в этом порядке вещей; понятие цели не соответствует математическому образу мышления <...> Математические истины имеют лишь основания, а не цели. И если в природе вещей все следует столь же необходимо, как положения — в математике, то вообще не существует цели. И цель есть в таком случае нечто невозможное в мире, бессмыслица в моей голове, неясное и смутное представление, бессодержательный продукт воображения. Поэтому понятие действующих причин противопоставляется понятию конечных причин, а возможность целей принципиально отрицается. Не существует целей ни в вещах, ни в действиях. <...> Для мирозерцания Спинозы нет ничего, что может или могло быть иным, чем оно есть в действительности» [33, s. 233–234; 46, с. 295–296].

Мир без каких-либо целей — это мир без исторической телеологии: в истории нет цели. Есть ли что-нибудь, что могло бы заменить цели в мировом процессе? Как выглядела бы концепция истории без телеологии? Это была бы холодная, очень трезвая концепция, в которой действия человека больше не определяются причинами, а только им самим.

Вечное возвращение как модель понимания историчности реальности. В то же время, когда у Ницше произошла его первая интенсивная конфронтация со Спинозой через призму взгляда Куно Фишера, он открыл для себя то, что позже назовет «учением о вечном возвращении» [21, s. 291, 295; 22, с. 262]. Первое упоминание идеи вечного возвращения действительно появляется рядом с выдержками из книги Фишера. Первый текст, содержащий размышления Ницше о возвращении, озаглавлен *Die Wiederkunft des Gleichen (Возвращение погобоного)* и помечен как записанный в «начале августа 1881 года в Зильс-Мария, 6000 футов над морем и гораздо больше над всеми человеческими вещами!» [23, s. 494; 24, с. 458]. Здесь пафос также сопровождается метафорами одиночества, то же самое чувство Ницше выразил и в своем письме Овербеку относительно Спинозы и самого себя.

Новый *центр тяжести: вечное возвращение погобоного*. Бесконечная важность нашего знания, заблуждения, наших обычаев и образа жизни для всего грядущего. Что делать нам с остатком нашей жизни — нам, которые большую её часть провели в глубочайшем неведении? *Мы преподадим учение* — это сильнейшее средство для того, чтобы усвоить его самим. Наше блаженство, как учителей величайшего из учений [23, s. 494; 24, с. 458].

Библиотеки полны умелых статей на предмет того, откуда Ницше, возможно, черпал вдохновение для своей идеи возвращения, насколько она важна для общей мысли Ницше в целом, а также в какой степени мы здесь сталкиваемся с идеей, для которой Ницше требовал не только этических, но и научных доказательств. Только два аспекта, которые остались отчасти незамеченными в этих довольно разветвленных дискуссиях, представляют для меня здесь особый интерес. Во-первых, это вопрос о том, была ли идея возвращения направлена против господствующей исторической модели спекулятивно-универсалистской философии истории, то есть против традиционной концепции телеологии в истории, против идеи прогресса [подробнее см.: 51, s. 421–435]. Здесь становится яснее, почему

отказ от *asylum ignorantiae* для телеологии связан с концепцией историчности человеческого существования. Во-вторых, вопрос о том, какую роль Спиноза (представленный в адаптации Фишера) мог сыграть в развитии ницшевской идеи возвращения.

В своих поздних работах Ницше, время от времени классифицируя идею прогресса в качестве одной из «современных идей», имеющих «незатное происхождение» [12, p. 260; 40, s. 210; 41, с. 196], склонен интерпретировать прогресс как поступательное движение в сторону всеобщего *gekağanca* [15, p. 113; 48, s. 144; 49, с. 91]. В *Der Antichrist*, написанном в 1888 году, он выступает против современной идеологии прогресса, которая приписывает 'человечеству' «развитие в направлении лучшего, высшего, более сильного» [49, с. 111], используя примеры высших индивидуумов прошлого, которые не позволяют сделать вывод о прогрессе вида. Ницше здесь выдвигает не теорию регресса против идеи прогресса, которая просочилась в общеевропейский менталитет через спекулятивно-универсалистскую философию истории в качестве следствия метафизического понятия телеологии, а скорее противостоит ей, отдавая предпочтение индивидууму и частному перед всем человеческим видом и общим. «По отношению к целому человечеству... род сверхчеловека» [49, с. 111] служит мерой, обесценивающей оставшихся индивидуумов. Этот отрывок из *Der Antichrist* читается как призыв к пониманию случайности истории, которая возражает против любого типа исторической 'необходимости' (включая телеологию). Всемирно-историческая надежда больше не проецируется на все 'человечество' спекулятивно-универсалистской философией истории, но проецируется на одного (единственного и неповторимого), особенного индивидуума. В отличие от христианских учений об искуплении, которые также отводят ключевую роль одному человеку, в антихристианской модели индивид действует не ради многих. Скорее, высший человек — это самоцель; общее благополучие и милосердие его не интересуют.

Было замечено, что Ницше разработал идею вечного возвращения одного и того же в качестве аналога модели прогресса. Такая модель прогресса часто рассматривалась в исследованиях как результат иудео-христианского наследия — в немалой степени под влиянием упрощенное Ницше изображение греко-римской античности [52, s. 25–30]. Таким образом, довольно примечательно, что в *Der Antichrist* идея возвращения никоим образом не представлена как концепция, противоположная идее прогресса [53, s. 62–64]. В других произведениях Ницше и опубликованных посмертно трудах также, по-видимому, почти нет отрывков, где вечное возвращение ставилось бы в связь или противопоставлялось прогрессу видов или любой другой телеологической структуре, призванной объяснить исторический процесс. Идея прогресса видов и идея возвращения — обе являются попытками объединить всю историю под одним термином. Их противостояние имеет степенной, а не принципиальный характер. В рамки концепции возвращения можно интегрировать определенный прогресс — прогресс 'рода сверхчеловека'. Но, если мы примем сверхчеловека как цель человеческой деятельности, не восстановим ли мы телеологию?

Это верно, что Спиноза стоит на значительном расстоянии от спекулятивно-универсалистской

философии истории, которая позиционируется как стратегия преодоления случайности. Несмотря на то, что он, как известно, стал первооткрывателем библейской исторической критики в своем *Tractatus theologico-politicus* и был одним из первых ученых, последовательно историзировавших развитие иудео-христианской религии откровения, его онтология остается радикально свободной от истории¹⁶. Фишер, как мы видели, резюмирует это следующим образом: «Вселенная должна мыслиться вечной, следовательно, ни как возникновение, ни как творение» [33, s. 235; 46, с. 297]. Развивая свою мысль, Фишер заявляет: «Вселенная, следует, т.е. она необходима так же, как математическая истина; она следует из первичного существа, как математическая истина следует из аксиомы; это необходимое следствие есть вместе с тем вечное следствие. Мир не возникает, он есть, как и математическая истина не возникает (с течением времени) из аксиомы, а вечно есть и содержится в ней. Следовательно, Вселенная должна мыслиться как необходимый и вечный порядок вещей» [33, s. 232–233; 46, с. 294–295].

Спиноза предстает здесь как радикальный мыслитель вечности и бытия, который, как таковой, должен отрицать становление в самом мире, ибо мир уже завершен в своем собственном бытии-как-оно-есть. Своей идеей возвращения Ницше предлагает противовес, который следует понимать не только как альтернативу Просвещению и более поздним идеалистическим (или материалистическим) идеям прогресса, но и как противоположность абсолютизму бытия, которое, согласно Фишеру, характеризует мышление Спинозы. Ибо вера Спинозы в полноту мира фактически допускала бы только созерцание как адекватную форму бытия; просто больше нечего делать, нечего менять, нечего создавать, нечего желать, нечем становиться. Такая позиция находится в полном противоречии с интеллектуальным складом Ницше. Таким образом, Ницше, по-видимому, полагает, что с помощью идеи возвращения он нашел решение для понимания мировых событий во времени и временности, которой удается избежать как спекулятивно-универсалистской философии истории, то есть мысли, основанной на телеологическом становлении, так и вневременной, свободной от какой-либо временности спинозовской идеи бытия — тем самым избегая апорий и того, и другого. Это ясно изложено в посмертно опубликованной заметке 1885 года: «Если бы у мира была цель, он должен был бы ее уже достичь. Если бы для него существовало непреднамеренное конечное состояние, оно тоже уже было бы достигнуто. Если бы он вообще был способен на неподвижность и закоснелость, на 'бытие' — хотя бы в одно из мгновений своего становления, — то опять-таки всякому становлению давно пришел бы конец, а значит, и всякому мышлению, всякому 'духу'. Наличие 'духа' как становления доказывает, что мир не имеет цели и конечного состояния и не способен на бытие. — Однако старая привычка примысливать всякому событию цели, а миру — правящего творящего бога столь сильна, что мыслителю трудно вновь поверить в его намеренную бесцельность. Во власти этой идеи — что мир намеренно избегает цели и даже умеет искусно остерегаться попадания в круговорот — обязательно оказываются все те, кто хотел бы навязать миру способность к вечному обновлению, то есть конечной, определенной силе неизменной величи-

ны, какой является 'мир', — чудесную способность к *бесконечному* преобразованию его форм и положений. Если уже не бог, то, по крайней мере, мир должен обладать божественной созидательной силой, бесконечной силой преобразования; он должен намеренно *избегать* возвращения к старым формам, он должен иметь не только желание, но и *средства для предохранения* себя от любого повторения; тем самым он должен в любое мгновение *контролировать* каждое свое движение, чтобы избежать достижения целей, конечных состояний, повторов — и всего того, к чему могли бы привести такой непростительно-безумный образ мыслей и подобные желания. Это все тот же старый религиозный образ мыслей и все то же желание, своего рода стремление поверить, что в *чем-то* мир все-таки равен старому, возлюбленному, бесконечному, безгранично-созидающему богу, что где-то «еще живет старый добрый бог», — то самое страстное желание Спинозы, которое выражено в словах 'deus sive natura' (он даже воспринимал это как 'natura sive deus'). Но как определеннее всего сформулировать тезис и веру, в которых бы точно отразился решительный поворот, достигнутый теперь *перевес* научного духа над духом религиозным, выдумывающим богов? Не будет ли он звучать так: мир, как силу, недопустимо мыслить безграничным, ибо таким его *невозможно* мыслить; мы запрещаем себе пользоваться понятием *бесконечной* силы, так как это *несовместимо с понятием 'сила'*. Стало быть, мир не обладает и способностью к вечному обновлению [21, с. 556–557; 22, с. 500–501].

По мнению Ницше, Спиноза — это ностальгирующий метафизик, который, в конце концов, не может разоблачить безбожие и бесцельность мира и утверждает единство и бытие, для которых в реальности нет никаких доказательств. С другой стороны, Ницше намекает, что становление — это единственная реальность, которую можно прочувствовать, что все виды познания всегда временны по своей природе. Согласно Ницше, Спиноза (или, если быть точным: Спиноза в адаптации Фишера) отрицает этот простой опыт до такой степени, что его следует подозревать в том, что он является метафизиком. В *Der Antichrist*, например, Спиноза предстает как прототип метафизических «альбиносов понятий», которые в конечном счете низводят христианского Бога до «вещи в себе»¹⁷ [48, с. 184; 49, с. 123].

Все это создает впечатление, что Ницше стремился к систематической дискредитации Спинозы в своих публичных высказываниях, стремясь не дать читателю заметить близость их взглядов, а также для того, чтобы Ницше ни при каких обстоятельствах не был принят за кого-то другого. Для этого Спиноза представлен как полная противоположность тому, каким хотел бы быть Ницше. Ницше реагирует на Спинозу 'вынужденным дистанцированием' из страха быть принятым за него [9, с. 112]. В действительности Спиноза, по всей видимости, достигает (в реконструкции Фишера) именно того, к чему стремится Ницше, то есть утверждения мира таким, каков он есть, устранения всех наивных желаний, чтобы он был другим. Ницше выявляет в том числе и скрытую за этим утверждением Спинозы теологию и мораль, о которых действительно можно сказать, что они соответствуют стилю Спинозы. Но это утверждение Спинозы в конечном счете лишь незначительно отличается от утверждения Ницше, а именно от утверждения мира, даже когда

он вечно возвращается. Ницше должен изобразить такую незначительность как решающую, как невероятно широкую пропасть, чтобы избежать опасности быть перепутанным со Спинозой:

«Возвращение к природе», 1. Его этапы: фон образует блаженная доверчивость христианства (видимо, уже у Спинозы — 'deus sive natura'^{viii})

<...>

Спинозизм чрезвычайно влиятелен:

1) попытка занять позицию довольства миром, *как он есть*;

2) наивно полагать блаженство и познание в *зависимости* (выражение тяги к оптимизму, выдающей глубокое страдание —)

3) попытка *избавиться* от морального миропорядка, с тем чтобы в остатке оказался 'Бог' как некий *существующий до всякого разума мир*...

«Если человек больше не считает себя злым, он и перестает им быть —»¹⁸. Доброе и злое — лишь интерпретации, а вовсе не положение дел, как оно есть само по себе. Можно догадаться о происхождении такого рода интерпретации; можно пробовать постепенно таким путем добиваться освобождения от закоренелой принудительности моральной интерпретации» [35, с. 131–132; 36, с. 119].

Здесь также становится ясно, что рационализм Спинозы, должно быть, действовал на Ницше как постоянная провокация. Спиноза не только мало ценит жалость — как и сам Ницше, — но он также мало ценит страдание, которое, по его мнению, есть не что иное, как выражение ошибочного самопонимания. В основе критики наивности, — именно в этом Ницше косвенно обвиняет Спинозу при упоминании оптимизма, — лежит также обвинение в стремлении видеть в этом мире лучший из всех возможных миров, взгляд, который кумир молодого Ницше Шопенгауэр объявил бесстыдным¹⁹. Это верно, что философия Спинозы, представленная Фишером, совершенно не трагична: трагедия и страдание — лишь признаки отсутствия прозрения. Ницше, с другой стороны, повсюду видит трагическую двусмысленность, бездну и страдание — бесконечные страдания, которые никакое будущее развитие истории не может преодолеть или обратить к лучшему, оспаривая саму мысль о прогрессе в спекулятивно-универсалистской философии истории. Поэтому Ницше как психолог заглядывает за философский фасад Спинозы и ищет страдание, испытываемое философом, указывая на его 'волю к оптимизму' как на выражение и компенсацию этого страдания. И наоборот, Ницше понимает свои собственные мысли о возвращении как героическое 'да' страданию и, в частности, самому бессмысленному, болезненному миру в его вечном возвращении. Историчность людей противоречит Спинозе Фишера — она всегда характеризуется страданием, страстью.

В широко обсуждаемом ленцернхайдском фрагменте от 10 июня 1887 года Спинозе отводится ключевая роль в истории 'европейского нигилизма':

«... <...>

6

Представим себе эту мысль в ее самой ужасной форме: бытие как оно есть, без смысла и цели, но неуклонно приходящее вновь, без концовки — превращения в ничто: 'вечное возвращение'. Вот она, наиболее радикальная форма нигилизма: ничто ('бессмыслица') на веки вечные! Европейская форма буддизма: *принуждает* к подобной вере энергия знания и силы. Это *самая научная* из всех возмож-

ных гипотез. Мы отвергаем конечные цели: будь у мира цель, она уже была бы достигнута.

7

Тогда становится ясно, что искомое тут — противовес пантеизму: ведь <жизнеощущение> 'все совершенно, божественно, вечно' *тоже с неизбежностью приводит к вере в 'вечное возвращение'*. Вопрос: делает ли невозможность морали невозможным и это пантеистическое приятие всех вещей? Ведь, в сущности, победа одержана лишь над моральным Богом. Имеет ли смысл представлять себе какого-то Бога 'по ту сторону добра и зла'? Возможен ли пантеизм в этом духе? Сможем ли мы устранить из процесса представление о цели, но, *несмотря на это*, не отвергнуть самый процесс? Это можно бы сделать, если в самом процессе в каждый из его моментов *достигается* нечто — и притом всегда то же самое.

Спиноза занял подобную позицию приятия в том смысле, что каждый момент *логически* необходим: и своим врожденным логическим инстинктом он восторжествовал над *таким* характером мира.

8

Но его случай остается лишь отдельным случаем. *Всякая определяющая черта*, лежащая в основе *всего*, что совершается, выражающаяся в любом процессе, должна — если индивид чувствует в ней свою определяющую черту — внушать этому индивиду торжествующее одобрение каждого мига всеобщего бытия. Все зависит как раз от того, чтобы с наслаждением ощущать в себе эту определяющую черту как нечто хорошее, ценное» [35, s. 213–214; 36, с. 195–196].

Теперь очевидно антиисторический мыслитель Спиноза внезапно предстает в качестве главного свидетеля самой мысли о вечном возвращении; каждый 'момент' обладает 'логической необходимостью', и в каждый момент мировой процесс уже достиг того, чего он может достичь — при этом никоим образом не являясь целью. Спиноза, таким образом, показывает себя образцовым выразителем бессмысленности мира, против которого Ницше может выдвинуть лишь довольно слабый упрек в том, что 'это всего лишь единичный случай', как будто это что-то меняет в его значимости или образцовости. По крайней мере, примечательно, что Спиноза представлен как мыслитель процесса — прочтение, которое Куно Фишер решительно исключал. Выбор слов наводит на мысль о совершенно другом источнике вдохновения, а именно о сильно оклеветанной *Philosophie des Unbewussten* Эдуарда фон Гартмана, которая явно стремилась восстановить связь причинности с необходимостью и отвергала отказ Спинозы от телеологии:

«Таким образом здесь мы поняли причинность как логическую необходимость, которая через волю получает действительность».

Если же мы теперь признали цель за положительную сторону логического начала, то мы должны бы подписаться под положением Лейбница: 'causae efficientes pendentes a causis finalibus'¹⁹; но мы знаем, что оно выражает только одну часть истины, что *целый* мировой процесс по своему содержанию только есть логический процесс, а по своему существованию есть непрерывный акт воли. В сущности, всеобщее телеологическое понимание мирового процесса стало возможным только потому, что причинность понята, подобно целеположности, как логическая необходимость, только потому, что логическая необходимость процесса во всех своих

моментах, т.е. как взятая вообще, так в частности, как причинность и целеположность (можно бы прибавить и третье, "мотивация"), признаны только за различные проекции, в которых выражает себя обще-определяющее, рассматриваемое с различных точек зрения. Если каждый момент процесса вполне и без остатка должен быть членом как причиной, так в то же время и финальной цепи, то это возможно только при одном из следующих трех условий: или причинность и целеположность имеют свое тождество в *высшем единстве* и представляют только различные стороны этого единства, при понимании его посредством человеческого дискурсивного мышления, или обе цепи стоят в *предустановленной гармонии*, или настоящий член в причинной цепи только случайно совпадает с настоящим членом в финальной цепи (как одно и то же явление). Случай был бы возможен иногда, но невозможно, чтобы он повторялся постоянно; предустановленная гармония есть чудо или отказ от понимания; значит, остается только первый случай, если не хотят вместе со Спинозой вовсе отвергать целеположность.

Понятие логической необходимости есть высшее понятие для причинности, целеположности и мотивации; всякая причинная, финальная и мотивационно-детерминистическая необходимость есть необходимость только *потому*, что она есть *логическая необходимость*²⁰ [58, s. 450; 59, с. 410–411].

Хотя Ницше полностью опровергает гартмановскую реституцию телеологии, он, очевидно, заимствует у Гартмана лексику для характеристики антителеологической концепции исторического процесса у Спинозы, концепции с которой он, наоборот, солидаризируется в ленцернхайдском фрагменте²¹. Он делает это, разумеется, не задерживая внимание на противоречии с прочитанным о Спинозе в работе Фишера, и не останавливаясь на том факте, что Гартман на самом деле не изображал Спинозу философом процесса. Такой подход не только показывает, что Ницше — ситуативный мыслитель, который реорганизует исторический и философский материал в соответствии со своими потребностями в тот или иной день, но и показывает, что он проявлял подлинный интерес к философии Спинозы лишь в той мере, в какой она могла быть включена в его собственные мысли. Если бы можно было интерпретировать идею вечного возвращения как идею 'историчности' в противовес неисторическому презентизму систематического мышления Спинозы, в которой — по крайней мере, согласно прочтению Фишера — не может быть никакого развития мира, то на основе других прочтений у Ницше складывается впечатление о Спинозе как о философе процесса (чего фон Гартман, конечно, никоим образом не утверждал), чья анти-телеология может быть истолкована как завуалированное признание вечного возвращения. Однако Ницше никогда публично не утверждал, что Спиноза предлагал столь радикальную историческую концепцию мира — это утверждение скрыто среди *Nachlass* (рукописного наследия). Ницше, возможно, осознавал несовместимость своих различных представлений о Спинозе. Но он никогда не проявлял никакого интереса к согласованию этих представлений; его главной заботой оставалось быть отличным от всех остальных.

Amor Fati и Amor Intellectualis Dei как практические ответы на историчность. «Моя формула для величия в человеке — *amor fati*», пишет Ницше в автобиографии *Ecce homo*» [48, s. 297; 49, с. 222].

Знаменитая фраза, по-латыни означающая 'любовь к судьбе' или 'любовь к року', редко встречается в работах Ницше; впервые она появляется в записных книжках 1881 года, сразу после знакомства со Спинозой в адаптации Фишера: «Вначале — необходимое, и так прекрасно и совершенно, как ты только можешь! 'Люби то, что необходимо': *amor fati* — вот в чем моя мораль; сделай все возможное для нее и донеси ее до себя, возвысив над ее ужасающим происхождением» [23, с. 643; 24, с. 596]. Ницше делает судьбу, голое 'бытие-как-есть' всех вещей, объектом любви. Эта 'формула' выражает утверждение, с помощью которого он характеризует своего Заратустру, без необходимости самого ее появления в *Also sprach Zarathustra*: «я варю каждый случай в моем котле. И только когда он вполне сварится, я приветствую его как мою пищу» [14, р. 171; 60, с. 215; 61, с. 176]. Фатализм, заложенный в *amor fati*, освобождается от естественно существующих ценностей и хочет создавать их²². Объяснение *amor fati* в *Ecce homo*, таким образом, звучит уверенно: «не хотеть ничего другого ни впереди, ни позади, ни во веки веков. Не только переносить необходимость, тем более не скрывать ее — а всякий идеализм есть изолганность перед лицом необходимого, — но любить её...» [12, р. 714; 48, с. 297; 49, с. 222]. По-видимому, это подходящая философская позиция по отношению к временной структуре и бессмысленности мира, которая не проецирует искусственный смысл ни в этот мир, ни на слепой фатум, правящий им.

Amor fati, конечно, терминологически напоминает термин Спинозы '*amor intellectualis dei*' [16, с. 324], который Ницше высмеивает в *Götzen-Dämmerung*: «отшельник плетет паутину понятия» [15, р. 92; 48, с. 126; 49, с. 74], а также над которым подшучивает в *Die fröhliche Wissenschaft*: «то, что осталось от Спинозы, *amor intellectualis dei*, и есть лязг, не больше! какая там amor, какой deus, когда в них нет ни капли крови?...»²³ [55, с. 624; 63, с. 570]. И снова Куно Фишер — собрат Ницше по оружию по вопросу с *amor intellectualis dei*: «Покуда радость относится к чему-то конкретному, она ограничена и преходяща; она обретает совершенство, когда не меняется вместе с вещами, а покоится в неизменной связи; она вечна, когда я преображаю вселенную в мою собственность, *omnia in mea*, и в любой миг могу сказать об этом *omnia mea*, что '*mesum porto*'. В *Трактате об усовершенствовании разума* Ор. II р. 413: "Я принял решение исследовать, нельзя ли найти то, обладание чем навеки обеспечило бы мне наслаждение длительной и высочайшей радостью". "Любовь к вечному и бесконечному существу полнит душу радостью, исключаяющей любую печаль". "Высочайшее благо — это познание единства нашего духа с вселенной"²⁴ [35, с. 260; 36, с. 236].

Ясно, что Ницше отвергает идею необходимости любить бога и, таким образом, отказывается от любой формы *amor dei*. И все же неизбежен вопрос о том, отличается ли *fatum*, который Ницше превращает в объект привязанности, от *deus sive natura*, являющейся объектом привязанности Спинозы, не только одним лишь выбором слов. Возможно, что Ницше приводит в ярость не столько объект привязанности в *amor intellectualis dei*, сколько характеризующее его прилагательное '*intellectualis*': любовь Спинозы должна быть чисто рациональной, свободной от страстей, в то время как Ницше желает вернуться к страстям, к новой любовной откры-

венности. Вопрос о том, является ли объект любви, *fatum*, особенно хорошо подходящим для этого, есть ли в нем больше 'крови', остается спорным. Предполагается, что *amor fati* указывает на возвращение к фактичности, к становлению — к переживанию, от которого, согласно Ницше (и в прочтении Фишера), Спиноза окаменел, превратившись в окаменевшее бытие, в неподвижную вечность, в метафизику. Однако Ницше делает здесь неизбежным нечто такое, что уже неизбежно и у Спинозы. Для Ницше *amor fati*, так и в равной степени идея возвращения с его метафизически подозрительным атрибутом вечности служат средством утверждения того, что есть. Но разве Спиноза уже не утвердил то же самое? Единственное возможное решение — полностью обратиться к преходящему: «против ценности вечно неизменного (ср. наивность Спинозы, равно как и Декарта) — ценность самого эфемерного и преходящего, соблазнительный золотой блеск на чреве змеи <по имени> *vita* —» [35, с. 348; 36, с. 321]. Но действительно ли *amor fati* все еще правдоподобна в случае такой абсолютной ценности преходящего момента? Может ли вечное возвращение спасти мгновение от навязывания вечного бытия? Является ли *amor fati* практически осуществимым ответом на историчность и мимолетность человеческих существ, историчность и мимолетность самого бытия?

Безусловно, *amor fati* — это реакция на *amor intellectualis dei*, ее секуляризация. Ницше использовал формулу Спинозы в своих целях. Однако совсем не очевидно, что *amor fati* на самом деле имеет меньшее метафизическое значение, чем *amor intellectualis dei*.

Самосохранение как завуалированная телеология и необходимость быть другим. Уже во время чтения Фишера в 1881 году идея самосохранения показалась Ницше центральным принципом *Этики* Спинозы. Выдержки из Фишера показывают, как Ницше пытался обозначить дистанцию между собой и Спинозой:

«Спиноза: в наших поступках мы руководствуемся исключительно желаниями и аффектами. Познание должно быть аффектом, чтобы быть мотивом. — Я же утверждаю: чтобы быть мотивом, оно должно быть *страстью*.

Ex virtute absolute agere = ex ductu rationis agere, vivere, suum Esse conservare^x. "В корне не стремиться ни к чему другому, как лишь к *собственной пользе*". "Никто не стремится сохранять свое существование ради какого-нибудь другого существа". "Стремление к самосохранению — условие любой добродетели".

"Люди тогда наиболее полезны друг другу, когда каждый из них стремится к *собственной пользе*". "Ни одно существо на свете не может быть для человека полезнее, чем человек, живущий под руководством разума, *ex ductu rationis*".

"*Хорошо* все, что действительно служит познанию; дурно, напротив, то, что ему препятствует". Наш разум — наша величайшая сила. Из всех благ лишь это одинаково радует всех и не служит предметом зависти; каждый желает его другому, и тем больше желает, чем больше разума у него самого. — Люди согласны лишь в разуме. Они не могут достичь большего согласия, чем живя разумно. Они не могут быть сильнее, чем живя в полном согласии. — Живя в состоянии согласия с другими и с самими собой, мы в любом случае много сильнее, чем живя в разладе. Страсти порождают раз-

дор: они сталкивают нас с другими людьми и с самими собой, они заставляют нас быть враждебными по отношению к внешнему миру и нерешительными по отношению к миру внутреннему. **Его:** все это **предрассудки**. Подобного разума *нет*, и без борьбы и страсти все станет *слабым* — человек и общество.

(“Желание есть самая сущность человека, а именно стремление, в силу которого человек желает пребывать в своем существовании”. “Каждый бессилён настолько, насколько он пренебрегает своей пользой, т.е. самосохранением”. “Стремление к самосохранению есть первое и единственное основание добродетели”).

Дух не обладает свободной волей, его желания — следствие определенной причины, в свою очередь, зависящей от какого-либо другого обстоятельства, которое опять-таки зависит от иной причины, и так до бесконечности.

Воля — это способность принимать и отрицать, ничего более.

Я, напротив, убежден: *преэгоизм*, стадный инстинкт древнее ‘стремления к самосохранению’. Вначале человек *развивается как функция*, позднее из нее выделяется индивидуум, который, будучи *функцией*, **познал** и постепенно усвоил бесконечное множество условий *целого*, организма» [23, s. 517–518; 24, с. 478–480; см. также: 33, s. 480–488].

Аргумент, который Ницше выдвигает против идеи индивидуального самосохранения Спинозы ближе к концу своих заметок, проистекает из его спора с ‘англичанами’, в частности с Гербертом Спенсером, Джоном Стюартом Миллем и ‘немецким’ англичанином, спорадическим другом Ницше Паулем Рэ²⁵. ‘Преэгоизм’ и ‘стадный инстинкт’ являются ключевыми словами аргумента, который Ницше выдвигает против Спинозы, утверждая, что изначально не существует индивида как исходного параметра, желающего сохранить себя, а скорее только коллективная идентичность, из которой с течением времени возникают индивиды. Поэтому мы могли бы принять утверждение Ницше за эволюционный аргумент: индивиды, в природе которых есть определенное стремление (к самосохранению), не даны от природы, а скорее развиваются с течением времени. Но исторический аргумент Ницше против Спинозы не имеет резона, ибо Спиноза никоим образом не рассматривает мир как совокупность атомизированных или монадических индивидуумов. Спиноза с таким же успехом мог бы говорить о воле к самосохранению у растений, как и у человеческих индивидуумов или человеческих коллективов. Переведенное на язык онтологии Спинозы, стадо Ницше также стремилось бы к самосохранению.

Эволюционный аргумент Ницше против фишеровской переформулировки концепции самосохранения Спинозы в терминах полного борьбы возникновения индивида из стада остается неупомянутой заметкой, которую он больше не использует в своих опубликованных работах. Этому аргументу против Спинозы не хватает убедительности. Что наиболее примечательно в заметке Ницше, так это не столько тот факт, что он высмеивает рационализм Спинозы — его веру в разум и защиту страстей, — сколько тот факт, что аспект, который играет важную роль в изложении Фишера, находит лишь незначительное упоминание, — аспект, который всегда так важен для собственной онтологии Ницше: *власть*. В кратком изложении Фишера речь

идет не только о сохранении власти, но и — что столь важно для примерно одновременно разработанной Ницше концепции ‘воли к власти’ — о расширении власти: “Основная форма всякого вождения есть стремление к самосохранению — воля сохранять и увеличивать наше могущество. <...> С точки зрения Спинозы, нет иной добродетели, кроме могущества. Ее противоположность есть не порок, а бессилие, к которому, конечно, принадлежат и пороки, ибо они суть состояния величайшего бессилия» [33, s. 483; 46, с. 476]. В отрывке, непосредственно скопированном Ницше, Фишер пишет: «Чем более каждый человек имеет стремление и силы искать своей выгоды, т.е. сохранения своего бытия, тем больше его добродетель, и наоборот, человек бессилён в той мере, в какой он пренебрегает своей выгодой, т.е. своим самосохранением... Добродетель есть именно человеческое могущество, которое объясняется исключительно из сущности человека, т.е. она состоит исключительно в стремлении человека к самосохранению... Это стремление есть первая и единственная основа добродетели”. Все, что мы делаем, мы делаем ради сохранения и увеличения нашего могущества; это могущество есть наша добродетель, эта добродетель есть наша цель, эта цель есть наше стремление. Поэтому Спиноза говорит: “Под целью, из-за которой мы что-либо делаем, я разумею стремление... Под добродетелью и могуществом я разумею то же самое”» [33, s. 484; 46, с. 477].

Идее власти и ее экспансии, как ни странно, уделяется мало внимания в рассуждениях Ницше о Спинозе. Например, это даже не упоминается в его письме Овербеку от 30 июля 1881 года, в котором говорится о сходстве между двумя мыслителями, хотя именно в вопросе *potentia* систематическое сходство между ними проявляется наиболее очевидно. Вместо того чтобы открыто признать интеллектуальный долг перед Спинозой (или Фишером), Ницше в пятой книге *Die fröhliche Wissenschaft*, опубликованной в 1887 году, продолжает обвинять Спинозу в том, что его теория самосохранения имеет отнюдь невластное происхождение: «Еще раз о происхождении ученых. — Стремление сохранить самого себя есть выражение бедственного состояния, некоего ограничения основного импульса собственной жизни, восходящего к *расширению власти* и в этом волеии довольно часто ставящего под вопрос чувство самосохранения и жертвующего им. Пусть сочтут это за симптом, когда отдельные философы, как, например, чахоточный Спиноза, усматривали, должны были усматривать решающее значение именно в так называемом импульсе самосохранения: это были люди, находившиеся как раз в бедственном состоянии. Что наше современное естествознание столь основательно спуталось со спинозовской догмой (вконец и грубее всего в дарвинизме с его непостижимо односторонним учением о ‘борьбе за существование’) — это коренится, по-видимому, в происхождении большинства естествоиспытателей: они принадлежат в этом отношении к ‘народу’, их предки были бедными и незначительными людьми, которые слишком хорошо и близко знали тяготы хлеба насущного. От всего английского дарвинизма отдает как бы удушливой атмосферой английской перенаселенности, как бы запахом нужды и тесноты мелкого люда. Но в качестве естествоиспытателя нужно было выйти из своего человеческого закутка — а в природе *царит* не бедственное состояние,

но изобилие, расточительность, доходящая даже до абсурда. Борьба за существование есть лишь *исключение*, временное ограничение воли к жизни; великая и малая борьба идет всегда за перевес, за рост и расширение, за власть, сообразно воле к власти, которая и есть как раз воля к жизни»²⁶ [55, с. 585–586; 63, с. 535–536; 68, р. 289–90].

Понятие Спинозы *conatus*^{XI} как не простого сохранения власти, но как 'расширения власти' — в том виде, в каком Ницше прочитал его у Фишера, — здесь остается незамеченным. Низводя Спинозу до уровня слабеющего теоретика сохранения власти, Ницше хочет скрыть опасную близость Спинозы к его собственной 'воле к власти', концепции, которую он называет своим собственным оригинальным философским творением. Со своей 'волей к власти' Ницше претендует на то, что нашел ключ к адекватному пониманию динамичной реальности, отмеченной изменением. Ни при каких обстоятельствах он не хочет, чтобы его приняли за Спинозу.

Приведенный отрывок из *Die fröhliche Wissenschaft* также показывает, что вопрос о самосохранении у Ницше — это отнюдь не исторический пересказ давно забытой теории, а обсуждение весьма актуальной для его времени дискуссии: дарвинизма и связанного с ним понимания природы и всемирно-исторического развития. По мнению Ницше, утверждение Спинозы о том, что всякое существо стремится к самосохранению, является важной составной частью современных дарвинистских теорий. Только в посмертно опубликованных записях Ницше более свободно отзывается о Спинозе, особенно при рассмотрении своей собственной 'философской генеалогии'. Он «чувствует» свою «связь с антитеологическим, т.е. спинозистским движением нашего времени, с той разницей, что я считаю обманом и 'цель', и 'волю'»²⁷ [21, с. 266; 22, с. 247]. Однако в своих опубликованных работах Ницше утверждает, что Спиноза не остался верен антитеологии: «Физиологам следовало бы поразмыслить насчет взгляда на инстинкт самосохранения как на кардинальный инстинкт органического существа. Прежде всего нечто живое хочет *распространять* свою силу — сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных *следствий* этого. — Словом, здесь, как и везде, нужно остерегаться *излишних* телеологических принципов! — одним из них является инстинкт самосохранения (мы обязаны им непоследовательности Спинозы —). Таково именно требование метода, который в сущности должен быть бережливым по отношению к принципам [12, р. 211; 40, с. 27–28; 41, с. 25].

Для Ницше 'непоследовательность Спинозы' заключалась в очевидном факте, что, хотя он и придерживался строгой программы отхода от телеологии, когда дело доходило до самосохранения, Спиноза сохранял *telos*, цель, а именно самосохранение.

Недавно был поднят вопрос о том, не было ли это обвинение в непоследовательности, так небрежно добавленное в скобках и представленное как общеизвестное, просто заимствовано Ницше из литературы о Спинозе, к которой он обращался. Андреас Рупшус и Вернер Штегмайер предполагают, что источником послужила книга Адольфа Тренделенбурга *Über Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg* (*Об основных мыслях Спинозы и их успехе*), опубликованная в 1849–1850 годах [69]. На самом деле Фишер не только обсуждает книгу Тренделенбурга

в целом, но и фактически критикует его понимание телеологии²⁸ [33, с. 564–569], у которого, к примеру, мы читаем: «Единичная вещь... не может содержать в себе ничего, что разрушало бы ее сущность, и может быть уничтожена только внешней причиной (см. Eth. III, 4–6). Здесь доказывается только сила инерции, *vis inertiae*, и ничего больше; и самосохранение действующей причины не может иметь никакого другого значения, ибо никакого истинного 'я' не существует. Но, несмотря на это, в стремлении к самосохранению и увеличению власти, а также в идеях, возникающих в этом направлении, Спиноза мыслит больше, чем содержится в этих предпосылках. В них заложены цели индивидуальной жизни, и только благодаря этому действительно справедливо выражение, что все, насколько оно есть само по себе, стремится к сохранению своей сущности»²⁹ [70, с. 38–39].

Но, по-видимому, лишь частично сформулированная Ницше критика Спинозы развивается в этом же направлении. Для Рупшуса и Штегмайера неявная связь между Тренделенбургом и Ницше доказана уже тем фактом, что Тренделенбург, говоря о Спинозе, использует термин 'непоследовательность', а Фишер — нет [69, р. 301]. Тем не менее, Тренделенбург использует этот термин только в конце своей книги, и он не имеет прямого отношения к вопросу о том, ставится ли 'я' как цель самосохранения; скорее, он просто появляется в конце длинного списка, включающего другие, совершенно иного рода обвинения: «Эти аргументы возникают, когда кто-то следует за Спинозой по своему собственному пути и соизмеряет все его основные положения с его основной мыслью на предмет согласованности или непоследовательности»³⁰ [70, с. 58]. Близость между аргументацией Тренделенбурга и мыслями Ницше очевидна. Однако и аргумент, и обвинение в непоследовательности, выдвигаемое в самых разных контекстах в исследованиях о Спинозе, сами по себе являются обычным явлением в критике Спинозы, что заставляет усомниться в том, что Тренделенбург действительно являлся источником Ницше³¹. По крайней мере, чтение довольно старой, узкоспециальной литературы по истории философии было бы нетипичным академическим поведением для Ницше конца 1880-х годов. Мне кажется гораздо более вероятным, что Ницше мог обратиться к популярному и современному для того времени источнику, такому как *Geschichte der neueren Philosophie* Рихарда Фалькенберга, опубликованному в 1886 году, в котором написано: «Основа добродетели — стремление к самосохранению: как может кто-либо хорошо поступать, раз он не хочет существовать (IV ргор. 21–22)? Так как разум не требует ничего противоречащего природе, то он необходимо повелевает каждому любить самого себя, искать своей собственной пользы и делать всего того, что делает его совершеннее. По естественному праву все полезное позволено. Полезно все, возвышающее нашу силу, нашу деятельность или совершенство, или наконец то, чего требует познание, так как жизнь души состоит в мышлении (IV ргор 26. app. par. 5). Единственно зло препятствует человеку совершенствовать разум и вести разумную жизнь. Добродетельно действовать означает следовать велениям разума во всем так же, как в самосохранении (IV ргор. 24). Нигде у Спинозы так не нагромождены ошибочные заключения, нигде яснее не сказывается недостаточность искусственно составленных, ни в чем,

при своей прямолинейной абстрактности, не соответствующих действительности понятий, — как в моральной философии. Спиноза намеревался включить все императивы и ограничения только тем, чтобы понять действительные поступки человека, но он так мало остался верен этому намерению, как ни один философ, поставивший себе ту же цель. Он несколько смягчает свою непоследовательность, одевая свои веления в античную одежду мудрого и свободного человека»³² [73, s. 100; 74, с. 127].

Каков бы ни был ответ на вопрос об источниках Ницше, ясно, что Ницше хочет превзойти Спинозу как антитеолога, обвинив его в тайном восстановлении телеологии в мировом процессе. И здесь Ницше, по-видимому, руководствуется страхом, что Спиноза, возможно, уже открыл то, что он сам хотел представить как своё собственное открытие. Соответственно, Ницше противопоставляет себя статичному метафизика — Спинозе, представляя себя как мыслителя динамики и становления: «Мы по-другому относимся к 'достоверности'. Поскольку страх прививался человеку очень долгое время, а всякое бытие, которое мы в состоянии выносить, начиналось с 'чувства безопасности', — это по сей день продолжает оказывать влияние на мыслителей. Но как только отступает внешняя 'опасность' существования, возникает наслаждение от неопределенности, безграничности линий горизонта. Счастье великих первооткрывателей, состоявшее в стремлении к определенности, могло бы теперь превратиться в счастье повсюду обнаруживать неопределенность и риск. Точно так же робость прежнего бытия была причиной того, что философы столь усердно подчеркивали сохранение ('ego' или вида) и воспринимали это в качестве принципа, в то время как мы постоянно играем в лотерею против этого принципа. Сюда относятся все тезисы Спинозы: т.е. *основа английского утилитаризма*» [21, s. 223–224; 22, с. 209].

В выдержках из Фишера о самосохранении [21, s. 517–518; 22, с. 478–480] и в контраргументах Ницше из записок 1881 года, Ницше относил мысль Спинозы о самосохранении исключительно к человеческим индивидам и противопоставлял ей доиндивидуальный 'стадный инстинкт', усвоенный им в ходе исследований английских мыслителей. Здесь, однако, нет роли, для которой 'я' является объектом 'самосохранения' ('эго' или 'вид'). Скорее, идея самосохранения здесь рассматривается как выражение статичного мышления, ориентированного на безопасность, стабильность и нежелание раздражаться. Собственное мужество Ницше перед лицом перемен, перед лицом постоянного интеллектуального и практического эксперимента сопоставляется с 'боязливостью', которая предстает как символ предшествующих философий, а именно Спинозы и английского утилитаризма. Как и в своей заметке [21, s. 517–518; 22, с. 478–480], Ницше вновь полностью игнорирует то, что *sonatus* Спинозы — это (согласно Фишеру) отнюдь не только вопрос сохранения существующего состояния бытия, но именно вопрос той динамики экспансии власти, которую Ницше выдает за свою собственную оригинальную концепцию. Более того, весьма примечательным кажется само объединение утилитаризма и Спинозы: самосохранение понимается как основа английского утилитаризма — интерпретация, для которой невозможно найти соответствующей параллели в немецкой литературе о Спинозе, которую читал Ницше. В §349 *Die fröhliche Wissenschaft* вовсе

не утилитаризм, а дарвинизм предстает как наследник идеи самосохранения Спинозы [55, s. 585–586; 63, с. 535–536].

Впрочем, даже объединение утилитаризма и Спинозы в рамках идеи самосохранения не является оригинальным интеллектуальным достижением Ницше. Его можно найти уже в книге Жана-Мари Гюйо *La morale anglaise*, опубликованной в 1879 году: «Герберт Спенсер есть в своем роде Спиноза — позитивист, с той лишь разницей, что, углубляя принцип сохранения бытия, Спенсер извлекает из него принцип прогрессирования бытия»³³ [78, p. 195, 167–168, 258; 79, с. 222]. Гюйо обсуждает эту тему более подробно в своей книге *Morale d'Épicure*, которая была опубликована годом ранее и включает в себя отдельную главу о Спинозе³⁴ [80, p. 227–237; 81, с. 308–318]. В ней Спиноза недвусмысленно определяется как 'метафизик утилитаризма': «Широкая система Спинозы, поглотившая системы Эпикура и Гоббса, заранее содержит в себе основные теории французской и английской утилитарной школы» [80, p. 227; 81, с. 308]. Там же, наряду с моральным релятивизмом, идея самосохранения возводится в ранг центрального теоретического постулата как Спинозы, так и современных утилитаристов. По мнению Гюйо, единственным современным элементом, отсутствующим в системе Спинозы, является идея исторического прогресса, то есть естественного развития или эволюции³⁵. С другой стороны, Ницше считал бы мыслителей-эволюционистов такими же 'боязливymi', как и Спинозу. Для Ницше даже эволюционные мыслители с их заявлениями о неизбежности (лучшего) будущего исторического и мирового состояния кажутся недостаточно смелыми по отношению к радикальной открытости будущего и, следовательно, недостаточно смелыми перед лицом максимально свободного строительства будущего. Страх Спинозы перед переменами и соответствующая ему вера в разум с исключением из него случайностей лейтмотивом проходят через все записки Ницше до 1888 года:

«Они [метафизики] возненавидели **неразумие**, все произвольное, случайное (потому что те — причина бесчисленных физических страданий). *Слегка вательно*, они подвергли отрицанию этот элемент сущего самого по себе, поняв сущее как абсолютную «разумность» и «целесообразность».

Подобным же образом отпугивали **превратности судьбы и бренность**: тут сказывается подавленность души, полной недоверчивости и памяти о перенесенных невзгодах (это случай Спинозы: а человек противоположного склада счел бы эти превратности *стимулом к действию*).

Существа, заряженные силой, существа *играющие одобрили* бы как раз эти *аффекты*, это *неразумие* и *превратности судьбы* в эвдемоническом смысле — а заодно и их последствия, опасность, крайность, гибель и т.д.» [82, s. 536–537; 83, с. 486].

Спиноза все больше становится для Ницше архетипичным метафизиком. Идея самосохранения служит доказательством того, что Спиноза хотел отрицать реальность становления³⁶. Спиноза становится марионеткой, на которой Ницше может выместить своё разочарование в метафизике. Идея самосохранения уже не только сомнительна как остаток телеологии, как это было в §13 *Jenseits von Gut und Böse* [12, p. 211; 40, s. 27–28; 41, с. 25], но и выступает, по крайней мере в поздних записках Ницше, как сам символ отвергнутой метафизиче-

ской мысли. Как указывал Гюйо, Спиноза особенно подходит для этой роли, поскольку он представляет собой константу как в философском мышлении современности, так и в научном мышлении времен Ницше. Критика идеи самосохранения — это критика (почти) всего рационализма, как прошлого, так и настоящего. Те, кто отвергает эту идею, подобно Ницше, могут позиционировать себя в качестве бескомпромиссных личностей или полных одиночек, потому что они, кажется, находятся в оппозиции ко всему, что было мыслимо до сих пор. Соответственно, Ницше не беспокоит, что в прочитанной им книге Фишера *conatus* Спинозы не является простым вопросом сохранения статус-кво.

Во всяком случае, Ницше в 1887 г. перечитывает *Geschichte der neuern Philosophie* Фишера и пишет заметку, где, помимо прочего, наряду со Спинозой излагается философия истории Канта [35, s. 259–270; 36, с. 235–245]. Эта заметка с весьма красноречивым заглавием 'Метафизики' начинается с интересной идеи о возникновении спекулятивно-универсалистской философии истории во времена Канта: «Из привычки к безусловным авторитетам вышла в конце концов глубокая потребность в безусловных авторитетах: да такая сильная, что даже в такую критическую эпоху, какова эпоха Канта, она проявила себя стоящей выше потребности в критике и в каком-то смысле сумела подчинить себе и обернуть в свою пользу всю работу критического рассудка. В следующем поколении, исторические инстинкты которого неизбежно навели его на мысль об относительности любого авторитета, эта потребность вновь проявила свое превосходство, заставив служить себе даже Гегелеву философию развития, эту переименованную в философию науки историю, выставив историю поступательным самооткровением, самопревышением моральных идей» [35, s. 259; 36, с. 235].

Вряд ли можно найти лучший способ фундаментальной критики спекулятивно-универсалистской философии истории как трансформированной формы старой метафизики. Если предположить, что это (как и большая часть остальных заметок) не просто неустановленная выдержка из других источников, а собственная позиция Ницше по отношению к предложенному Просвещением и Пост-Просвещением проекту понимания истории как большой развивающейся взаимосвязи смыслов, то становится понятно, почему философское допущение исторического прогресса никогда не было для него серьезной опцией: ведь оно стремилось сохранить традиционную мораль и иммунизировать ее от любой критики. «Философия находится под игом морали со времен Платона» [35, s. 259; 36, с. 235], — продолжает он свою запись, и именно для прекращения этого ига вмешивается Ницше. Довольно неожиданно заметка переходит к Спинозе, в основном к его психологии и этике [35, s. 260–264; 36, с. 237–239]. Это критически аннотированные парафразы Фишера, в которых заметно, что Ницше не просто резюмирует отдельные главы, а скорее берет объекты своего анализа из различных частей книги Фишера³⁷.

«Если существует подлинное и непреходящее добро, то и удовлетворение от этого столь же прочно и нерушимо, то и радость моя вечна».

Психологически ложное заключение: как будто долговечностью предмета гарантирована долговечность того чувства, которое я к нему питаю! (совершеннейшее отсутствие «художника») Высочай-

шая — и комичная — степень педантизма логика, *обожеествляющего свою страсть*»³⁸ [35, s. 263; 36, с. 237–238].

Здесь Ницше также использует свое любимое психологическое оружие против Спинозы, мыслителя вечности, который пыгается использовать такого рода мышление для преодоления становления. Теперь Ницше повсюду находит способы подчеркнуть разницу между собой и Спинозой. Эти приемы подталкивают его ко все большему радикализму. Так, в записках 1885–1886 годов отказ от телеологии оказывается уже недостаточным: «Короче: психологическая вынужденность верить в причинность заключается в *невозможности представить себе процесс без цели*: что, разумеется, еще ничего не говорит об истинности или неистинности (об оправданности таковой веры). Вера в *causae* — то же, что и вера в *τέλη* (против Спинозы и его кау-ализма)» [35, s. 103; 36, с. 94].

Ницше, видимо, намеревался сделать на некоторое время 'непостижимое' постижимым; освободить человечество не только от морали и телеологии, но и от необходимости мыслить в рамках причинно-следственных связей. Это происходит, когда Ницше предстает в качестве адвоката случайности (*Zufall*) или когда он объявляет любую форму авторства иллюзией. При таком понимании реальности, полностью отвергающем всякую причинность, Ницше действительно достиг бы столь желанного, но и столь же трудно достижимого освобождения от Спинозы. Однако, если бы кто-то всерьез стремился к отмене причинности (и тогда, разумеется, не осталось бы никого, кто бы мог хоть как-то чем-либо 'заниматься'), любая форма истории и историографии в том виде, в каком они нам известны, стали бы невозможны, поскольку прошлое, настоящее и будущее уже не находились бы в каком-либо описываемом отношении друг к другу. Ницше же постоянно утверждает собственную власть над историей и ее авторством, и ни в коем случае не думает о том, чтобы отстраниться от роли ее творца, ее источника. При всей этой полемике против Спинозы и его телеологии, а в конечном счете даже против самой идеи причинности, остается вопрос, какую альтернативу тут можно было бы придумать. В этом вопросе Ницше остается колеблющимся и в соответствии со своим экспериментально-философским кредо не дает никаких убедительных ответов.

Неоднократные попытки Ницше дистанцироваться от Спинозы могут быть поняты как исторический бунт против понимания реальности, в которой (по крайней мере, согласно прочтению Фишера) больше нет никакого реального развития. Этим Ницше защищает становление от бытия. Однако при этом он избегает ответов современных ему и модных теорий развития — будь то естественная эволюция дарвинистов, прогресс истории, проповедуемый спекулятивно-универсалистскими философами истории, или регресс истории, отстаиваемый пессимистами и *декадентами*. Ответ Спинозе в духе подобных исторических теорий развития скорее всего привел бы к тому, что Ницше был бы принят за одного из своих современников. Но можно ли считать это причиной появления в работах Ницше идеи вечного возвращения того же? В конце концов различные стратегии Ницше в отношении Спинозы (в прочтении Фишера) оставляют впечатление о его уклончивости (или даже неспособности быть последовательным). Похоже, что

для Ницше важнее всего было подчеркнуть их различие. Данное различие варьировалось в зависимости от обстоятельств. Хотя в панегирике своего ученика Ницше все же оказался в компании Спинозы.

Благодарности автора

Я хотел бы поблагодарить Камилло де Виванко за перевод первого черновика этой статьи и, в частности, анонимных рецензентов *Journal of Nietzsche Studies* за множество очень полезных комментариев и предложений. Мануэль Дрис, Энтони Дженсен и Эмджея Девейни в значительной степени помогли мне отшлифовать формулировки и улучшить аргументацию. Я им очень благодарен.

Благодарности переводчика

Мне следует поблагодарить Романа Леонидовича Кочнева за консультации по поводу перевода. Именно благодаря ему стал возможен перевод этой статьи. Перевод публикуется с разрешения автора.

Примечания автора

¹ Гаст также упоминает и французского моралиста Вовенарга: «Все великие мысли, как говорит Вовенарг, исходят из сердца» [1, с. 357], — подчеркивая тем самым тесные связи Ницше с французской культурой, но не связывая Вовенарга напрямую с Ницше.

² Для дальнейшего ознакомления см. [2–11].

³ Я использую следующие переводы [12–16]. Остальные переводы с немецкого и французского являются моими собственными, если иное не указано.

⁴ Даже если в конечном счете самого одиночества Спинозы ему недостаточно: «Посреди 'Свободы и наглости прессы' этого столетия портишь себе вкус и инстинкты; я держу перед мысленным взором образы Данте и Спинозы, которые лучше меня справлялись со жребием одиночества. Правда, их образ мыслей по сравнению с моим таков, что он позволял выносить одиночество; к тому же для всех тех, кто так или иначе находился в обществе 'Бога', ещё не существовало по-настоящему того, что я зову 'одиночеством'» [19, с. 63; 20, с. 238–239]

⁵ Смотрите также полное собрание сочинений Том 11: «Человек есть нечто, что должно преодолеть» — все дело в темпе; достойны удивления греки: никакой торопливости, — мои предшественники: *Гераклит, Эмпедокл, Спиноза, Гете*» [21, с. 134; 22, с. 129]

⁶ Томас Бробьер высказывается об этом с еще большей убежденностью: «И все же... Ницше никогда не читал Спинозу!» [25, р. 77]. Список вторичных источников, которым Ницше обязан за свое представление о Спинозе, см. [25, р. 77–82].

⁷ Первое издание книги Ланге, которое было чрезвычайно важно для Ницше при написании его ранних работ, не сохранилось в его личной библиотеке; зато сохранилось издание 1887 года, что указывает на то, что Ницше читал Ланге и позже [30, с. 338]. Ницше продал свой экземпляр *Philosophie des Unbewussten* Гартмана в 1875 [30, с. 276]. Что касается *Grundriß der Geschichte der Philosophie* Ибервега [30, с. 628], то на 68-й странице Ницше отметил на полях следующий пассаж: «Седьмая и последняя аксиома такова: Сущность всего того, что может быть представляемо не существующим, не заключает в себе существования. Эта аксиома предполагает онтологический паралогизм, как если бы она существовала, из которого может быть выведено определение существования. Каждая сущность, которая в действительности доступна, включает в себя бытие объектов, сущностью которых она является; но это предложение — простая тавтология. Никакая сущность не может быть причиной до того, как она обретет Бытие; од-

нако она обретает Бытие только в тех объектах, сущностью которых она является. Мысль, которая обращается к существенному, то есть к (субъективному) термину (понятиям), может, при условии реальности того, что мыслится, оправдать отбрасывание определенных свойств, но не без этого обстоятельства, и поэтому никогда не может представлять это обстоятельство само по себе». Относительно *Der Werth des Lebens* Дюринга [30, с. 202] мы знаем, что ранний отрывок о Спинозе в записных книжках Ницше является выдержкой из этой книги: «Обобщающее суждение о ценности жизни — это равнодействующая элементарных определений; не может быть теоретического понятия, которое заранее устанавливало бы, как должна быть устроена жизнь, чтобы заслужить наше одобрение. Абсурдными следует считать, таким образом, следующие точки зрения: зло подлежит отрицанию, ибо действительным злом оно является только с точки зрения человека. Или, вслед за Спинозой: ничто не является неприемлемым само по себе; лишь человеческое воление аттестует одно как доброе, другое же клеймит как злое. Если же в принципе отказаться от этого человеческого начала, то теряется и всякая мера для практических оценочных суждений. Помимо этого, теряется нравственное суждение (больше нельзя говорить о добре и зле, более того — всякое не чисто теоретическое решение должно быть признано заблуждением). Итак, ценность вещей измеряется устремлением, для того, кто ни к чему не стремится, никаких ценностей не существует, для субъекта чистого познания не существует никакого добра и зла, никакого одобрения или отвергания. Тот, кто ни к чему не стремится, производит только чисто теоретические суждения. Мне кажется, таким образом, что весь высокий смысл суждения о ценности жизни сопряжен с высотой и силой устремления, т. е., во-первых, с целью, а во-вторых, со степенью устремленности, обращенности к этой цели» [31, с. 133; 32, с. 202–203].

⁸ Данный текст не указан в *Nietzsches persönliche Bibliothek* [подробнее об этом см.: 34, с. 351–353].

⁹ Возвращение книги Ницше было документально зафиксировано 13 июля 1875 года [30, с. 719].

¹⁰ Спиноза, наряду с Кеплером, принадлежит к типу «гения знания» [13, р. 157; 38, с. 147–148; 39, с. 135]. Ницше также говорит о «европейцах и упразднении наций» и призывает к «созданию как можно более сильной европейской общей расы», в котором евреи играют немалую роль, поскольку им должны быть благодарны за «самого благородного человека (Христа), самого чистого мудреца (Спиноза), самую могучую книгу и самый действенный нравственный закон в мире» [13, р. 475; 38, с. 309–310; 39, с. 284].

¹¹ Конечно, Ницше также находит объяснение критике морали Спинозой, обвиняя ее в наличии тайных моральных мотивов: «Я не видел еще никого, кто отважился бы на критику моральных ценностных чувств: а скучным попыткам набросать историю возникновения таких чувств (предпринятым английскими и немецкими дарвинистами) я скоро показал спину. Чем объяснить позицию Спинозы, его отказ и отклонение моральных ценностных суждений? (Было ли это одним из выводов какой-нибудь теодицеи?)» [35, с. 144; 36, с. 130–131]. О проблеме совести (*morsus conscientiae*) см. [12, р. 518–519; 40, с. 320–321; 41, с. 299–300]. Несогласие с предложенным Фишером прочтением Спинозы, на которое там намекается, более конкретно было выражено в 12 томе *Kritische Studienausgabe* [35, с. 261–262; 36, с. 238], где Ницше ссылается на конкретные страницы из *Geschichte der neuern Philosophie* Фишера [33, с. 358–59]. А особенно резкую критику позиции Спинозы по отношению к эмоциям см. [12, р. 215–217; 40, с. 117; 41, с. 29–31]. О проблеме сострадания Ницше, в частности, пишет: «Это современное предпочтение и переоценка сострадания со стороны философов есть нечто совершенно новое: именно в признании *никчемности* сострадания сходились до сих пор философы. Назову лишь Платона, Спинозу, Ларошфуко и Канта, четыре ума, как нель-

зя различные во всем, но согласные в одном: в низкой оценке сострадания» [12, p. 455; 40, s. 252; 41, с. 235–236].

¹² О концепции историчности Ницше см. [42, 43].

¹³ В иных обстоятельствах в целях прояснения трудов Ницше стоит опираться только на Nachlass [45].

¹⁴ Книга Фишера, к примеру, содержит следующий фрагмент: «Деистически настроенное Просвещение XVIII не хотело допускать иного откровения Бога, кроме естественного порядка вещей, но в последнем оно требовало признания полного выражения божественной мудрости и благости. Поэтому выше всего оно ставило рассмотрение естественной целесообразности вещей, намеренно созданных произведений природы к их полезности для человека. Неудивительно, что это Просвещение не воспринимало Спинозу, что оно испугалось, когда Якоби изложил учение Спинозы в его истинном свете; что, в частности, Моисей Мендельсон скорее был готов видеть клевету на философа в утверждении, что Спиноза отрицал цели, чем приписывать ему подобную 'глупость'» [33, s. 562; 46, с. 532].

¹⁵ Ницше далее говорит об изобретении цели, рассматривая «кажущееся 'удобство' как следствие воли к власти» [35, s. 386; 36, с. 353]. Эти рассуждения Ницше были инспирированы работой *Gedanken und Thatsachen: Philosophische Abhandlungen, Aphorismen und Studien* Отто Либмана [50].

¹⁶ Опять же, Ницше мог бы ознакомиться с этим вопросом через *Geschichte der neuern Philosophie* Фишера [33, s. 151–154].

¹⁷ Подобные обличения см. также в [12, p. 225–227; 40, s. 43; 54, s. 340].

¹⁸ Фраза «если человек больше не считает себя злым, он и перестает им быть...» является самоцитатой Ницше из его собственной работы *Morgenröte — Gedanken über die moralischen Vorurteile* [55, s. 140].

¹⁹ «Впрочем, не могу здесь удержаться от заявления, что оптимизм, если только он не бездумная болтовня тех, у кого за плоскими лбами нет ничего, кроме слов, представляется мне не просто абсурдным, но и поистине бессовестным воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества» [56, p. 206; 57, с. 279].

²⁰ Ницше владел первым изданием книги Гартмана, вышедшим в 1869 году [27], и к 1875 году уже его перепродал [30, s. 276]; цитируемый отрывок в нем, по всей видимости, отсутствует.

²¹ Ницше пишет о фон Гартманне: «поверхностный строптивец, испортивший пессимизм и возжелавший сделать из этого философию удобства (в этом он близок к англичанам)» [21, s. 236; 22, с. 220].

²² В отрывках лета-осени 1884 года можно прочитать следующее: «Заратустра 2. Высший фатализм все же идентичен случаю и творческому моменту. (Не порядок ценностей в вещах! Сначала нужно создать.)» [21, s. 292; 22, с. 273].

²³ Еще в 1884 году Ницше высмеял Спинозу в своем стихотворении *Спинозе*, которое, пожалуй, нельзя отнести к вершинам западной поэзии [21, s. 319; 22, с. 294]:

Dem 'Eins in Allem' liebend zugewandt,
Ein amor dei, selig, auf Verstand
Die Schuhe aus! Welch dreimal heilig Land!
Doch unter dieser liebe fraß
unheimlich glimmender Rachebrand:
am Judengott fraß Judenhaf!
Einsiedler, hab ich dich erkannt?
Любя свой постулат 'Един во всем',
Постигнув amor dei преданным умом,
Перед страной святой благоговей,
Ты под любовью ненависть скрывал,
Тебя пожар отмщения пожирал —
Мсть иудея богу-иудею! —
Отшельник я тебя познал?

²⁴ Источником цитат в этом отрывке Ницше служила *Geschichte der neuern Philosophie* Фишера [33, s. 540].

²⁵ Мария Кристина Форнари дает более подробный отчет об этом [64].

²⁶ Исходную информацию об источниках этой атаки на дарвинизм см. [65]. Ницше в решающей степени вдохновил В. Х. Рольф [66; ср. с этим: 30, s. 504–505; см. также: 67].

²⁷ Данная запись заканчивается замечательным определением функции философии в целом: «Философия не как *gorgma*, а как предварительное руководство к *исследованию*» [21, s. 267; 22, с. 248].

²⁸ Фишер расходится со своим бывшим наставником Тренделенбургом в своих взглядах на Спинозу [69, s. 304–305].

²⁹ Книга Адольфа Тренделенбурга *Über Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg* не указана в списках *Nietzsche's persönliche Bibliothek*.

³⁰ По крайней мере, один из 'аргументов' заключается в следующем: «Спиноза выводит все эмоции из аксиомы, что всякое существо стремится утвердить себя в своем Бытии, а всякую добродетель — из способности воздействовать на нечто, что можно понять из законов собственной природы. ... в этих аксиомах заложена индивидуальная жизнь, которая в своем определении не есть просто отрицание, а утверждение, которое, однако, не может быть мыслимо без своих ключевых целей. В подобном наблюдении над естественными законами души Спиноза заведомо предполагает телеологическую позицию» [70, s. 57].

³¹ К примеру, ср. с этим отрывок из брошюры Йохана Якоба Борелюса *Ueber den Satz des Widerspruchs und die Bedeutung der Negation*: «Несмотря на это, Спиноза без проблем наделяет Бога бесконечной добродетелью или допускает, что из него следует 'infinita infinitis modis', по той явной причине, что он воплощает всю реальность (Eth. 1, теоремы 9, 16 и др.). Здесь находится ключ к необъяснимой в других случаях непоследовательности Спинозы. Для него всякая определенность есть лишь отрицание и, следовательно, принадлежит не Бытию определяемой вещи, а ее Не-Бытию; Не-Бытие, однако, не существует и поэтому не требует дедукции или объяснения. Если Бог есть воплощение реальности, то все, что реально в атрибутах и модусах, уже находится в нем и поэтому является достаточной причиной того, что существует» [71, s. 17].

³² Данная книга также не указана в списках *Nietzsche's persönliche Bibliothek*. Фалькенберг рецензировал работы Ницше *Geburt der Tragödie* и четвертый том *Unzeitgemässe Betrachtung: Richard Wagner in Bayreuth* для журнала *Musikalisches Wochenblatt* в 1873 и 1876 годах соответственно [72, s. 62]. Любопытно отметить, что *Geschichte der neueren Philosophie* Фалькенберга — одна из первых историко-философских работ, в которой упоминается Ницше. В частности, в издании 1886 года Ницше по-прежнему фигурирует в качестве одного из «самых понимающих поклонников» Шопенгауэра и Вагнера [73, s. 422].

³³ *La morale anglaise* не указана в списках *Nietzsche's persönliche Bibliothek*; но известно, что в более поздний период Ницше тщательно проработал две книги Гюйо — *Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction* [75; личный экземпляр Ницше на сегодня утерян; об этом см.: 30, s. 270–271] и *L'irreligion de l'avenir: Étude sociologique* [76; см. также: 30, s. 271–273]. Так что вполне возможно, что Ницше был также знаком и с *La morale anglaise* [64, s. 94; о Гюйо и Спинозе см.: 77, p. 281–284].

³⁴ Данная книга не указана в списках *Nietzsche's persönliche Bibliothek*; тем не менее кажется весьма вероятным, что Ницше был с ней знаком или читал о ней.

³⁵ Вот соответствующая цитата Гюйо из *La morale d'Épicure*: «Единственный элемент, по-видимому, недостающий спинозизму, это — идея реального прогресса природы или 'эволюции', идея, которая будет играть главенствующую роль у немецких метафизиков, в особенности у Гегеля, и у английских моралистов, в особенности у Спенсера» [80, p. 237; 81, s. 318].

³⁶ В рукописях Ницше есть следующая запись: «<...> что изменения *не останавливаются* — это просто дело опыта: в сущности, у нас нет ни малейшей причины заключать, что вслед за одним изменением должно следовать другое. Наоборот: *достигнутое состояние* должно сохранять себя, если бы в нем не способности желать вот именно не сохранять себя...» [82, с. 310; 83, с. 277].

³⁷ Вот соответствующие места из *Geschichte der neuern Philosophie* в порядке их появления у Ницше [33, с. 540, 484, 383, 358, 258, 237, 175, 169, 181]. Ницше, очевидно, просматривает книгу Фишера более или менее последовательно, от конца к началу [свидетельства в защиту этого см. также: 84].

³⁸ Цитата в начале данного отрывка взята из *Geschichte der neuern Philosophie* Фишера [33, с. 169].

Примечания переводчика

^I В русском издании трехтомной биографии Ницше за авторством Курта Пауля Янца отсутствует перевод документальных свидетельств, которые он приложил к своей работе. Данный панегирик можно найти только в изданиях на других языках.

^{II} В статье Андреас Урс Зоммер в качестве источников цитат пользуется двумя фундаментальными академическими изданиями работ и эпистолярного наследия Ницше — *Kritische Studienausgabe* и *Sämtliche Briefe. Kritische Studienausgabe*. Во всех случаях, когда это будет возможно, мы будем также давать параллельные ссылки на русские переводы в рамках его тринадцатитомного *Полного собрания сочинений*, а также при необходимости отдельного издания его *Писем*.

^{III} Любовь к судьбе (лат.) — концепт Ницше, обозначающий своего рода моральный императив, призывающий любить все сущее, во всем его многообразии, даже если речь идет о безобразном.

^{IV} Интеллектуальная любовь к Богу (лат.) — в философии Спинозы данное выражение обозначает высшую ступень человеческого познания, когда разум человека познает Бога. Такое познание приносит человеку высшую радость, дает душе свободу и власть над аффектами.

^V Прибежище невежества (лат.) — выражение, обозначающее остановку размышлений из-за нежелания или невозможности дальнейшего обдумывания теоретического положения. В данном контексте речь идет о телеологии, которая выступает в качестве предела, где останавливается возможность дальнейшего размышления.

^{VI} В статье Андреас Урс Зоммер делает отдельное указание о том, что цитата Спинозы им берется из английского издания Спинозы [48, р. 37]. В переводе же данная цитата приводится непосредственно по русскому переводу *Geschichte der neuern Philosophie* Куно Фишера [47, с. 297–298].

^{VII} Здесь и далее будут использоваться сокращенные немецкие названия для соответствующих работ Ницше (перечисляются в хронологическом порядке их написания): *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen* (*Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого*, 1881–1884 гг.), *Die fröhliche Wissenschaft* (*Весёлая наука*, 1882 г.), *Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft* (*По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего*, 1885 г.), *Der Antichrist. Fluch auf das Christenthum* (*Антихрист. Проклятие христианству*, 1888 г.), *Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophirt* (*Сумерки идиологов, или как философствуют молотом*, 1888 г.).

^{VIII} Природа или Бог (лат.) — формула Спинозы о тождестве природы и Бога.

^{IX} Действующие причины зависят от причин конечных (лат.).

^X Действовать абсолютно по добродетели = действовать под руководством разума, жить, сохраняя свою сущность (лат.).

^{XI} В философии Спинозы понятие конатуса обозначает врожденную склонность вещей к самосохранению, продолжению существования.

Список источников

1. Janz C. P. Friedrich Nietzsche: Biographie. In 3 bänden. Bänd. 3. Munich: Hanser, 1979. 462 s.
2. Wurzer W. S. Nietzsche und Spinoza. Meisenheim am Glan: Hain, 1975. 276 s.
3. Comte-Sponville A. Nietzsche et Spinoza // De Sils-Maria à Jérusalem: Nietzsche et le judaïsme, les intellectuels juifs et Nietzsche / Eds. D. Bourel, J. Le Rider. Paris: Cerf, 1991. P. 47–66.
4. Yovel Y. Spinoza und Nietzsche: *Amor dei* und *Amor fati* // Spinoza: Das Abenteuer der Immanenz. Göttingen: Steidl, 1994. S. 384–420.
5. Schacht R. The Nietzsche-Spinoza problem: Spinoza as Precursor // Making Sense of Nietzsche. Urbana: University of Illinois Press, 1995. P. 167–186.
6. Whitlock G. Roger Boscovich, Benedict de Spinoza, and Friedrich Nietzsche: the untold story // Nietzsche-Studien. 1996. Vol. 25, № 1. S. 200–220. DOI: 10.1515/9783110244441.200.
7. Gawoll H.-J. Nietzsche und der Geist Spinozas: Die existentielle Umwandlung einer affirmativen Ontologie // Nietzsche-Studien. 2001. Vol. 30, № 1. S. 44–61.
8. Liveri G. T. Nietzsche e Spinoza: Ricostruzione filosofica, storia di un «incontro impossibile». Rome: Armando, 2003. 383 p.
9. Stegmaier W. «Philosophischer Idealismus» und die «Musik des Lebens»: Zu Nietzsches umgang mit paradoxien. Eine kontextuelle interpretation des Aphorismus Nr. 372 der *Fröhlichen Wissenschaft* // Nietzsche-Studien. 2004. Vol. 33, № 1. S. 90–128. DOI: 10.1515/9783110179729.90.
10. Seggern H.-G., von. Die spur von Spinozas Affektenlehre // Nietzsche und die Weimarer Klassik / Ed. H.-G. von Seggern. Tübingen: Franke, 2005. S. 127–147.
11. Choulet P. Le Spinoza de Nietzsche: Les attendus d'une amitié d'étoile // Spinoza au XIXe siècle / Eds. A. Tosel, P.-F. Moreau, J. Salem. Paris: Publications de la Sorbonne, 2007. P. 193–205.
12. Basic Writings of Friedrich Nietzsche / trans. from Germ. W. Kaufmann. New York: Vintage, 1992. 862 p.
13. Nietzsche F. Human, all too human: a book for free spirits / trans. from Germ. R. J. Hollingdale. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 399 p.
14. Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra: a book for all and for none / trans. from Germ. W. Kaufmann. New York: Vintage, 1978. 327 p.
15. Nietzsche F. Twilight of the idols and the Anti-Christ / trans. from Germ. R. J. Hollingdale. London: Penguin, 2003. 210 p.
16. Writings from the late notebooks / trans. from Germ. K. Sturge / Ed. R. Bittner. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 286 p.
17. Nietzsche F. Sämtliche briefe. Kritische studienausgabe. In 8 bänden. Bd. 6: Januar 1880–Dezember 1884. München: De Gruyter, 1986. 590 s.
18. Янц К. П. Жизнь Фридриха Ницше. В 3 т. Т. 3 / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2018. 512 с. ISBN 978-5-6040343-7-8.
19. Nietzsche F. Sämtliche briefe. Kritische studienausgabe. In 8 bänden. Bd. 7: Januar 1885–Dezember 1886. München: De Gruyter, 1986. 306 s.
20. Ницше Ф. Письма / пер. с нем. И. А. Эбанойдзе. Москва: Культурная революция, 2007. 400 с. ISBN 978-5250-06020-2.
21. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 11: Nachgelassene fragmente 1884–1885. München: De Gruyter, 1988. 728 s.
22. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 11: Черновики и наброски 1884–1885 гг. / пер. с нем. В. Д. Седельника. Москва: Культурная революция, 2012. 688 с. ISBN 978-5-250-06104-9.

23. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 9: Nachgelassene fragmente 1880–1882. München: De Gruyter, 1988. 688 s.
24. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 9: Черновики и наброски 1880–1882 гг. / пер. с нем. А. А. Карельского, А. А. Моисеенкова, М. Селинской. Москва: Культурная революция, 2013. 688 с. ISBN 978-5-902764-28-1.
25. Brobjer T. H. Nietzsche's philosophical context: an intellectual biography. Urbana: University of Illinois Press, 2008. 288 p.
26. Lange F. A. Geschichte des materialismus und kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Iserlohn: Baedeker, 1866. 852 s.
27. Hartmann E., von. Philosophie des Unbewussten: Versuch einer Weltanschauung. Berlin: Duncker, 1869. 678 s.
28. Ueberweg F. Grundriß der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart. Berlin: Mittler, 1866. 361 s.
29. Dühring E. Der Werth des lebens: eine philosophische Betrachtung. Breslau: Trewendt, 1865. 234 s.
30. Nietzsche's persönliche bibliothek / Eds. G. Campioni, P. D'Iorio, M. C. Fornari [et al.]. Berlin: De Gruyter, 2003. 737 s. ISBN 3-11-015858-2.
31. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 8: Nachgelassene fragmente 1875–1879. München: De Gruyter, 1988. 624 s.
32. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 8: Черновики и наброски 1875–1879 гг. / пер. с нем. А. И. Жеребина, В. Г. Куприянова, А. В. Назаренко. Москва: Культурная революция, 2008. 704 с. ISBN 5-902764-12-2.
33. Fischer K. Geschichte der neuern Philosophie. Vol. 1: Descartes und seine Schule. Part 2: Descartes' Schule, Geulinx, Malebranche, Baruch Spinoza. Mannheim: Basserman, 1865. 584 s.
34. Brusotti M. Die Leidenschaft der erkenntnis: philosophie und ästhetische lebensgestaltung bei Nietzsche von «Morgenröthe» bis «Also sprach Zarathustra». Berlin: de Gruyter, 1997. 706 s.
35. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 12: Nachgelassene fragmente 1885–1887. München: De Gruyter, 1988. 582 s.
36. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2005. 560 с. ISBN 5-902764-07-6.
37. Die ethik des Spinoza im urtexte. Leipzig: Koschny, 1875. 252 s.
38. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 2: Menschliches, Allzumenschliches I und II. München: De Gruyter, 1988. 718 s.
39. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. В 2 т. / пер. с нем. В. М. Бакусева. Москва: Культурная революция, 2011. 672 с. ISBN 978-5-25006094-3.
40. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 5: Jenseits von Gut und Böse, Zur Genealogie der Moral. München: De Gruyter, 1988. 424 s.
41. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. Москва: Культурная революция, 2012. 480 с.
42. Nietzsche on time and history / Ed. M. Dries. Berlin: de Gruyter, 2008. 328 p.
43. Sommer A. U. Sieben Thesen zur Geschichtsphilosophie bei Kant und Nietzsche // Kant und Nietzsche im Widerstreit: Internationale Konferenz der Nietzsche-Gesellschaft in Zusammenarbeit mit der KantGesellschaft, Naumburg an der Saale, 26–29 August 2004 / Ed. B. Himmelmann. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 217–225.
44. Sommer A. U. Vom nutzen und nachteil kritischer Quellenforschung. Einige Überlegungen zum fall Nietzsches // Nietzsche-Studien. 2000. Vol. 29, № 1. S. 302–316. DOI: 10.1515/9783110244472.302.
45. Sommer A. U. Ein philosophisch-historischer Kommentar zu Nietzsche's *Götzen-Dämmerung*: Probleme und Perspektiven // Perspektiven der Philosophie: Neues Jahrbuch. 2009. Vol. 35. S. 45–66. DOI: 10.1163/9789042027862_003.
46. Фишер К. История новой философии: Бенедикт Спиноза / пер. с нем. А. А. Кудрявцева. Москва: АСТ: Транзит-книга, 2005. 557 с. ISBN 5-17-026924-2.
47. Spinoza B., de. Ethics / trans. from Lat. W. H. White, A. H. Stirling. Hertfordshire: Wordsworth, 2001. 276 p.
48. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 6: Der Fall Wagner, Götzen-Dämmerung, Der Antichrist, Ecce homo, Dionysos-Dithyramben, Nietzsche contra Wagner. München: De Gruyter, 1988. 464 s.
49. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6. Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Я. Э. Голосовкера. Москва: Культурная революция, 2009. 408 с. ISBN 978-5-250-06071-4.
50. Liebmann O. Gedanken und thatsachen: philosophische abhandlungen, aphorismen und studien. Straßburg: Trübner, 1882. 470 s.
51. Sommer A. U. Sinnstiftung durch Geschichte? Zur Entstehung spekulativ-universalistischer Geschichtsphilosophie zwischen Bayle und Kant. Basel: Schwabe, 2006. 582 s.
52. Cancik H. Die Rechtfertigung Gottes durch den 'Fortschritt der Zeiten': Zur Differenz jüdisch-christlicher und hellenisch-römischer Zeit- und Geschichtsvorstellung // Antik-Modern: Beiträge zur römischen und deutschen Kulturgeschichte. Stuttgart: Metzler, 1998. 371 s.
53. Sommer A. U. Friedrich Nietzsches «Der Antichrist»: Ein philosophisch-historischer Kommentar. Basel: Schwabe, 2000. 783 s.
54. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 10: Nachgelassene fragmente 1882–1884. München: De Gruyter, 1988. 666 s.
55. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 3: Morgenröte, Idyllen aus Messina, die fröhliche Wissenschaft. München: De Gruyter, 1988. 666 s.
56. Schopenhauer A. The world as will and idea / trans. from Germ. J. Berman. London: J. M. Dent, 1995. 336 p.
57. Шопенгауэр А. Сочинения. В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. Москва: Терра – Книжный клуб изд-во «Республика», 1999. 496 с. ISBN 5-300-02645-X.
58. Hartmann E., von. Philosophie des unbewussten. Vol. 2: metaphysik des unbewussten. Berlin: Duncker, 1878. 566 s.
59. Гартман Э., фон. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного / пер. с нем. А. А. Козлова. Москва: КРАСАНД, 2010. 440 с. ISBN 978-5-396-00251-7.
60. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 4: Also sprach Zarathustra. München: De Gruyter, 1988. 420 s.
61. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. Москва: Культурная революция, 2007. 432 с. ISBN 978-5-250-06018-9.
62. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2001. 336 с. ISBN 985-13-0268-6.
63. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиаллии. Веселая наука / пер. с нем. В. Бакусева, К. Свасьяна. Москва: Культурная революция, 2014. 640 с. ISBN 978-5-9027644-40-3.
64. Fornari M. C. Die Entwicklung der Herdenmoral: Nietzsche liest Spencer und Mill / trans. from Ital. L. Schröder. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. 285 s.
65. Sommer A. U. Nietzsche mit und gegen Darwin in den Schriften von 1888 // Nietzscheforschung: Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft. 2010. Vol. 17, № 1. S. 31–44.
66. Rolph W. H. Biologische probleme zugleich als Versuch zur Entwicklung einer rationalen Ethik. Leipzig: Engelmann, 1884. 238 s.

67. Richardson J. Nietzsche's new Darwinism. Oxford: Oxford University Press, 2004. 288 p.
68. Nietzsche F. The joyful wisdom («La Gaya Scienza») / trans. from Ital. T. Common. Edinburgh: Foulis, 1910. 370 p.
69. Rupschus A., Stegmaier W. «Inconsequenz Spinoza's»? Adolf Trendelenburg als Quelle von Nietzsches Spinoza-Kritik in *Jenseits von Gut und Böse* 13 // Nietzsche-Studien. 2009. Vol. 38, № 1. S. 299–308. DOI: 10.1515/9783110208924.3.299.
70. Trendelenburg A. Über Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg: vorgetragen in der königlichen akademie der Wissenschaften. Berlin: Bethge, 1850. 58 s.
71. Borelius J. J. Ueber den Satz des Widerspruchs und die bedeutung der Negation. Leipzig: Koschny, 1881. 45 s.
72. Krummel R. F. Nietzsche und der deutsche Geist: Ausbreitung und Wirkung des Nietzscheschen Werkes im deutschen Sprachraum bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges. In 4 Vols. Berlin: de Gruyter, 1998. Vol. 1. 984 s.
73. Falckenberg R. Geschichte der neueren Philosophie von Nikolaus von Kues bis zur Gegenwart: Im Grundriss dargestellt. Leipzig: Veit, 1886.
74. Фалькенберг Р. История новой философии. От Николая Кузанского до нашего времени / пер. с нем. И. Иноземцева. Санкт-Петербург: И. Перевозникова и И. Комелова, 1898. 634 с.
75. Guyau J.-M. Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Paris: Alcan, 1885. 254 p.
76. Guyau J.-M. L'irréligion de l'avenir: Étude sociologique. Paris: Alcan, 1887. 480 p.
77. Comte-Sponville A. Jean-Marie Guyau et Spinoza // Spinoza au XIXe siècle: Actes des journées d'études organisées à la Sorbonne (9 et 16 mars, 23 et 30 novembre 1997). Sorbonne: Publications de la Sorbonne, 2007, P. 281–294.
78. Guyau J.-M. La morale anglaise contemporaine: Morale de l'utilité et de l'évolution. Paris: Ballière, 1879. 432 p.
79. Гюйо Ж.-М. История и критика современных английских учений о нравственности / пер. с фр. Н. Южина. Санкт-Петербург: О. Н. Поповой, 1898. 458 с.
80. Guyau J.-M. La morale d'Épicure et ses rapports avec les doctrines contemporaines. Paris: Ballière, 1878. 292 p.
81. Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени. Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями / пер. с фр. И. К. Брусилковского. Санкт-Петербург: Товарищество Знание, 1899. 372 с.
82. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 13: Nachgelassene fragmente 1887–1889. München: De Gruyter, 1988. 668 s.
83. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. / пер. с нем. В. М. Бакусева, А. В. Гараджи. Москва: Культурная революция, 2006. 656 с. ISBN 5-902764-12-2.
84. Brobjer T. H. Beiträge zur Quellenforschung: Nachweise aus Höffding, Harald: Psychologie in Umrissen u. a. // Nietzsche-Studien. 2001. Vol. 30, № 1. S. 418–421. DOI: 10.1515/9783110172409.418.

Сведения о переводчике

МОСКОВЕЦ Семен Андреевич, ассистент кафедры «Онтология, теория познания и социальная философия» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.

SPIN-код: 7591-6664

AuthorID (РИНЦ): 1215811

Адрес для переписки: moskovets.tsu@yandex.ru

Источник перевода:

Sommer A. U. Nietzsche's readings on Spinoza: a contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer // The Journal of Nietzsche Studies. 2012. Vol. 43, № 2. P. 156–184. DOI:10.5325/jnietstud.43.2.0156.

Ссылка на полный текст эссе:

<https://scholarlypublishingcollective.org/psup/nietzsche-studies/article-abstract/43/2/156/247114/Nietzsche-s-Readings-on-Spinoza-A-Contextualist?redirectedFrom=fulltext>

Для цитирования

Зоммер А. У. Ницшевское прочтение Спинозы: контекстуалистское исследование, в особенности посвященное рецепции Куно Фишера = Sommer A. U. Nietzsche's readings on Spinoza: a contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer / пер. с англ. С. А. Московца // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 111–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-111-131. EDN: GSDKCO.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024 г.

© А. У. Зоммер

NIETZSCHE'S READINGS ON SPINOZA: A CONTEXTUALIST STUDY, PARTICULARLY ON THE RECEPTION OF KUNO FISCHER

Nietzsche's relation to Spinoza is highly puzzling. It was based mainly on secondary sources. This article explores for the first time what impact Nietzsche's reading about Spinoza — particularly of Kuno Fischer's *History of Modern Philosophy* — had on his conceptions. First, I consider how Nietzsche found a brother-in-arms in Spinoza upon leaving teleology behind. Second, I examine Nietzsche's concept of eternal recurrence in the context of Spinoza's teaching as it was presented by Fischer. Third, I investigate the relation between Nietzsche's *amor fati* and Spinoza's *amor intellectualis dei*. Finally, I discuss how the Spinozist concept of self-preservation (as it was modeled and discussed in nineteenth-century Spinoza research) became in the horizon of evolutionary theory a critical point for Nietzsche. It turns out that the knowledge of Nietzsche's sources is fundamental for an adequate understanding of the use Nietzsche made of Spinoza's philosophy. The article thus tries to find a new approach to Nietzsche's Spinoza with the help of the contemporary sources he used.

Keywords: Nietzsche, Spinoza, Kuno Fischer, teleology, eternal recurrence, *amor fati*, *amor intellectualis dei*, self-preservation.

Author's acknowledgements

I would like to thank Camillo de Vivanco for having translated the first draft of this article and particularly its anonymous *Journal of Nietzsche Studies* reviewers for many very useful comments and suggestions. Manuel Dries, Anthony K. Jensen, and MJ Devaney helped significantly to polish the language and to improve the argument. I am very grateful to them.

Translator's acknowledgements

I would like to thank Roman Leonidovich Kochnev for his advice on the translation. It was thanks to him that the translation of this article became possible. The translation is published by the author's permission.

References

1. Janz C. P. Friedrich Nietzsche: Biographie. In 3 bänden. Band. 3. [Friedrich Nietzsche: Biography. In 3 vols. Vol. 3]. Munich: Hanser, 1979. 462 s. (In Germ.).
2. Wurzer W. S. Nietzsche und Spinoza [Nietzsche and Spinoza]. Meisenheim am Glan: Hain, 1975. 276 s. (In Germ.).

3. Comte-Sponville A. Nietzsche et Spinoza [Nietzsche and Spinoza] // De Sils-Maria à Jérusalem: Nietzsche et le judaïsme, les intellectuels juifs et Nietzsche [From Sils-Maria to Jerusalem: Nietzsche and Judaism, Jewish Intellectuals and Nietzsche] / Eds. D. Bourel, J. Le Rider. Paris: Cerf, 1991. P. 47–66. (In Fr.).

4. Yovel Y. Spinoza und Nietzsche: *Amor dei* und *Amor fati* [Spinoza and Nietzsche: *Amor dei* and *Amor fati*] // Spinoza: Das Abenteuer der Immanenz [Spinoza: The Adventure of Immanence]. Göttingen: Steidl, 1994. S. 384–420. (In Germ.).

5. Schacht R. The Nietzsche-Spinoza Problem: Spinoza as Precursor // Making Sense of Nietzsche. Urbana: University of Illinois Press, 1995. P. 167–186. (In Engl.).

6. Whitlock G. Roger Boscovich, Benedict de Spinoza, and Friedrich Nietzsche: The Untold Story // Nietzsche-Studien. 1996. Vol. 25, no. 1. S. 200–220. DOI: 10.1515/9783110244441.200. (In Engl.).

7. Gawoll H.-J. Nietzsche und der Geist Spinozas: Die existentielle Umwandlung einer affirmativen Ontologie [Nietzsche and the Spirit of Spinoza: The Existential Transformation of an Affirmative Ontology] // Nietzsche-Studien. 2001. Vol. 30, no. 1. S. 44–61. (In Germ.).

8. Liveri G. T. Nietzsche e Spinoza: Ricostruzione filosofica, storia di un «incontro impossibile» [Nietzsche and Spinoza: Philosophical Reconstruction, History of an «impossible encounter»]. Rome: Armando, 2003. 383 p. (In Ital.).

9. Stegmaier W. «Philosophischer Idealismus» und die «Musik des Lebens»: Zu Nietzsches Umgang mit Paradoxien. Eine kontextuelle Interpretation des Aphorismus Nr. 372 der *Fröhlichen Wissenschaft* [«Philosophical Idealism» and the «Music of Life»: Nietzsche's Approach to Paradoxes. A Contextual Interpretation of Aphorism No. 372 of the *Joyful Science*] // Nietzsche-Studien. 2004. Vol. 33, no. 1. S. 90–128. DOI: 10.1515/9783110179729.90. (In Germ.).
10. Seggern H.-G., von. Die Spur von Spinozas Affektenlehre [The Trace of Spinoza's Theory of Affects] // Nietzsche und die Weimarer Klassik [Nietzsche and Weimar Classicism] / Ed. H.-G. von Seggern. Tübingen: Franke, 2005. S. 127–147. (In Germ.).
11. Choulet P. Le Spinoza de Nietzsche: Les attendus d'une amitié d'étoile [Nietzsche's Spinoza: The Expectations of a Star Friendship] // Spinoza au XIXe siècle [Spinoza in the XIX century] / Eds. A. Tosel, P.-F. Moreau, J. Salem. Paris: Publications de la Sorbonne, 2007. P. 193–205. (In Fr.).
12. Basic Writings of Friedrich Nietzsche / trans. from Germ. W. Kaufmann. New York: Vintage, 1992. 862 p. (In Engl.).
13. Nietzsche F. Human, all too human: a book for free spirits / trans. from Germ. R. J. Hollingdale. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 399 p. (In Engl.).
14. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and for None / trans. from Germ. W. Kaufmann. New York: Vintage, 1978. 327 p. (In Engl.).
15. Nietzsche F. Twilight of the idols and the Anti-Christ / trans. from Germ. R. J. Hollingdale. London: Penguin, 2003. 210 p. (In Engl.).
16. Writings from the late notebooks / trans. from Germ. K. Sturge / Ed. R. Bittner. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 286 p. (In Engl.).
17. Nietzsche F. Sämtliche Briefe. Kritische studienausgabe. In 8 bänden. Bd. 6: Januar 1880–Dezember 1884 [Complete Letters. Critical Study Edition. In 8 Vols. Vol. 6: January 1880 – December 1884]. München: De Gruyter, 1986. 590 s. (In Germ.).
18. Janz C. P. Zhizn' Fridrikha Nitshe. V 3 t. T. 3 [Friedrich Nietzsche: Biography. In 3 vols. Vol. 3] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2018. 512 p. ISBN 978-5-6040343-7-8. (In Russ.).
19. Nietzsche F. Sämtliche briefe. Kritische studienausgabe. In 8 bänden. Bd. 7: Januar 1885–Dezember 1886 [Complete letters. Critical study edition. In 8 vols. Vol. 7: January 1885–December 1886]. München: De Gruyter, 1986. 306 s. (In Germ.).
20. Nietzsche F. Pis'ma [The letters] / trans. from Germ. I. A. Ebanoidze. Moscow, 2007. 400 p. ISBN 978-5250-06020-2. (In Russ.).
21. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 11: Nachgelassene fragmente 1884–1885 [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 11: Posthumous fragments 1884–1885]. München: De Gruyter, 1988. 728 s. (In Germ.).
22. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 11: Chernoviki i nabroski 1884–1885 gg. [Complete works. In 13 vols. Vol. 11: drafts and sketches 1884–1885] / trans. from Germ. V. D. Sedelnik. Moscow, 2012. 688 p. ISBN 978-5-250-06104-9. (In Russ.).
23. Nietzsche F. Kritische Studienausgabe. In 15 Bänden. Bd. 9: Nachgelassene Fragmente 1880–1882 [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 11: Posthumous fragments 1880–1882]. München: De Gruyter, 1988. 688 s. (In Germ.).
24. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 9: Chernoviki i nabroski 1880–1882 gg. [Complete works. In 13 vols. Vol. 11: drafts and sketches 1880–1882] / trans. from Germ. A. A. Karelskiy, A. A. Moiseyenko, M. Selisskaya. Moscow, 2013. 688 p. ISBN 978-5-902764-28-1. (In Russ.).
25. Brobjer T. H. Nietzsche's Philosophical context: an intellectual biography. Urbana: University of Illinois Press, 2008. 288 p. (In Engl.).
26. Lange F. A. Geschichte des materialismus und kritik seiner bedeutung in der gegenwart [History of materialism and criticism of its significance in the present]. Iserlohn: Baedeker, 1866. 852 s. (In Germ.).
27. Hartmann E., von. Philosophie des Unbewussten: Versuch einer Weltanschauung [Philosophy of the unconscious: an attempt at a world view]. Berlin: Duncker, 1869. 678 s. (In Germ.).
28. Ueberweg F. Grundriß der Geschichte der philosophie von thales bis auf die gegenwart [Outline of the history of philosophy from thales to the present day]. Berlin: Mittler, 1866. 361 s. (In Germ.).
29. Dühring E. Der Werth des Lebens: eine philosophische betrachtung [The Value of life: a philosophical reflection]. Breslau: Trewendt, 1865. 234 s. (In Germ.).
30. Nietzsche's persönliche bibliothek [Nietzsche's personal library] / Eds. G. Campioni, P. D'Iorio, M. C. Fornari [et al.]. Berlin: De Gruyter, 2003. 737 s. ISBN 3-11-015858-2. (In Germ.).
31. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 8: Nachgelassene fragmente 1875–1879 [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 8: Posthumous fragments 1875–1879]. München: De Gruyter, 1988. 624 s. (In Germ.).
32. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 8: Chernoviki i nabroski 1875–1879 gg. [Complete works. In 13 vols. Vol. 8: drafts and sketches 1875–1879] / trans. from Germ. A. I. Zherebin, V. G. Kupriyanov, A. B. Nazarenko. Moscow, 2008. 704 p. ISBN 5-902764-12-2. (In Russ.).
33. Fischer K. Geschichte der neuern Philosophie. Vol. 1: descartes und seine schule. Part 2: Descartes' Schule, Geulinx, Malebranche, Baruch Spinoza [History of modern philosophy. Vol. 1: descartes and his school. Part 2: Descartes' School, Geulinx, Malebranche, Baruch Spinoza]. Mannheim: Basserman, 1865. 584 s. (In Germ.).
34. Brusotti M. Die Leidenschaft der Erkenntnis: Philosophie und ästhetische Lebensgestaltung bei Nietzsche von «Morgenröthe» bis «Also sprach Zarathustra» [The passion of knowledge: philosophy and the aesthetic organisation of life in Nietzsche from «Dawn» to «Thus Spoke Zarathustra»]. Berlin: de Gruyter, 1997. 706 s. (In Germ.).
35. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 12: Nachgelassene fragmente 1885–1887 [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 12: Posthumous fragments 1885–1887]. München: De Gruyter, 1988. 582 s. (In Germ.).
36. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 12: Chernoviki i nabroski 1885–1887 gg. [Complete works. In 13 vols. Vol. 8: drafts and sketches 1885–1887] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2005. 560 p. ISBN 5-902764-07-6. (In Russ.).
37. Die Ethik des Spinoza im urtexte [The ethics of Spinoza in the original text]. Leipzig: Koschny, 1875. 252 s. (In Germ.).
38. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 2: Menschliches, allzumenschliches I und II [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 2: Human, all too human I and II]. München: De Gruyter, 1988. 718 s. (In Germ.).
39. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 2: Chelovecheskoye, slishkom chelovecheskoye. V 2 t. [Complete works. In 13 vols. Vol. 2: Human, all too human. In 2 vols.] / trans. from Germ. V. M. Bakusev. Moscow, 2011. 672 p. ISBN 978-5-25006094-3. (In Russ.).
40. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 5: Jenseits von Gut und Böse, Zur Genealogie der Moral [Critical Study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 5: Beyond Good and Evil, On the Genealogy of Morals]. München: De Gruyter, 1988. 424 s. (In Germ.).
41. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 5: Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchay «Vagner» [Complete works. In 13 vols. Vol. 5: Beyond Good and Evil. Towards a Genealogy of Morality. The Case of «Wagner»] / trans. from Germ. H. H. Polilov, K. A. Svasyan. Moscow, 2012. 480 p. (In Russ.).
42. Nietzsche on time and history / Ed. M. Dries. Berlin: de Gruyter, 2008. 328 p. (In Engl.).

43. Sommer A. U. Sieben Thesen zur Geschichtsphilosophie bei Kant und Nietzsche [Seven Theses on the Philosophy of History in Kant and Nietzsche] // Kant und Nietzsche im Widerstreit: Internationale Konferenz der Nietzsche-Gesellschaft in Zusammenarbeit mit der KantGesellschaft, Naumburg an der Saale, 26–29 August 2004 [Kant and Nietzsche in conflict: International Conference of the Nietzsche Society in Cooperation with the Kant Society, Naumburg (Saale), 26–29 August 2004] / Ed. B. Himmelmann. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 217–225. (In Germ.).
44. Sommer A. U. Vom nutzen und nachteil kritischer Quellenforschung. Einige Überlegungen zum fall Nietzsches [The benefits and disadvantages of critical source research. Some reflections on the case of Nietzsche]. *Nietzsche-Studien*. 2000. Vol. 29, no. 1. S. 302–316. DOI: 10.1515/9783110244472.302. (In Germ.).
45. Sommer A. U. Ein philosophisch-historischer Kommentar zu Nietzsches's *Götzen-Dämmerung*: Probleme und Perspektiven [A Philosophical-historical commentary on Nietzsche's *Twilight of the Idols*: problems and perspectives] // Perspektiven der Philosophie: Neues Jahrbuch [Perspectives on philosophy: new yearbook]. 2009. Vol. 35. S. 45–66. DOI: 10.1163/9789042027862_003. (In Germ.).
46. Fischer K. Istoriya novoj filosofii: Benedikt Spinoza [History of modern philosophy: Benedict Spinoza] / trans. from Germ. A. A. Kudryavtsev. Moscow, 2005. 557 p. ISBN 5-17-026924-2. (In Russ.).
47. Spinoza B., de. Ethics / trans. from Lat. W. H. White, A. H. Stirling. Hertfordshire: Wordsworth, 2001. 276 p. (In Engl.).
48. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 6: Der Fall Wagner, Götzen-Dämmerung, Der Antichrist, Ecce homo, Dionysos-Dithyramben, Nietzsche contra Wagner [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 6: Twilight of the Idols, The Antichrist, Ecce Homo, Dionysian-Dithyrambs, Nietzsche contra Wagner]. München: De Gruyter, 1988. 464 s. (In Germ.).
49. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 6. Sumerki idolov. Antikhrist. Esse homo. Dionisovy difiramby. Nitsse contra Vagner [Complete works. In 13 vols. Vol. 6: Twilight of the Idols, The Antichrist, Ecce Homo, Dionysian-Dithyrambs, Nietzsche contra Wagner] / trans. from Germ. Yu. M. Antonovskiy, Ya. E. Golosovker. Moscow, 2009. 408 p. ISBN 978-5-250-06071-4. (In Russ.).
50. Liebmann O. Gedanken und thatsachen: philosophische abhandlungen, aphorismen und studien [Thoughts and facts: philosophical essays, aphorisms and studies]. Straßburg: Trübner, 1882. 470 s. (In Germ.).
51. Sommer A. U. Sinnstiftung durch Geschichte? Zur Entstehung spekulativ-universalistischer Geschichtsphilosophie zwischen Bayle und Kant [Creating meaning through history? On the Emergence of speculative-universalist philosophy of history between Bayle and Kant]. Basel: Schwabe, 2006. 582 s. (In Germ.).
52. Cancik H. Die Rechtfertigung Gottes durch den 'Fortschritt der Zeiten': Zur Differenz jüdisch-christlicher und hellenisch-römischer Zeit- und Geschichtsvorstellung [The justification of God through the 'Progress of time': on the difference between Jewish-Christian and Hellenic-Roman conceptions of time and history] // Antik-Modern: Beiträge zur römischen und deutschen Kulturgeschichte [Ancient-Modern: contributions to Roman and German cultural history]. Stuttgart: Metzler, 1998. 371 s. (In Germ.).
53. Sommer A. U. Friedrich Nietzsches «Der Antichrist»: Ein philosophisch-historischer Kommentar [Friedrich Nietzsche's «The Antichrist»: a philosophical-historical commentary]. Basel: Schwabe, 2000. 783 s. (In Germ.).
54. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 10: Nachgelassene fragmente 1882–1884 [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 10: Posthumous fragments 1882–1884]. München: De Gruyter, 1988. 666 s. (In Germ.).
55. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 3: Morgenröte, Idyllen aus Messina, Die fröhliche Wissenschaft [Critical study edition of Nietzsche's Works. In 15 vols. Vol. 3: Dawn, Idylls from Messina, The Gay Science]. München: De Gruyter, 1988. 666 s. (In Germ.).
56. Schopenhauer A. The world as will and idea / trans. from Germ. J. Berman. London: J. M. Dent, 1995. 336 p. (In Engl.).
57. Schopenhauer A. Sochineniya. V 6 t. T. 1: Mir kak volya i predstavleniye [Works. In 6 vols. Vol. 1: The world as will and idea] / trans. from Germ. Yu. I. Aykhenvald. Moscow, 1999. 496 p. ISBN 5-300-02645-X. (In Russ.).
58. Hartmann E., von. Philosophie des Unbewussten. Vol. 2: Metaphysik des Unbewussten [Philosophy of the unconscious. Vol. 2: Metaphysics of the unconscious]. Berlin: Duncker, 1878. 566 s. (In Germ.).
59. Hartmann E., von. Sushchnost' mirovogo protsessa, ili Filosofiya bessoznatel'nogo: Metafizika bessoznatel'nogo [The essence of the world process, or philosophy of the unconscious: metaphysics of the unconscious] / trans. from Germ. A. A. Kozlov. Moscow, 2010. 440 p. ISBN 978-5-396-00251-7. (In Russ.).
60. Nietzsche F. Kritische Studienausgabe. In 15 Bänden. Bd. 4: Also sprach Zarathustra [Critical study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 4: thus spoke Zarathustra]. München: De Gruyter, 1988. 420 s. (In Germ.).
61. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Complete works. In 13 vols. Vol. 4: thus spoke Zarathustra: a book for all and none] / trans. from Germ. Yu. M. Antonovskiy. Moscow, 2007. 432 p. ISBN 978-5-250-06018-9. (In Russ.).
62. Spinoza B. Etika [Ethics]. Minsk, Moscow, 2001. 336 p. ISBN 985-13-0268-6. (In Russ.).
63. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 3: Utrennyaya zarya. Messinskiye idillii. Veselaya nauka [Complete works. In 13 vols. Vol. 3: Dawn. Idylls from Messina. The Gay Science] / trans. from Germ. V. Bakusev, K. Svasyan. Moscow, 2014. 640 p. ISBN 978-5-9027644-40-3. (In Russ.).
64. Fornari M. C. Die Entwicklung der Herdenmoral: Nietzsche liest Spencer und Mill [The development of Herd Morality: Nietzsche reads Spencer and Mill] / trans. from Ital. L. Schröder. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. 285 s. (In Germ.).
65. Sommer A. U. Nietzsche mit und gegen Darwin in den Schriften von 1888 [Nietzsche With and Against Darwin in the Writings of 1888] // Nietzscheforschung: Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft [Nietzsche Studies: yearbook of the Nietzsche Society]. 2010. Vol. 17, no. 1. S. 31–44. (In Germ.).
66. Rolph W. H. Biologische Probleme zugleich als Versuch zur Entwicklung einer rationellen Ethik [Biological problems at the same time as an attempt to develop rational Ethics]. Leipzig: Engelmann, 1884. 238 s. (In Germ.).
67. Richardson J. Nietzsche's new Darwinism. Oxford: Oxford University Press, 2004. 288 p. (In Engl.).
68. Nietzsche F. The joyful wisdom («La Gaya Scienza») / trans. from Ital. T. Common. Edinburgh: Foulis, 1910. 370 p. (In Engl.).
69. Rupschus A., Stegmaier W. «Inconsequenz Spinoza's»? Adolf Trendelenburg als Quelle von Nietzsches Spinoza-Kritik in *Jenseits von Gut und Böse* 13 [«Spinoza's inconsistency»? Adolf Trendelenburg as the source of Nietzsche's criticism of Spinoza in *Beyond Good and Evil* 13]. *Nietzsche-Studien*. 2009. Vol. 38, no. 1. S. 299–308. DOI: 10.1515/9783110208924.3.299. (In Germ.).
70. Trendelenburg A. Über Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg: Vorgetragen in der Königlichen Akademie der Wissenschaften [On Spinoza's basic ideas and their success: lecture at the Royal Academy of Sciences]. Berlin: Bethge, 1850. 58 s. (In Germ.).
71. Borelius J. J. Ueber den satz des widerspruchs und die bedeutung der negation [On the theorem of contradiction and the meaning of negation]. Leipzig: Koschny, 1881. 45 s. (In Germ.).
72. Krummel R. F. Nietzsche und der deutsche Geist: Ausbreitung und Wirkung des Nietzscheschen Werkes im

deutschen Sprachraum bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges. In 4 Vols. [Nietzsche and the German Spirit: the spread and impact of Nietzsche's Work in the German-speaking world up to the end of the Second World War. In 4 Vols.]. Berlin: de Gruyter, 1998. Vol. 1. 984 s. (In Germ.).

73. Falckenberg R. Geschichte der neueren Philosophie von Nikolaus von Kues bis zur Gegenwart: Im Grundriss dargestellt [History of modern philosophy from Nicholas of Cusa to the present: an outline]. Leipzig: Veit, 1886. (In Germ.).

74. Falckenberg R. Istoriya novoy filosofii. Ot Nikolaya Kuzanskogo do nashogo vremeni [History of modern philosophy. From Nicholas of Cusa to the present] / trans. from Germ. I. Inozemtsev. Saint Petersburg, 1898. 634 p. (In Russ.).

75. Guyau J.-M. Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction [Sketch of a morality without obligation or sanction]. Paris: Alcan, 1885. 254 p. (In Fr.).

76. Guyau J.-M. L'irréligion de l'avenir: Étude sociologique [The non-religion of the future: a sociological study]. Paris: Alcan, 1887. 480 p. (In Fr.).

77. Comte-Sponville A. Jean-Marie Guyau et Spinoza [Jean-Marie Guyau and Spinoza] // Spinoza au XIXe siècle: Actes des journées d'études organisées à la Sorbonne (9 et 16 mars, 23 et 30 novembre 1997) [Spinoza in the XIX century: proceedings of the study days organised at the Sorbonne (9 and 16 March, 23 and 30 November 1997)]. Sorbonne: Publications de la Sorbonne, 2007. P. 281–294. (In Fr.).

78. Guyau J.-M. La morale anglaise contemporaine: Morale de l'utilité et de l'évolution [Contemporary english morality: moral of the utility of evolution]. Paris: Ballière, 1879. 432 p. (In Fr.).

79. Guyau J.-M. Istoriya i kritika sovremennykh angliyskikh ucheniy o нравственности [A history and critique of modern English doctrines in morality] / trans. from Fr. N. Yuzhin. St. Petersburg: O. N. Popovoy, 1898. 458 p. (In Russ.).

80. Guyau J.-M. La morale d'Épicure et ses rapports avec les doctrines contemporaines [The morality of Epicurus and its relation to contemporary doctrines]. Paris: Ballière, 1878. 292 p. (In Fr.).

81. Guyau J.-M. Proiskhozhdeniye idei vremeni. Moral' Epikura i eye svyaz' s sovremennymi ucheniyami [The origin

of the idea of time. The morality of Epicurus and its relation to contemporary doctrines] / trans. from Fr. I. K. Brusilovskiy. St. Petersburg: Tovarishchestvo Znaniye, 1899. 372 p. (In Russ.).

82. Nietzsche F. Kritische studienausgabe. In 15 bänden. Bd. 13: Nachgelassene fragmente 1887–1889 [Critical Study edition of Nietzsche's works. In 15 vols. Vol. 13: Posthumous fragments 1887–1889]. München: De Gruyter, 1988. 668 s. (In Germ.).

83. Nietzsche F. Polnoye sobraniye sochineniy. V 13 t. T. 13: Chernoviki i nabroski 1887–1889 gg. [Complete works. In 13 vols. Vol. 13: drafts and sketches 1887–1889] / trans. from Germ. V. M. Bakusev, A. B. Garadzha. Moscow, 2006. 656 p. ISBN 5-902764-12-2. (In Russ.).

84. Brobjer T. H. Beiträge zur Quellenforschung: Nachweise aus Höfding, Harald: Psychologie in Umrissen u. a. [Contributions to source research: evidence from Höfding, Harald: psychologie in outlines et al.]. *Nietzsche-Studien*. 2001. Vol. 30, no. 1. S. 418–421. DOI: 10.1515/9783110172409.418. (In Germ.).

MOSKOVETS Semyon Andreevich, Assistant of the Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy Department, Tomsk State University, Tomsk.

SPIN-code: 7591-6664

AuthorID (RSCI): 1215811

Correspondence address: moskovets.tsu@yandex.ru

For citations

Sommer A. U. Nietzsche's readings on Spinoza: a contextualist study, particularly on the reception of Kuno Fischer / trans. from Engl. S. A. Moskovets. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 111-131. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-111-131. EDN: GSDKCO.

Received June 16, 2024.

© A. U. Sommer

УДК 177.61
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-132-143
EDN: GWEKFN

Ф. МОРО

Оттавский университет,
Оттава, Канада

Перевод с французского
С. А. ЖАРИНОВ

Независимый исследователь,
г. Париж, Франция

ХАННА АРЕНДТ: ЭРОС К СВОБОДЕ МЫШЛЕНИЯ И ЛЮБОВЬ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

В статье исследуется понятие любви в политической теории Ханны Арендт. При этом в центре внимания автора оказывается не любовь-страсть, относящаяся сугубо к частной сфере, но политическая любовь, которая предстает у Арендт в двух формах, связанных с двумя формами свободы: любовью к свободе мышления и любовь к политической свободе. Автор показывает, как Арендт, отталкиваясь от размышлений Сократа об *эросе* как стремлении к тому, чего недостает, и его принципа «два-в-одном», разрабатывает концепцию деятельности мышления, направленного не на познание объекта, но на его понимание, и основанного не единстве, но на множественности. Мышление о свободе в таком контексте оказывается мышлением об объекте, достойном любви с целью понять его смысл. Автор анализирует арендтовское понятие политического действия, принципом которого также является эрос — любовь к политической свободе. По ходу текста идеи Арендт сопоставляются с представлениями Сократа, Августина, Монтескье, Канта, Левинаса и Хайдеггера. Кроме того, рассматривается обращение Арендт к поэтическому творчеству Гете и Рильке.

Ключевые слова: любовь, эрос, свобода мышления, политическая свобода, Арендт.

Вероятно, любой будет удивлен, встретив здесь исследование понятия любви в *политической* мысли Ханны Арендт. Неужели она у нее не является страстью *par excellence*, которая должна быть строго ограничена сферой домохозяйства, *ойкос*, то есть частной сферой? Разве не очевидно, что любовь никак не касается пространства политики? Для нее, пишущей о политике, всегда стремящейся отделить частную жизнь от политической, *цивион* от *койнон*, кажется совершенно нелепым связывать любовь с политикой. Однако тщательный анализ понятия любви в политической теории Арендт показывает, что оно не так уж и чуждо ее пониманию политики, как могло бы нам показаться на первый взгляд. Немецкая исследовательница развивает, как мы считаем, двойную теорию любви в ее связи с по-

литикой: любовь (*эрос*) к свободе мышления и любовь к политической свободе. Относительно первой теории, прежде всего, следует разобраться, в чем, согласно Арендт, состоит деятельность мышления. Далее нужно рассмотреть связь, которую она проводит между любовью и этой рефлексивной деятельностью. И, наконец, задать вопросом: в каком смысле, по ее мнению, деятельность мышления является свободной? Что касается второй теории, необходимо рассмотреть связь, которую устанавливает Арендт между любовью и политической свободой. Почему она ассоциирует любовь со свободой действовать? Кроме того, в каком смысле любовь к политической свободе является принципом действия? Почему мы, в конечном итоге, являемся «обремененными на свободу»? И, наконец, является

ли любовь в мысли Арендт радикально антиполитическим понятием? Другими словами, следует ли довольствоваться замыканием арендтовской любви в *ойкос*, то есть пространстве домохозяйства?

Является ли любовь антиполитичной? Начнем с этого последнего вопроса. На первый взгляд, Арендт, конечно, понимает любовь как отношение, основанное на страсти. Она, таким образом, направлена не на абстрактные сущности, подобно любви к народу или к стране, но лишь на «личности» [1, р. 223]. В данном смысле она чужда публичной сфере, сфере явленности. Она «гаснет, как только ее показывают (“Не ищи сказать любовь, рассказать ее нельзя”¹). Сущностно чуждая миру, любовь может лишь лгать и извращаться, когда ее используют для политических целей, таких как преобразование или спасение мира» [2, р. 91]. Она, несомненно, должна быть скрыта и не показываться на публике; следовательно, она антиполитична² [2, р. 309]. Но, как замечает Франсуаз Коллин [4, р. 53–54], арендтовская любовь в частной сфере является тем же, чем уважение — в публичной сфере. Любовь, на самом деле, раскрывает «кто» влюбленного субъекта, идентичность влюбленного индивида в его отношениях с любимым существом. Однако профессор политической теории была предельно краткой в этом вопросе. Именно по причине своей незаинтересованности, — утверждает она лаконично, — человек раскрывает то, чем он является, открывает свое лицо любимому существу. В некоторой степени любовь есть форма уважения другого, форма «дружбы без интимности, без близости» [2, р. 308]. Следовательно, она соответствует форме аристотелевской дружбы, поскольку любовь устанавливает дистанцию между влюбленными, в которую включается мир. Хотя любовь стремится разрушить *inter homines esse*, она, однако, обнаруживает свою корреляцию с уважением других и дружбой, которые, разумеется, являются условиями осуществления политического действия. С другой стороны, любовь, очевидно, отдаляет влюбленных от публичной сферы, они реинтегрируются определенным образом в эту сферу не только через взаимное уважение, но также через плод их любовного союза, т.е. через ребенка. Вводя новопривывшего в мир, родители так же заново проникают в него. Будучи тождественной уважению и аристотелевской любви, любовь имеет политическое измерение в том смысле, что она, с одной стороны, раскрывает идентичность любящего существа, а с другой — удерживает промежуток между влюбленными, в который включается мир. У Арендт любовь-страсть уже с самого начала в некоторой степени имеет политическую коннотацию. Поэтому нельзя редуцировать арендтовскую любовь, как это делает Жорж Катеб, лишь к ее одному единственному антиполитическому измерению [5, р. 161; 6].

Эрос, или Как осуществляется деятельность мышления. Отказываясь отождествлять любовь исключительно со страстью, Арендт предлагает нам продолжить рефлексию о понятии любви. Следует рассмотреть связь, которую она устанавливает между этим понятием и деятельностью мышления у Сократа. Арендт выступает в качестве нашего гида: она уточняет в своем интервью Гауссу, что «важен сам мыслительный процесс» [7, р. 225]. Что это значит? Что она подразумевает под «мыслительным процессом»? Ведь этот мыслительный процесс во многом вдохновляется, — как нам кажется, — сократовской деятельностью мышления. Каково,

в таком случае, сократовское видение деятельности мышления? Для Арендт последнее базируется на трех характеристиках. Во-первых, процесс мышления Сократа порождается через «два-в-одном» — через «внутренний диалог, в котором беседуют с самим собой» [2, р. 365]. Именно опыт различия внутри *сознания*, состоящий в том, что я одновременно являюсь тем, кто задает вопрос, и тем, кто на него отвечает, лежит, согласно Сократу, в основе мыслительного процесса. Ведь именно «эта дуальность меня с самим собой делает мышление настоящей деятельностью» [8, р. 210]. Вот почему Арендт пишет «деятельность мышления [pensar]» Сократа, а не деятельность мысли [pensée] Сократа, она хочет подчеркнуть активный характер мышления последнего. Это мышление является активным в том смысле, что оно предполагает постоянный диалог между мной и мной самим. Но, чтобы эта внутренняя дуальность осуществилась, необходимо, чтобы отношение между «первым» Я и «вторым» Я было гармоничным. Следовательно, в мысленном диалоге Сократа другое Я является как бы другом. Поскольку опыт дружбы помещается на уровень ума [esprit], деятельность мышления Сократа оказывается для Арендт обусловленной множественностью. Но множественность есть не только и не преимущественно условие деятельности мышления, но также и условие действия, согласно Арендт. Сократовское два-в-одном в жизни ума, таким образом, обосновывает бытие вместе [l'être ensemble]. Вот почему она использует эту характеристику сократовской деятельности мышления.

Во-вторых, сократовское два-в-одном порождает движение мышления, то есть оно инициирует поиск, нацеленный на схватывание смысла слова или понятия. Точнее, этот путь мышления состоит в размораживании, в разборке дефиниций, понятий, заветных традиций, чтобы постичь изначальный смысл этих последних [8, р. 196]. Так жизнь ума Сократа берется за критическое рассмотрение конститутивных понятий нашей традиции мысли. Она не производит никакой дефиниции, не достигает знания объекта мышления; она лишь, если использовать модное выражение, «деконструирует» понятия [9, р. 91]. Этот поиск смысла, состоящий в деконструкции понятий, Сократ именуется медитацией [méditation]. Речь идет не о том, чтобы определить понятие, но скорее о том, чтобы помедитировать о нем. Как только Сократ пытается определить слово, оно ускользает от него. В результате сократовская деятельность мышления не порождает «стабильности»; она оставляет все в движении. Это причина, по которой данная деятельность дышит, если использовать выражение Арендт, подобно «ветру» (порой она даже принимает форму «бури» (Хайдеггер)). Это два-в-одном сметает все на своем пути и не оставляет за собой ничего. Мыслить — это как ткать ткань Пенелопы: «Каждое утро она распускает то, что соткала прошлой ночью» [8, р. 105]. Следовательно, нужно всегда переосмысливать то, что уже было осмыслено.

В-третьих, сократовское два-в-одном, размышляющее и неспособное породить стабильность, оставляет нас в результате лишь с «неуверенностью» и недоумениями. Оно ведет нас к апориям, так как не ведет ни к чему. Сократ не может познать, к примеру, что есть справедливость или мудрость, он может лишь мыслить об этом. Мыслить с Сократом — это, таким образом, «действительно пережить опыт незнания» [9, р. 91]. Этот сократовский

мыслительный процесс, основанный, согласно немецкой исследовательнице, на два-в-одном, — опыте инаковости внутри моей единичности, осуществляемом в соответствии с методом критического деконструктивного рассмотрения, ведущем, так или иначе, к состоянию скептицизма, — Сократ называет эросом, любовью. Другими словами, этот поиск значения, который прокладывает путь сократовского мышления, является в некотором роде любовным актом [8, р. 203]. Чтобы понять этот тезис Арендт, — а именно, что мы мыслим постольку, поскольку влюблены в вопрошание, в *таумазейн*³, — следует, разумеется, разобраться, что Сократ обозначает *эросом*. Что есть сократовский *эрос*?

Платон развивает тему любви в основном в одном из своих диалогов — в *Пире*. Как известно, в этом диалоге греки, включая Сократа, собираются за трапезой и восхваляют любовь. Каждый по очереди берет слово. Затем приходит очередь Сократа. Прежде всего он подчеркивает, что любовь определяется отсутствием. Желают то, чем не обладают: «Человек, как и все те, кто желает, желает то, что не является ни действительным, ни присутствующим; чего у нас нет, чем мы не являемся, то, чего нам не хватает, — вот объекты желания и любви»⁴ [11, фраг. 200]. Следовательно, любовь для Сократа не означает вновь обретенного единства. Он спорит здесь с Аристофаном⁵, согласно которому любовь заключается в том, чтобы «воссоединиться и слиться с любимым объектом и сделаться только одним вместо двух»⁶ [11, фраг. 192]. Напротив, реализация единства, слияние двух существ для Сократа ведет к концу любви. Согласно Сократу, имеется любовный акт, любовное желание, поскольку человек всегда находится в поиске того, чего у него нет. Мы увидели, что мыслительный процесс Арендт состоит в погоне за поиском значения, который ведет в никуда, к апориям. Однако Ханна Арендт, влюбленная в «недоумения» [perplexités], если использовать ее выражение, здесь добавляет: желая того, чего у нее нет, любовь устанавливает связи с «тем, что не присутствует» [12, р. 57]. Таким образом, именно сам факт поиска того, чего нам не хватает, приводит ее к принятию данного пути мышления. Здесь она следует за Сократом. Для нее именно любовь в сократовском смысле (*эрос*) устанавливает связь между желанным объектом и желанием, между миром явлений и невидимым миром на уровне *сознания*. Через любовь я представляю себе то, что отсутствует, в [контексте] два-в-одном, в «актуализации различия, присутствующего в *consciousness*». Это отсутствие побуждает Арендт задуматься о том, как обосновать деятельность мышления. И она достигает этого с помощью сократовской любви: «Только те, кто вдохновлен сократовским *эросом*, любовью к мудрости, способны мыслить и достойны доверия» [8, р. 205]. Процесс арендтовской мыслительной деятельности так же основан на любви, которая является, таким образом, условием *a priori* — «*prerequisite*» — осуществления мышления. Арендт приходит применять деятельность мышления потому, что она влюблена в «мудрость» и стремится подвергнуть объекты мышления критическому рассмотрению. Следовательно, объекты мышления являются объектами, достойными любви; если поиск смысла — это своего рода любовный поиск, то, значит, объекты мышления — это в определенном смысле «вещи, достойные любви» [choses aimables]. Такие объекты мышления, как справедливость, свобода и власть, — это «вещи, до-

стойные любви», поскольку они составляют основу общего мира. Короче говоря, только любовь к мышлению, желание мыслить о том, чего нам не хватает, толкает теоретика политики Ханну Арендт мыслить о том, что мы делаем⁷.

Напоминает ли эта сократовская любовь — как бесконечный поиск желания того, чего нам не хватает, — августиновскую любовь [14]? Разумеется, обе основаны на желании. Но августиновское желание отличается от желания Сократа. Первое заключается в стремлении обладать благом, чтобы вести счастливую жизнь, тогда как второе, как мы увидели, — в осуществлении рефлексивного поиска с целью постичь объект мышления. Первое относится, одним словом, к жизни (в смысле Арендт), а второе — к деятельности мышления. Не следует также смешивать сократовский *эрос* с христианской любовью (*arane*). Последняя означает любовь к Богу, то есть любовь ради христианского спасения, навеки примиренной жизни с ним [15, р. 123]. Это трансцендентная любовь, которая ведет нас за пределы имманентности. Но у Сократа нет «магической» любви, понимаемой как техника спасения ради «волшебного» мира (царствия небесного)⁸.

Если сократовская любовь не позволяет познать объект мышления, то зачем тогда мыслить? Раз деятельность мышления не ведет никуда, то зачем мыслить? Задавать себе вопросы бесполезно, так как даже если мы терпим неудачу в определении понятия, само осуществление деятельности делает нас способными познать объект мышления. Но и Сократ, согласно Арендт, аналогично отстаивает этот же тезис: «Как ни странно, это тоже мнение Сократа: хотя мы не можем определить ни справедливость, ни благочестие, ни добро, и пускай нам трудно убедить людей в этих вопросах, мысля и говоря об этом, мы становимся более справедливыми или более благочестивыми»⁹ [17, р. 147]. Следовательно, мыслить совсем бесполезно. В других текстах Арендт идет еще дальше: индивид, затеняющий способность мыслить, отрицает одно измерение человеческой ситуации. Она пишет: «В самой жизни без мышления нет ничего невозможного; однако ей не удается развить свою собственную сущность — она не только лишена значения, но и не совсем является живой. Люди, которые не мыслят, подобны сомнамбулам»¹⁰ [8, р. 217]. Короче, можно «сказать, что живая человечность человека уменьшается в той мере, в какой он отказывается от мышления» [18, р. 19].

Основываясь на сократовском *эросе*, мышление Арендт, таким образом, устанавливает связь с любовью-страстью. Поскольку в действительности на уровне ума мы всегда суть два-в-одном, имеет место актуализация точки зрения другого в *consciousness*, значит, другой всегда присутствует в моей внутренней сфере. Своего рода дуальность, — хотя нам самим кажется, что одиночество, — свойственная деятельности сократовского мышления, представляет собой условие опыта интимной любви у Арендт. Следует уточнить, что она различает уединение [solitude] и «одиночество» [esseulement]. Первое отличается от второго постольку, поскольку я оказываюсь внутри этого «неспособным составить самому себе компанию. Я один и без никого» [8, р. 210]. Уединение обусловлено множественностью, чего нельзя сказать об одиночестве [19, р. 126]. Здесь следует оговориться. Арендт не говорит, что речь идет о том, что для того, чтобы любить кого-то, нужно быть движимым

стремлением быть два-в-одном. Она не редуцирует любовь к осуществлению деятельности мышления. Она лишь говорит, что одинокий индивид, лишенный этого стремления быть два-в-одном, силы воображения, не живет с другими в сфере мышления. Поэтому он менее способен мыслить о других и, следовательно, любить других.

Это отношение между мной и мной же самим, в котором я переживаю нередуцируемую к единству множественность, в некоторой степени нам напоминает концепцию любви Левинаса. Для последнего любовь в отношениях Я и Ты означает радикальную инаковость лица другого: «Я думаю, когда другие остаются "всегда другими", это и есть суть любви» [20, р. 124]. Левинас видит во взгляде других не Того же самого, не Похожего, но именно Другого. Он, таким образом, нетерпим к любым формам слияния, единства или совпадения в любовных отношениях [21, р. 89; также см.: 22, р. 130]. У Арндт этот характер инаковости встречается не только в ее интерпретации сократовского *эроса*, — я желаю то, чем я не являюсь, чего мне не хватает, — но также в своей заботе сохранить своеобразие индивида [23, р. 21; также см.: 2, р. 232]. Любовь, напомним, открывает идентичность, «кто» влюбленного субъекта. В этом вопросе она сходится с Левинасом. Она сходится с ним и в другом моменте. В лице Другого французский философ видит бесконечность. Встретить других — это выйти из тотальности, из бытия сущего и открыться бесконечному. Однако, как мы увидели, сократовский *эрос* не сливает двух существ в одно; он всегда остается бесконечным поиском. С помощью сократовской любви Арндт не только сталкивается с инаковостью Другого, но и продолжает этот бесконечный поиск понимания Другого и мира. Данное сходство — открытость к различию и бесконечности — моральной философии Арндт и этической мысли Левинаса не затеняет, однако, их отличий. Во-первых, она не понимает любовь как «ответственность перед другими». Во-вторых, она не считает, что категория сократовской любви испытывается онтологией бытия сущего; *эрос* не является ответом Арндт на уход от Бытия, тогда как очевидно, что Левинас основывает свою теорию ответственности перед другими как реплику на онтологию тотальности. Арндт, разумеется, ставит вопрос, который ставили Лейбниц, Шеллинг, Хайдеггер и Левинас: «Почему имеется нечто, а не ничто?» [24, р. 139], но она не задавалась вопросом о содержании этого «имеется» [il y a]. Напротив, Левинас задумывался об этом слове: оно соответствует не хайдеггеровскому «ничто», но скорее анонимности, безличному [25, р. 37]. В этом контексте ответственность перед другими представляет собой попытку уйти от Бытия. Другими словами, Арндт не мыслит вопрос об *эросе* с точки зрения бытия сущего, тогда как именно исходя из этой точки зрения Левинас основывает свою этику. В конечно счете, то значение, которое она придает не только своеобразие человека, но и открытости по отношению к другим, отсылает нас к левинасовскому исследованию темы любви.

Эрос и политика. Движимая сократовской любовью, Арндт также находит этот тип любви (в которой я, с одной стороны, предпринимаю диалог с самим собой — с другом, — с другой же стороны, никогда не сливаюсь с любимым объектом) в поэзии Уистена Хью Одена. В посвященной ему статье [26] она приводит суждение, высказанное

его другом Стивенем Спендером: «Он был поражен тем, что "на протяжении всего развития поэзии Одена... его темой была любовь (это побудило Одена изменить 'cogito ergo sum' Декарта, определив человека как 'существо с бурлящей головой' (*bubble-brained creature*), и заявить 'я любим, следовательно, я существую')..."» [26, р. 40]. Арндт добавляет: «В конце своего выступления, сделанного в память о своем старом друге, Спендер рассказал о речи Одена, произнесенной им в Америке. Лицо [Одена] расплылось в улыбке, которая помешала его чтению, и он сказал: "Они меня любят". Они не восхищались им, они любили его». Таким образом, она рассматривает «Одена как эксперта в бесконечных разновидностях любви, для которого замена восхищения на любовь наверняка должно казаться очень важным». Любовь здесь имеет публичное измерение в смысле, что она заменяет восхищение. Любовь публики к Одену превосходит восхищение публики его поэзией. Эта любовь предполагает не только уважение между поэтом и публикой, но также и дружбу между ними. Так, любовь сохраняет дистанцию, пространство между первым и вторым, в которое включается мир. Значит, Оден открывает свою идентичность внутри этого любовного отношения: «я любим, следовательно, существую». Применив публично, — если использовать кантовское выражение, — свою поэзию, он открыл свое «кто». Согласно Арндт, Оден здесь находится в согласии с ее концепцией любви-страсти: он обнажает идентичность любимого существа и высвобождает политический характер любви. Любовь устанавливает своего рода политический диалог между поэтом и его слушателями. В каком-то смысле она является условием создания бытия вместе.

Можно обнаружить и другую связь между *эросом* и политикой, рассмотрев анализ, проведенный Арндт в сотрудничестве со своим первым мужем Гюнтером Штерном, понятия любви у Рильке в тексте о *Дуинских элегиях* [27]. Арндт и Штерн не проделывают в своей статье полного и систематического анализа произведения Райнера Марии Рильке. Авторы предпочитают исследовать только некоторые строки, взятые из его десяти элегий. Но как же, по мнению двух философов, он использует тему любви в своем произведении? По этой теме они анализируют более детально несколько строк из первой элегии Рильке: «Итак, достаточно ли ты прославила / память Гаспары Стампа, чтобы молодая женщина, от которой сбежал любовник, перед необъятным примером такой любовницы могла взволноваться и пожелать: Я хотела бы быть такой же, как она / И эта более древняя боль, разве не следует, чтобы она стала для нас, наконец, более плодотворной? / Не время ли нам, любя, освободиться от любимого, и нам, грозящим, ему воспротивиться: так стрела, противящаяся тетиве, вся ее сила, сосредоточенная в порыве, чтобы стать больше, чем она сама» [27, р. 46; курсив мой]. Комментируя эти строки, Арндт и Штерн заключают: «Чем меньше любовь удовлетворена, тем больше она является любовью». Эта фраза, конечно, заставляет вспомнить слова Сократа: любовь всегда есть желание того, чего нам не хватает. Существует постоянное тяготение к желанному существу. Согласно двум философам, у Рильке эта нехватка раскрывается особенно в следующей строке: «Увы! Они лишь скрывают друг от друга свою судьбу». Важно то, что влюбленные держатся на неустрашимой дистанции. Рилькеанская любовь, таким обра-

зом, подобна сократовскому *эросу*: оба этих типа любви скорее разделяют, нежели объединяют, бытие. Равным образом первая совпадает со второй потому, что она устанавливает связь в мире, связь между осязаемым и невидимым: «Любовь [у Рильке] превосходит и одновременно предает забвению любимую личность, поскольку она имеет в виду нечто большее, чем случайный индивид, близость же возлюбленного отодвигает ее горизонт. Любовь есть только в этом оставлении; оторванная от любовника, освобожденная в пространстве своего собственного горизонта, любовь может стать органом для понимания связей в мире» [27, р. 44; **курсив мой**]. Рилькеанская любовь здесь является чем-то большим, нежели неудовлетворенная любовь, она есть способ мышления или процесс мышления, который намечает связь между чувственным и интеллектуальным, делает феноменальный мир понятным и осмысленным для мышления. Любовь здесь превосходит свою «имманентную компетенцию, открывая нам глаза на связи с миром» [27, р. 46]. Она не только «пред-требуемое» [pré-réquisit] для деятельности мышления, она также открывает путь к пониманию мира. Рилькеанская любовь тут совпадает с сократовской. Первая напоминает вторую, поскольку обе обращаются не к приватной сфере, а к миру. Они обе устанавливают связи в мире: Сократ пытается уловить смысл изначальных понятий, в то время как Рильке хочет выйти за пределы любви между двумя существами, он пытается понять феноменальный мир. Будучи рефлексивным процессом понимания, рилькеанская и сократовская любовь одинаково обращены к реальности, к общему миру.

Если любовь для Арендт является чем-то большим, чем неудовлетворенное желание, — способом понимания человеческого мира, то нам следует обратиться к Хайдеггеру, который является вторым важным источником арендтовской концепции жизни ума. Для наших целей следует остановиться на двух элементах хайдеггеровского влияния на деятельность мышления Арендт: 1) мышление состоит в том, чтобы вступить на путь рефлексии; 2) мышление состоит также в том, чтобы понимать, а не познавать объекты, достойные любви. Согласно Арендт, хайдеггеровский процесс мышления реализуется через вступление на путь мышления. Этот процесс, в действительности, осуществляется «только в пути, на протяжении пути» [28, р. 146]. Мышление Хайдеггера устанавливает вехи, которые, размечая путь, направляют новый ход мышления¹¹ [29, р. 311]. Таким образом, поиск Сократа для Арендт по сути является хайдеггеровским путем мышления. Конечно, этот путь мышления, который у Арендт является одновременно и сократовским, и хайдеггеровским, не есть «проселок» [chemin de campagne] Хайдеггера¹². Деятельность мышления философа вступает на путь, не являющийся путем «через поля». Его путь, как мы увидели, — это путь любви к *таумазейн*. Еще важнее то, что она заимствует у Хайдеггера знаменитую дихотомию, которую он проводит между «научным объектом [objet savant] и мыслимой вещью» [30, р. 23; также см.: 31, р. 243], между познанием и мышлением. Для Арендт деятельность мышления на самом деле «приводится в движение ни жаждой знания [savoir], ни потребностью познания [connaissance]» [29, р. 312], но скорее потребностью понимания. Точнее, она создает типологию понимания. Прежде есть «предварительное» понимание, которое составляет

основу познания. Затем наступает «настоящее понимание», которое «совершает преодоление по отношению к этому познанию» [19, р. 43]. Для нее эти два типа понимания разделяют общую черту: они дают смысл познанию. Здесь следует подчеркнуть важный момент — понимание производит смысл. Понимание примиряет нас с реальностью, с реальным миром. Поиск смысла арендтовской деятельности мышления заключается не только в том, чтобы деконструировать познание для схватывания изначального смысла понятий, но и в том, чтобы понять мир. Мы теперь можем понять тезис, защищаемый Арендт, о том, что «любовь может стать органом понимания отношений в мире». Любовь к постановке вопросов не только мотивирует ее к поиску смысла объектов мышления, но также ведет ее к пониманию политических событий, конституирующих человеческое бытие-вместе. Деятельность мышления Арендт включает, таким образом, не только черты мышления Сократа, но и некоторые черты мышления Хайдеггера¹³.

Что касается связи понятия любви и жизни ума, интересно сравнить тезис, отстаиваемый Арендт (любовь есть условие деятельности мышления), с позицией Хайдеггера. В начале своей книги *Was heißt Denken?*¹⁴ немецкий философ приводит две строфы стихотворения Гельдерлина *Сократ* и *Алкивиаг*. Первая строфа: «Благочестивый Сократ, зачем непрестанно преклоняться пред юностью вот этого? Неужели ты не знаешь ничего большего? Зачем радовать свой взгляд, что, кажется, видит богов и вот этого?» Вторая строфа: «Кто помыслил самое глубокое, любит самое живое и понимает высшую юность, кто насквозь увидел мир, мудрецы на закате нередко склоняются к прекрасному»¹⁵ [31, р. 32; **курсив мой**]. Затем он очень кратко анализирует следующую строку стихотворения Гельдерлина: «Кто помыслил самое глубокое, любит самое живое». Для Хайдеггера это строка указывает на то, что Сократ «основывает любовь на мышлении». Другими словами, любовь покоится в акте мышления. (В тексте *Was heißt Denken?*¹⁶ он больше ничего не говорит об этом). Напротив, мы видели, что любовь для Арендт является условием акта мышления. В данном пункте два философа радикально расходятся. Для профессора политической теории любовь обуславливает мышление, тогда как для феноменолога именно мышление обуславливает любовь. Кроме того, и это стоит подчеркнуть: Арендт целиком поддерживает идею обоснования деятельности мышления на любви; Хайдеггер же выступает против того, чтобы основывать разум на любви [31, р. 33]. Поэтому по вопросу соотношения сократовского *эроса* с мышлением Арендт и Хайдеггер совершенно не согласны. Это расхождение отражается в основополагающих понятиях мысли Арендт и Хайдеггера. Если первая основывает свою политическую теорию на философии natalности, в которой вновь прибывший содержит в себе потенциал новизны, способной изменить мир к лучшему, то проект второго, который состоит в преодолении западной онтологии — бытия сущего, — осуществляется через обращение к «бытию-к-смерти». Для Арендт же смерть означает невозможность создания проекта; она кладет конец согласованному действию. С одной стороны, мы имеем мышление, пытающееся учредить общим мир через любовь к человеческой ситуации, а с другой стороны, видим мышление, которое, столкнувшись со смертью — последним испытанием солипсизма

Dasein, благодаря которому индивид вырывается из банальности повседневной жизни, из анонимности «людей»¹⁷, — находит путь к «выходу» из онтологии. Другими словами, Арендт определяет фундаментальные условия, при которых люди имеют дело с политикой; Хайдеггер, со своей стороны, определяет сущностное условие возобновления связи с Бытием: я обречен на смерть, «я в смерти». Левинас нашел абсолютно точные слова для описания проекта Хайдеггера: «У него есть мечта о благородстве крови и меча». Кратко об этом можно сказать так: Арендт мыслит о человеческой ситуации из любви к миру, Хайдеггер же мыслит о смерти как о наиболее аутентичной возможности *Dasein*.

Итак, в начале этой статьи мы оговорились, что эрос Сократа осуществляет арендтовскую *свободу* мышления. В каком же смысле, согласно ей, деятельность мышления является свободной? Сначала уточним, что для Арендт свобода на самом деле совпадает не только с действием, но и с мыслью: «Свобода располагается в способности человека действовать и мыслить» [36, р. 502]. Арендтовское мышление считается свободным, так как оно основывается, с одной стороны, на признаках деятельности мышления Сократа, а с другой — на двух признаках деятельности мышления Хайдеггера. Другими словами, если деятельность мышления не обусловлена сократическим *эросом* (поиском смысла и путем мышления у Хайдеггера), двумя-в-одном, отвергает противоречие и нацелено на познание феноменов, а не на их понимание, то эта деятельность мышления не считается свободной. Однако изначальным условием применения мышления остается, согласно Арендт, сократовская любовь, поскольку именно любовное желание — я желаю то, чем я не обладаю — приводит в движение мышление, «проект» на пути бесконечного поиска смысла. Таким образом, любовь к свободе мышления есть любовь к деятельности мышления в его усилиях понять точку зрения другого и, следовательно, представить ее себе. Это также усилие понять, с одной стороны, этимологическое значение понятий, а с другой — усилие понять политические события, в которых обнаруживаются условия возможности политического действия. Любовь к мудрости, поиск смысла приглашает нас помыслить бытие-в-мире.

Любовь к политической свободе. Для Арендт любовь есть не только то, что приводит в движение процесс мышления в его усилиях понять смысл объекта мысли, она также есть условие, так сказать, второй жизни, то есть жизни политической. Здесь размышления феноменолога во многом вдохновляются строкой, которую она, по-видимому, почерпнула из одного из стихотворений Гете, — из *Аминта*: «Задумывается ли о своей жизни тот, кто доверяет любви?»¹⁸. Этим она подчеркивает, что те, кем движет любовь к политической свободе, освободились от необходимости, от социального вопроса, и поэтому могут действовать сообща: «Риск, который приходится требовать от того, кто посвящает себя сфере политики, где он должен задумываться обо всем, кроме своей жизни, отнюдь не касается — по крайней мере, пока все идет нормально, — жизни общества, нации или народа, которой он должен был бы пожертвовать свою [собственную жизнь]. Скорее риск касается исключительно свободы, как своей, так и группы, к которой может принадлежать индивид...»¹⁹ [24, р. 84; **курсив мой**]. Тем самым именно любовь к свободе избавляет нас от жизнен-

ных потребностей. В данном контексте можно было бы дополнить строку Гете: задумывается ли о своей жизни тот, кто верит в любовь к свободе? Будучи влюбленным в свободу, человек является способным действовать с себе равными. Любя политическую свободу, человек перестает быть социализированным человеком, он может стать гражданином, практикующим политику. Чтобы верно оценить позицию Арендт, здесь важно знать, в чем для нее заключается социальный вопрос. Это вопрос, который может быть решен при помощи арифметических исчислений; социальный вопрос относится к «администрированию вещей». Напротив, политический вопрос для нее — это «последний» вопрос, вроде вопросов о том, что есть власть, что есть воспитание, что есть справедливость и т.д. Следовательно, политический вопрос остается всегда открытым, не может подпадать под администрирование вещей. На симпозиуме в Торонто, посвященном ее работе, она разъяснила это различие, которое она делает между социальным вопросом и вопросом политическим: «Есть вещи, в отношении которых могут быть определены точные измерения. Эти вещи действительно могут быть администрированы и они не являются предметом публичного обсуждения. Публичное обсуждение может относиться только к вещам, которые, — если сказать негативно, — мы не можем измерить точно. Иначе говоря, если бы мы могли их измерить с уверенностью, зачем нам нужно было бы создавать общий мир?» [37, р. 317] Но какова *социальная* организация, функция которой, согласно философу, — администрирование вещей? Этатистская бюрократия, — отвечает она. Таким образом, социальная роль государства, с одной стороны — заботиться о жизненных потребностях, а с другой — защищать социальную свободу, то есть свободу развития «производительных сил общества». Для Арендт несомненно, что эта социальная роль значительно доминирует в государстве. В этом контексте политическая роль оказывается по меньшей мере проблематичной. Глава правительства на основании советов экспертов принимает политические решения, в которых предположительно должно выражаться общественное мнение. Однако этот феномен является «крайне таинственным» [7, р. 253]. Другими словами, доминирование социальной свободы влечет за собой ослабление публичного обсуждения в модерне. Любовь к политической свободе является, согласно Арендт, «лекарством» от этой проблемы: она приглашает людей выйти за пределы социального вопроса, чтобы подтолкнуть их к тому, чтобы не только задаться политическими вопросами, но действовать политически. Этот пункт является, очевидно, узловым в политической мысли нашего теоретика. Именно будучи влюбленным в свободу, мы будем способны участвовать в политическом действии, принимать политические решения. Именно любовь к свободе может сделать из нас политический народ. У Арендт она является условием осуществления действия.

Мы также встречаем эту тему любви к свободе в ее анализе известных легенд оснований. Для нее как любовь к освобождению (первый этап политического действия), так и любовь к свободе действовать (второй этап политического действия) [38, р. 204] размечают исторический процесс действия, в котором люди призваны осуществлять политическую свободу: «Две легенды основания западной цивилизации, одна — римская, другая — еврейская <...>, показывают, что в основании —

в высшем акте, в котором "Мы" учреждается в качестве индентифицируемой сущности, — *вдохновляющим принципом действия является любовь [love] к свободе* как в отрицательном смысле освобождения от угнетения, так и в положительном смысле установления Свободы, понимаемой как стабильная и осязаемая реальность» [15, р. 232–233]. Эти легенды-основательницы не являются «чудесно украшенными» мифическими рассказами, напротив, они «всегда говорят о конкретных фактах» [39, р. 148]. Они описывают политический опыт прародителей евреев — изгнание (Моисей) — и реальность основания Рима Энеем. Для Арндт эти легенды описывают реальные опыты политической свободы. Именно поэтому она принимает их всерьез. Арндт находит этот вдохновляющий принцип действия не только в легендарных рассказах и не только в политической жизни римлян, — *res publica*, — но также в греческом опыте *полиса*. В современном мире она выявляет тот же принцип в ряде политических опытов, таких как Американская революция, Французская революция, Парижская коммуна, Русские революции, Советская республика и Венгерская революция. Таким образом, для феноменолога действие всегда осуществляется принципом, то есть действанию всегда предшествует принцип убеждения, разделяемый актерами, который побуждает их действовать сообща. Заметим здесь, что она рассматривает понятие принципа не только в смысле Монтескье. Она также вдохновляется, как нам кажется, кантовской мыслью. Когда она утверждает: если бы можно было обнаружить, что в обмене между «людьми, тесно связанными друг с другом с помощью совместного владения миром, существует принцип *a priori*, то у нас было бы доказательство того, что человек есть сущностно политическое существо» [40, р. 196], — мы полагаем, что она заимствует смысл этого понятия *a priori* из кантовской теории, учитывая, конечно, что этот принцип *a priori* не является для Арндт условием познания, но скорее всеобщим условием политического действия. Речь идет о том, чтобы найти некий принцип *a priori*, то есть принцип, который предшествует опыту и, следовательно, является всеобщим, способным продемонстрировать, что люди действуют сообща. Это присвоенное Арндт кантовское понятие отличается от значения понятия принципа у Монтескье. Но тогда каким образом она может соединить мысли двух этих авторов? Для Арндт принцип действия является всеобщим (Кант), при этом его содержание является особенным (Монтескье). Принцип действия является валидным для собрания политических акторов, но он всегда актуализируется в уникальном и единичном опыте политика. Принципом действия по преимуществу является принцип любви к свободе [41, р. 68, 71]. Эта любовь представляет собой действительное условие участия людей в заведовании человеческими делами. Без этой любви к свободе не было бы возможности испытать арндтовское действие. Она есть не только самый важный принцип, предшествующий политическому основанию, но она также есть то, что побуждает акторов к освобождению от угнетения и в результате к основанию политического тела, в котором осуществляется свобода действовать. Таким образом, Арндт черпает источник своей политической теории из этой любви. Она — матрица арндтовской политики.

Любовь у нее также имеет связь со временем. Любовь к свободе фактически занимает в вышеупо-

мянутом тексте зияющее пространство между тем, чего больше нет, и тем, чего еще нет, «между катастрофой и избавлением, (или еще) между моментом, когда мы сбрасываем старый порядок, и новой свободой, воплощенной в *novus ordo saeculorum*, новом порядке веков»²⁰ [15, р. 234]. С одной стороны, любовь к свободе является условием начинания чего-то нового, с другой — она есть также то, что ломает «непрерывный поток временной последовательности». Ставить вопрос о связи свободы и времени — это, согласно Арндт, в сущности, ставить вопрос о новизне. Но что такое «новая свобода»? Кажется, что лучшую «дефиницию» этого выражения мы находим в ее работе *Crises of the Republic*: «Одна из ярчайших черт человеческого действия — это то, что оно всегда предпринимает что-то новое, что не означает, что оно может начинать с нуля (*to start ab ovo*), творить из ничего (*create ex nihilo*). Мы можем уступить место новому действию только за счет перемещения (*remove*) или разрушения того, что предсуществовало, и модификации (*change*) существующего положения» [42, р. 9]. Наступление новизны, по мнению Арндт, проходит два этапа: 1) уничтожение старого; 2) изменение того, что есть. Разрушение не означает, что мы делаем из прошлого *tabula rasa*. Новое творение — не *ex nihilo*. Прошлое всегда присутствует и актуализируется в памяти действующих политических акторов. Она пишет: «Очевидно, что способность изменения у человека не более ограничена, чем его способность к сохранению, первая, будучи ограниченной влиянием прошлого на настоящее — ни один человек не начинает *ab ovo*, — а вторая — непредсказуемым характером будущего» [42, р. 80]. Тем не менее это прошлое не оказывает никакой помощи политическим актерам, поскольку последние как раз должны не реформировать старое правительство, но основать новое. Все происходит так, как будто актерам, нарушившим линейный ход истории, больше не остается «ничего, за что можно держаться». Так новое учреждение политической свободы кристаллизует фрагменты прошлого, преобразованные актерами, которые им придают новую политическую конфигурацию. Свобода является новой, поскольку правительство никогда не «вторгалось, не руководило человеческими делами» [43, р. 204]. Таким образом, именно «общий тон» нового политического основания придает свое новое измерение свободе. С помощью выражения «*ex nihilo*» Арндт, следовательно, подчеркивает то, что история отмечена переломами, разрывами; что она, таким образом, прерывна. Так, она отрицает гегелевскую философию истории в том смысле, что пытается переосмыслить время и, следовательно, закон основания, изъяв его [время] из рационального и необходимого процесса истории. Любовь к свободе представляет собой не только принцип, с помощью которого люди освобождаются от необходимости, а затем решают действовать в согласии, чтобы основать новую свободу, но она, по мнению Арндт, также является моментом исторического перелома. Любовь к свободе — это квинтэссенция принципов, учреждающая исторический разрыв.

Любовь к свободе для нее столь сильна, что даже тоталитарному режиму не удастся «искоренить ее из людского *сердца*» [43, р. 212; **курсив мой**]. Для начала уточним, что это сердце политично. Оно существует только в отношениях с миром: «Человеческое сердце, столь же далекое от сентиментальщины, как и от рутинной деятельности, является

единственной вещью в мире, способной принять на себя то бремя, которое завещал нам божественный дар действия, этот дар быть началом, значит, быть способным начинать» [19, р. 59]. Это говорит о том, что только люди, обладающие «понимающим сердцем»²¹, могут действовать сообща с другими. Связывая это «понимающее сердце» с любовью, Арендт некоторым образом делает из последней условие политического действия. В этом смысле тоталитарному режиму не удастся искоренить свободу из людского сердца потому, что мы, так сказать, «обречены на свободу». Эта формулировка может привести к путанице: Арендт не говорит, что свобода действия есть факт человеческой природы, данный от рождения, но что она есть ответ на дар действия. Человек является не только началом, но и тем, кто начинает [46, р. 222]. Таким образом, мы обречены на то, чтобы действовать, поскольку именно через согласованное действие мы сообща учреждаем мир. Мы касаемся здесь сути арендтовской концепции — идеи политической человечности. Основание общего мира — это изобретение, так как его порождает именно действие и изготовление. Действие порождает мир через осуществление, с одной стороны, совместного действия, а с другой — речи во множественном диалоге. Изготовление создает мир устойчивых объектов — условие человеческого действия. Человек — это актер и производитель совместного жития [vivre-ensemble]. Поскольку человек всегда уже находится в предшествующем ему мире, свобода действовать бросает вызов именно этой человеческой ситуации заброшенности в мир. Мы обречены действовать потому, что «свобода мысли и действия возможна лишь в рамках неопределенных и ограниченных знаний» [47, р. 124], то есть мы суть свободные существа, ибо мы не контролируем человеческую судьбу. Если бы мы в совершенстве познали людей, мы бы тогда были способны контролировать их поступки. Мы свободны, поскольку люди не полностью прозрачны для самих себя. Политическая свобода возможна лишь в мире, где действие является непредсказуемым. (Именно поэтому, согласно Арендт, политическое действие имеет трагический аспект.) В этой исторически и политически сложившейся среде обитания мы, таким образом, в некотором роде оказываемся вынужденными создавать самих себя «в океане хаотических возможностей». Следовательно, опыт свободы порождает не только политическое равенство, но также и идентичность действующего субъекта. Равенство вытекает не из естественного права, но из опыта акторов. Арендт не является сторонницей либеральной концепции свободы; она скорее поддерживает «анархическую»²² концепцию свободы. Любовь к политической свободе в конечном счете является условием организации «поначалу абсолютно разных существ путем учета их *относительного* равенства и отвлекаясь от их *относительного* разнообразия» [24, р. 34].

Можно здесь также привести еще одну из этих немного загадочных формул философа. В «третьем» томе *Жизни ума*, в *Суждении*, она в качестве эпиграфа приводит следующие строки Гете, взятые из *Фауста*²³: «Магия, что могу сделать я, дабы прогнать тебя с моего пути / Я хотел бы позабыть все заклинания / Природа, если бы я смог быть пред тобой лишь только человеком / Тогда бы человеческое состояние стоило труда»²⁴ [49, р. ii]. Не познав, но лишь поняв то, что означает концепт свободы,

Арендт не могла, конечно, раскрыть свой путь к свободе. Будучи объектом мышления, который не познаваем, а только понимаем, свобода является объектом, который невозможно найти. Значит, мы обречены на то, чтобы действовать сообща, прекрасно понимая, что мы неспособны доказать существование свободы. (И это, вероятно, является причиной, по которой некоторые утверждают, что свободы не существует.) Впрочем, «человеческое состояние» стоит труда, ведь любовь к свободе — это принцип, который делает эффективным опыт арендтовской политики.

Остается рассмотреть последний пункт: если свобода заключается в способности мышления и в способности людей действовать сообща, то это значит, что мышление и действие разделяют общее свойство — свойство множественности. Согласно Арендт, деятельность мышления и действие обусловлены отношением с другими в смысле, что два-в-одном обуславливает мышление, и в смысле, что люди действуют сообща. Вот почему мышление и действие являются политическими. Подвергая мышление проверке реальностью и, следовательно, инаковостью, Арендт осуществляет опыт политики на уровне ума. Действуя со своими единомышленниками, она, разумеется, осуществляет опыт политической свободы. Постоянные усилия, прилагаемые профессором политической теории, чтобы понять мир, подчеркивают, что она рассматривала деятельность мышления как политическую деятельность. Поэтому она стремилась возражать, как она говорила, основанной Платоном философской традиции, согласно которой мышление есть созерцательная деятельность, избавленная от необходимости проверки реальностью. Так, мы видим, как вырисовывается политический проект Арендт: основать новую политическую философию, в которой мышление противопоставляет разум действию. Но это, очевидно, другой вопрос.

В итоге любовь (*эрос*), согласно Арендт, закладывает основу деятельности мышления, то есть она приводит в движение два-в-одном, которое ищет значения с целью понять изначальный смысл объекта мышления. Этот поиск происходит потому, что любовь всегда ищет то, чего ей не хватает. Любовь не является полнотой, но мышлением об отсутствии. Именно любовь к деятельности мышления заставляет мыслить о том, что мы делаем. Тот, кто воодушевлен сократической любовью, мыслит глубже. С другой стороны, любовь (*love*) к политической свободе, будучи энергетическим принципом *par excellence* в опыте действия, конституирует не только условие эмансипации от необходимости, от социального вопроса, но она, согласно Арендт, представляет собой также условие для создания политической жизни. Именно будучи влюбленным в политическую свободу, мы сможем действовать согласованно с себе подобными. Эта любовь к свободе равным образом является принципом, учреждающим новое начало; она также есть то, что ломает линейный ход истории. Чтобы ускользнуть от исторической необходимости, нужно броситься в действие. Любовь к политической свободе и любовь к мышлению, в конечном счете, обосновывает у Арендт идею политической человечности. Нелишне вспоминать эти арендтовские тезисы, так как во времена, когда любовь определяется исключительно как любовь-страсть, как интимная любовь, полезно читать автора, который, отказываясь сводить политику лишь к добрым чувствам, стремится разрабатывать политику, основанную на *эросе*.

Примечания

¹ Первые строки стихотворения В. Блейка *Love's Secret* в переводе К. Бальмонта [прим. переводчика].

² Согласно М.-Л. В. Де Лоне и А. Энегре, две строки, при-водимые Арндт, взяты из стихотворения Блейка из Манускрипта Россетти [подробнее см.: 3, р. 26, прим. 7].

³ *Θαυμάσιον* (др.-греч.) — удивление, изумление, восхищение [прим. переводчика].

⁴ В русском переводе: «Следовательно, и этот человек, и всякий другой желает того, чего нет налицо, чего он не имеет, что не есть он сам и в чем испытывает нужду, и предметы, вызывающие любовь и желание, именно таковы?» [10, с. 110; прим. переводчика].

⁵ Аристофан, однако, находится в согласии с Сократом в том, что любовь есть желание [11, фраг. 193а].

⁶ В русском переводе: «слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо» [10, с. 101; прим. переводчика].

⁷ Что касается связи мышления с сократовским *эросом*, следует отметить, что Арндт наверняка извлекла пользу из курса лекций *Misery and Grandeur of the Metaphysical Eros. On the Concept of philosophical Love*, который прочитал ее второй муж Генрих Блюхер в Бард-колледже в 1950-е годы. Рукопись этого курса недоступна, но недавняя публикация курса Блюхера под названием *Common Course* показывает, что понятие сократовского *эроса* было весьма привычным для второго мужа Арндт. Относительно курса лекций об *Эросе* см. в *Переписке Ханны Арндт с Генрихом Блюхером* письмо, датированное 17 мая 1952 годом [13, р. 242–243, прим. 1]; о *Common Course* см. там же [13, р. 519–530].

⁸ Об августиновской любви см. работу Рональда Бейнера [16].

⁹ Заголовок статьи добавлен журналом.

¹⁰ Перевод изменен.

¹¹ Это отсылка к работе М. Хайдеггера *Aus der Erfahrung des Denkens* (1947): «Wenige sind erfahren genug im Unterschied zwischen einem gelehrten Gegenstand und einer gedachten Sache» [прим. переводчика].

¹² См. текст М. Хайдеггера *Der Feldweg* (1949) [прим. переводчика].

¹³ Для более детального анализа влияния мышления Хайдеггера на Арндт см. работу Ж. Таминьо [32].

¹⁴ Существует русский перевод данной книги [33; прим. переводчика].

¹⁵ Хайдеггер также воспроизводит обе строфы стихотворения Гёддерлина и в своем небольшом эссе (лекции) под тем же самым заглавием *Was heißt Denken?* [34, р. 163; русский перевод см.: 35].

¹⁶ В данном случае речь идет не о тексте книги, а о тексте его эссе (лекции). Во французском переводе, как и в русском, эти две работы Хайдеггера получили разные названия — *Qu'appelle-t-on penser?* (*Что зовется мышлением?*) и *Que veut dire penser* (*Что значит мыслить?*) [прим. переводчика].

¹⁷ Хайдеггеровское понятие *das Man* [прим. переводчика].

¹⁸ В русском переводе поэта А. Усова цитируемая строка из *Аминта* выглядит следующим образом: «Тех, кто отдался любви, может ли жизнь удержать?» [прим. переводчика].

¹⁹ По словам Урсулы Людц, издателя работы Арндт, выделенная фраза «возможно, была вдохновлена» строками Гете.

²⁰ В английском оригинале этого текста Арндт дается буквальный перевод этого латинского выражения — «new order of the ages», который был и выбран в качестве переводческого решения. В тексте же данной статьи используется «un nouvel âge du temps», то есть буквально «новый век времен» [прим. переводчика].

²¹ Мы здесь берем французский перевод М. Брена, Ж. Бюро и А. Энегре [44], вместо варианта М.-И. Лоне, которая в своем переводе того же самого текста Арндт *Compréhension et politique*, изданном в сборнике *La nature du totalitarisme* [19, р. 159], предлагает формулировку «интеллектуальное сердце»

[*coeur intelligent*]. Нам кажется важным провести различие между интеллектом и пониманием у Арндт. Мы видели, что первый относится к познанию, тогда как второе — к мышлению. Понимание является, «на самом деле, функцией ума [*esprit*], но никогда не автоматическим результатом интеллекта» [45, р. 342].

²² Мы понимаем это слово в смысле, который ему придал Райнер Шюрман: «Анархия... это название для истории, которая затронула основу действия, истории, в которой фундамент рассыпается, и когда замечают, что принцип сплоченности, будь то авторитарный или рациональный, — это не более чем белое пространство без законодательной власти над жизнью» [48, р. 16].

²³ Вот этот фрагмент в переводе Б. Пастернака: «Я все еще не вырвался из пут! / О, если бы мне магию забыть, / Заклятий больше не произносить, / О, если бы, с природой наравне, / Быть человеком, человеком мне!» [прим. переводчика].

²⁴ Этот эпиграф отсутствует во французском издании.

Список источников

- Scholem G. Le procès Eichmann: un débat avec Hannah Arendt / trad. de l'hébr. M. Delmote, B. Dupuy // *Fidélité et utopie. Essais sur le judaïsme contemporain*. Paris: Calmann-Lévy, 1978. P. 213–228.
- Arendt H. Condition de l'homme moderne / trad. de l'angl. G. Fradier. Paris: Presses Pocket, 1983. 406 p.
- Arendt H. Le grand jeu du monde / trad. de l'angl. M.-I. B. de Launay, A. Enegrén // *Esprit*. 1982. № 67/68(7/8). P. 21–29.
- Collin F. Du privé et du public // *Les Cahiers du GRIF*. 1986. № 33. P. 47–68. DOI: 10.3406/grif.1986.1682.
- Kateb G. Freedom and worldliness in the thought of Hannah Arendt // *Political Theory*. 1977. Vol. 5, № 2. P. 141–182. DOI: 10.1177/009059177700500202.
- Kateb G. Hannah Arendt: politics, conscience, evil. New Jersey: Rourman and Allanheld, 1984. 204 p.
- Arendt H. Seule demeure la langue maternelle / trad. de l'angl. S. Courtine-Denamy // *La tradition cachée: le Juif comme paria*. Paris: Bourgois, 1987. P. 221–256.
- Arendt H. La vie de l'esprit 1: La pensée / trad. de l'angl. L. Lotringer. Paris: PUF, 1981. 244 p.
- Arendt H. Philosophie et politique / trad. de l'angl. F. Collin // *Les Cahiers du GRIF*. 1986. № 33. P. 84–94. DOI: 10.3406/grif.1986.1687.
- Платон. Пир / пер. с др.-греч. С. Апта // *Собрание сочинений*. В 4 т. Москва: Мысль, 1993. Т. 2. С. 81–134.
- Platon. Le Banquet / trad. de grec anc. P. Vicaire // *Euvres complètes*. Paris: Les Belles Lettres, 1989. T. IV. 307 p.
- Arendt H. Considérations morales / trad. de l'angl. M. Ducassou, D. Maes. Paris: Payot, 1996. 77 p.
- Correspondance Hannah Arendt — Heinrich Blücher 1936–1968 / trad. de l'all. A.-S. Astrup. Paris: Calmann-Lévy, 1999. 545 p.
- Arendt H. Le concept d'amour chez Augustin: Essai d'interprétation philosophique / trad. de l'all. par A.-S. Astrup. Paris: Deux temps Tierce, 1991. 189 p.
- Arendt H. La vie de l'esprit 2: Le vouloir / trad. de l'angl. L. Lotringer. Paris: PUF, 1983. 270 p.
- Beiner R. Love and worldliness: Hannah Arendt's reading of Saint Augustine // *Hannah Arendt twenty years later* / Eds. L. May, J. Kohn. Cambridge: MIT Press, 1996. P. 269–284.
- Arendt H. Une situation de crise / trad. de l'angl. F. Collin // *Les Cahiers du GRIF*. 1986. № 33. P. 141–150.
- Arendt H. De l'humanité dans de «sombres temps» / trad. de l'angl. E. Adda [et al.] // *Vies politiques. De l'humanité dans de sombres temps*. Paris: Gallimard, 1974. P. 11–41.
- Arendt H. Compréhension et politique / trad. de l'angl. par M.-I. B. de Launay // *La nature du totalitarisme*. Paris: Payot, 1990. P. 139–168.

20. Poirié F. Emmanuel Lévinas. Essai et entretiens. Paris: Actes Sud, 1996. 210 p.
21. Lévinas E. Le Temps et l'autre. Paris: PUF, 1983. 92 p.
22. Kearney R. De la phénoménologie à l'éthique. Entretien avec Emmanuel Lévinas / trad. de l'angl. A. Bernard-Kearney // Esprit. 1997. № 234 (7). P. 121–140.
23. Arendt H. Travail, œuvre, action / trad. de l'angl. A. Münster // Études phénoménologiques. 1985. Vol. 1, № 2. P. 3–26. DOI: 10.5840/etudphen1985121.
24. Arendt H. Qu'est-ce que la politique? / trad. de l'all. S. Courtine-Denamy. Paris: Seuil, 1995. 195 p.
25. Lévinas E. Éthique et infini. Dialogues avec Philippe Nemo. Paris: Fayard, 1982. 143 p.
26. Arendt H. Reflections: remembering Wystan H. Auden // The New Yorker. 1975. P. 39–46.
27. Arendt H., Stern G. Les élégies de Duino / trad. de l'all. A.-S. Astrup, C. Lutz // Poésie. 1986. № 38. P. 37–52.
28. Heidegger M. Le principe de raison / trad. de l'all. A. Préau. Paris: Gallimard, 1962. 270 p.
29. Arendt H. Heidegger a quatre-vingts ans / trad. de l'all. E. Adda [et al.] // Vies politiques. De l'humanité dans de sombres temps. Paris: Gallimard, 1974. P. 307–320.
30. Heidegger M. L'Expérience de la pensée / trad. de l'all. A. Préau // Questions III. Paris: Gallimard, 1966. P. 17–41.
31. Heidegger M. Qu'appelle-t-on penser? / trad. de l'all. G. Granel. Paris: PUF, 1959. 263 p.
32. Taminiaux J. La fille de Thrace et le penseur professionnel: Arendt et Heidegger. Paris: Payot, 1992. 246 p.
33. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Н. Сагетдинова. Москва: Академический Проект, 2007. 351 с.
34. Heidegger M. Que veut dire penser / trad. de l'all. A. Préau // Essais et conférences. Paris: Gallimard, 1958. P. 151–169.
35. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / пер. с нем. А. С. Солодовниковой // Разговор на проселочной дороге: Сборник / Ред. А. Л. Доброхотов. Москва: Высшая школа, 1992. С. 134–145.
36. Arendt H. Epilogue: Reflections on the Hungarian Revolution // The Origins of Totalitarianism. Cleveland: Meridan Book, 1958. P. 480–510.
37. Hannah Arendt on Hannah Arendt // Hannah Arendt: The Recovery of the Public World. New York: St. Martin's Press, 1979. P. 301–339.
38. Arendt H. La guerre froide et l'Occident / trad. de l'angl. C. Habib // Penser l'événement: recueil d'articles politiques. Paris: Belin, 1989. 268 p.
39. Arendt H. L'impérialisme / trad. de l'angl. M. Leiris. Paris: Seuil, 1984. 348 p.
40. Arendt H. Jüger. Sur la philosophie politique de Kant / trad. de l'angl. M. R. d'Allonnes. Paris: Seuil, 1991. 256 p.
41. Arendt H. La nature du totalitarisme. Essai sur la compréhension / trad. de l'angl. M.-I. Brudny // La nature du totalitarisme. Paris: Payot, 1990. P. 11–138.
42. Arendt H. Du mensonge à la violence: Essais de politique contemporaine / trad. de l'angl. G. Durand. Paris: Calmann-Lévy, 1972. 261 p.
43. Arendt H. Le système totalitaire / trad. de l'angl. J.-L. Bourget, R. Davreu, P. Lévy. Paris: Seuil, 1972. 313 p.
44. Arendt H. Compréhension et politique / trad. de l'angl. M. Brenas, J. Bureau, A. Enegrén // Esprit. 1980. Vol. 42. P. 66–79.
45. Arendt H. La conquête de l'espace et la dimension de l'homme / trad. de l'angl. P. Lévy // La crise de la culture. Paris: Gallimard, 1989. P. 337–355.
46. Arendt H. Qu'est-ce que la liberté? / trad. de l'angl. P. Lévy // La crise de la culture. Paris: Gallimard, 1989. 384 p. P. 186–222.
47. Arendt H. Religion et politique / trad. de l'angl. M.-I. Brudny // La nature du totalitarisme. Paris: Payot, 1990. P. 139–168.
48. Schürmann R. Le Principe d'anarchie: Heidegger et la question de l'agir. Paris: Seuil, 1982. 384 p.
49. Arendt H. Lectures on Kant's political philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 174 p.

Сведения о переводчике

ЖАРИНОВ Семен Александрович, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Париж, Франция.

SPIN-код: 8228-4085

AuthorID (РИНЦ): 935913

Адрес для переписки: shimonzharinov@gmail.com

Источник перевода:

Moreault F. Hannah Arendt: Erôs de la liberté de penser et amour de la liberté politique // Horizons philosophiques. 2001. Vol. 11, no. 2. P. 109–129. DOI: 10.7202/801185ar.

Ссылка на полный текст статьи: <https://doi.org/10.7202/801185ar>.

Для цитирования

Моро Ф. Ханна Арент: Эрос к свободе мышления и любовь к политической свободе = Moreault F. Hannah Arendt: Erôs de la liberté de penser et amour de la liberté politique / пер. с фр. С. А. Жаринова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 132–143. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-132-143. EDN: GWKFFH.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024 г.

© Ф. Моро

HANNAH ARENDT: EROS FOR FREEDOM OF THOUGHT AND LOVE FOR POLITICAL FREEDOM

The article examines the concept of love in the political theory of Hannah Arendt. The author focuses not on love-passion, which is limited to the private sphere, but on political love, which Arendt presents in two forms associated with two forms of freedom: love for freedom of thought and love for political freedom. The author shows how Arendt, based on Socrates' reflections on *eros* as a desire for what is lacking and his «two-in-one» principle, develops her own concept of the activity of thinking, aimed not at knowing the object, but at understanding it, and based not on unity, but on plurality. Thinking about freedom in this context turns out to be thinking about an object worthy of love in order to understand its meaning. The author also analyzes Arendt's concept of political action, the principle of which is similarly *eros* — love for political freedom. In the course of the text, the author compares Arendt's ideas with the ideas of Socrates, Augustine, Montesquieu, Kant, Levinas and Heidegger. In addition, Arendt's appeal to the poetic works of Goethe and Rilke is considered.

Keywords: love, eros, freedom of thought, political freedom, Arendt.

References

1. Scholem G. Le procès Eichmann: un débat avec Hannah Arendt [The Eichmann Trial: a debate with Hannah Arendt] / trans. from Hebr. by M. Delmotte, B. Dupuy // *Fidélité et utopie. Essais sur le judaïsme contemporain [Loyalty and utopia. Essays on contemporary Judaism]*. Paris: Calmann-Lévy, 1978. P. 213–228. (In Fr.).
2. Arendt H. Condition de l'homme moderne [The human condition] / trans. from Engl. by G. Fradier. Paris: Presses Pocket, 1983. 406 p. (In Fr.).
3. Arendt H. Le grand jeu du monde [The great game of the world] / trans. from Engl. by M.-I. B. de Launay, A. Enegrén. *Esprit*. 1982. No. 67/68(7/8). P. 21–29. (In Fr.).
4. Collin F. Du privé et du public [Private and public]. *Les Cahiers du GRIF*. 1986. No. 33. P. 47–68. DOI: 10.3406/grif.1986.1682. (In Fr.).
5. Kateb G. Freedom and worldliness in the thought of Hannah Arendt. *Political Theory*. 1977. Vol. 5, no. 2. P. 141–182. DOI: 10.1177/009059177700500202. (In Engl.).
6. Kateb G. Hannah Arendt: politics, conscience, evil. New Jersey: Rourman and Allanheld, 1984. 204 p. (In Engl.).
7. Arendt H. Seule demeure la langue maternelle [The language remains] / trans. from Engl. by S. Courtine-Denamy // *La tradition cachée: le Juif comme pariah [The Jew as Pariah: A Hidden Tradition]*. Paris: Bourgois, 1987. P. 221–256. (In Fr.).
8. Arendt H. La vie de l'esprit 1: La pensée [Life of the mind. Vol. 1: Thinking] / trans. from Engl. by L. Lotringer. Paris: PUF, 1981. 244 p. (In Fr.).
9. Arendt H. Philosophie et politique [Philosophy and politics] / trans. from Engl. by F. Collin. *Les Cahiers du GRIF*. 1986. No. 33. P. 84–94. DOI: 10.3406/grif.1986.1687. (In Fr.).
10. Plato. Pir [Symposium] / trans. from Old Gr. S. Apt // *Sobraniye sochineniy v 4 t. T. 2. [Collected works. In 4 vols.]*. Moscow, 1993. Vol. 2. P. 81–134. (In Russ.).
11. Plato. Le Banquet [Symposium] / trad. de grec anc. P. Vicaire // *Œuvres complètes [Complete set of works.]* Paris: Les Belles Lettres, 1989. Vol. IV. 307 p. (In Fr.).
12. Arendt H. Considérations morales [Thinking and moral considerations: a lecture] / trans. from Engl. by M. Ducassou, D. Maes. Paris: Payot, 1996. 77 p. (In Fr.).
13. Correspondance Hannah Arendt — Heinrich Blücher 1936–1968 [Correspondence Hannah Arendt — Heinrich Blücher 1936–1968] / trans. from Germ. A.-S. Astrup. Paris: Calmann-Lévy, 1999. 545 p. (In Fr.).
14. Arendt H. Le concept d'amour chez Augustin: Essai d'interprétation philosophique [Love and Saint Augustine] / trans. from Germ. A.-S. Astrup. Paris: Deux temps Tierce, 1991. 189 p. (In Fr.).
15. Arendt H. La vie de l'esprit 2: Le vouloir [Life of the mind. Vol. 2: Willing] / trans. from Engl. L. Lotringer. Paris: PUF, 1983. 270 p. (In Fr.).
16. Beiner R. Love and worldliness: Hannah Arendt's reading of Saint Augustine // *Hannah Arendt twenty years later* / Eds. L. May, J. Kohn. Cambridge: MIT Press, 1996. P. 269–284. (In Engl.).
17. Arendt H. Une situation de crise / trad. de l'angl. F. Collin. *Les Cahiers du GRIF*. 1986. No. 33. P. 141–150. (In Fr.).

18. Arendt H. De l'humanité dans de «sombres temps» [On humanity in dark times: thoughts about lessing] / trans. from Engl. E. Adda [et al.] // *Vies politiques. De l'humanité dans de sombres temps* [Men in dark times]. Paris: Gallimard, 1974. P. 11–41. (In Fr.).
19. Arendt H. Compréhension et politique [Understanding and politics] / trans. from Engl. M.-I. B. de Launay // *La nature du totalitarisme* [On the nature of totalitarianism]. Paris: Payot, 1990. P. 139–168. (In Fr.).
20. Poirié F. Emmanuel Lévinas. Essai et entretiens [Emmanuel Lévinas. Essay and interviews]. Paris: Actes Sud, 1996. 210 p. (In Fr.).
21. Lévinas E. Le Temps et l'autre [Time and the other]. Paris: PUF, 1983. 92 p. (In Fr.).
22. Kearney R. De la phénoménologie à l'éthique. Entretien avec Emmanuel Lévinas [From phenomenology to ethics. Interview with Emmanuel Lévinas] / trans. from Engl. A. Bernard-Kearney. *Esprit*. 1997. No. 234 (7). P. 121–140. (In Fr.).
23. Arendt H. Travail, œuvre, action [Labour, work and action] / trans. from Engl. A. Münster. *Études Phénoménologiques*. 1985. Vol. 1, no. 2. P. 3–26. DOI: 10.5840/etudphen1985121. (In Fr.).
24. Arendt H. Qu'est-ce que la politique? [On lying and politics] / trans. from Germ. S. Courtine-Denamy. Paris: Seuil, 1995. 195 p. (In Fr.).
25. Lévinas E. Éthique et infini. Dialogues avec Philippe Nemo [Ethics and infinity: conversations with Philippe Nemo]. Paris: Fayard, 1982. 143 p. (In Fr.).
26. Arendt H. Reflections: remembering Wystan H. Auden. *The New Yorker*. 1975. P. 39–46. (In Engl.).
27. Arendt H., Stern G. Les élégies de Duino [Rilke's Duino Elegies] / trans. from Germ. A.-S. Astrup, C. Lutz. *Poésie*. 1986. No. 38. P. 37–52. (In Fr.).
28. Heidegger M. Le principe de raison [The principle of reason] / trans. from Germ. A. Préau. Paris: Gallimard, 1962. 270 p. (In Fr.).
29. Arendt H. Heidegger a quatre-vingts ans [Martin Heidegger at eighty] / trans. from Germ. E. Adda and others // *Vies politiques. De l'humanité dans de sombres temps* [Men in dark times]. Paris: Gallimard, 1974. P. 307–320. (In Fr.).
30. Heidegger M. L'Expérience de la pensée [The experience of thought] / trans. from Germ. A. Préau // *Questions III*. Paris: Gallimard, 1966. P. 17–41. (In Fr.).
31. Heidegger M. Qu'appelle-t-on penser? [What is called thinking?] / trans. from Germ. G. Granel. Paris: PUF, 1959. 263 p. (In Fr.).
32. Taminiaux J. La fille de Thrace et le penseur professionnel: Arendt et Heidegger [The daughter of thrace and the professional thinker: Arendt and Heidegger]. Paris: Payot, 1992. 246 p. (In Fr.).
33. Heidegger M. Chto zovetsya myshleniyem? [What is called thinking?] / trans. from Germ. E. N. Sagetdinov. Moscow, 2007. 351 p. (In Russ.).
34. Heidegger M. Que veut dire penser [What does thinking mean?] / trans. from Germ. A. Préau // *Essais et conférences*. Paris: Gallimard, 1958. P. 151–169. (In Fr.).
35. Heidegger M. Chto znachit myslit'? [What does thinking mean?] / trans. from Germ. A. S. Solodovnikova // *Razgovor na proselochnoy doroge: Sbornik* [Country path conversations] / Ed. A. L. Dobrokhotov. Moscow, 1992. P. 134–145. (In Russ.).
36. Arendt H. Epilogue: Reflections on the Hungarian Revolution // *The origins of totalitarianism*. Cleveland: Meridan Book, 1958. P. 480–510. (In Engl.).
37. Hannah Arendt on Hannah Arendt // *Hannah Arendt: the recovery of the public world*. New York: St. Martin's Press, 1979. P. 301–339. (In Engl.).
38. Arendt H. La guerre froide et l'Occident [The Cold War and the West] / trans. from Engl. C. Habib // *Penser l'événement: recueil d'articles politiques* [Reflecting on the event: a collection of political articles]. Paris: Belin, 1989. 268 p. (In Fr.).
39. Arendt H. L'impérialisme [Imperialism: part two of the origins of totalitarianism] / trans. from Engl. M. Leiris. Paris: Seuil, 1984. 348 p. (In Fr.).
40. Arendt H. Juger. Sur la philosophie politique de Kant [Lectures on Kant's political philosophy] / trans. from Engl. M. R. d'Allonnes. Paris: Seuil, 1991. 256 p. (In Fr.).
41. Arendt H. La nature du totalitarisme. Essai sur la compréhension [On the nature of totalitarianism: an essay in understanding] / trans. from Engl. M.-I. Brudny // *La nature du totalitarisme* [On the nature of totalitarianism]. Paris: Payot, 1990. P. 11–138. (In Fr.).
42. Arendt H. Du mensonge à la violence: Essais de politique contemporaine [Crisis of the Republic] / trans. from Engl. G. Durand. Paris: Calmann-Lévy, 1972. 261 p. (In Fr.).
43. Arendt H. Le système totalitaire [Totalitarianism: part three of the origins of totalitarianism] / trans. from Engl. J.-L. Bourget, R. Davreu, P. Lévy. Paris: Seuil, 1972. 313 p. (In Fr.).
44. Arendt H. Compréhension et politique [Understanding and politics] / trans. from Engl. M. Brenas, J. Bureau, A. Enegrén. *Esprit*. 1980. Vol. 42. P. 66–79. (In Fr.).
45. Arendt H. La conquête de l'espace et la dimension de l'homme [The conquest of space and the stature of man] / trans. from Engl. P. Lévy // *La crise de la culture* [Crisis in the Culture]. Paris: Gallimard, 1989. P. 337–355. (In Fr.).
46. Arendt H. Qu'est-ce que la liberté? [What is freedom?] / trans. from Engl. P. Lévy // *La crise de la culture* [Crisis in the culture]. Paris: Gallimard, 1989. 384 p. P. 186–222. (In Fr.).
47. Arendt H. Religion et politique [Religion and politics] / trans. from Engl. M.-I. Brudny // *La nature du totalitarisme* [On the nature of totalitarianism]. Paris: Payot, 1990. P. 139–168. (In Fr.).
48. Schürmann R. Le Principe d'anarchie: Heidegger et la question de l'agir [Heidegger on being and acting: from principles to anarchy]. Paris: Seuil, 1982. 384 p. (In Fr.).
49. Arendt H. Lectures on Kant's political philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 174 p. (In Engl.).

About the translator

ZHARINOV Semen Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Independent Researcher, Paris, France.

SPIN-code: 8228-4085

AuthorID (RSCI): 935913

Correspondence address: shimonzharinov@gmail.com

For citations

Moreault F. Hannah Arendt: Eros for freedom of thought and love for political freedom = Hannah Arendt: Erôs de la liberté de penser et amour de la liberté politique / trans. from Fr. S. A. Zharinov. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 132–143. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-132-143. EDN: GWEKFFH.

Received November 21, 2024.

© F. Moreault

УДК 81:1
 DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-144-152
 EDN: XNTKDW

ДЖ. О. УРМСОН

Колледж Корпус-Кристи,
 Оксфордский университет,
 Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

А. В. НЕХАЕВ¹

И. Н. НЕХАЕВА²

¹Омский государственный
 технический университет,
 г. Омск

²Тюменский
 государственный университет,
 г. Тюмень

ПОЛИМОРФНЫЕ ПОНЯТИЯ

В статье предпринимается попытка прояснить критерии выделенного Райлом класса полиморфных понятий. Парадигмальными примерами данного класса Райл называет такие понятия, как *работать* и *мыслить*. Общей характерной чертой полиморфных понятий принято считать то, что в пропозициях вида 'А выполняет X' вместо X всегда можно подставить конкретные виды деятельности, но ни один из них не является тем видом деятельности, каждый случай которого обязательно будет X-остью.

Ключевые слова: Гилберт Райл, концептуальный анализ, необходимые и достаточные условия применения понятия, полиморфные понятия, мышление.

Немногие философы могут похвастаться большей плодотворностью, чем Гилберт Райл, в вопросе выявления групп понятий с примечательным набором характеристик, их последующего крещения и введения в оборот. В своем докладе на симпозиуме *Мышление и язык*, прочитанном на совместной сессии Аристотелевского общества и Ассоциации Mind в 1951 году, он обнаружил и ввел в оборот полиморфные понятия. Чтобы напомнить читателям о том, какое Райл дал описание полиморфным понятиям, будет нелишним процитировать три абзаца из его доклада¹ [4, р. 68–69].

На вопрос 'Из чего состоит работа?', мы тут же возразим, что общего ответа на него не существует. Одни виды работ выполняются с помощью одних видов инструментов, другие — с помощью других. Хотя одна и та же работа иногда может быть выполнена и с помощью альтернативных инструментов. Некоторые виды работ вообще не требуют никаких инструментов. Танцовщица использует свои конечности, но ее конечности не являются инструментами. Директор школы может выполнять свою работу, лишившись своих рук, ног или глаз. Некоторые виды работ выполняются с помощью специальных

материалов, вроде веревок или каррарского мрамора. Хотя такая работа может выполняться и с помощью других материалов, а для некоторой работы материалы и вовсе не нужны. Натурщице художника даже не нужно делать свою работу. Ей могут платить просто за то, что она спит или раскладывает псыанс в студии художника. Полицейский во время дежурства на своем участке не должен совершать никаких действий, тайных или явных, которые он не совершал бы, прогуливаясь по тем же самым улицам после окончания своей смены. Не вся работа платная; не вся работа неприятная; не вся работа утомительная. Профессиональному футболисту на своей работе не нужно делать, думать или переживать нечто, что не могло бы быть сделано, подумано или пережито обычным любителем во время игры. *Работа* — это полиморфное понятие. Нет ничего, что с необходимостью должно было бы происходить на одной работе, и что с необходимостью должно было бы происходить на другой. Нет ничего, что отвечало бы общему описанию 'из чего состоит работа'. Тем не менее каждая конкретная работа поддается описанию. Работнику можно сказать, что он должен делать

Понятия *бороться*, *торговать*, *играть*, *заниматься домоводством* и *заниматься фермерством* тоже являются полиморфными понятиями, тогда как понятия *боксировать* и *собирать яблоки* практически неполоморфны.

Понятие *мыслить* полиморфно. Не существует общего ответа на вопрос 'Из чего состоит мышление?'. Есть множество самых разных видов упорного труда и праздного безделья, в которых принимает участие всякий, кто мыслит. И все же ни с одним из мыслящих не должно происходить ничего такого, чего того же вида или рода не должно происходить с другим. При занятиях счетом нужны определенные специфические виды событий, тогда как в момент мышления может происходить любое из множества разнородных событий. Есть сотни самых разных операций, включая сбор яблок, выполнение которых означает занятие фермерством; точно так же, как есть множество самых разных операций, включая умножение, и все они являются надлежащими образцами мышления.

Рассмотрим изречение о том, что при мышлении душа разговаривает сама с собой. Очевидно, оно в равной степени является и слишком широким, и слишком узким. Роль актера может крутиться в его голове, пока он ест и ходит, даже если ему хотелось бы, чтобы это прекратилось. В моменты, когда актер сознательно не репетирует свою роль и не размышляет над достоинствами и недостатками доставшихся ему сценарных реплик, он может отрицать, что мыслит, хотя при этом и допускать, что про себя проговаривает какие-то важные вещи. И напротив, поэт, эссеист или философ может из всех сил пытаться подобрать нужные слова, фразы или аргументы, хотя момент, когда он размышляет над тем, что сказать, является моментом, в который ему еще просто нечего сказать. В некоторых наших размышлениях душа только нечто невнятное борочет себе под нос.

Мое предложение состоит в том, чтобы не нападать или защищать, а взглянуть повнимательнее на представленное Райлом техническое понятие. Что бы там ни говорили об этикете, я считаю правильным и уместным смотреть в зубы дареной философской лошади. В данном случае это было бы особенно желательным, так как, вполне естественно, что в цитируемом выше докладе Райл не развивает свое техническое понятие сверх того, что было необходимо для его применения к проблемам, поднятым его коллегами по симпозиуму.

Если внимательно изучить то, что говорит Райл, то совершенно неясно, как он хотел бы охарактеризовать полиморфные понятия. Иногда может показаться, что понятие, к примеру, понятие X-ности, полиморфно, если нет общего ответа на вопрос 'Из чего состоит X-ность?'. Давайте для синтаксического удобства введем выражение 'содержание действия' как эквивалент выражения 'то, из чего состоит действие'. Тогда может показаться, что понятие X-ности полиморфно, если не существует никакого содержания действия, которое являлось бы одновременно необходимым и достаточным условием X-ности. Однако если то, из чего состоит действие, составляет контраст (что, по-видимому, обычно и бывает) с такими вещами, как контекст, конкретное обстоятельство и намерение исполнения, статус агента, соответствующие социальные и правовые обычаи и тому подобным, тогда просто не существует такого содержания действия, которое является необходимым и достаточным ус-

ловием подавляющего большинства наших понятий действия. Рассмотрим понятия действия, выраженные в английском языке словами, начинающимися с 'ab...': *abandon* (покидать), *abbreviate* (урезать), *abdicate* (отрекаться), *abduct* (умыкать), *abet* (подстрекать), *abjure* (отказываться), *abolish* (отменять), *abridge* (убавлять), *abrogate* (упразднить), *abscond* (укрывать), *absolve* (освобождать), и *abuse* (поносить); очевидно и безо всяких споров ясно, что содержание действия ни в одном из этих случаев не является необходимым и достаточным условием их применения. Не может быть такого, чтобы Райл хотел выделить столь широко распространенную характеристику.

Давайте начнем сначала. Сказав, что *работа* — это полиморфное понятие, Райл добавляет: «Нет ничего, что с необходимостью должно было бы происходить на одной работе и что с необходимостью должно было бы происходить на другой. Нет ничего, что отвечало бы общему описанию 'из чего состоит работа'» [4, р. 68]. Если считать это удовлетворительной характеристикой полиморфного понятия, тогда получается, что Райл рассматривает понятие как полиморфное не потому, что не существует содержания действия, которое является одновременно необходимым и достаточным условием его применения, а потому что нет такого содержания действия, которое было хотя бы необходимым условием. Очевидно, что критерий, согласно которому не существует такого содержания действия, что было бы необходимым условием применения понятия, выделяет меньший класс понятий, чем критерий, согласно которому никакое содержание действия не является одновременно его необходимым и достаточным условием; к примеру, спешка удовлетворяет второму критерию, но не первому, поскольку быстрота движений является необходимым, но не достаточным условием спешки. Таким образом, согласно критерию, который мы в настоящий момент рассматриваем, понятие *спешить* (*hurrying*) не является полиморфным, но, как и большинство других понятий, оно было бы таковым по критерию, который мы рассматривали выше.

Возможно, данная интерпретация того, что именно имел в виду Райл, лучше всего подходит для ярлыка 'полиморфный'; полиморфным будет то, что может принимать различные формы, и при этом никакая форма для него не является необходимой. Но на самом деле трудно поверить, что Райл имел в виду именно это. Мало того, что такая интерпретация по-прежнему охватывает очень широкий и разнородный класс понятий; намного важнее, что она делает многие из его примеров, которые он приводит в качестве пояснений, просто нерелевантными. В частности, Райл говорит: «Полицейский во время дежурства на своем участке не должен совершать никаких действий, тайных или явных, которые он не совершал бы, прогуливаясь по тем же самым улицам после окончания своей смены» [4, р. 68]; и затем ниже добавляет: «Профессиональному футболисту на своей работе не нужно делать, думать или переживать нечто, что не могло бы быть сделано, подумано или пережито обычным любителем во время игры» [4, р. 68]. Но ведь эти примеры не имеют отношения к демонстрации того, что содержание действия не является необходимым условием работы; они явно предназначены для того, чтобы показать, что упомянутое содержание действия не является достаточным условием работы.

Сходным образом Райл критикует и изречение о том, что в тот момент, когда она мыслит, душа разговаривает сама с собой, опираясь на основание, что «оно в равной степени является и слишком широким, и слишком узким» [4, р. 69]. То, что душа разговаривает сама с собой, не является для мышления ни достаточным условием (благодаря чему изречение оказывается слишком широким), ни хотя бы необходимым условием (благодаря чему изречение оказывается слишком узким).

Поэтому мне кажется, что наиболее правдоподобная интерпретация понятия полиморфности Райла заключается в следующем. Понятие *X*-ности называется полиморфным, если не существует общего ответа на вопрос «Из чего состоит *X*-ность?». Однако у нас могут быть два совершенно разных основания, по которым общий ответ может оказаться невозможным. Первое основание заключается в том, что *X*-ность может состоять из совершенно разных видов деятельности; к примеру, работа может состоять в использовании инструментов или простом нахождении в студии художника. Второе основание заключается в том, что некоторые вполне конкретные действия могут считаться *X*-ностью на каком-то одном фоне, но не на каком-то другом; к примеру, гоняя на стадионе мяч по полю, профессиональный футболист работает, а любитель — нет.

В итоге мы имеем два различных условия полиморфности; понятие *X*-ности может быть либо таким, что:

(1) Никакое содержание действия не является достаточным условием для *X*-ности,

либо таким, что:

(2) Никакое содержание действия не является необходимым условием для *X*-ности.

Я полагаю, что Райл считает понятие полиморфным только в том случае, если оно удовлетворяет сразу обоим этим условиям, а не одному из них. Основания для моей интерпретации таковы: во-первых, и это самое важное, Райл настаивает на том, что оба условия удовлетворяются двумя парадигмальными примерами работы и мышления; во-вторых, она, по крайней мере, ограничивает более узкий класс понятий, чем любая из интерпретаций, о которых мы говорили выше и которые оказались явно слишком широкими. Очевидно, что моя интерпретация накладывает гораздо большие ограничения, чем наше первое предположение о том, что понятие полиморфно, если никакое содержание действия не является одновременно необходимым и достаточным условием *X*-ности. Ведь может быть так, что выполнение движения *A* является необходимым условием *X*-ности, а выполнение движений *B+A* является достаточным условием *X*-ности, хотя ни *A*, ни *A+B* не являются необходимым и достаточным условием *X*-ности, поскольку выполнение движений *A+C* также является достаточным условием *X*-ности. В этом случае понятие *X*-ности было бы полиморфным в соответствии с нашим первым предположением, но не в соответствии с моей интерпретацией.

Такая интерпретация полиморфного понятия вполне могла бы быть верной, даже если бы выяснилось, что в соответствии с ней ни *работать*, ни *мыслить* не являются полиморфными понятиями. Однако здесь мы сразу же сталкиваемся с одной очевидной проблемой. «Не вся работа платная» [4, р. 68], — говорит Райл в процитированном выше фрагменте, что, безусловно, верно. Ведь, разумеется, *написание философской статьи за деньги*

является достаточным условием для работы. Таким образом, если Райл хочет заявить, что *деятельность за деньги* может быть частью описания того, из чего состоит *X*-ность, тогда, очевидно, он должен признать, что мы привели один ясный пример содержания действия, которое является достаточным условием *X*-ности, поэтому *работать* не будет полиморфным понятием в соответствии с моей интерпретацией. Получение платы само по себе не является достаточным условием для работы; если мне выплачивают одновременную сумму в качестве условия, чтобы я воздержался от публикации какой-либо информации, то я не буду считать такое свое действие работой. Очевидно, что получение платы не является и необходимым условием работы. Но написание статей или игра в футбол за деньги непременно является работой, даже если это любимое дело. Мое решение этой проблемы заключается в том, что Райл допускает промашку, когда вводит в разговор словосочетание 'делать это за плату', которое, безусловно, неправильно рассматривать как часть того, в чем состоит действие, то есть как часть того, что происходит. Фраза 'ему за это заплатили' говорит нам о том, что некто сделал не больше, чем фраза 'его за это презирали'.

Давайте тогда предположим, что понятие *X*-ности является полиморфным, если никакое содержание действия не является достаточным условием *X*-ности и никакое содержание действия не является необходимым условием *X*-ности. Как мы увидим ниже, несомненно, существуют понятия, удовлетворяющие обоим этим условиям, независимо от того, должны ли мы включить в их число понятия *мыслить* и *работать*. Выражаясь еще более определенно, можно сказать, что есть множество понятий, удовлетворяющих одному либо другому условию. Возможно, мы прольем свет на полиморфные понятия, удовлетворяющие сразу обоим условиям, если прежде рассмотрим некоторые способы, позволяющие добиться того, чтобы понятие удовлетворяло одному либо другому условию.

Сперва мы рассмотрим понятия действия, для которых некоторое содержание действия является необходимым, но не достаточным условием их применения. Очевидно, что один или несколько наборов условий в совокупности должны быть достаточными для применения любого понятия, чтобы мы были способны знать, что применили его правильно; если бы ни один набор условий не был достаточным для применения понятия *X*-ности, мы в принципе никогда бы не могли с уверенностью сказать о ком-либо, что он совершает *X*-ность, или точно знать, что именно мы утверждаем о нем, когда заявляем, что он совершает *X*-ность. Таким образом, если содержание действия является необходимым, но не достаточным условием *X*-ности, то одним из способов достижения достаточного условия *X*-ности было бы нахождение другого необходимого условия, помимо содержания действия, которое совместно с содержанием действия составляло бы достаточное условие *X*-ности.

Добавочным необходимым условием может быть определенное намерение. К примеру, необходимым условием *обрезки* (*pruning*) является то, что действие должно состоять в срезании веток и сучьев с куста или дерева; но само это действие не является достаточным условием, поскольку я мог бы делать это при сборе роз или заготовке дров для костра, что не считалось бы обрезкой, хотя по чистой случайности я мог бы делать это так, что мои

действия были бы неотличимы от действий самого искусного обрезчика. Чтобы мое действие считалось обрезкой, я должен срезать ветки и сучья с куста или дерева, имея намерение улучшить будущий рост обрезаемых растений. Я думаю, вполне понятно, что *прополка* (weeding) должна заключаться в удалении растений из земли, но еще одним необходимым условием прополки является то, что такое действие должно совершаться с намерением освободить почву от нежелательных растений (так что вынесение некоторого оценочного суждения будет добавочным необходимым условием прополки). Опять же, при *спешке* мы должны двигаться быстро, но делать это нужно ради экономии времени, а не из любви к высоким скоростям или ради тренировки. Нет нужды множить наши примеры и дальше; но можно отметить, что очень многие понятия преступлений подразумевают содержание действия с определенным намерением, — к примеру, кража подразумевает изъятие имущества с намерением навсегда лишить его владельца.

К слову сказать, выше мы заметили, что необходимым условием применения понятия действия может быть то, что агент, к которому она применяется, вынес какое-то ценностное суждение; для прополки я должен считать удаляемые растения сорняками, в противном случае я могу просто прорезивать грядку или собирать растения, чтобы отдать их соседу. Однако необходимым условием применения понятия может быть также и то, что человек, применяющий ее, должен вынести какое-то ценностное суждение. Если я прислушиваюсь к разговору, в котором не участвую, вы скажете, что я *подслушиваю* (eavesdropping), только если решите, что мне не следовало бы этого слышать; если я пробираться сквозь толпу, вы скажете, что я *толкаюсь* (jostling), только если решите, что мне следовало бы быть менее напористым. Положительная оценка сделанного предполагается в случаях, когда говорят о возврате имущества как о *возмещении* (restitution) или об уступке как о *признании вины* (acknowledging). Оценка может также относиться и к мастерству исполнения действия, а не, как в рассмотренных выше примерах, к достоинству участия в нем; сказать, что я *неверно описал* (misdescribed), подразумевает суждение, что я плохо описал, а сказать, что я *мямлил* (gabbling), предполагает, что я плохо говорил. Дальнейшие примеры многочисленны.

Добавочные необходимые условия, помимо содержания действия, вытекают также из статуса агента, того фона, на котором оно совершается, и окружающих его конвенций. Таким образом, всякий, кто умеет говорить, может совершить действие, состоящее в том, чтобы сказать кому-то, что он может что-то сделать; но он будет совершать действие *наделения полномочиями* (authorising) только в том случае, если обладает определенным статусом. Нет нужды подробно останавливаться на этом моменте, ведь Остин предоставил так много отличных примеров в своем исследовании иллокутивной силы высказываний². *Женильба* (marrying) была его любимым парадигмальным примером.

Очевидно, что чисто теоретически не существует верхнего предела для типов добавочных необходимых условий, выходящих за рамки содержания действия, которые могут быть частью достаточного условия применения понятия. Так, у нас есть понятия, которые могут быть применены только к действиям, имеющим определенное содержание и совершаемым в определенное время; мож-

но предположить, что *предоставление ночлега* (noctambulate) и *предоставление завтрака* (breakfast) являются такими примерами (хотя я лично видел в Детройте объявление, гласящее 'завтрак подается весь день и всю ночь'). Но нет смысла пытаться дать исчерпывающий ответ. Гораздо важнее отметить, что теперь мы имеем рецепт создания и, возможно, подсказку для поиска понятий, формально удовлетворяющих критериям полиморфности Райла. Формально, понятие явно должно быть полиморфным, если какое-то одно или несколько необходимых условий, помимо содержания действия, будут рассматриваться как необходимое и достаточное условие его применения. Если какой-то признак, отличный от содержания действия, является необходимым и достаточным условием применения понятия, тогда само это содержание действия, очевидно, не может быть ни тем, ни другим.

Несомненно, мы можем изобрести такие понятия; к примеру, у нас может быть понятие *семичасовости* (seven-o'clocking), необходимым и достаточным условием применения которого стало бы то, что нечто сделанное в рамках такого рода действия непременно должно быть сделано в семь часов. Но нам и не нужно их изобретать, ведь у нас уже есть множество таких понятий. Так, необходимым и достаточным условием *гурного поведения* (misbehaving) является то, что содержание действия, каким бы оно ни было, должно быть чем-то таким, чего не следует делать. Необходимым и достаточным условием *копирования* (copying) является то, что человек должен действовать с намерением создать копию, и какое угодно содержание действия может оказаться либо копированием, либо простым случайным сходством. Понятие *править* (ruling) охватывает любые действия, но только лишь совершенные в силу определенного статуса агента. *Чинить несправедливость* (wronging), *мстить* (taking revenge), *соперничать* (competing), *реагировать* (responding), *помогать* (helping), *грозить* (tantalizing) и *подчиняться* (complying) — вот лишь некоторые из наиболее ярких примеров понятий, для применения которых никакое содержание действия не является ни необходимым, ни достаточным условием.

В ситуации, к которой мы пришли, есть что-то очень тревожное. Когда Райл говорит, что понятие *работать* полиморфно и понятие *мыслить* очень похоже на него, он, кажется, говорит нечто одновременно заманчивое и верное. Но было бы нелепым полагать, что понятие *мыслить* можно каким-то полезным образом сравнить с понятиями *чинить несправедливость* или *мстить*; точно так же, как понятия *чинить несправедливость* и *мстить* нельзя каким-то полезным образом сравнить друг с другом. Очевидно, если мы признаем верность того, что никакое содержание действия не является необходимым или достаточным условием ни мышления, ни работы, это всего лишь включает такие понятия в класс, состав которого очень широк и чрезвычайно разнороден. Таким образом, либо мы все еще неверно понимаем данное Райлом объяснение полиморфного понятия, либо его объяснение недостаточно для того, чтобы мы могли выделить особые характеристики таких понятий, как работа и мышление, которые он имел в виду. Здесь явно есть трудность, которая требует нашего внимания.

Мы признаем, что для того, чтобы понятие было полиморфным, оно должно удовлетворять двум критериям:

(1) Никакое содержание действия не должно быть достаточным условием его применения;

(2) Никакое содержание действия не должно быть необходимым условием его применения.

Мы видели, что первый из этих двух критериев будет удовлетворен, если есть какое-то добавочное необходимое условие, причем такое, что оно и содержание действия совместно будут достаточными для применения понятия (подобно тому, как обрезание ветвей и определенное намерение по отдельности необходимы, а совместно достаточны для применения понятия обрезки). Мы также видели, что первый критерий будет удовлетворен, если существует какое-то условие, отличное от содержания действия, которое является одновременно необходимым и достаточным условием применения понятия (подобно тому, как неуместность поведения является необходимым и достаточным условием применения понятия дурного поведения). Вторым критерием полиморфности является то, что никакое содержание не может быть необходимым условием применения понятия. Очевидно, что этот критерий будет автоматически удовлетворяться всякий раз, когда есть какое-то условие, отличное от содержания действия, которое является как необходимым, так и достаточным условием применения понятия. Отсюда и возникает та неловкая ситуация, в которой мы находимся; второй критерий был тривиализирован, и мы оказались перед бесполезной мешаниной полиморфных понятий.

Может, однако, так случиться, что мы не имеем содержания действия, которое необходимо по причинам, отличным от наличия достаточного условия какого-то другого типа. Аристотель обращает наше внимание на два способа, с помощью которых такое становится возможным, хотя и не приводит конкретных примеров понятий действия, к которым они были бы применимы. Вещи, не принадлежащие к одному и тому же роду, могут называться одним и тем же именем без угрозы возникновения путаницы, если они способствуют достижению одной цели либо вытекают из одного типа ситуаций; любимый пример самого Аристотеля — здоровый человек (центральный пример), здоровая пища, здоровый образ жизни, здоровое место и так далее, которые называются здоровыми, потому что способствуют здоровью здорового человека³; но мы могли бы модернизировать и любой другой пример, используя для этой цели академический мир, деталь одежды, личность и институт. В итоге получается то, что является достаточным условием для применения понятия *здоровый* к пище, не будет необходимым условием для применения этого понятия к человеку. Другой предложенный Аристотелем способ — это то, что он называет *аналогией*⁴. Интеллектуальный аргумент и информация служат пищей, едой или питанием ума, потому что они относятся к уму так же, как органическая материя относится к телу; нота, число, гора — все они высоки, если они находятся в одинаковом отношении к своему окружению. Но высокая нота и высокая гора не имеют общего родового признака. Витгенштейн показал нам еще один способ, с помощью которого не должно быть родовой одинаковости содержания, чтобы оправдать применение одного и того же содержания, когда он обратил наше внимание на феномен семейного сходства; не существует единственного необходимого условия для того, чтобы что-то было игрой, хотя множество самых разных содержаний по отдельности будут яв-

ляться достаточными условиями того, чтобы быть игрой.

Таким образом, нет ничего экзотического в отсутствии необходимого условия для применения понятия. Примеры, которые мы рассматривали в последнем абзаце, разумеется, не были примерами действий; но мы, вероятно, можем найти случаи семейного сходства и среди понятий действия. Возможно, понятие *выбирать* (picking) будет служить одним из них. Кажется, что для выбора не требуется никакого содержания действия, если мы возьмем такие разные случаи, как выбор цветка, победителя, команды и места; если вы просите меня выбрать для вас конкретную розу, вы не просите меня делать какой-либо выбор; если я выбираю победителя и место, то я в обоих случаях выбираю, но я выбираю одно место из многих и пытаюсь выбрать победителя среди проигравших. Тем не менее *выбирать*, несомненно, не является полиморфным понятием, поскольку нетрудно найти содержание действия, которое было бы достаточным условием его применения.

Таким образом, теперь мы нашли два способа, с помощью которых понятие могло бы удовлетворять двум рассматриваемым критериям. В первом случае никакое содержание действия не будет ни необходимым, ни достаточным условием для применения понятия, потому что существует какой-то другой тип необходимого и достаточного условия, как в примере с *дурным поведением*. Этот случай не представляет интереса; как мы видели, он охватывает множество совершенно разнородных понятий. Но есть и другая возможность. Может быть так, что никакое содержание действия не является достаточным, поскольку для применения понятия есть другое необходимое условие, отличное от содержания, и что никакое содержание действия не является необходимым, ведь существует набор различных содержаний действия, связанных семейным сходством или каким-либо еще подобным образом, каждое из которых совместно с другим необходимым условием будет достаточным для применения понятия.

Можем ли мы использовать такую возможность либо ее вариации (которых на самом деле существует множество) для прояснения тех особых характеристик понятий работы и мышления, которые Райл пытался прояснить с помощью своей идеи полиморфного понятия? Прежде чем мы приступим непосредственно к рассмотрению этого вопроса, я хотел бы обратить внимание на одну интересную особенность этих двух понятий.

У работы нет антипода либо чего-то в строгом смысле противоположного; хотя чаще всего она противопоставляется отдыху и досугу. Одним из видов отдыха и досуга Райла является садоводство; я несколько не удивился бы, узнай, что он провел вторую половину дня, работая в саду. Но, возможно, услышав это, мне следовало бы удивиться, ведь если садоводство служит для него видом отдыха и досуга, как может быть такое, чтобы он работал, занимаясь садоводством? Но на самом деле нет ничего странного, когда кто-то говорит, что его любимым видом отдыха является работа в саду. Однако мы все были бы весьма удивлены, если бы профессиональный философ, заполняя одну из утомительных анкет статистиков, включил часы, проведенные им в саду, в свой ответ на вопрос о количестве часов еженедельной работы; и мы были бы шокированы, если бы он отказался от законного

профессионального вызова на том основании, что у него есть другая неотложная работа, зная о том, что эта работа — стрижка газона; если у него есть так много времени для садоводства в течение определенного периода, то именно в этот конкретный период он явно не слишком занят. Разумеется, только для определенных ограниченных целей садоводство профессионального философа может быть названо работой, и что в интересах многих более важных целей оно должно быть противопоставлено его работе. Здесь стоит также отметить, что не всякий вид отдыха, как бы усердно он ни осуществлялся, может быть назван работой. Все хорошо в случае с садоводством, вязанием, плотницким делом и изготовлением ковров; они вполне естественным образом классифицируются как работа; совершенно разумно было бы говорить о ком-то, что он работает над коллекцией марок или над картиной. Но нам бы потребовалось специальное объяснение, если бы мы узнали, что кто-то работает над игрой в лудо⁵ или чтением детектива, или что он работает над загородной прогулкой или игрой в крикет. Несомненно, если я пишу детективную историю, даже ради развлечения, обо мне можно сказать, что я над ней работаю, но явно не тогда, когда я, развалившись в кресле, ее читаю.

Давайте назовем занятия, которые считаются работой во всех стандартных контекстах, первичными видами работы, а те, что будут называться работой лишь в некоторых ограниченных целях, — вторичными видами работы.

Что-то подобное можно обнаружить и в примере с мышлением. Райл вполне справедливо пишет: «Слово 'мышление' не резервировано за видами труда, связанными с попытками что-то решить. Я мыслю, если я прокручиваю в голове судьбу героини романа, который я прочитал; или если я вновь и вновь смакую хорошо продуманный аргумент, хотя я давно принял его заключение. Или если я дрейфую в праздных размышлениях от одной темы к другой. Лишь некоторые примеры мышления являются обдумыванием; лишь некоторые примеры мышления являются работой; лишь некоторые примеры мышления имеют тему или проблему» [4, р. 65]. Все это совершенно верно, но являются ли указанные случаи мышления первичными или вторичными видами?

Если бы я начал говорить с Райлом, а он сказал бы мне: «Подожди немного, я думаю», — было бы немного обидно, если бы позже выяснилось, что он в праздной задумчивости дрейфовал от одной темы к другой или просто прокручивал в памяти (не пытаясь, допустим, реконструировать) судьбу героини романа. Или что мы должны были бы думать об интеллекте человека, который отверг мнение, что мыслить столь же утомительно, как и заниматься физическим трудом, на том лишь основании, что размышления утомительны в минимальной степени? Можно ли сказать, что я соблюдал предписание 'Думай, прежде чем действовать!', если бы немного пофантазировал о своих будущих действиях, прежде чем их совершить? Должна ли была Библиотека мыслителя⁶ включать в себя детективы, над которыми можно было бы размышлять у вечернего камина? Я полагаю, что все эти случаи праздной задумчивости над чем-то реальным или воображаемым вполне параллельны тому, что мы называли вторичными случаями работы.

Стоит также отметить, что не все, что считается содержанием такого действия, как мышление, даже

совершаемое целенаправленно, может считаться вторичным видом мышления, если оно делается в праздных целях. Несомненно, архитектор в примере Райла [4, р. 66] размышляет над своим проектом военного мемориала, когда расставляет и переставляет игрушечные кирпичики на ковре; но, если он будет праздно группировать игрушечные кирпичики вместе, это будет в лучшем случае нерелевантным сопровождением процесса его мышления, а никак не его частью.

Теперь в свете всех имеющихся соображений я попытаюсь обрисовать общие характеристики понятия *работать*. Основными среди первичных видов работы являются те, в которых человек делает что-либо, в чем бы конкретно это ни состояло, потому что это необходимо или полезно с практической точки зрения. Поскольку, как правило, люди имеют обязанность делать такие вещи и часто получают за это плату, мы можем расширить первичные виды работы, включив в них совершение каких угодно действий, в чем бы конкретно они ни состояли, если они совершаются в качестве обязанности за плату. Поэтому игра профессионала считается первичным видом работы. Возможно, именно в этом смысле деятельность профессионального философа тоже считается работой; Аристотель мог себе позволить думать о философии как о досуге (*schole*), для которой деловая активность или работа (*ascholia*) были всего лишь необходимым средством. И мы, разумеется, по-прежнему склонны проводить различие между рабочими и теми, кто призван к 'джентльменским' профессиям и занятиям.

В первичных видах работы, если не брать во внимание содержание действия, мы наблюдаем, таким образом, плавное смещение от всего того, что практически необходимо или полезно, ко всему тому же самому, но совершаемому в качестве обязанности за плату, и в принципе вплоть до всего, чего угодно, что выполняется в качестве обязанности за плату. Вторичные виды работы по содержанию действия достаточно похожи на наиболее типичные и общепринятые формы работы. К примеру, одной из них является обработка почвы, поэтому создание декоративного сада считается (вторичным) видом работы. Кроме того, поскольку основные виды работы обычно требуют усилий и концентрации, мы даже имеем склонность утверждать об усердном игроке-любителе, что он много работает, хотя вряд ли скажем, что он работает в *прямом смысле* (*working simpliciter*). По-видимому, мы не скажем, что человек, занимаясь решением кроссвордов, работает, потому что он не делает ничего в достаточной степени похожего на то, что обычно люди делают при выполнении первичных видов работы, хотя мы можем без каких-либо колебаний сказать, что плотник-любитель работает за своим верстаком.

Но даже тогда мотивы и окружающий фон деятельности не должны слишком отличаться от мотивов и окружающего фона той же деятельности, выполняемой в качестве первичного вида работы, если мы все же хотим, чтобы она считалась ее вторичным видом. Можно сказать, что я работаю в саду, если я рублю дерево потому, что мне очень нравится рубить деревья и я думаю, что по срубленному мной дереву никто не будет скучать. Но если это ваше любимое дерево, а я злюсь на вас и срублю его исключительно из злобы на вас, тогда, несомненно, было бы явно неприличным называть мою деятельность 'работой в саду'. Я склонен согла-

ситься со взглядом, который мы приписали Райлу, что никакое содержание действия не может являться абсолютно непреложным достаточным условием работы. Известна одна история о том, как оксфордские студенты, переодевшись рабочими, раскапывали фундамент Карфакса⁷ под самым носом у полиции; они вроде бы как работали, но, разумеется, нельзя считать это работой.

Мне кажется, что в случае мышления ситуация точно такая же, как и в случае работы. Первичные виды мышления — это любая деятельность, имеющая целью поиски ответа на некоторый вопрос либо решение некоторой теоретической или практической проблемы. Совершенно очевидным кажется то, что манипуляции с игрушечными кирпичиками или шахматными фигурками и другие подобные им формы, которые может принимать мышление, как показывает нам Райл в своей статье, будут считаться частью мышления только тогда, когда они совершаются с какой-то такой целью. Настойчивое требование Райла в отношении того, что нам нужны истории, а не хроники мышления, несомненно, опять же верно; но каким образом мы могли бы предоставить историю, а не хронику того, что мы называем 'дрейфом праздной мечтательности от одной темы к другой'? История, безусловно, возможна только тогда, когда у нас есть первичный вид мышления, имеющий форму — начало, середину и конец, — отличную от простой временной последовательности. Вторичный вид мышления, вроде праздной задумчивости, по-видимому, называется мышлением только лишь по сходству его содержания с типичными примерами первичных видов мышления. Праздное прокручивание в голове судьбы героини очень похоже на попытку восстановить по памяти сюжет романа, и так как речь здесь идет о содержании деятельности, мы называем это мышлением. Но мышление в своих наиболее типичных видах не осуществляется посредством манипулирования игрушечными кубиками, поэтому праздная игра с такими кубиками не считается мышлением, даже его вторичным видом. И точно так же, как я не готов называть рубку дерева в качестве акта мести работой в саду, я вслед за Райлом не стал бы считать мышлением случаи наличия мелодии или стихотворения в мозге.

Итак, в качестве итога я намерен предположить, что основание, по которому понятия работы и мышления удовлетворяют двум критериям, принятым нами за критерии полиморфности, заключается в следующем:

(1) Для первичных видов мышления и работы мы можем найти необходимые и достаточные условия для применения этих понятий, отличные от содержания действия. Это адекватно объясняет, почему содержание действия не является ни необходимым, ни достаточным условием.

(2) Примеры, где мы готовы применить понятие, хотя там и не были соблюдены необходимые и достаточные условия его первичного применения, должны объясняться сходством по содержанию с типичными примерами первичного применения данного понятия. Но это будут примеры вторичных видов мышления или работы, в том смысле, что такая деятельность будет считаться мышлением или работой, но только в определенных контекстах и для определенных ограниченных целей.

Мне кажется, уделив основное внимание понятиям мыслить и работать, Райл руководствовался вполне здравой интуицией. Я считаю, что понятия

бороться, торговать, заниматься домоводством и заниматься фермерством не обладают такой же степенью сложности, хотя чисто формально, как утверждает Райл, они должны удовлетворять критериям полиморфности. Данное Райлом формальное описание полиморфного понятия, если я верно его интерпретирую, по-видимому, является слишком широким для тех целей, для которых оно было предназначено. Есть слишком много существенно разных способов, которыми понятие могло бы удовлетворять предложенным в его описании критериям, чтобы, пользуясь им, можно было с большой пользой характеризовать понятие мыслить как полиморфное. Опираясь на исследования Райла, а не противопоставляя себя им, я попытался предложить более конкретное описание понятия *мыслить* и, попутно, понятия *работать*. Следует понимать, что сказанного в этой статье недостаточно, чтобы учесть все нюансы; к примеру, в соответствии с предложенным мной описанием, умыть лицо (*washing one's face*) должно быть примером работы, хотя обычно мы так не считаем. Подобные детали остались за рамками моего исследования.

Мой тезис, таким образом, заключался в том, что данное Райлом формальное описание полиморфных понятий допускает более одной интерпретации. Я также предположил, что для понятий *работать* и *мыслить* наиболее приемлемой интерпретацией является то, что в своем первичном применении данные понятия таковы, что никакое содержание действия не является достаточным условием их применения и никакое содержание действия не является необходимым условием их применения. Далее я предположил, что это происходит потому, что в каждом случае существует необходимое и достаточное условие их применения, отличное от содержания действия. Но эти понятия имеют особенность, заключающуюся в том, что они могут иметь вторичное применение в случаях, когда необходимое и достаточное условие не выполняется, если содержание действия очень похоже на содержание типичных и общепринятых случаев первичного применения данных понятий. Примеры их вторичного применения, как я предположил, могут быть признаны таковыми в соответствии с тем фактом, что мы готовы применять к ним данные понятия только в некоторых контекстах и лишь для некоторых целей, а не для всех.

Примечания переводчика

¹ В числе основных участников данного симпозиума были мисс Айрис Мёрдок, мистер Энтони Ллойд и профессор Гилберт Райл. В *Proceedings of the Aristotelian Society* можно найти довольно информативное краткое сообщение за авторством Генри Прайса об общем ходе и направлениях дискуссии, развернувшейся на этом симпозиуме [1]; сами же доклады основных участников были опубликованы в *Aristotelian Society Supplementary Volume* [2–4].

² Здесь имеются в виду лекции, прочитанные Джоном Остином в 1955 году в Гарвардском университете и позднее опубликованные в виде отдельной работы *How to Do Things with Words* [5; русский перевод см.: 6], для которой Джеймс Урмсон написал небольшое предисловие редактора [5, p. i–vii].

³ Пример Аристотеля с понятием здоровья позаимствован из его *Метафизики*, а именно из книги Г [7, p. 1–2 | 1003^a33–1003^b11].

⁴ Понятие аналогии (*ἀνάλογον*) встречается во многих сочинениях Аристотеля — в частности, *Топике* [8, p. 17 | 108^a8–

108¹⁴] и *Метафизике* [7, р. 39 | 1016³³–1017³], — и играет в них важную роль. К примеру, с понятием аналогии тесно связан один из ключевых тезисов *Метафизики*, в соответствии с которым бытие (*ἔν*), хоть и утверждается множеством способов, всегда понимается *πρὸς ἓν*, то есть как указание или как отношение к одной вещи — субстанции (*οὐσία*) [подробнее об этом см.: 9–11].

⁵ Настольная игра, по правилам напоминающая классические нарды, в которую могут играть от 2 до 8 игроков. Игра состоит из игрового поля, 4 цветных фишек на каждого игрока, одной игровой кости и стаканчика. Цель игры — быстрее соперников привести свои фишки в дом.

⁶ *Библиотека мыслителя* (Thinker's Library) — знаменитая серия из 140 книг, включавшая в себя классические труды в области философии, антропологии, истории и религиоведения, издававшаяся в период с 1929 по 1951 год британской издательской фирмой Watts & Co.

⁷ Популярное у коренных жителей Оксфорда название башни Святого Мартина (бывшей части городской церкви).

Список источников

1. Price H. N. Symposium on thinking and language // Proceedings of the Aristotelian Society. 1951. Vol. 51, no. 1. P. 329–338. DOI: 10.1093/aristotelian/51.1.329.
2. Murdoch I. Symposium: thinking and language // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 25–34. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25.
3. Lloyd A. C. Symposium: thinking and language // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 35–64. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25.
4. Ryle G. Symposium: thinking and language // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 65–82. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25.
5. Austin J. L. How to do things with words. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1962. 169 + vii p.
6. Остин Дж. Л. Как производить действия при помощи слов / пер. с англ. В. П. Руднева // Избранное. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 11–135.
7. Aristotle. *Metaphysics: books Γ, Δ, and E* / trans. from Old Gr. by C. Kirwan. Oxford: Clarendon Press, 1993. 254 p.
8. Aristotle. *Topics: books I and VIII* / trans. from Old Gr. by R. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1997. 207 p.
9. Philippe M.-D. Analogon and Analogia in the philosophy of Aristotle // The Thomist: A Speculative Quarterly Review. 1969. Vol. 33, no. 1. P. 1–74. DOI: 10.1353/tho.1969.0069.

10. Wood M. Aristotelian ontology and its contemporary appropriation: some thoughts on the concept of Analogy // Dionysius. 2013. Vol. 31. P. 25–40.

11. Edwards A. Aristotle's concept of Analogy // Dionysius. 2016. Vol. 34. P. 62–87.

Сведения о переводчиках

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

НЕХАЕВА Ираида Николаевна, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 4725-8042

AuthorID (РИНЦ): 499225

ORCID: 0000-0002-6828-106X

ResearcherID: N-5790-2019

Адрес для переписки: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Источник перевода: Urmson J. O. Polymorphous Concepts // Ryle / Eds. O. P. Wood, G. Pitcher. London: Macmillan, 1970. P. 249–266.

Ссылка на полный текст эссе:

https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-15418-0_11

Для цитирования

Урмсон Дж. О. Полиморфные понятия = Urmson J. O. Polymorphous Concepts / пер. с англ. А. В. Нехаева, И. Н. Нехаевой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 144–152. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-144-152. EDN: XNTKDW.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025 г.

© Дж. О. Урмсон

POLYMORPHOUS CONCEPTS

The article attempts to clarify the criteria for Ryle's class of polymorphous concepts. Ryle calls paradigmatic examples of the class such concepts as working and thinking. A common characteristic feature of polymorphous concepts is that in propositions of the form 'P performs X' one can always substitute a kind of specific activities in place of X, but there no one kind of activity every case of which is necessarily X-ing.

Keywords: Gilbert Ryle, conceptual analysis, necessary and sufficient conditions for the application of the concept, polymorphous concepts, thinking.

References

1. Price H. H. Symposium on thinking and language. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1951. Vol. 51, no. 1. P. 329–338. DOI: 10.1093/aristotelian/51.1.329. (In Engl.).
2. Murdoch I. Symposium: thinking and language. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 25–34. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25. (In Engl.).
3. Lloyd A. C. Symposium: thinking and language. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 35–64. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25. (In Engl.).
4. Ryle G. Symposium: thinking and language. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1951. Vol. 25, no. 1. P. 65–82. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.25. (In Engl.).
5. Austin J. L. How to do things with words. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1962. 169 + vii p. (In Engl.).
6. Austin J. L. Kak proizvodit' deystviya pri pomoshchi slov [How to do things with words] / trans. from Engl. by V. P. Rudnev // *Izbrannoye* [Selected works]. Moscow, 1999. P. 11–135. (In Russ.).
7. Aristotle. *Metaphysics: books Γ, Δ, and E* / trans. from Old Gr. by C. Kirwan. Oxford: Clarendon Press, 1993. 254 p. (In Engl.).
8. Aristotle. *Topics: books I and VIII* / trans. from Old Gr. by R. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1997. 207 p. (In Engl.).
9. Philippe M.-D. Analogon and Analogia in the philosophy of Aristotle. *The Thomist: A Speculative Quarterly Review*. 1969. Vol. 33, no. 1. P. 1–74. DOI: 10.1353/tho.1969.0069. (In Engl.).
10. Wood M. Aristotelian ontology and its contemporary appropriation: some thoughts on the concept of Analogy. *Dionysius*. 2013. Vol. 31. P. 25–40. (In Engl.).
11. Edwards A. Aristotle's concept of Analogy. *Dionysius*. 2016. Vol. 34. P. 62–87. (In Engl.).

About the translators

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of the Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

NEKHAEVA Iraida Nikolaevna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen.

SPIN-code: 4725-8042

AuthorID (RSCI): 499225

ORCID: 0000-0002-6828-106X

ResearcherID: N-5790-2019

Correspondence address: i.n.nekhaeva@utmn.ru

For citations

Urmson J. O. Polymorphous concepts / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev, I. N. Nekhaeva. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 144–152. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-144-152. EDN: XNTKDW.

Received March 5, 2025.

© J. O. Urmson

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА И ОБОРУДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассмотрено текущее состояние контроля за безопасностью труда и оборудования, осуществляемого такими федеральными органами исполнительной власти, как Ростехнадзор и Роструд, и их роль в обеспечении безопасности труда и оборудования. В результате такого анализа выявлены общие аспекты в осуществлении контрольно-надзорной деятельности и установлено ослабление влияния федерального контроля (надзора) на фоне моратория на проведение плановых проверок. В этой связи предложены рекомендации по реорганизации существующей системы контроля (надзора) за безопасностью труда и оборудования.

Ключевые слова: федеральный контроль (надзор), безопасность труда и оборудования, охрана труда, общественный инспектор профсоюзов, несчастный случай на производстве, производственный травматизм, расследование несчастных случаев.

Введение. Омская область — один из крупнейших промышленно развитых регионов Сибири. На территории Омской области осуществляют свою деятельность более двух тысяч крупных и средних предприятий. Безопасность труда и оборудования на предприятиях является залогом стабильной и экономически эффективной работы, оказывает влияние на полноценное использование потенциала работника и на реализацию экономических задач в полной мере. Симбиоз работника и оборудования является предметом исследования данной научной работы. Этот симбиоз определяет условия производственной деятельности, отражает характер проблемных вопросов: опасные факторы воздействия на работника, риски несчастных случаев, поэтому следует рассматривать систему организа-

ции безопасности труда и оборудования как единое целое.

Цель исследования. Проанализировать роль и влияние Ростехнадзора и Роструда на состояние безопасности труда и оборудования в Омской области, дать оценку организации системы контроля (надзора) и предложить пути улучшения эффективности существующей системы.

Основная часть. Чтобы оценить состояние безопасности труда и оборудования, проведен анализ показателей производственного травматизма и несчастных случаев на производстве в Омской области. В табл. 1 отражены показатели производственного травматизма с тяжелым и смертельным исходом в Омской области (по данным Государственной инспекции труда Омской области) [1].

Анализ производственного травматизма с тяжелым и смертельным исходом в Омской области

	2012	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего случаев	168	209	150	132	102	136	79	64	70	67	74

Таблица 2

Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой работоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего, человек	672	643	636	639	593	473	421	354	356	292	334	296	275
Из них, со смертельным исходом	20	16	23	16	27	18	3	5	12	6	10	5	5

В табл. 2 отражены данные о количестве пострадавших при несчастных случаях; данные взяты с официального сайта территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области [2]. Как считают эксперты, такое положение дел обусловлено общим устареванием основных фондов, используемых в разных отраслях экономики: возрастное оборудование чаще дает сбои, приводящие к возникновению аварий, имеющих последствия, в том числе в виде травмирования работников [3]. На сегодняшний день вопрос производственного травматизма остается острой проблемой. Основным фактором, который преобладает среди причин несчастных случаев на производстве, является человеческий фактор [4]. В настоящее время осуществляется модернизация системы управления охраной труда, предусматривающая переход от компенсационной, затратной модели, основанной на выплатах за утраченное здоровье, к современной системе оценки и управления профессиональными рисками, позволяющей реализовать превентивные подходы к сохранению здоровья работников на производстве и сократить издержки, связанные с неблагоприятными условиями труда [5].

Рассматривая полномочия Государственной инспекции труда по Омской области и Сибирского управления Ростехнадзора, которые были соответственно определены в Приказе Федеральной службы по труду и занятости от 31 марта 2017 г. № 213 «Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы по труду и занятости — Государственной инспекции труда в Омской области» и в Приказе Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 04 июля 2022 г. № 210 «Об утверждении Положения о Сибирском управлении Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору», можно выявить общие аспекты в контрольно-надзорной деятельности данных надзорных органов. Оба органа, согласно Федераль-

ному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» имеют одинаковый порядок организации и проведения контрольно-надзорных мероприятий. Кроме того, стоит отметить, что деятельность этих надзорных органов осуществляется на большом количестве одних и тех же объектов, только Ростехнадзор осуществляет контроль с технической стороны (оборудование), а Государственная инспекция труда — с трудовой (работник). Работник и оборудование на производстве неразрывно связаны и составляют одно целое.

Роструд реализовывает государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, всеми работодателями на территории Российской Федерации [6]. К числу специально уполномоченных государственных органов, осуществляющих надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства, согласно статье 353 Трудового кодекса Российской Федерации, помимо Федеральной инспекции труда относятся и другие государственные органы [7]. Например, Ростехнадзор (статьи 366, 367 и 369 Трудового кодекса Российской Федерации). Ростехнадзор вправе контролировать нормы охраны труда работников, но в организациях промышленности, подпадающих под действие норм Федерального закона от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Государственная инспекция труда может проверять любые нормы трудового права [8]. И Ростехнадзор, и Роструд совместно (при определенных условиях) участвуют в расследовании несчастных случаев на производстве.

При расследовании несчастного случая (в том числе группового), в результате которого один или несколько пострадавших получили тяжелые повреждения здоровья, либо несчастного случая (в том числе группового) со смертельным исходом,

в состав комиссии включаются государственный инспектор труда, представители органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области охраны труда или органа местного самоуправления (по согласованию), представитель территориального объединения организаций профсоюзов, а при расследовании указанных несчастных случаев с застрахованными — представители исполнительного органа страховщика по месту регистрации работодателя в качестве страхователя. Комиссию возглавляет, как правило, должностное лицо территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права [9].

При групповом несчастном случае с числом погибших пять человек и более в состав комиссии включаются представители федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и общероссийского объединения профессиональных союзов. Возглавляет комиссию руководитель государственной инспекции труда — главный государственный инспектор труда соответствующей государственной инспекции труда или его заместитель, а при расследовании несчастного случая, происшедшего в организации или на объекте, подконтрольных территориальному органу федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере промышленной безопасности, — руководитель этого территориального органа [9].

В итоге необходимо отметить, что при расследовании несчастных случаев на производстве осуществляются совместные действия федеральных структур по контролю (надзору) в сфере труда и промышленной безопасности.

В 2023 г. на одном из предприятий города Омска произошла авария со смертельным исходом — при осуществлении ремонтных работ с применением сварки на газовой автоцистерне произошел взрыв, в результате которого смертельно пострадал сварщик [10]. Сибирское управление Ростехнадзора по данному происшествию организовало комиссию по расследованию причин аварии, к участию в которой был вовлечен главный технический инспектор труда Федерации омских профсоюзов. В результате работы комиссии были установлены технические и организационные причины аварии. Так, к техническим причинам аварии относятся: наличие во внутреннем пространстве цистерны для перевозки сжиженного газа взрывоопасной концентрации газовой смеси (паровая фаза СУГ, продукт испарения сжиженных углеводородных газов (пропан) и последующее ее воспламенение при проведении сварочных работ. Наличие газовой смеси в сосуде после проведенной пропарки указывает на неудовлетворительное качество пропарки; после пропарки и перед началом ремонтных работ на цистерне не проводилась проверка отсутствия углеводородов в пробе газа путем отбора проб воздуха, отобранного из нижней части цистерны. Основными организационными причинами аварии явились: на опасном производственном объекте допущен к руководству проведения ремонтных работ на цистерне начальник транспорт-

ного отдела, не аттестованный в области промышленной безопасности, не имеющий удостоверения специалиста сварочного производства II уровня; на опасном производственном объекте допущен к проведению ремонтных работ на цистерне сварщик, не состоящий в штате, не прошедший обучение и проверку знаний безопасным методам и приемам выполнения работ со стажировкой на рабочем месте, не имеющий удостоверения специалиста сварочного производства I уровня, без оформления допуска к самостоятельной работе с выдачей удостоверения; на опасном производственном объекте допущен к проведению ремонтных работ на цистерне водитель, не прошедший обучение безопасным методам и приемам выполнения работ со стажировкой на рабочем месте, проверку знаний инструкций и безопасных методов выполнения работ, без оформления допуска к самостоятельной работе с выдачей удостоверения; организация эксплуатирует цистерну в отсутствие решения директора о вводе в эксплуатацию и акта готовности оборудования работающего под избыточным давлением и др.

Проанализировав как организационные, так и технические причины аварии, можно сделать вывод, что именно человеческий фактор в виде нарушения работниками требований норм и правил в области промышленной безопасности и трудового законодательства в целом стал следствием произошедшего несчастного случая. Роль федеральных структур в расследовании разная: Государственная инспекция труда — правовая, Ростехнадзор — техническая, а цель одна — безопасная и эффективная трудовая деятельность.

На официальном сайте Государственной инспекции труда Омской области есть открытые данные по планам проведения плановых проверок организаций по годам. По этим данным можно наглядно проследить тенденцию последних лет к уменьшению данного вида проверок, например, на 2015 г. было запланировано проведение 131 проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с целью обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; 2016 г. — 195 проверок; 2017 г. — 222; 2018 г. — 170; 2019 г. — 78; 2020 г. — 180; 2021 г. — 90; 2022 г. — 100; 2023 г. — 2; 2024 г. — 2 [11].

Аналогичная ситуация наблюдается и в деятельности Ростехнадзора. Проанализируем деятельность именно Сибирского управления Ростехнадзора, которое включает в себя следующие территории: Омскую область, Новосибирскую область, Томскую область, Кемеровскую область, Алтайский край и Республику Алтай. Согласно открытым данным с официального сайта Сибирского управления Ростехнадзора, на 2015 г. было запланировано проведение 2886 плановых проверок организаций; 2016 г. — 1369; 2017 г. — 1453; 2018 г. — 1380; 2019 г. — 1006; 2020 г. — 1216; 2021 г. — 1147; 2022 г. — 685; 2023 г. — 206; 2024 г. — 161 [12].

Наиболее показательными у обоих надзорных органов являются 2023 и 2024 гг., так как, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 372 от 10.03.2023 г., установлен мораторий на проведение плановых проверок значительной части объектов. В частности, запрещено планово проверять объекты значительного и среднего риска причинения вреда и опасные производственные объекты I, III, IV классов опасности. В этот пери-

од упор делается на проведение профилактических мероприятий и проведение внеплановых проверок, которые возможно проводить лишь по определенным основаниям.

Приведем пример ослабления контроля за состоянием оборудования на предприятиях. Введен индикатор риска нарушения обязательных требований — поступление в контрольно-надзорный орган информации о трех и более инцидентах, произошедших на одном опасном производственном объекте в течение календарного года. В 2023 г. Омским отделом по надзору за тепловыми электростанциями, теплогенерирующими установками и сетями и котлонадзору Сибирского управления Ростехнадзора проведены 5 внеплановых проверок, согласованных с прокуратурой Омской области, в связи с выявлением этого индикатора риска.

Следует отметить, что такая система контроля явно недостаточна, поскольку на опасных объектах инциденты на технических устройствах происходят намного чаще. В сложившейся ситуации возникает вопрос о построении более действенной системы контроля за безопасностью труда и оборудования как в структурной части, так и по усилению влияния общественного контроля [13].

В настоящее время на фоне моратория на проведение плановых проверок все большее внимание уделяется мерам профилактического воздействия. Внедряются новые профилактические визиты, не предусматривающие возможности отказа от их проведения. Также делается упор на рассмотрение обращений трудящихся. Стоит отметить, что в Омской области осуществляется взаимодействие между Государственной инспекцией труда и Уполномоченным по правам человека. Сотрудничество между государственными органами предполагает принятие совместных мер для защиты и восстановления нарушенных прав и свобод человека в соответствии с федеральным, региональным законодательством. В частности, Государственная инспекция труда оказывает содействие Уполномоченному по правам человека в проверке информации по обстоятельствам, изложенным в жалобах заявителей, обмен информацией о нарушениях прав, свобод и законных интересов граждан по вопросам эффективности правоприменительной практики, представление омбудсмену сведений, документов, материалов и иной информации, необходимой для рассмотрения обращений. Помимо этого, документ предполагает проведение совместных приемов граждан, взаимодействие в области правового просвещения по вопросам соблюдения трудовых прав [14].

В организациях энергетической отрасли на территории Омской области существуют первичные профсоюзные организации. Например, существует Омская областная организация «Всероссийский Электропрофсоюз», который в том числе включает в себя первичные профсоюзные организации АО «ТГК-11», АО «Омск РТС», Филиала ПАО «Россети Сибирь» — «Омскэнерго» и др. Посетив основные объекты упомянутых организаций и проведя опрос среди работников, было выявлено, что, к примеру, в АО «ТГК-11» трудятся порядка 1 900 человек, из них около 1 400 состоят в первичной профсоюзной организации и из этого количества являются уполномоченными лицами по охране труда примерно 20 человек, то есть примерно 5–7 уполномоченных на каждую из ТЭЦ-3, 4, 5.

Стоит отметить, что на предприятиях Омска и Омской области руководство организаций стре-

мится вырабатывать алгоритм взаимоотношений с профсоюзной организацией в режиме конструктивного диалога. К контролю за охраной труда привлекаются уполномоченные лица по охране труда, выбранные коллективами. Однако нужно отметить тот факт, что уполномоченные по охране труда и профсоюзные организации не предполагают надзор за безопасностью оборудования. Оборудование — это первостепенный фактор, определяющий безопасные условия труда работника. Поэтому безопасность работников необходимо рассматривать с позиции совокупной безопасности труда и оборудования.

В каждом структурном подразделении АО «ТГК-11» (ТЭЦ-3, 4, 5) существует направление производственного контроля и охраны труда, входящие в состав соответствующего отдела организации. В каждом из направлений числятся: 1 специалист по охране труда, 1 специалист по производственному контролю, 1 специалист по зданиям и сооружениям, 1 специалист по пожарной безопасности и руководитель направления. Фактически один специалист по производственному контролю осуществляет надзор за тысячами единиц оборудования, которые сам не эксплуатирует. Один специалист по охране труда осуществляет контроль за условиями и охраной труда более пятисот трудящихся. Такое количество контролирующих лиц недостаточно для обеспечения качественного контроля за безопасностью труда и оборудования в полной мере, поэтому развитию системы общественного контроля следует уделять особое внимание.

В нынешней модели организации контроля за состоянием охраны труда привлекаются уполномоченные лица по охране труда, выбранные коллективами. Однако нужно отметить тот факт, что уполномоченные по охране труда и профсоюзные организации не предполагают надзор за безопасностью оборудования, а общественники (специалисты) по промышленной безопасности практически отсутствуют. Если рассматривать оборудование как первостепенный фактор, определяющий безопасные условия труда работника, тогда безопасность работников необходимо рассматривать с позиции совокупной безопасности труда и оборудования. Полномочия общественных контролеров следует объединить, а критерий выбора кандидатур будет следующий: уровень безопасности труда и стабильная безопасная эксплуатация оборудования зависят от работника, непосредственно занятого на данном оборудовании.

Применение методов анализа и синтеза в исследовании позволило получить следующие результаты: отсутствие контрольных полномочий власти субъекта Федерации, что должно являться частью выполнения полномочий по управлению охраной труда согласно статье 211 Трудового кодекса Российской Федерации. В процессе управления безопасностью труда и оборудования не реализована функция по управлению, что снимает ответственность с региональных органов власти. Использование применяемых методов исследования позволяет оценить научные результаты исследования и является основой для рекомендаций для изменения ситуации.

Одной из рекомендаций по улучшению существующей системы контроля за безопасностью труда и оборудования является внесение дополнений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части государственного управления охраной труда по вводу полномочий органов власти субъектов Рос-

сийской Федерации. Необходимо изменить статус федеральной инспекции труда, определив полномочия для власти субъекта и передав контрольно-надзорные полномочия инспекции на субъект. Для организации работы инспекции требуется создание подразделений юридической и технической направленности.

Несомненно, в настоящее время ослаблено влияние федерального контроля (надзора) за обеспечением безопасности труда и оборудования. В том числе влияние ослаблено еще и потому, что техническая составляющая (Ростехнадзор) и юридическая составляющая (Роструд) в настоящее время разделены, хоть и имеют общие аспекты в контрольно-надзорной деятельности.

Изменить данную ситуацию возможно усиления системы социального партнерства, ее региональными и отраслевыми органами управления. В соглашениях или коллективных договорах должны обозначаться границы общественного контроля и количество участников. Органы Ростехнадзора и Роструда на местах будут координировать деятельность общественников.

Список источников

1. Анализ производственного травматизма. URL: https://git55.rostrud.gov.ru/osnov/analiz_proizvodstvennogo_travmatizma/ (дата обращения: 06.11.2024).
2. Основные показатели травматизма на производстве в Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/travmatizm-2023.htm?ysclid=m6dsek1yt6100391399> (дата обращения: 06.11.2024).
3. Радыгина Е. А., Краснова А. Р. Анализ производственного травматизма в России // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 286–287.
4. Тихонова О. Ю., Берсенев И. И., Сашко А. А. Экономические последствия производственного травматизма: анализ сложившейся ситуации в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 375–386. DOI: 10.34670/AR.2023.38.12.035. EDN: WOBIMO.
5. Чапыгин В. С., Савельева Т. С., Завьялов А. М. Анализ производственного травматизма работников хозяйства электрификации и электроснабжения // Проблемы безопасности российского общества. 2023. № 3 (43). С. 14–18. EDN: MNKVTH.
6. Информация о полномочиях и функциях Роструда. URL: <https://rostrud.gov.ru/byudzhet-dlya-grazhdan/informatsiya-o-polnomochiyakh-i-funktsiyakh-rostruda.php?ysclid=m6dslif7bc20171088> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Об изменениях полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере охраны труда. URL: https://err.genproc.gov.ru/web/proc_33/activity/legal-education/explain?item=22973413 (дата обращения: 10.11.2024).
8. Трудовая инспекция. URL: <https://xn--52-9kccqjffxfnf3b.xn--p1ai/entrepreneur/kak-razvit-svoy-biznes/trudovaya-inspektsiya/> (дата обращения: 10.11.2024).

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). ст. 229.

10. Информация о работе технической инспекции труда профсоюзов в 2023 году. URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/b50/ИНФОРМАЦИЯ%20О%20РАБОТЕ%20ТИТ_2023%20ИТОГ.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

11. План проведения контрольных (надзорных) мероприятий. URL: <https://git55.rostrud.gov.ru/plan/> (дата обращения: 12.11.2024).

12. План проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Сибирским управлением Ростехнадзора. URL: <http://usib.gosnadzor.ru/activity/plan.php> (дата обращения: 13.11.2024).

13. Баранов Ю. В., Филиппов Д. Ю. Пути совершенствования системы контроля за безопасностью труда и оборудования на современном этапе развития экономики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 135–140. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-135-140. EDN: OSVQOC.

14. Руководитель Государственной инспекции труда в Омской области Жанна Воробьева и Уполномоченный Омской области по правам человека Ирина Касьянова подписали обновленное соглашение о взаимодействии. URL: <https://git55.rostrud.gov.ru/news/1260489.html> (дата обращения 13.11.2024).

БАРАНОВ Юрий Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и организация труда» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 2404-9817

AuthorID (РИНЦ): 268810

ФИЛИППОВ Дмитрий Юрьевич, соискатель по кафедре «Экономика и организация труда» ОмГТУ, г. Омск; государственный инспектор Сибирского управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, г. Омск.

SPIN-код: 2741-9151

AuthorID (РИНЦ): 1146626

Адрес для переписки: filippovdy@mail.ru

Для цитирования

Баранов Ю. В., Филиппов Д. Ю. Роль и влияние федерального контроля (надзора) на обеспечение безопасности труда и оборудования на современном этапе развития экономики (на примере Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 153–159. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-153-159. EDN: MNKMOT.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025 г.

© Ю. В. Баранов, Д. Ю. Филиппов

ROLE AND INFLUENCE OF FEDERAL CONTROL (SUPERVISION) ON ENSURING LABOUR AND EQUIPMENT SAFETY AT THE CURRENT STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF THE OMSK REGION)

The article considers the current state of control over labour and equipment safety implemented by such federal executive authorities as Rostekhnadzor and Rostrud and their role in ensuring labour and equipment safety. As a result, common aspects in the implementation of control and supervisory activities have been identified and the decrease in the influence of federal control (supervision) has been determined on the background of a moratorium on planned inspections. In this relation, recommendations on reorganization of the existing system of control (supervision) over labour and equipment safety are proposed.

Keywords: federal control (supervision), labor and equipment safety, labor protection, trade union public inspector, industrial accident, industrial injuries, accident investigation.

References

1. Analiz proizvodstvennogo travmatizma [Analysis of industrial injuries]. URL: https://git55.rostrud.gov.ru/osnov/analiz_proizvodstvennogo_travmatizma/ (accessed: 06.11.2024). (In Russ.).
2. Osnovnyye pokazateli travmatizma na proizvodstve v Omskoy oblasti [Main indicators of industrial injuries in the Omsk region]. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/travmatizm-2023.htm?ysclid=m6dsek1yt6100391399> (accessed: 06.11.2024). (In Russ.).
3. Radygina E. A., Krasnova A. R. Analiz proizvodstvennogo travmatizma v Rossii [Analysis of industrial injuries in Russia]. *Sovremennyye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskiiy progress. Modern Technologies, Scientific and Technological Progress*. 2024. No. 11. P. 286–287. EDN: WZQMOO. (In Russ.).
4. Tikhonova O. Yu., Bersenev I. I., Sashko A. A. Ekonomicheskiye posledstviya proizvodstvennogo travmatizma: analiz slozhivsheysya situatsii v Rossii [Economic consequences of occupational injuries: analysis of the current situation in Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2023. Vol. 13, no. 8-1. P. 375–386. DOI: 10.34670/AR.2023.38.12.035. EDN: WOBIMO. (In Russ.).
5. Chaplygin V. S., Savelyeva T. S., Zavyalov A. M. Analiz proizvodstvennogo travmatizma rabotnikov khozyaystva elektrifikatsii i elektrosnabzheniya [Analysis of vocational accidents of the electrification and power supply facilities]. *Problemy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva. Security Problems of Russian Society*. 2023. No. 3 (43). P. 14–18. EDN: MNKVTH. (In Russ.).
6. Informatsiya o polnomochiyakh i funktsiyakh Rostruda [Information on the powers and functions of Rostrud]. URL:

<https://rostrud.gov.ru/byudzheth-dlya-grazhdan/informatsiya-o-polnomochiyakh-i-funktsiyakh-rostruda.php?ysclid=m6dslif7bc20171088> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

7. Ob izmeneniyakh polnomochiy federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti v sfere okhrany truda [On changes in the powers of federal executive authorities in the sphere of labor protection]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_33/activity/legal-education/explain?item=22973413 (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

8. Trudovaya inspektsiya [Labor inspection]. URL: <https://xn--52-9kcqjffxf3b.xn--p1ai/entrepreneur/kak-razvit-svoy-biznes/trudovaya-inspektsiya/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

9. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 14.02.2024) [Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 14.02.2024)] // *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 229. (In Russ.).

10. Informatsiya o rabote tekhnicheskoy inspektsii truda profsoyuzov v 2023 godu [Information on the work of the technical labor inspection of trade unions in 2023]. URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/b50/INFORMATION%20O%20WORK%20TIT_2023%20ITOG.pdf (accessed: 26.01.2025). (In Russ.).

11. Plan provedeniya kontrol'nykh (nadzornykh) meropriyatiy [Plan for conducting control (supervisory) activities]. URL: <https://git55.rostrud.gov.ru/plan/> (accessed: 12.11.2024). (In Russ.).

12. Plan provedeniya planovykh proverok yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley Sibirskim upravleniyem Rostekhnadzora [Plan for conducting scheduled inspections of legal entities and individual entrepreneurs by the Siberian Rostekhnadzor Department]. URL: <http://usib.gosnadzor.ru/activity/plan.php> (accessed: 13.11.2024). (In Russ.).

13. Baranov Yu. V., Filippov D. Yu. Puti sovershenstvovaniya sistemy kontrolya za bezopasnost'yu truda i oborudovaniya na sovremennom etape razvitiya ekonomiki [The ways to improve the system of control over labour and equipment safety at the current stage of economic development]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 135–140. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-135-140. EDN: OSVQOC. (In Russ.).

14. Rukovoditel' Gosudarstvennoy inspeksii truda v Omskoy oblasti Zhanna Vorob'yeva i Upolnomochenny Omskoy oblasti po pravam cheloveka Irina Kas'yanova podpisali obnovlennoye soglashiye o vzaimodeystvii [Head of the State Labor Inspection in the Omsk region Zhanna Vorobyeva and the Omsk region Commissioner for Human Rights Irina Kasyanova signed an updated cooperation agreement]. URL: <https://git55.rostrud.gov.ru/news/1260489.html> (accessed: 13.11.2024). (In Russ.).

BARANOV Yuri Vladimirovich, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Economics and Organization of Labor Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

SPIN-code: 2404-9817

AuthorID (RSCI): 268810

FILIPPOV Dmitry Yurievich, Postgraduate of the Economics and Organization of Labor Department, OmSTU, Omsk; State Inspector of the Siberian Department of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision, Omsk.

SPIN-code: 2741-9151

AuthorID (RSCI): 1146626

Correspondence address: filippovdy@mail.ru

For citations

Baranov Yu. V., Filippov D. Yu. Role and influence of Federal control (supervision) on ensuring labour and equipment safety at the current stage of economic development (on the example of the Omsk region). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 153–159. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-153-159. EDN: MNKMOT.

Received March 3, 2025.

© Yu. V. Baranov, D. Yu. Filippov

ВИДЫ, ПЛАТФОРМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ КОНТЕКСТНОЙ РЕКЛАМЫ КАК ИНСТРУМЕНТА МАРКЕТИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях развития информационных технологий и трансформации комплекса маркетинга контекстная реклама продолжает являться одним из основных элементов цифровых маркетинговых коммуникаций предприятий. Цели исследования — проведение анализа видов контекстной рекламы и обоснование перспектив ее развития как инструмента цифровых маркетинговых коммуникаций. Задачи исследования состояли в анализе процессов цифровизации маркетинговой деятельности предприятия, оценке используемых для ее размещения цифровых платформ и определении трендов развития контекстной рекламы. Результатом исследования стало определение трендов и перспектив развития отечественного рынка контекстной рекламы.

Ключевые слова: контекстная реклама, семантическое ядро рекламного обращения, цифровые платформы, сайт компании, лендинги, аккаунт в социальных сетях.

Введение. Применение новых цифровых технологий маркетинговой деятельности предполагает осуществление трансформации всего комплекса маркетинга, включая совершенствование товарного микса в соответствии с персонализированными запросами потребителей, формирование гибкой ценовой стратегии, использование новых методов продвижения продукции и доведения ее до конечного потребителя с применением цифровых нулевых и одноуровневых каналов. Цифровая трансформация комплекса маркетинга, сопровождающаяся изменением подходов к использованию маркетинговых коммуникаций, диктует отечественным предприятиям необходимость использования новых средств и методов продвижения своей продукции. Контекстная реклама является одним из наиболее значимых инструментов рекламной деятельности. Вышеизложенное обуславливает актуальность проводимого исследования.

Цели исследования состояли в проведении анализа видов контекстной рекламы и обосновании перспектив ее развития как инструмента цифровых маркетинговых коммуникаций. Для оценки состояния рынка контекстной рекламы в России нами были проанализированы статистические данные, характеризующие динамику цифровизации основных бизнес-процессов в России [1–4]. При проведении исследования были использованы общенаучные и специальные методы. В качестве общенаучных применялись такие методы исследования, как абстрактно-логические методы, анализ и синтез, метод дедукции и индукции. Специальными методами выступал метод группировок и метод динамических рядов.

Основная часть. Контекстная реклама представляет собой один из видов маркетинговых коммуникаций. Сущность рекламы данного вида состоит в том, что рекламные объявления на сайтах выбираются исходя из содержимого страницы и ключевых слов.

Вопросами обоснования использования технологий цифровой рекламы и ее отдельных элементов занимались ранее и продолжают заниматься в настоящее время различные российские ученые.

В работе А. А. Арефьева уточнено понятие контекстной рекламы [5], выделены особенности ее использования в качестве инструмента цифрового маркетинга, обоснован алгоритм применения контекстной рекламы на примере конкретного предприятия. В. О. Левченко рассмотрена специфика применения контекстной рекламы в социальных сетях по отношению к торговым услугам [6]. Практический интерес представляет предложенный В. О. Левченко алгоритм применения контекстной рекламы в зависимости от жизненного цикла рекламируемого товара и вида маркетингового спроса на него.

Подробный анализ содержания инструментов интернет-маркетинга представлен в работах И. А. Колосовой и А. М. Сабаева [7, 8]. Особое внимание данные авторы уделили SEO-продвижению, т.е. поисковому продвижению сайта, которое также используется при запуске контекстной рекламы. В своих работах И. А. Колосова и А. М. Сабаев акцентируют внимание на вопросах осуществления внутренней и внешней оптимизации сайтов.

Научный интерес представляют и результаты работы В. И. Кравченко [9], который проанализиро-

Показатели информатизации населения и использования интернета для заказа товаров

Показатели	2013 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Абсолютный прирост, 2023 г. к 2013 г., %
Доступ к интернету в домашних хозяйствах, %	67,2	76,9	80,0	84,0	86,6	87,9	20,7
Использование интернета населением, %	71,0	88,6	89,6	91,8	93,5	95,2	24,2
Использование интернета населением для заказа товаров (услуг) от общей численности населения, %	15,3	35,7	40,3	46,6	53,7	61,3	46,0

вал не только преимущества контекстной рекламы, но и назвал недостатки ее использования. Особое внимание В. И. Кравченко уделяет маркерам естественного хода развития рекламной деятельности. Практический интерес представляет проведенная ученым оценка цифровых платформ, используемых для размещения контекстной рекламы. В. И. Кравченко также в своей научной работе содержательно анализирует систему показателей эффективности контекстной рекламы.

Проблеме повышения эффективности контекстной рекламы как инструмента цифрового маркетинга посвящена научная статья Т. Л. Сысоевой [10]. В работе приведена авторская классификация контекстной рекламы, обоснованы этапы разработки рекламной кампании, выделены способы повышения эффективности контекстной рекламы. На примере конкретного предприятия исследователь представила результаты анализа эффективности проведенной рекламной кампании, в том числе по показателям click-through rate (CTR), средней цене клика, конверсии. Следует согласиться с утверждением Т. Л. Сысоевой, что контекстная реклама является одним из эффективных способов повышения объема покупок на сайте рекламодателя, так как интерес к товару и инициатива его приобрести идет от самого потребителя.

В научной работе А. А. Вашило и В. В. Калейник выявлены ключевые преимущества контекстной рекламы [11], проанализированы тенденции развития цифровой рекламы и дана характеристика основным платформам, используемым для размещения контекстной рекламы.

Технические аспекты размещения контекстной рекламы в цифровой среде рассмотрены в научной работе Д. М. Сулейманова и Э. Р. Гузуевой [12]. В статье проанализированы также вопросы распределения бюджета по каналам трафика, предложен алгоритм оптимизации рекламной кампании.

На основании обзора научных источников можно сделать заключение о том, что в научной литературе недостаточно уделено внимание вопросам взаимосвязи уровня информатизации комплекса маркетинга и характера использования различных видов контекстной рекламы, также в научных работах нераскрытым остался вопрос о перспективах развития цифровой рекламы, что и предопределило тему исследования.

Повышение уровня информатизации и доступ к Интернету домашних хозяйств являются предпосылками трансформации комплекса маркетинга в условиях цифровизации. Доступ к Интернету в домашних хозяйствах за период 2013–2023 гг.

увеличился с 67,2 до 87,9 % (табл. 1). Мобильные устройства остаются самыми распространенными у россиян для выхода в Интернет. Смартфон для выхода в Интернет в 2024 г. предпочитало использовать 87 % населения, 47 % — мобильный компьютер, 33 % — стационарный (настольный компьютер). По данным Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ) [4], более половины россиян заказывали в 2022 г. товары и услуги по Интернету. За десятилетний период наблюдения (2013–2023 гг.) данный показатель увеличился более чем в четыре раза (с 15,3 до 61,3 %).

По данным ученых ВШЭ [1–4], за период 2015–2022 гг. доля организаций, участвующих в электронной торговле, возросла до 29,8 %. Удельный вес граждан нашей страны, которые когда-либо использовали глобальную сеть, к 2022 г. достиг 93,5 % (табл. 1), увеличившись на 24 % за десятилетний период. Среди взрослых пользователей Интернета 74,5 % общаются в социальных сетях, что необходимо учитывать при формировании мероприятий SMM-маркетинга.

Цифровые средства продвижения способствуют повышению эффективности доведения товара до конечного потребителя. К основным инструментам интернет-маркетинга относят: поисковое продвижение сайта; медийную рекламу; контекстную рекламу; SMM-продвижение или продвижение в социальных сетях; вирусный маркетинг; интернет-брендинг и др. Каждый из инструментов интернет-маркетинга имеет особенности применения, а также преимущества и недостатки.

Для привлечения целевых потребителей и размещения цифровой рекламы организации могут использовать различные интернет-платформы, т.е. целостные системы интернет-страницы, с помощью которой осуществляются маркетинговые коммуникации со своими потенциальными и реальными покупателями и заказчиками. В настоящее время в практике российских предприятий наибольшее распространение нашли следующие виды интернет-платформ: корпоративные сайты; страницы в социальных сетях; форумы и отраслевые клубы; лендинги (целевые страницы); инфоблоки; торговые площадки; электронные доски объявлений. Сайт компании является основным звеном коммуникативной стратегии предприятия в интернет-пространстве. По статистическим данным ВШЭ в 2020–2022 гг., 44 % российских предприятий имели свой собственный веб-сайт (табл. 2).

Веб-сайт формируется и поддерживается компаниями для обеспечения прямых каналов распределения продукции и формирования имиджа предпри-

Наличие веб-сайтов и аккаунтов в социальных сетях в организациях, % от всех организаций

Вид коммуникативного ресурса	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Веб-сайт	44,3	46,2	44,0
Аккаунт в социальных сетях	33,5	34,7	30,0

Таблица 3

Цели использования социальных сетей в российских организациях, % от всех организаций

Цели использования	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Получение отзывов (обзоров, вопросов) о товарах, производимых организацией	18,1	19,5	20,5
Реклама товаров (работ, услуг), производимых (оказываемых) организацией	17,2	18,6	18,6
Сотрудничество с бизнес-партнерами	12,5	12,9	13,4
Наем сотрудников	10,3	11,3	11,4
Продажа товаров, работ, услуг через социальные сети	4,0	4,4	3,9

Виды контекстной рекламы

Название	Характеристика
Текстовая	Небольшие объявления с гиперссылкой
Баннерная	Графическое изображение или анимация с текстовой информацией
Видеореклама	Подготовленные видеоролики, содержащие гиперссылку
Реклама в поисковых системах	Объявления, выдаваемые на основе поисковых запросов
Медийная реклама	Реклама, которую пользователи видят без специального запроса
Таргетированная (целевая) реклама	Объявления, которые показывают интернет-пользователям, подходящим под заданные рекламодателем критерии; такой вид контекстной рекламы чаще всего используется в социальных сетях
Аудиореклама	Рекламное сообщение, которое пользователь слышит до прослушивания аудиоконтента
Ремаркетинг	Реклама показывается интернет-пользователям, которые уже посетили сайт и (или) приобрели товары фирмы
Графические объявления	Реклама в виде картинки с возможностью нанесения на ней текста

ятия. С точки зрения технологии создания, веб-сайт можно рассматривать как совокупность цифровых документов и сведений о предприятии, которая имеет свой адрес и место хранения в глобальной сети. Основные требования, предъявляемые к веб-сайтам, состоят в наличии удобной навигации, высоком качестве контента и дизайна. Являясь маркетинговым инструментом продвижения компании и ее товарного микса, сайт также нуждается в продвижении, т.е. в рекламе и поисковой оптимизации. В качестве каналов привлечения трафика на сайт может выступать органическая поисковая выдача, контекстная реклама, частное размещение, контекстно-медийная сеть, тизерная реклама и средства SMM-маркетинга.

Треть российских предприятий имеет аккаунт в социальных сетях (табл. 2), при этом 20,5 % ориентированы при использовании социальных сетей для получения обратной связи от потребителей на отзывы о товарах (табл. 3); 18,6 % — на рекламу товаров, производимых организацией; 13,4 % организаций рассматривают социальную страницу как средство сотрудничества с бизнес-партнерами.

Одним из самых эффективных инструментов интернет-маркетинга является контекстная реклама, отличающаяся от других средств продвижения своим целевым характером, максимальной заметностью в поисковой системе, высокой управляемостью. Особенностью контекстной рекламы является выборочное воздействие на потребителей и демонстрация именно тем пользователям интернет-ресурсов, область интересов которых совпадает с рекламируемой продукцией.

Контекстная реклама впервые появилась в системах поисковых запросов в 1998 г., а начиная с 2006 г. объем и величина контекстной рекламы превышает баннерную. По сравнению с другими видами интернет-рекламы контекстная реклама

предлагает интернет-пользователю только те товары и услуги, которыми он интересуется именно сейчас. Российский рынок контекстной рекламы постоянно развивается, что выражается в постоянном росте объемов, бюджетов рекламы, а также в возникновении ее новых форм и видов (табл. 4).

По статистическим данным, представленным ВШЭ [1–3], большую часть заказчиков контекстной рекламы формируют предприятия малого и среднего бизнеса, что отражается на средней стоимости предоставления пакета услуг контекстной рекламы. Значительные затраты на проведение рекламной кампании готовы осуществлять преимущественно предприятия, работающие в сегменте «Бизнес для бизнеса» (B2B). Это продавцы автомобилей, строительных материалов, а также поставщики и производители продукции для промышленных предприятий перерабатывающего сектора. В сегменте «Бизнес для потребителя» (B2C) значительный объем заказов на услуги контекстной рекламы обеспечивают организации, специализирующиеся на продаже бытовой техники и электроники, а также предприятия, специализирующиеся на предоставлении финансовых, туристических, страховых услуг.

Основной объем заказов на контекстную рекламу приходится на заказчиков из городов Москва и Санкт-Петербург. Эти два города обеспечивают до 80% рекламного оборота в целом по России. Географически неравномерное распределение рекламного бюджета среди российских регионов объясняется следующими причинами:

— доля пользователей Интернета в крупных центральных городах заметно выше, чем в регионах;

Платформы, площадки, сервисы и стоимость размещения контекстной рекламы

Наименование платформы/сервиса	Площадки размещения	Минимальная стоимость, руб. в месяц
ЯндексДирект	Поисковая система Яндекс	6 000
VK Реклама	Социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники и др.)	500
Дзен	Дзен	Оплата за клики
Wildberries	Сайт Wildberries, приложения к сайту, группы продавцов в социальных сетях	1000
SberAds	Сервисы и сайты «Сбера»	100 000
Авито	Платформа Авито	400 000
Elama	Яндекс Директ, ВКонтакте, Telegram и др.	1200

— высокая концентрация предприятий способствует росту конкуренции между ними и осуществлению более высоких расходов на рекламную деятельность;

— в городах Москва и Санкт-Петербург находится большинство головных организаций общероссийских торговых сетей.

Контекстная реклама разрабатывается и поддерживается с помощью создания и поддержания лендинг-страницы компании или корпоративного сайта; составления семантического ядра; настройки целевой аудитории на соответствующей площадке, выбранной для продвижения рекламы; создания поисковой рекламной кампании; анализа и оптимизации рекламных сообщений; создания системы ретаргетинга; работы с Яндекс-аудиториями; разработки и размещения смарт-баннеров.

В настоящее время в России используется несколько десятков платформ для размещения контекстной рекламы. В зависимости от вида платформы и формата контекстной рекламы стоимость размещения контекстной рекламы существенно дифференцируется (табл. 5).

Каждая из перечисленных платформ имеет свои особенности в области подачи рекламы, работы с заказчиками и пользователями рекламы. Все сервисы работают на территории России. В Яндекс Директе возможен показ рекламы для сегментированной территории. При этом реклама настроена на интересы аудитории. Рекламодателю можно выбрать расписание показов в течение суток, недели, месяца и настроить геолокацию. К минусам площадки следует отнести высокую конкуренцию между рекламодателями.

С помощью платформы VK Реклама можно представлять лид-страницы фирмы, продвигать сайты и услуги, мобильные приложения. В VK Рекламе объявления демонстрируются пользователям через аукцион. Отличительной особенностью площадки является точный таргетинг, заключающийся в дифференциации аудитории по гендерному признаку, возрасту, интересам (сообществам), местонахождению и ключевым запросам. VK Реклама позволяет размещать рекламу разных типов и форматов, в том числе видео, аудио и баннерную рекламу.

Преимуществом использования рекламной площадки Дзен является выход на значительную в количественном отношении аудиторию, точный таргетинг, гибкие настройки рекламных обращений, возможность анализа потенциальных потребителей по полу, возрасту, интересам. К недостаткам раз-

мещения на данной площадке следует отнести использование только текстовых форматов рекламы.

Отличительной особенностью Wildberries, как рекламной платформы, является предоставление площадки только тем продавцам, которые являются селлерами данного сайта. При этом используются такие форматы рекламы, как push-уведомления, баннеры и видео. Особой популярностью у рекламодателей пользуется реклама карточек в каталоге. К недостаткам данной платформы следует отнести невозможность проведения точного таргетинга потенциальных покупателей и пользователей рекламных сообщений.

SberAds является рекламной платформой, позволяющей размещать контекстную рекламу на сайтах сервиса «Сбер», мобильных приложениях и в социальных сетях. SberAds работает на основе искусственного интеллекта, анализирующего интересы, покупки, привычки и потребности аудитории, при этом нейросеть генерирует объявления. К недостаткам платформы следует отнести небольшую аудиторию охвата пользователей по сравнению с другими рекламными площадками.

На Авито платформе показ контекстной рекламы можно настроить под конкретные цели и выбрать аудиторию по географическому принципу, интересам, категориям товаров, которые просматривают пользователи. К минусам рекламной платформы следует отнести высокую стоимость размещения рекламы (400 000 руб. в месяц).

Elama представляет собой рекламную площадку, поддерживающую работу с популярными рекламными платформами. К преимуществам Elama следует отнести концентрацию популярных рекламных систем в одном сервисе, а к недостаткам — работу рекламной площадки только с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

В начале реализации рекламной кампании рекламодатели зачастую наблюдают невысокие показатели эффективности проводимых мероприятий. Для повышения эффективности рекламных кампаний необходимо тестировать и использовать различные виды контекстной рекламы, работать с различными цифровыми платформами, периодически менять наполнения рекламных объявлений. Необходимы постоянный мониторинг показателей эффективности и оптимизация кампании, которая может включать оценку содержания семантического ядра, временной и географической таргетинг, подключение «ключевых целей», корректировку ставок. Для получения постоянных клиентов следует проводить

регулярный анализ показателей эффективности и осуществлять оптимизационную работу с цифровыми платформами.

К основным трендам развития контекстной рекламы следует отнести:

- повышение точности и эффективности использования контекстной рекламы благодаря развитию искусственного интеллекта и машинного обучения;

- рост популярности использования интерактивных форматов контекстной рекламы (игр, анимаций, чат-ботов и др.);

- увеличение объемов видеорекламы для формирования вовлекающего контента для потенциальных потребителей;

- использование системы отбора потребителей по показателю гиперлокации;

- создание персонализированных рекламных кампаний;

- совершенствование аналитик и метрик при анализе эффективности контекстной рекламы;

- повышение объемов использования голосового поиска для выполнения запросов в цифровой среде;

- увеличение числа мобильных приложений для создания и корректировки рекламных кампаний, основанных на использовании контекстной рекламы;

- разработка новых инструментов и платформ для управления контекстной рекламой.

Вывод. Гибкость, целевой характер, быстрая адаптация к поведению потребителей и действиям конкурентов делают контекстную рекламу основным инструментом маркетинговых коммуникаций. В условиях развития информационных технологий постоянно появляются новые виды контекстной рекламы, совершенствуются алгоритмы и платформы для ее использования. Повышать результативность контекстной рекламы возможно посредством уточнения геолокации, работы с семантическим ядром, создания персонализированных рекламных кампаний, применения новых видов платформ для ее размещения. Контекстная реклама используется при освоении новых рыночных ниш, для выхода на рынок с новым товаром, поиска новых клиентов на существующих сегментах рынка и для удержания целевой аудитории.

Список источников

1. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. [и др.]. Индикаторы цифровой экономики: 2021: стат. сб. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 380 с. ISBN 978-5-7598-2385-8. DOI: 10.17323/978-5-7598-2385-8. EDN: OUNNIJ.

2. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Гохберг Л. М. [и др.]. Индикаторы цифровой экономики: 2022: стат. сб. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 332с. ISBN 978-5-7598-2697-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2697-2. EDN: PLBXAQ.

3. Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О. [и др.]. Индикаторы цифровой экономики: 2024: стат. сб. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024. 276 с. ISBN 978-5-7598-3008-5.

4. Абашкин В. Л., Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О. [и др.]. Цифровая экономика: 2025: краткий стат. сб. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025. 120 с. ISBN 978-5-7598-3025-2.

5. Арефьев А. А. Контекстная реклама — инструмент повышения эффективности маркетинговых коммуникаций в Интернете // Научный альманах. 2019. № 3-1 (53). С. 11–14. EDN: DXWKEA.

6. Левченко В. О. Повышение роли контекстной рекламы в маркетинге торговых услуг // Торговля и рынок. 2020. Т. 2, № 4-2 (56). С. 159–165. EDN: UESRLV.

7. Колосова И. А. Контекстная реклама как один из эффективных современных каналов рекламы // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2019. № 20. С. 79–83. EDN: YXBFXF.

8. Сабаяев А. М. Контекстная реклама при продвижении товарного предложения // Социальные науки. 2020. № 2 (29). С. 34–37. EDN: GAQSK.

9. Кравченко В. И. Плюсы и минусы контекстной рекламы в условиях цифровизации современного общества // Миссия профессий. 2024. Т. 13, № 7 (80). С. 109–115. EDN: ATRHXF.

10. Сысоева Т. Л. К вопросу о повышении эффективности контекстной рекламы // Global and Regional Research. 2024. Т. 6, № 4. С. 91–98. EDN: EVVTCE.

11. Вацило А. А., Калейник В. В. Особенности и тренды контекстной рекламы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2022. № 1-1 (81). С. 119–123. EDN: BRGMOV.

12. Сулейманов Д. М., Гузуева Э. Р. Взаимозаменяемость SEO и контекстной рекламы // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-13. С. 179–181. DOI: 10.18411/trnio-12-2023-747. EDN: MOLAIA.

БОРОВСКИХ **Нина Владимировна**, доктор экономических наук, доцент (Россия), профессор кафедры «Экономика и организация труда» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 1176-9845

AuthorID (РИНЦ): 648188

ORCID: 0009-0003-1808-3764

AuthorID (SCOPUS): 57200367111

ResearcherID: KEE-9201-2024

Для цитирования

Боровских Н. В. Виды, платформы размещения и тренды развития контекстной рекламы как инструмента маркетинга в условиях цифровизации // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 160–165. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-160-165. EDN: KEWARC.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025 г.

© Н. В. Боровских

TYPES, PLACEMENT PLATFORMS AND TRENDS IN THE CONTEXTUAL ADVERTISING AS A MARKETING TOOL IN THE DIGITALIZATION CONDITIONS

The relevance of the research is due to the fact that in the context of information technology development and transformation of the marketing complex contextual advertising continues to be one of the main elements of digital marketing communications of enterprises. The aims are to analyze the types of contextual advertising and substantiate the prospects of its development as a tool of digital marketing communications. The objectives are to analyze the processes of digitalization of enterprise marketing activities, to assess the digital platforms for digital advertising, and to identify trends in the contextual advertising development. The result of the study is the identification of trends and prospects for the domestic contextual advertising market.

Keywords: contextual advertising, semantic core of advertising, digital platforms, company website, landing pages, social media account, advertising effectiveness.

References

1. Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O., Gokhberg L. M. [et al.]. Indikatory tsifrovoy ekonomiki: 2021 [Indicators of the digital economy: 2021]. Moscow, 2021. 380 p. ISBN 978-5-7598-2385-8. DOI: 10.17323/978-5-7598-2385-8. EDN: OUNNIJ. (In Russ.).
2. Abdrakhmanova G. I., Vasil'kovskiy S. A., Gokhberg L. M. [et al.]. Indikatory tsifrovoy ekonomiki: 2022 [Indicators of the digital economy: 2022]. Moscow, 2022. 332 p. ISBN 978-5-7598-2697-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2697-2. EDN: PLBXAQ. (In Russ.).
3. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O. [et al.]. Indikatory tsifrovoy ekonomiki: 2024 [Indicators of the digital economy: 2024]. Moscow, 2024. 276 p. ISBN 978-5-7598-3008-5. (In Russ.).
4. Abashkin V. L., Abdrakhmanova G. I., Vishnevskiy K. O. [et al.]. Tsifrovaya ekonomika: 2025: kratkiy stat. sb. [Digital economy: 2025: a brief statistical collection]. Moscow, 2025. 120 p. ISBN 978-5-7598-3025-2. (In Russ.).
5. Aref'yev A. A. Kontekstnaya reklama — instrument povysheniya effektivnosti marketingovykh kommunikatsiy v internete [Contextual advertising is a tool for increasing the effectiveness of marketing communications on the Internet]. Nauchnyy al'manakh. *Science Almanac*. 2019. No. 3-1 (53). P. 11–14. EDN: DXWKEA. (In Russ.).
6. Levchenko V. O. Povysheniye roli kontekstnoy reklamy v marketinge torgovykh uslug [Marketing of trade services in the social networks, the advantages of using contextual advertising]. Torgovlya i rynek. *Trade and Market*. 2020. Vol. 2, no. 4-2 (56). P. 159–165. EDN: UESRLV. (In Russ.).
7. Kolosova I. A. Kontekstnaya reklama kak odin iz effektivnykh sovremennykh kanalov reklamy [Contextual advertising as one of the effective modern advertising channels]. *Aktual'nyye Problemy i Perspektivy Razvitiya Ekonomiki: Rossiyskiy i Zarubezhnyy Opyt*. 2019. No. 20. P. 79–83. EDN: YXBFXF. (In Russ.).
8. Sabayev A. M. Kontekstnaya reklama pri prodvizhenii tovarnogo predlozheniya [Contextual advertising when promoting a product offer]. Sotsial'nyye nauki. *Social-Economic Sciences*. 2020. No. 2 (29). P. 34–37. EDN: GAQSK. (In Russ.).
9. Kravchenko V. I. Plyusy i minusy kontekstnoy reklamy v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva [Pros and cons of contextual advertising in the context of digitalization of modern society]. *Missiya konfessiy. Mission Confessions*. 2024. Vol. 13, no. 7 (80). P. 109–115. EDN: ATRHXF. (In Russ.).
10. Sysoyeva T. L. K voprosu o povyshenii effektivnosti kontekstnoy reklamy [On the issue of improving the effectiveness of contextual advertising]. *Global and Regional Research*. 2024. Vol. 6, no. 4. P. 91–98. EDN: EVVTCE. (In Russ.).
11. Vashchilo A. A., Kaleynik V. V. Osobennosti i trendy kontekstnoy reklamy [Features and trends of contextual advertising]. *Aktual'nyye Nauchnyye Issledovaniya v Sovremennom Mire*. 2022. No. 1-1 (81). P. 119–123. EDN: BRGMOB. (In Russ.).
12. Suleymanov D. M., Guzuyeva E. R. Vzaimozamenyayemost' SEO i kontekstnoy reklamy [Interchangeability of SEO and contextual advertising]. *Tendentsii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*. 2023. No. 104-13. P. 179–181. DOI: 10.18411/trnio-12-2023-747. EDN: MOLAI. (In Russ.).

BOROVSKIKH Nina Vladimirovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Economics and Labor Organization Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 1176-9845
AuthorID (RSCI): 648188
ORCID: 0009-0003-1808-3764
AuthorID (SCOPUS): 57200367111
ResearcherID: KEE-9201-2024

For citations

Borovskikh N. V. Types, placement platforms and trends in the contextual advertising as a marketing tool in the digitalization conditions. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 160–165. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-160-165. EDN: KEWARC.

Received March 28, 2025.
© N. V. Borovskikh

ЦЕНОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД

Исследование направлено на обоснование проблемных вопросов, раскрывающих возможности сценарных вариантов развития ценовой политики в условиях технологического взаимодействия. Рассматриваемые методические подходы применения различных вариантов ценовой политики позволили выделить основные параметры участников технологического взаимодействия: использование ресурсов, изменчивость прибыли и цен, соотношение спроса и предложения на рынке товаров производственного назначения. Основываясь на учете особенностей применяемых методических подходов, можно получить следующие результаты: обосновать число участников технологического взаимодействия; оценить степень их участия на каждом переходе изготовления конечного продукта и выхода его на рынок; определить зависимость достигнутого размера продаж от уровня обоснованности принимаемых решений применительно к ценовой политике и плановому регулированию процессом ценообразования; обеспечить достоверную оценку о складывающихся на рынке спросе и предложении. Указанные особенности повышают вероятность расширения фундаментальных принципов теории неоклассической экономики применительно к малоисследованным аспектам развития ценовой политики в условиях технологического взаимодействия. В рамках процесса использования методических подходов показана практическая применимость сценарного подхода, сфокусированного на осуществлении целей технологического взаимодействия и проявляющегося в развитии прогнозных сценариев ценовой политики, основанной на ключевых параметрах, сочетание которых дает возможность конструировать потенциальные сценарии.

Ключевые слова: ценовая политика, технологическое взаимодействие, сценарный подход, развитие, прибыль, цена.

Введение. Оптимизация результатов производственной деятельности является главной целью любого предприятия реального сектора экономики, что актуализирует проблематику, связанную с процессами формирования и управления прибылью. В современных условиях стремительно быстрых изменений на рынке товаров производственного назначения, а также в связи со структурными изменениями в конкурентной конъюнктуре, эффективное управление производственными процессами, ориентированными на максимизацию прибыли, становится ключевым фактором успеха любой производственной структуры. Актуализируется необходимость в комплексном подходе к формированию прибыли, гибкой системе ценовой политики, контроле за складывающимися на рынке товаров производственного назначения величины спроса и предложения. Разработка сценариев развития ценовой политики, направленных на увеличение прибыли, требует тщательной оценки и постоянного мониторинга технологических возможностей промышленных предприятий, направленных на поиск новых форм взаимодействия, что позволит им адап-

тироваться к изменениям на рынке товаров производственного назначения и достигать своих стратегических целей.

Ориентация промышленных предприятий на увеличение прибыли способствует формированию новых форм взаимодействия. Так, объединение технологических потенциалов промышленных предприятий позволяет им становиться участниками и функционировать в рамках технологического взаимодействия, что не снижает степени их самостоятельности и независимости, а, наоборот, стимулирует разработку и внедрение стратегий и тактик, направленных на увеличение выручки, оптимизацию затрат и повышение доходности производственной деятельности. Основным аспектом достижения устойчивого роста прибыли становится использование всего арсенала и возможностей ценообразования. Рациональное использование технологического потенциала промышленных предприятий также следует отнести к важнейшим аспектам достижения устойчивого роста и максимизации прибыли. Технологический потенциал, включающий в себя все технологические ресурсы

(технологические процессы, современные конкурентоспособные технологии, технологические разработки и проекты), приобретает общедоступный характер.

Эффективное управление технологическими ресурсами позволяет не только повысить производительность труда, но и значительно обеспечить рост доходности каждого участника технологического взаимодействия. Рыночная направленность использования технологических ресурсов позволяет минимизировать затраты на технологическую подготовку производства и повысить конкурентоспособность выпускаемых продуктов.

Исследование проблем ценовой политики в условиях технологического взаимодействия в конкурентных условиях рынка товаров производственного назначения приобретает актуальное значение исходя из складывающихся условий:

— обоснованность сценарного подхода к развитию ценовой политики в реальном секторе экономики с выявлением причинно-следственных связей факторов цены: рыночный спрос и предложение, цены и объемы выпускаемых товаров участниками технологического взаимодействия, прибыль;

— целевая направленность максимизации генерируемой прибыли в соответствии с технологическими ресурсами предприятия и конъюнктурой, сложившейся на современном рынке товаров производственного назначения.

Обзор литературы. Трансформация сложившихся экономических процессов продиктована необходимостью дополнительных исследований в области ценовой политики в условиях технологического взаимодействия на уровне предприятий реального сектора экономики. Результаты проводимых исследований позволяют подтвердить, что разработка и реализация ценовой политики осуществляется в контексте стратегической направленности субъекта хозяйствования, ориентированного, в том числе, на определенный сегмент рынка, в частности рынка товаров производственного назначения [1–8]. Исследователями подчеркивается, что процесс ценообразования носит многогранный характер, раскрывает корреляцию цены и ценообразующих параметров, отражает технологические особенности ее формирования и способность к изменениям во времени [2, с. 36–39]. Большое внимание исследователями уделяется выявлению факторов, оказывающих наибольшее влияние на ценовую политику. Так, на основании учета внутренних факторов конкретизируется специфика продуктов, подлежащих реализации, раскрываются тактические цели предприятий, определяются объемы продаж, осуществляется контроль качества производимых продуктов. Внешние факторы в большей мере оказывают влияние на выявление спроса на производимые продукты, оценку уровня конкуренции на рынке, установление партнерских взаимоотношений [4]. Следовательно, акценты научных исследований направлены на процессы выявления сценарных вариантов развития ценовой политики с учетом современных изменений, в частности в условиях технологического взаимодействия участников рынка товаров производственного назначения [9–15]. Наряду с этим важность применения сценарного подхода в целях достижения устойчивого технологического взаимодействия обуславливается целями ценовой политики, ориентированной на продвижение своих продуктов на рынок. Определяющую роль играют решения о вариантах установления вы-

соких, средних или низких ценовых параметров. Решение обозначенных проблемных аспектов требует глубокого анализа рынка, оперативного управления ценами, адаптации к меняющимся конкурентным условиям, согласованности ценовой политики с общей стратегией каждого участника технологического взаимодействия.

Методология исследования. Целесообразность применения общенаучных методов подтверждается следующими доводами. Назначение метода обобщения состоит в возможности раскрытия сущности ценовой политики в условиях технологического взаимодействия. Метод конструирования понятий направлен на развитие терминологической основы концептуальных элементов, раскрывающих ценовую политику участников технологического взаимодействия. Использование метода аргументации ориентировано на раскрытие вариантов выбора сценариев ценовой политики, позволяющих выделить принципиально новые параметры применительно к условиям рынка товаров производственного назначения. Благодаря методу логики будет обоснована действенность алгоритма достижения прибыли с учетом соотношения спроса и предложения относительно каждого технологического периода.

К числу примененных при исследовании методологических подходов отдано предпочтение матричному и сценарному подходам. Матричный подход ориентирован на выявление характера изменений исследуемых показателей участников технологического взаимодействия. Сценарный подход позволит определить варианты изменения цен в зависимости от ситуации, складывающейся на рынке товаров производственного назначения. Применение модели межотраслевого баланса Леонтьева в качестве методического инструментария позволит произвести аналитические расчеты сценариев оценки участников технологического взаимодействия на основе их ключевых параметров, включающих компоненты матрицы, потребление ресурсов, цены и изменения уровня цен.

Результаты исследования. Исходя из необходимости отслеживания процедур, связанных с ценовой политикой, а также процессов, протекающих на рынке товаров производственного назначения, следует воспользоваться основополагающими принципами теории неоклассической экономики. В целях определения векторной направленности трансформации установленных цен, стоимостного объема произведенного продукта и сложившихся затрат следует ввести и соблюдать ряд допущений:

— на рынке товаров производственного назначения осуществляет свою деятельность определенное количество участников, занимающихся поставками необходимых для производства ресурсов;

— другие участники рынка ориентированы на изготовление и поставку необходимых комплектующих изделий;

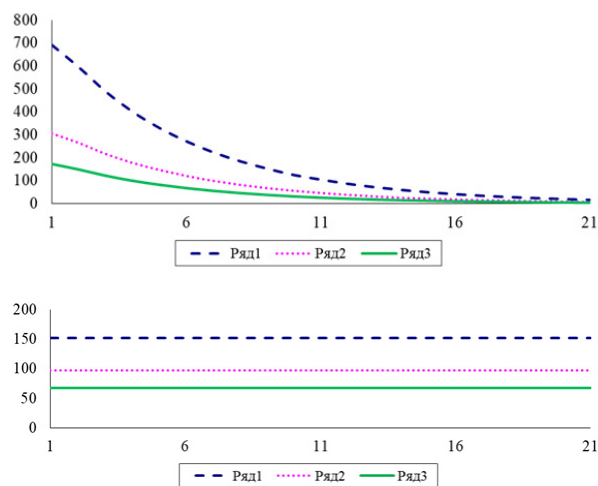
— третья группа участников рынка является производителями конечного продукта.

Все без исключения участники рынка товаров производственного назначения располагают возможностью влиять на уровень цены, величина которой будет зависеть от сложившегося на рынке спроса и объема, предназначенного для реализации изготовленного продукта. Сведения, связанные с вероятностью рыночных колебаний спроса, находятся в корреляционной зависимости от количества поставленного на рынок продукта всеми без

исключения партнерами технологического взаимодействия. Тем самым имеющимися сведениями о спросе и формирующемся объеме продаж не могут воспользоваться участники рынка товаров производственного назначения, не входящие в число участников технологического взаимодействия. Непосредственные участники технологического взаимодействия располагают достоверными сведениями об объемах продаж каждого из них. Доступность информации является основой повышения эффективности ценообразования. Участники технологического взаимодействия получают определенную свободу в принятии обоснованных решений касательно ценовой политики, что гарантирует достижение высокого уровня продаж.

Ценовая политика напрямую связана с упорядочением товарных потоков участников технологического взаимодействия и определяется, в таком случае, возникновением прецедента технологического перехода. На каждом из технологических переходов возникает необходимость в информации об объемах изготовленного продукта, что сказывается на процессе ценообразования, который, с одной стороны, зависит от технологических затрат на изготовление продукта, а с другой — от его технологической трудоемкости. В сложившихся условиях характер цены может меняться. Во-первых, она может не зависеть как от цен, сложившихся у конкурентов за аналогичные продукты, так и от цен, предлагаемых участниками технологического взаимодействия. Во-вторых, цена на каждом технологическом переходе может изменяться на расчетную величину, учитывающую размер понесенных технологических затрат и ценовые предложения рыночных конкурентов. При этом конечный технологический переход ориентирован на рыночный сбыт готового продукта. В-третьих, ситуация, когда результат конечного технологического перехода рассматривается как появление нового готового продукта на рынке товаров производственного назначения. При этом цена изменяется на расчетную величину соразмерной с объемом потребленных ресурсов технологической трудоемкостью и ценовыми предложениями конкурентов.

Обладая таким преимуществом, как доступность к плановому регулированию ценообразованием, участники технологического партнерства нивелируют ценовые риски, поскольку, если у них цены будут выше, чем у конкурентов за аналогичные продукты, это может привести к потере покупателей и падению объемов продаж. Тем самым участники технологического взаимодействия способны контролировать изменение цен на уровне всех технологических переходов: «поставщики необходимых комплектующих изделий», «производители конечного продукта», включая переход, ориентированный на запросы рынка товаров производственного назначения. Такое положение участников технологического взаимодействия, связанное с наличием оперативных сведений, обладает рядом преимуществ: своевременное получение данных, связанных с прогнозированием спроса и, тем самым, эффективное использование производственных мощностей и нивелирование технологических потерь; проведение ценовой политики в соответствии со стратегией своего развития, снижение дисбаланса между ценами и стратегическими целями; кардинально увеличить прибыльность каждого участника технологического взаимодействия.

Примечание. Здесь и далее:

ряд 1 — значения (параметры) первого участника технологического взаимодействия;
ряд 2 — значения (параметры) второго участника технологического взаимодействия;
ряд 3 — значения (параметры) третьего участника технологического взаимодействия.

Рис. 1. Характер изменений вектора спроса на конечный продукт (сценарий неизменности цены).

Источник: рассчитано автором

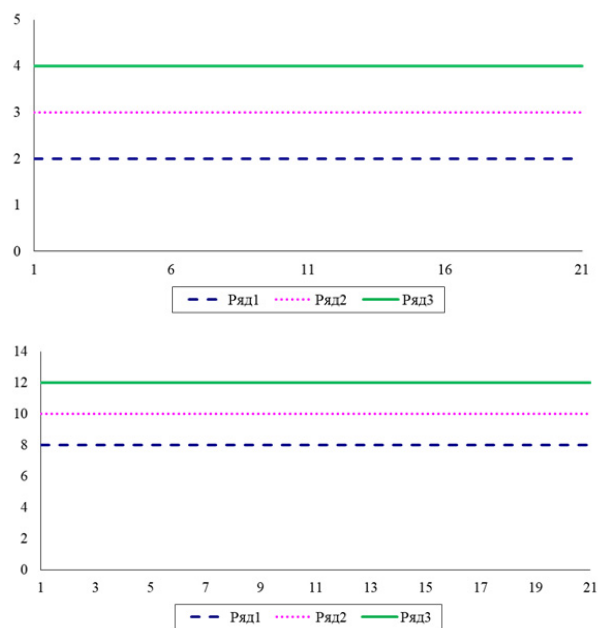

Рис. 2. Характер изменений вектора цен (сценарий неизменности цены).

Источник: рассчитано автором

Наличие особенностей и явных преимуществ технологического взаимодействия расширяет возможные варианты сценариев проведения ценовой политики на рынке товаров производственного назначения. Так, первый вариант ценовой политики, ориентированный на сохранение ценового сегмента рынка участниками технологического взаимодействия, предусматривает наличие фиксированных цен. Суть данного сценария заключается в том, что все участники технологического взаимодействия устанавливают цены исходя из собственного представления рыночной конъюнктуры. Общим для

Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, производящих конечный продукт при неизменных ценах

№ п/п	Параметры 1		Участники технологического взаимодействия		
			2	3	
1.	Составляющие матрицы, A_i	минимальные	0,15		
		средние		0,25	
		максимальные			0,35
2.	Использование ресурсов, C_i	наименьшее	0,15		
		среднее		0,25	
		наибольшее			0,35
3.	Цены, P_i	минимальные	9		
		средние		11	
		максимальные			12
4.	Динамика цен, K_{pi}	фиксированные	0		
				0	
					0

Источник: рассчитано автором

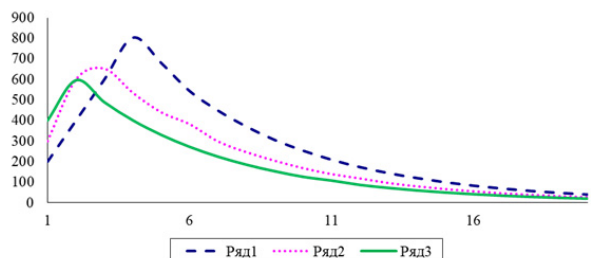
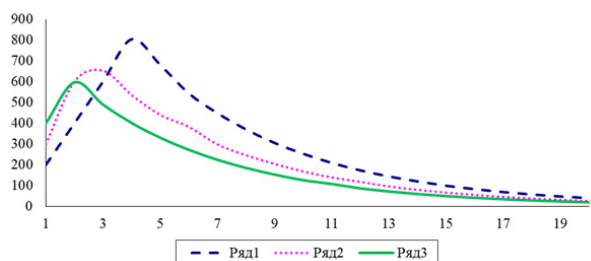

Рис. 3. Характер изменений вектора прибыли (сценарий неизменности цены).
Источник: рассчитано автором

Таблица 1

Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, поставляющих необходимые комплектующие изделия при неизменных ценах

№ п/п	Параметры		Участники технологического взаимодействия		
			1	2	3
1.	Составляющие матрицы, A_i	минимальные	0,15		
		средние		0,25	
		максимальные			0,35
2.	Использование ресурсов, C_i	минимальное	0,15		
		среднее		0,25	
		максимальное			0,35
3.	Цены, P_i	минимальные	3		
		средние		4	
		максимальные			5
4.	Динамика цен, K_{pi}	фиксированные	0		
				0	
					0

Источник: рассчитано автором

всех участников является условие неизменности цены при изменении спроса (рис. 1, 2, 3). Для выявления характера изменений исследуемых показателей будет применен матричный подход, а методическим инструментом будет являться положение модели межотраслевого баланса Леонтьева (табл. 1, 2). Как результат, на основе достигнутых величин запланированных параметров каждого участника технологического взаимодействия наибольшая прибыль достанется тому из них, кто сумеет избежать снижения уровня доходности готовых продуктов на заключительном технологическом переходе.

Второй сценарий ценовой политики предусматривает оценку состояния участников технологи-

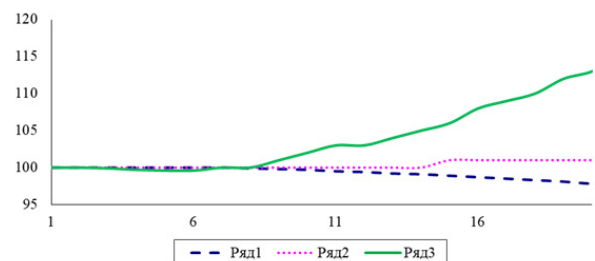
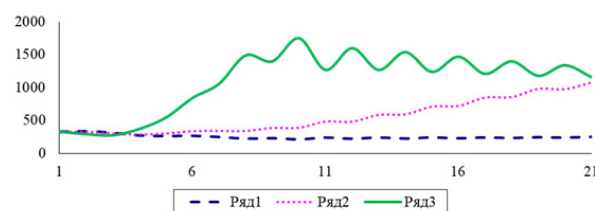

Рис. 4. Характер изменений вектора спроса на конечный продукт (сценарий регулируемых цен).
Источник: рассчитано автором

ческого взаимодействия на рынке товаров производственного назначения исходя их регулируемых цен (рис. 4, 5, 6). Суть второго сценария состоит в возможности регулирования участниками технологического взаимодействия своих цен на основе получаемой информации об изменениях величины спроса (табл. 3, 4). Как результат, на основе достигнутых величин запланированных параметров каждого участника технологического взаимодействия наибольшая прибыль достанется тому из них, кто будет использовать гибкое регулирование ценой относительно своего конечного продукта, принимая во внимание рыночный спрос на этот продукт. Размер прибыли будет зависеть от мобильности и состава участников технологического взаимодействия.

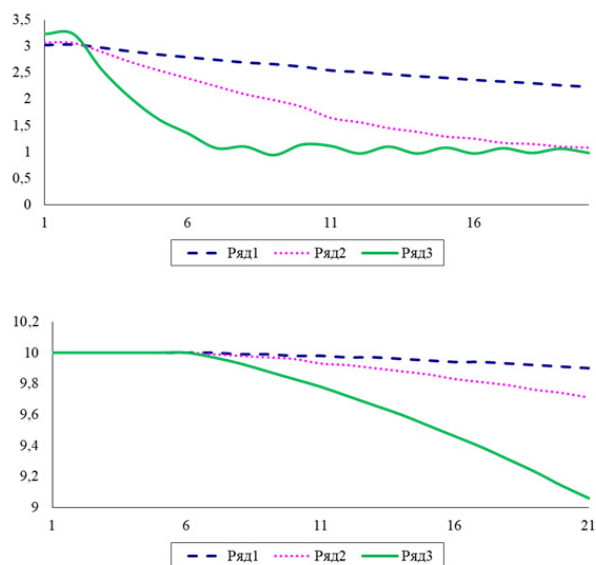

Рис. 5. Характер изменений вектора цен (сценарий регулируемых цен).
Источник: рассчитано автором

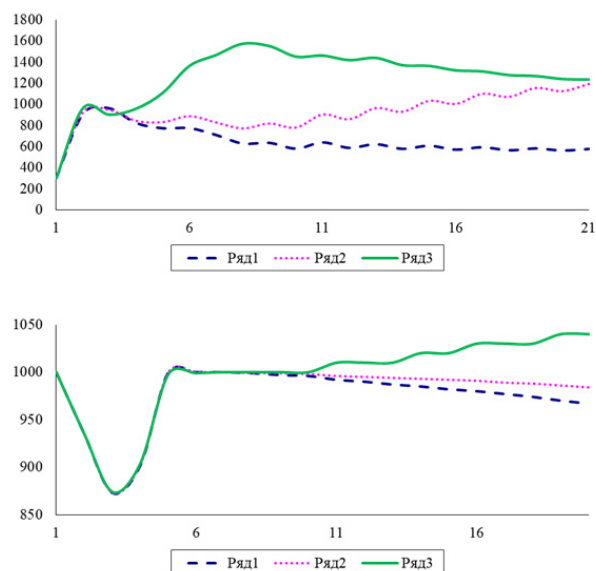

Рис. 6. Характер изменений вектора прибыли (сценарий регулируемых цен).
Источник: рассчитано автором

Особенность третьего сценария заключается в оценке состояния участников технологического взаимодействия на рынке товаров производственного назначения при условии, когда две группы реализуют производственный процесс исходя их регулируемых цен, в то же время третья группа осуществляет производственный процесс, используя фиксированных цен. Согласно данному сценарию (рис. 7, 8, 9), две группы участников технологического взаимодействия осуществляют регулирование цен на основе информации об изменениях величины спроса, третья группа — сохраняют фиксированные цены (табл. 5, 6). Как результат, на основе полученных расчетным путем данных можно утверждать, что при использовании рассматриваемого сценария ценовой политики наименьшую прибыль будет иметь та группа участников, которая осуществляет производственный про-

Таблица 3

Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, поставляющих необходимые комплектующие изделия при регулируемых ценах

№ п/п	Параметры	Участники технологического партнерства		
		1	2	3
1.	Составляющие матрицы, A_i	0,15	0,15	0,15
2.	Использование ресурсов, C_i	0,15	0,15	0,15
3.	Цены, P_i	4	4	4
4.	Динамика цен, K_{pi}	0,0002	0,0004	0,002

Источник: рассчитано автором

Таблица 4

Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, производящих конечный продукт при регулируемых ценах

№ п/п	Параметры	Участники технологического партнерства		
		1	2	3
1.	Составляющие матрицы, A_i	0,15	0,15	0,15
2.	Использование ресурсов, C_i	0,15	0,15	0,15
3.	Цены, P_i	8	8	8
4.	Динамика цен, K_{pi}	0,0002	0,0004	0,002

Источник: рассчитано автором

цесс исходя из фиксированных цен на конечный продукт.

Обобщая результаты рассмотрения трех сценариев ценовой политики, можно заключить, что аналитическое трактование оценивания участников технологического взаимодействия содержательно представительно и осуществляется исходя из характера изменений вектора прибыли любого участника технологического взаимодействия, сконцентрированного на основе определенных параметров:

— в первом сценарии оценка осуществлялась исходя из установления каждым участником технологического взаимодействия цен с учетом индивидуального представления рыночной ситуации, когда цены фиксируются на постоянном уровне, в то время как спрос меняется. Опираясь на полученные значения, принимая во внимание сформировавшиеся требования к оцениванию, делается понятным, что наиболее высокую прибыль получает участник технологического взаимодействия, предложивший более высокую цену на готовый продукт;

— во втором сценарии оценка выполнялась, основываясь на определении участниками технологического взаимодействия цен, по информации, отражающей величину изменения спроса. Основываясь на достигнутых расчетных данных, можно зафиксировать ситуацию, при которой максимальную прибыль получит участник технологического взаи-

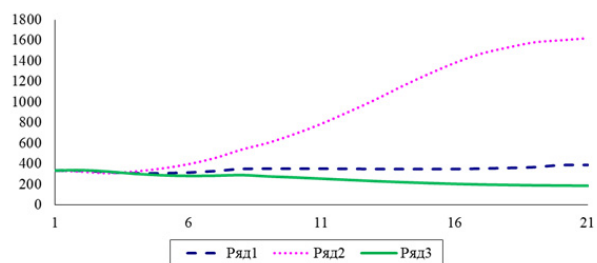

Рис. 7. Характер изменений вектора спроса на конечный продукт (сценарий комбинирования установления цен).
Источник: рассчитано автором

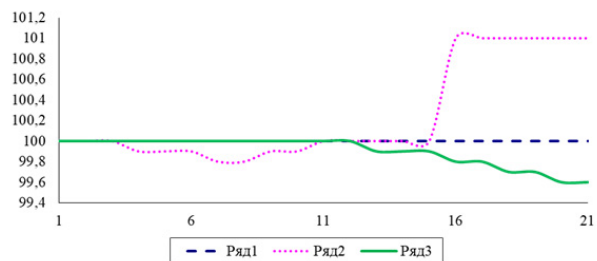

Рис. 8. Характер изменений вектора цен (сценарий комбинированного установления цен).
Источник: рассчитано автором

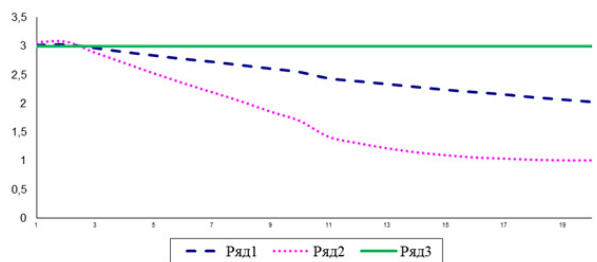

Рис. 9. Характер изменений вектора прибыли (сценарий комбинированного установления цен).
Источник: рассчитано автором

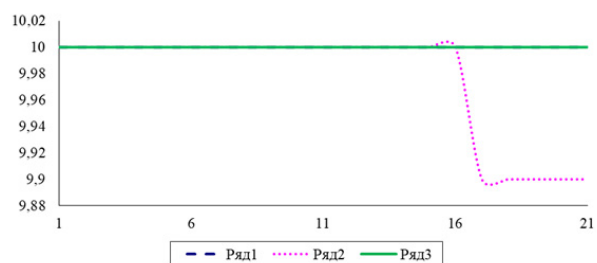

Таблица 5
Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, поставляющих необходимые комплектующие изделия, как при регулируемых ценах, так и при фиксированных ценах

№ п/п	Параметры	Участники технологического взаимодействия		
		1	2	3
1.	Составляющие матрицы, A_i	0,15	0,15	0,15
2.	Использование ресурсов, C_i	0,15	0,15	0,15
3.	Цены, P_i	4	4	4
4.	Динамика цен, Kp_i	0,0002	0,0004	0,0

Источник: рассчитано автором

Таблица 6

Сценарий оценки участников технологического взаимодействия, производящих конечный продукт, как при регулируемых ценах, так и при фиксированных ценах

№ п/п	Параметры	Участники технологического взаимодействия		
		1	2	3
1.	Составляющие матрицы, A_i	0,15	0,15	0,15
2.	Использование ресурсов, C_i	0,15	0,15	0,15
3.	Цены, P_i	8	8	8
4.	Динамика цен, Kp_i	0,0002	0,0004	0,0

Источник: рассчитано автором

действия, проявивший гибкость в регулировании ценовых изменений на свой конечный продукт в зависимости от спроса на этот продукт;

— третий сценарий отличается от предыдущих тем, что не все участники рынка товаров производственного назначения ведут себя одинаково. Так, два участника технологического взаимодействия, ориентируясь на величину спроса, осуществляют регулирование цены на свои продукты. Третий участник оставляет цены неизменными, фиксированными. По результатам расчетов можно заключить, что наименьшую прибыль имеет участник технологического взаимодействия, ориентированный производственный процесс на применение фиксированных цен на конечный продукт;

— по результатам оценки участников технологического взаимодействия можно констатировать,

что как участники технологического взаимодействия будут устанавливать цены на свои продукты, определяет их ценовая политика. Она включает в себя решения о том, будут ли участники технологического взаимодействия устанавливать высокие, низкие или средние цены, каким образом будут реагировать на ценовые изменения конкурентов. Также участники технологического взаимодействия, исходя из собственных стратегических позиций, ориентированы на принятие решений, связанных с вопросами оптимизации производственных процессов, соблюдения последовательности технологических переходов, сокращения операционных расходов, снижения затрат на поставляемые для производства ресурсы и комплектующие изделия. Фактически, участники технологического взаимодействия имеют оперативные сведения о стоимости производимых продуктов и, тем самым, могут спрогнозировать сценарные варианты достижения максимальной прибыльности (рис. 3), обеспечения финансовой стабильности, повышения конкурентоспособности своих продуктов и завоевание устойчивого положения на рынке товаров производственного назначения.

Применяемый методический подход позволяет участникам технологического взаимодействия своевременно вносить коррективы в технологические и производственные процессы, оптимизировать процессы формирования своих доходов, основываясь на оценке сценарных вариантов ценовой политики, управлять затратами путем контроля над производственными ресурсами (рис. 4). Рыночная стабильность или нестабильность может оказывать значительное влияние на производственную деятельность участников технологического взаимодействия. В случае ужесточения рыночной ситуации они будут вынуждены нести дополнительные затраты на собственные производственные процессы, что может привести к повышению цен на их продукты. Повышение цен (рис. 6), в свою очередь, может снизить спрос на производимые продукты и в конечном счете привести к финансовой нестабильности. Снижение спроса и увеличение затрат на производство могут негативно отразиться на показателе прибыли каждого участника технологического взаимодействия. Рыночные изменения могут привести к неопределенности и повышенным рискам для участников технологического взаимодействия, что приведет к временным затратам в части адаптации к новым рыночным условиям и требованиям. У участников технологического взаимодействия, оперативно реагирующих на рыночные потребности, просматривается устойчивая тенденция к достижению положительного конечного результата. Как факт, они имеют реальную возможность получить максимальную прибыль в сравнении с другими участниками, которые медленно реагируют на изменения рыночной конъюнктуры.

Данные на рис. 7, 8 и 9 позволяют наглядно проиллюстрировать системное взаимодействие всех участников друг с другом. Как результат, участники, ориентирующиеся на фиксированные цены, обладают меньшими возможностями получения прибыли. В противоположность этому участники, оперативно реагирующие на меняющуюся рыночную конъюнктуру, заблаговременно предпринимают надеждающие действия и будут иметь больше шансов получения максимальной величины прибыли.

Заключение. Разработка сценариев развития ценовой политики представляет собой сложный

динамичный процесс и зачастую обладает специфическими свойствами. Направление развития технологического взаимодействия подвержено влиянию как организационно-управленческих, так и технико-технологических изменений в деятельности его участников. Системное отслеживание направлений развития технологического взаимодействия дает возможность вносить необходимые коррективы в показатели производственной деятельности.

Осуществимость реализации исследуемых задач и достижимость прогнозируемых результатов имеют высокую степень вероятности по следующим основаниям:

— исследование актуальных направлений трансформации ценовой политики, связанной с технико-технологическими тенденциями развития технологического взаимодействия участников реального сектора экономики;

— обоснованность исследуемых проблем ценовой политики, основанной на современных, перспективных, реальных научных результатах.

Матричный подход ориентирован на расширение методического инструментария организационно-управленческой подготовки к подбору участников технологического взаимодействия с учетом многообразия вариантов изменения параметров их производственной деятельности. Практическое значение исследования направлено на наращивание возможностей по расширению круга участников технологического взаимодействия с учетом их технологической готовности и способности проведения гибкой ценовой политики, направленной на достижение прибыльных результатов деятельности.

Список источников

1. Егоркина Т. А., Измайлов А. Т., Головачанская М. А. [и др.]. Совершенствование механизма управления прибылью предприятия // *Russian Journal of Management*. 2022. Т. 10, № 4. С. 78–82. DOI: 10.29039/2409-6024-2022-10-4-78-82. EDN: DHNLWA.
2. Лухуташвили Г. Г. Особенности ценообразования в условиях рыночной конкуренции // *Вопросы экономики и управления*. 2017. № 1 (8). С. 36–39. EDN: XVNBZV.
3. Ляндау Ю. В., Судаков Д. К. Разработка стратегии развития и финансовой стратегии компании // *Вестник российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2025. Т. 22, № 1 (39). С. 61–72. DOI: 10.21686/2413-2829-2025-1-61-72. EDN: JFNLUU.
4. Малюгин Д. А. Факторы ценовой политики в условиях современной экономики // *Бизнес и общество*. 2023. № 2 (38). EDN: AEKRNJ. URL: http://business-society.ru/2023/2-38/34_maljugin.pdf (дата обращения: 20.12.2024).
5. Мишина С. В. Ценообразование и ценовая политика в организации // *Continuum. Математика. Информатика. Образование*. 2020. № 3 (19). С. 109–116. DOI: 10.24888/2500-1957-2020-3-109-116. EDN: LCOKMK.
6. Попова И. Н. Особенности управления прибылью на промышленном предприятии // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 8. С. 411–414. EDN: BOHXDO.
7. Рожков И. В. Взаимосвязь ценовой политики, стратегии и методологии в процессе управления ценами // *Экономика и управление в машиностроении*. 2019. № 5. С. 4–6. EDN: NRZOHE.
8. West S., Kajawski D., Schmitt P. Service pricing strategies for maintenance services // *Conference: EurOMA 2016. Trondheim, 2019*. URL: https://www.researchgate.net/publication/304272121_Service_pricing_strategies_for_maintenance_services (дата обращения: 20.12.2024).

9. Акбердина В. В., Пьянкова С. Г. Методологические аспекты цифровой трансформации промышленности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. С. 292–312. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313. EDN: WCJPRL.
10. Белоусов Д. Р. О сопоставлении структурного и морфологического подходов к моделированию долгосрочных социально-экономических процессов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5 (206). С. 59–71. DOI: 10.47711/0868-6351-206-59-71. EDN: QRSZMH.
11. Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю. О механизмах стимулирования внутреннего спроса как ключевого фактора роста экономики // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 114–129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9. EDN: OCXXRI.
12. Дерябин Ю. А. Условия и факторы развития технологического взаимодействия промышленных предприятий // Актуальные вопросы управления экономикой современной России: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 88–97. EDN: TGWZRC.
13. Шаститко А. Е., Павлова Н. С., Мелешкина А. И. Национальная система ценовых индикаторов: от теории к практике // Вопросы экономики. 2024. № 12. С. 86–109. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-12-86-109. EDN: FOMAFI.
14. Maggi B. ICT stochastic externalities, technology innovation and business services: is there an evidence of missed opportunity growth? // Economics of Innovation and new Technology. 2019. Vol. 28, no. 3. P. 265–278. DOI: 10.1080/10438599.2018.1483485.
15. Wu W. Y., Nguyen P. T. The antecedents of dynamic service Innovation Capabilities: the moderating roles of market dynamism and market orientation // International journal of innovation management. 2019. Vol. 23, no. 7. P. 1–30. DOI: 10.1142/S136391961950066X.

МИЛЛЕР Александр Емельянович, доктор экономических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «Экономика и финансы» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.
SPIN-код: 7023-6349
AuthorID (РИНЦ): 383531
AuthorID (SCOPUS): 56712204000
ResearcherID: R-2948-2016
Адрес для переписки: aem55@yandex.ru

Для цитирования

Миллер А. Е. Ценовая политика в условиях технологического взаимодействия: сценарный подход // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 166–174. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-166-174. EDN: LHLPKM.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024 г.
© А. Е. Миллер

UDC 338.012
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-166-174
EDN: LHLPKM

A. E. MILLER

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

PRICING POLICY IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL INTERACTION: A SCENARIO APPROACH

The research is aimed at substantiating the problematic issues that reveal the possibilities of scenario options for the development of pricing policy in the conditions of technological interaction. The considered methodological approaches of applying different variants of pricing policy allowed us to identify the main parameters of the participants of technological interaction: the use of resources, profit and price variability, the ratio of supply and demand in the market of production goods. Based on taking into account the features of the applied methodological approaches, it is possible to obtain the following results: to justify the number of participants of technological interaction; to estimate the degree of their participation at each transition of manufacturing of the final product and its entry into the market; to determine the dependence of the achieved size of sales on the level of validity of decisions made in relation to pricing policy and planned regulation of the pricing process; to provide a reliable assessment of the emerging market demand and supply. These features increase the likelihood of extending the fundamental principles of the theory of neoclassical economics in relation to the little-explored aspects of price policy development in the conditions of technological interaction. In the framework of the process of using methodological approaches, the practical applicability of the scenario approach, focused on the implementation of the goals of technological interaction and manifested in the development of forecast scenarios of pricing policy based on key parameters, the combination of which make it possible to construct potential scenarios.

Keywords: pricing policy, technological interaction, scenario approach, development, profit, price.

References

1. Egorkina T. A., Izmaylov A. T., Golovchanskaya M. A. [et al.]. Sovershenstvovaniye mekhanizma upravleniya pribyl'yu predpriyatiya [Improving the mechanism for managing the profit of the enterprise]. *Russian Journal of Management*. 2022. Vol. 10, no. 4. P. 78–82. DOI: 10.29039/2409-6024-2022-10-4-78-82. EDN: DHHLWA. (In Russ.).
2. Lukhutashvili G. G. Osobennosti tsenoobrazovaniya v usloviyakh rynochnoy konkurentsii [Features of pricing in market competition]. *Voprosy Ekonomiki i Upravleniya*. 2017. No. 1 (8). P. 36–39. EDN: XVNBZV. (In Russ.).
3. Lyandau Yu. V., Sudakov D. K. Razrabotka strategii razvitiya i finansovoy strategii kompanii [Elaborating development strategy and finance strategy of company]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2025. Vol. 22, no. 1 (39). P. 61–72. EDN: JFNLUA. (In Russ.).
4. Maljugin D. A. Faktory tsenovoy politiki v usloviyakh sovremennoy ekonomiki [Pricing policy factors in the modern economy]. *Biznes i obshchestvo. Business and Society*. 2023. No. 2 (38). EDN: AEKRNJ. URL: http://business-society.ru/2023/2-38/34_maljugin.pdf (accessed: 20.12.2024). (In Russ.).
5. Mishina S. V. Tsenoobrazovaniye i tsenovaya politika v organizatsii [Pricing and pricing policy in the organization]. *Continuum. Matematika. Informatika. Obrazovaniye. Continuum. Mathematics. Computer Science. Education*. 2020. No. 3 (19). P. 109–116. DOI: 10.24888/2500-1957-2020-3-109-116. EDN: LCOKMK. (In Russ.).
6. Popova I. N. Osobennosti upravleniya pribyl'yu na promyshlennom predpriyatii [The specifics of profit management in an industrial enterprise]. *Innovatsii i investitsii. Innovation and Investment*. 2023. No. 8. P. 411–414. EDN: BOHXDO. (In Russ.).
7. Rozhkov I. V. Vzaimosvyaz' tsenovoy politiki, strategii i metodologii v protsesse upravleniya tsunami [Interrelation of price policy, strategy and methodology in the price management process]. *Ekonomika i upravleniye v mashinostroyenii. Economics and Management in Engineering*. 2019. No. 5. P. 4–6. EDN: NRZOHE. (In Russ.).
8. West S., Kajawski D., Schmitt P. Service pricing strategies for maintenance services // *Conference: EurOMA 2016*. Trondheim, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/304272121_Service_pricing_strategies_for_maintenance_services (accessed: 20.12.2024). (In Engl.).
9. Akberdina V. V., P'yankova S. G. Metodologicheskiye aspekty tsifrovoy transformatsii promyshlennosti [Digital transformation of industry: methodological aspects]. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. VEO of Russia*. 2021. Vol. 227. P. 292–312. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-292-313. EDN: WCJPRL. (In Russ.).
10. Belousov D. R. O sopostavlenii strukturnogo i morfologicheskogo podkhodov k stsenirovaniyu dolgosrochnykh

sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov [On the comparison of structural and morphological approaches to staging long-term socio-economic processes]. *Problemy prognozirovaniya. Problems of Forecasting*. 2024. No. 5 (206). P. 59–71. DOI: 10.47711/0868-6351-206-59-71. EDN: QRSZMH. (In Russ.).

11. Ershov M. V., Tanasova A. S., Sokolova E. Yu. O mekhanizmkh stimulirovaniya vnutrennego sprosa kak klyuchevogo faktora rosta ekonomiki [Stimulating domestic demand as a key factor of economic growth]. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. 2021. Vol. 17, no. 1. P. 114–129. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-9. EDN: OCXXRI. (In Russ.).

12. Deryabin Yu. A. Usloviya i faktory razvitiya tekhnologicheskogo vzaimodeystviya promyshlennykh predpriyatii [Conditions and factors of technological interaction development of industrial enterprises] // *Aktual'nyye voprosy upravleniya ekonomikoy sovremennoy Rossii*. Saint Petersburg, 2020. P. 88–97. EDN: TGWZRC. (In Russ.).

13. Shastitko A. E., Pavlova N. S., Meleshkina A. I. Natsional'naya sistema tsenovykh indikatorov: ot teorii k praktike [National system of price indicators: from theory to practice]. *Voprosy ekonomiki*. 2024. No. 12. P. 86–109. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-12-86-109. EDN: FOMAFI. (In Russ.).

14. Maggi B. ICT stochastic externalities, technology innovation and business services: is there an evidence of missed opportunity growth? *Economics of Innovation and New Technology*. 2019. Vol. 28, no. 3. P. 265–278. DOI: 10.1080/10438599.2018.1483485. (In Engl.).

15. Wu W. Y., Nguyen P. T. The antecedents of dynamic service Innovation Capabilities: the moderating roles of market dynamism and market orientation. *International Journal of Innovation Management*. Vol. 23, no. 7. P. 1–30. DOI: 10.1142/S136391961950066X. (In Engl.).

MILLER Alexander Emelianovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Economics and Finance Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 7023-6349

AuthorID (RSCI): 383531

AuthorID (SCOPUS): 56712204000

ResearcherID: R-2948-2016

Correspondence address: aem55@yandex.ru

For citations

Miller A. E. Pricing policy in the context of technological interaction: a scenario approach. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 166–174. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-166-174. EDN: LHLPKM.

Received December 26, 2024.

© A. E. Miller

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Серия Общество. История. Современность

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя и редакции: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 424;
тел. (3812) 65-32-08; e-mail: onv@omgtu.ru

Адрес типографии: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 333;
тел. (3812) 65-32-08.